

экономические и социальные перемены

№ 4 (182)
июль — август 2024

СОЦИОЛОГИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ

ГРАЖДАНСКОЕ
УЧАСТИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА

МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Бирюкова Светлана Сергеевна —
кандидат экономических наук, главный научный сотрудник
Института социальной политики НИУ ВШЭ

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2024. — № 4 (182). — 332 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

В. Б. Звоновский, А. В. Ходыкин

Проблемы достижимости респондентов
в опросах о российско-украинском конфликте 3

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

К. А. Галкин

Трансформация агентности молодежи и пожилых людей
в период пандемии COVID-19 27

Д. В. Мальцева, Т. Е. Щеглова, В. А. Ващенко, С. П. Моисеев

Городское здоровье: выделение актуальных трендов исследований
в научной литературе 46

В. Д. Курганская, З. К. Шаукенова, В. Ю. Дунаев, Г. А. Абрахматова

Репатрианты в Казахстане: анализ проблем интеграции
в социологическом измерении 67

МЕДИАСОЦИОЛОГИЯ

Д. В. Петрова

Потребление новостей в сельской местности: (не)доверие и стратегии
верификации информации 91

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: июль — август 2024 115

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

И. В. Дворецкая, Т. А. Мерцалова

Возможности и предпочтения учителей в выборе способов развития
компетенций использования цифровых образовательных технологий 126

Е. Д. Слободенюк, А. В. Каравай, С. В. Мареева

Включенность россиян в образовательные практики,
формирующие человеческий капитал 148

ИССЛЕДОВАНИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

С. К. Волков, О. Е. Акимова, А. Б. Симонов

Отношение студентов к научной карьере:
кейс Волгоградского государственного технического университета..... 170

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

В. К. Антонова, М. Ю. Александрова, Д. И. Присяжнюк, Т. А. Рябиченко

Профессиональная идентичность HR-менеджера как фактор
инклюзивного найма и развития женщин в российских компаниях 194

СОЦИОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

А. В. Ларионов

Кредитное поведение граждан России в период пандемии COVID-19..... 219

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Н. Л. Русинова, В. В. Сафронов

Медиации статусных неравенств в здоровье: зависимость эффектов
социального капитала от возраста 243

Ю. А. Крашенинникова, Н. Д. Юхневич

Неявные факторы, влияющие на мнения жителей малых городов
и сельской местности о здравоохранении 266

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ

А. Б. Белоусов, Д. А. Давыдов

Городские пространственные конфликты в Новосибирске:
изучение общей динамики 292

Л. Е. Ильичева, Е. В. Паршина, А. В. Лапин, М. В. Ильичева

Взаимодействие государства и гражданского общества:
анализ оценок эффективности политики социального партнерства
на основе опросов москвичей..... 315

DOI: [10.14515/monitoring.2024.4.2549](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2549)**В. Б. Звоновский, А. В. Ходыкин****ПРОБЛЕМЫ ДОСТИЖИМОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ
В ОПРОСАХ О РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ КОНФЛИКТЕ****Правильная ссылка на статью:**

Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Проблемы достижимости респондентов в опросах о российско-украинском конфликте // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 3—26. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2549>.

For citation:

Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. (2024) Problem of Response Rates in Surveys on the Russian-Ukrainian Conflict. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 3–26. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2549>. (In Russ.)

Получено: 28.12.2023. Принято к публикации: 03.05.2024.

ПРОБЛЕМЫ ДОСТИЖИМОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ В ОПРОСАХ О РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ КОНФЛИКТЕ

ЗВОНОВСКИЙ Владимир Борисович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
E-MAIL: zvb@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-8805-9028>

ХОДЫКИН Александр Владимирович — кандидат социологических наук, социолог-аналитик, Фонд социальных исследований, Самара, Россия
E-MAIL: a.khodykin@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

Аннотация. Среди российских социологов развернулась дискуссия насчет возможности проведения опросов в условиях военных действий и в контексте определенных внутривнутриполитических событий. Высказываются предположения об искажениях в получаемых в таких условиях опросных данных из-за систематических смещений выборок и неискренности ответов респондентов. В статье проанализированы изменения в достижимости респондентов после начала военного конфликта. Методы исследования включают анализ параданных телефонных опросов, проведенных Фондом социальных исследований в период с 26 февраля 2022 г. по 7 июля 2023 г., а также анализ массивов телефонных опросов на политическую тематику, содержащих вопросы об отношении к военным действиям, проведенных российскими исследовательскими компаниями и размещенных в открытом доступе.

Полученные оценки показали, что число отказов от участия в опросах на тему российско-украинского конфликта в период во-

PROBLEM OF RESPONSE RATES IN SURVEYS ON THE RUSSIAN-UKRAINIAN CONFLICT

Vladimr B. ZVONOVSKY¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor of the Department of Sociology and Psychology
E-MAIL: zvb@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-8805-9028>

Alexander V. KHODYKIN² — Cand. Sci. (Soc.), Sociologist-Analyst
E-MAIL: a.khodykin@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

¹ Samara State University of Economics, Samara, Russia

² Social Research Institute, Samara, Russia

Abstract. Today, Russian sociologists encounter the issue of the possibility of conducting surveys in military conditions and in the context of certain domestic political events. Experts and sociologists suggest distortions in the survey data obtained in such conditions due to systematic sample biases and insincerity of respondents' answers. The article analyzes changes in the response rates after the start of a military conflict. The research methods include an analysis of paradata of telephone surveys conducted by the Social Research Foundation from February 26, 2022, to July 7, 2023 and an analysis of public telephone surveys conducted by Russian research companies on political topics containing questions about attitudes towards military actions.

The obtained estimates showed that the number of refusals to participate in surveys on the Russian-Ukrainian conflict during military actions increased, and the cooperation of respondents decreased. However, this did not happen immediately after the start of the

енных действий возросло, а кооперация респондентов снизилась, однако произошло это не сразу после начала военного противостояния, а только в период после окончания активной мобилизационной кампании (с октября 2022 г.). С одной стороны, вопросы о военных действиях вызывают больше прерываний интервью, чем другие блоки вопросов в анкетах на военно-политическую тематику, с другой — доля прерванных интервью за время военного противостояния не выросла. Половозрастной состав выборок в опросах о российско-украинском конфликте немного смещается в сторону от молодых мужчин к женщинам. Однако это смещение выражено слабо и не может значимо повлиять на результаты исследований. Кроме того, происходящие в структуре выборки изменения имеют компенсаторный характер: если раньше выборки в политических опросах стабильно смещались в сторону преобладания мужчин, то за время конфликта выборки постепенно приближаются к структуре населения по полу, наблюдаемой в данных Росстата (преобладание мужчин при этом сохраняется, но становится чуть менее выраженным). Некоторого сокращения доли молодежи в опросах недостаточно, чтобы значимо повлиять на их результаты. По-видимому, оно связано с резко возросшим уровнем эмиграции, при котором Россию покидали в основном молодые люди.

Ключевые слова: СВО, российско-украинский конфликт, телефонные опросы, достижимость, кооперация респондентов, чувствительные вопросы, отказы, смещение выборки

military confrontation, but only in the period after the end of the active mobilization campaign (since October 2022). On the one hand, questions about military actions cause more interruptions of interviews than other blocks of questions in questionnaires on military and political topics. On the other hand, the share of interrupted interviews did not increase during the military confrontation. The age and gender composition of samples in surveys on the Russian-Ukrainian conflict shifts slightly from young men to women. However, this shift is weakly expressed and cannot significantly affect the results of the studies. In addition, the changes in the sample structure are compensatory in nature: if earlier samples in political surveys steadily shifted towards men, then during the conflict the samples gradually approach the population structure by gender observed in the Rosstat data (the predominance of men remains but becomes slightly less pronounced). A slight reduction in the share of young people in the surveys is not enough to significantly affect their results. Apparently, it is associated with a sharp increase in level of emigration, in which mainly young people left Russia.

Keywords: Special Military Operation, Russian-Ukrainian conflict, telephone surveys, response rates, cooperation of respondents, sensitive questions, sample bias

Введение

Тема вооруженных конфликтов часто оказывается чувствительной для респондентов из участвующих в них стран из-за социального и/или государственного давления на участников опросов и общей напряженности в переживающем во-

енное противостояние обществу [Pechenkina, Bausch, Skinner, 2018]. Сенситивность для россиян темы конфликта с Украиной вызвана, среди прочего, принятием законов, криминализирующих антивоенную позицию («о фейках о ВС РФ», «о дискредитации армии» и др.), и формированием в обществе «спирали молчания» по Э. Ноэль-Нойман, в наибольшей степени побуждающей противников вооруженного противостояния отказываться от высказывания собственной позиции [Звоновский, Ходыкин, 2023]. В результате социологи сталкиваются с угрозой систематического смещения выборок в сторону большей представленности в опросах сторонников решений действующей власти [Charpovski, Schaub, 2022]. Проблема состоит в невозможности с удовлетворительной точностью контролировать смещение выборок по политическим взглядам респондентов, поскольку отсутствуют данные о распределении взглядов тех, кто систематически отказывается от участия в опросах, и нет статистического эталона распределения политических позиций россиян, с которым можно было бы сравнить результаты опросов. Однако есть данные статистики о поле, возрасте и типе населенного пункта для всех жителей РФ. Сравнивая социально-демографические показатели участников опросов с показателями общероссийской статистики, можно получить меру смещений выборок по социально-демографическим характеристикам и выяснить, насколько легко достигаются те или иные группы. Систематические отклонения в достижимости различных групп респондентов можно считать признаком систематических смещений выборок, ставящих под сомнение их репрезентативность. Поэтому проблема достижимости всех социальных групп в массовых опросах приобретает определяющее значение для репрезентативности их результатов.

Снижение уровня достижимости респондентов, связанное с уменьшением значимости для людей участия в социологических исследованиях, в последние десятилетия стало общемировой проблемой массовых опросов, проводимых различными методами [Abraham, Maitland, Bianchi, 2006; Brick, Williams, 2013]. Телефонные опросы по сравнению с другими методами проведения интервью имеют свои недостатки (выше уровень отказов, высокая вероятность контакта с респондентами в неудобное для них время) и преимущества (ниже цена, меньше влияние эффекта интервьюера, лучшие возможности для широкого охвата территорий) [Звоновский, 2012]. Наше недавнее обзорное исследование позволило прийти к выводу, что «значительная географическая дисперсия российского населения делает именно телефонные опросы наиболее адекватным способом сбора опросной информации, особенно если речь идет о репрезентации всей генеральной совокупности» [Звоновский, Григорьева, Соловьева, 2019: 135]. В представленной статье проанализированы в основном телефонные опросы, поскольку и авторы, и большинство российских социологов, исследующих вооруженный конфликт с Украиной, собирают данные именно таким методом.

Гипотезы исследования:

1) Число отказов от участия в опросах на политическую тематику¹ после начала военных действий увеличилось по сравнению с довоенным периодом. Сенситив-

¹ До 24 февраля 2022 г. эти опросы включали широкий спектр политических тем: от измерений рейтингов политиков до готовности к участию в протестах, после 24 февраля 2022 г. исследуемые здесь опросы содержат вопросы на тему военных действий в Украине.

ность темы снижает готовность ее обсуждать, что проявляется в увеличении числа отказов от участия в опросах и снижении кооперации респондентов [Мягков, 2024]. Поскольку опасение обсуждать тему конфликта неравномерно распределено между его сторонниками и противниками, это создает угрозу систематического смещения выборок и ставит под сомнение их репрезентативность. Наши исследования показали, во-первых, некоторое смещение выборки проведенного нами с 28 февраля по 1 марта 2022 г. опроса в сторону аудитории провластных каналов на YouTube, во-вторых, наличие «спирали молчания», по данным на июль 2023 г., воздействовавшей в большей степени на противников конфликта [Звоновский, Ходыкин, 2024]. Относительно динамики отказов от участия в опросах среди социологов развернулась дискуссия. С одной стороны, исследователи из компании «Russian Field» выявили в своих опросах рост числа отказов и прерванных интервью после начала военных действий в опросах на тему военного противостояния². С другой стороны, в целях выявить изменения готовности участвовать в политических опросах после начала конфликта «Левада-Центр»³ провел эксперимент, повторно опросив респондентов 2021 г. по ключевым политическим вопросам. Эксперимент показал, что ни достижимость, ни мнения респондентов после начала боевых действий значительно не изменились⁴. Однако, как отмечает Уильям Рейзингер с соавторами, политические опросы стали деликатными задолго до 2022 г.: еще в 2015—2018 гг. отмечалась повышенная настороженность респондентов из-за страха перед репрессиями [Reisinger, Zaloznaya, Woo et al., 2023]. Поэтому самоотбор респондентов в 2021 г. уже мог быть высоким.

2) После начала военных действий выросло число прерванных интервью в опросах на тему российско-украинского конфликта. Уровень кооперации респондентов снижается под влиянием роста числа отказов (см. гипотезу 1) и прерываний интервью. Как отмечено выше, социологи из «Russian Field» фиксируют увеличение числа прерванных интервью в своих опросах на тему вооруженного конфликта с Украиной. Методические исследования показывают, что кооперация влияет на результативность телефонных опросов сильнее, чем техническая недоступность респондентов [Рогозин, 2006]. В то же время кооперация респондентов в наибольшей степени воздействует на репрезентативность результатов опроса [Elder, 1992].

3) После начала военных действий в посвященных им опросах выборки стали смещаться по социально-демографическим параметрам: пол, возраст, округ и т. п. Такие смещения говорят о снижении репрезентативности результатов опросов [Рогозин, 2004]. У разных групп населения различна вероятность быть призванными в армию против своей воли: для молодежи и мужчин она выше, чем для женщин и людей старшего поколения. У людей из малых населенных пунктов и беднейших регионов страны вероятность попасть на фронт выше, чем у жителей столиц [Звоновский, Ходыкин, 2022]. Поэтому можно предположить, что люди

² «Специальная военная операция» на Украине: отношение россиян. Третья волна (13—16 марта) // Russian Field. URL: <https://russianfield.com/beregiterossiy> (дата обращения: 23.12.2023).

³ Здесь и далее * означает российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции иностранного агента.

⁴ Готовность участвовать в опросах: результаты эксперимента // Левада-Центр*. 2022. 14 июня. URL: <https://clck.ru/34W96A> (дата обращения: 23.12.2023).

из групп большего риска (мужчины, молодежь, сельчане) чаще предпочитают уклониться от участия в обсуждении военных действий. Кроме того, уровень поддержки военных действий зависит от социально-демографической группы, особенно велики различия по возрасту: молодежь реже поддерживает военное противостояние⁵. В условиях государственного и общественного давления на противников военных действий можно предположить, что молодежь как наиболее настроенная против военных действий, но при этом чаще других рискующая попасть на фронт группа, реже будет соглашаться на участие в опросах на тему российско-украинского конфликта.

Материалы и методы исследования

Анализ основан на материалах проведенных российскими исследовательскими компаниями массовых телефонных опросов, репрезентирующих взрослое население России по федеральным округам, полу и возрасту. Для получения результатов использовались две группы источников данных:

1) параданные телефонных опросов на тему российско-украинского конфликта, проведенных Фондом социальных исследований (ФСИ) в период с 26 февраля 2022 г. по 7 июля 2023 г.;

2) массивы телефонных опросов на политическую тематику, проведенных российскими исследовательскими компаниями и содержащих вопросы о российско-украинском конфликте.

Смещение социально-демографических параметров выборки

Рассмотрим выборки опросов на тему российско-украинского конфликта на предмет систематических смещений по социально-демографическим показателям. Начнем с пола и возраста, по которым статистические данные наименее дискуссионны. В опросах использовались случайные выборки⁶ и не предусматривалось их квотирование. Изменения в структуре случайной выборки могут быть результатом смещения, то есть систематической ошибки, вызванной какой-то внешней причиной. После объявления в России мобилизации многие россияне оказались под угрозой попасть на фронт против своей воли. Этот риск различен в разных социально-демографических группах. Можно предположить, что более высокая вероятность личного вовлечения в боевые действия побуждает респондентов с большим опасением относиться к участию в опросах общественного мнения. Проанализируем социально-демографические характеристики участников опросов⁷, проведенных различными компаниями, и сравним их динамику в ее связи с главными военными событиями.

Для анализа динамики российского общественного мнения о военных действиях наиболее важны два события: 1) мобилизация государственной пропаганды

⁵ Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Год СВО: как менялось восприятие конфликта с Украиной в российском общественном мнении // Аналитический обзор. 2023. URL: <https://t.me/TheBellIV/112> (дата обращения: 19.12.2023).

⁶ Единственное исключение здесь составляют измерения, проведенные компанией «Russian Field». В качестве источника для формирования стартовой выборки они использовали не случайную генерацию телефонных номеров на основании данных о диапазонах номеров, распределенных Минцифры РФ между провайдером телефонной связи в России, а базы данных, сформированные на основе разных сервисов вроде «Авито», «Озона» и пр.

⁷ Все опросы проведены методом телефонного интервью (CATI).

с начала марта 2022 г., позволившая значительно увеличить уровень поддержки интервенции в Украину, и 2) объявленная 21 сентября того же года мобилизация россиян на фронт. Для того чтобы увидеть влияние этих двух событий на готовность участвовать в опросах, результаты исследований общественного мнения объединены нами в три группы: 1 — результаты опросов в начале конфликта; 2 — данные, собранные до объявления мобилизации; и 3 — опросы после объявления мобилизации (см. табл. 1). Объемы выборок всех исследуемых опросов представлены в Приложении 1.

Таблица 1. Суммарное описание выборок опросов различных компаний в исследуемые периоды

Организация	Название периода	Даты опросов периода	Суммарный объем выборок	Кол-во мужчин 18—29 лет	Кол-во мужчин	Кол-во женщин
ФСИ	Начало конфликта	28 фев.— 1 мар. 2022	1642	9%	54%	46%
	До мобилизации	10 мар.— 10 сен. 2022	18694	8%	52%	48%
	После мобилизации	21 сен. 2022— 7 июля 2023	11179	7%	50%	50%
Хроники	Начало конфликта	28 фев.— 2 мар. 2022	1807	8%	53%	47%
	До мобилизации	10 мар.— 5 июля 2022	8454	7%	50%	50%
	После мобилизации	10 окт. 2022— 22 окт. 2023	5486	6%	50%	50%
ВЦИОМ	Начало конфликта	25—27 фев. 2022	3200	9%	54%	46%
	До мобилизации	17 мар.— 13 авг. 2022	9600	7%	52%	48%
	После мобилизации	1 окт. 2022— 1 апр. 2023	6402	7%	49%	51%
Russian Field	Начало конфликта	26—28 фев. 2022	2022	10%	52%	48%
	До мобилизации	5 мар.— 31 июля 2022	11282	10%	51%	49%
	После мобилизации	29 сен. 2022— 29 окт. 2023	10027	8% ⁸	46%	54%

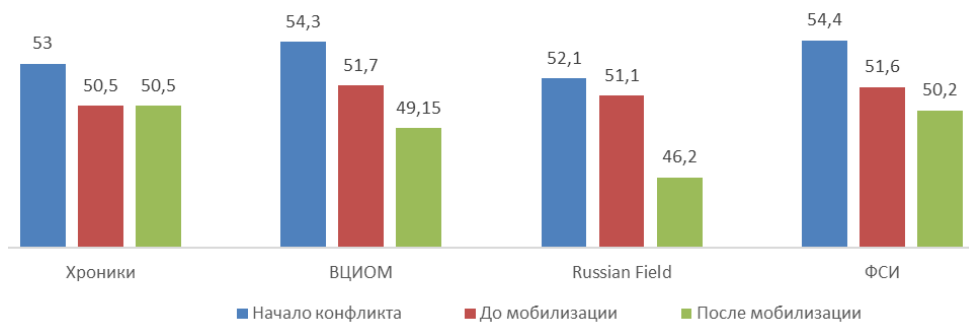
По актуальным на время проведения упомянутых опросов данным Росстата за 2021 г., соотношение взрослых мужчин и женщин составляло примерно 45 % к 55 %. Однако выборки опросов всех компаний смещены в сторону гендерного баланса (то есть соотношение мужчин и женщин близко к 50 % на 50 %). В опросах проекта «Хроники» доля мужчин в среднем по всем волнам составила 51 %, в ежедневном проекте ВЦИОМ «Спутник» — 52 %, у «Russian Field» — 50 %, у Фонда социальных исследований — 52 % (см. рис. 1). То есть выборки стабильно оказываются немного смещенными в сторону преобладания мужчин. Согласно данным, представленным на Грушинской конференции ВЦИОМ социологом Фонда «Обществен-

⁸ В 9-й волне опроса, проводившейся с 29 сентября по 1 октября 2022 г., группа 18—29 лет заменена группой 18—26 лет. Во всех остальных волнах опроса исследованы группы 18—29 лет.

ное мнение» Тимуром Османовым⁹, ФОМ также зарегистрировал значимое увеличение доли мужчин (на 3—5 п. п.) в выборочной совокупности, собираемой в ходе ежедневного телефонного опроса. Как видим, мужчины в целом несколько чаще женщин готовы участвовать в телефонных социологических опросах на политическую тематику, содержащих вопросы на тему российско-украинского конфликта.

Однако в период военных действий смещение в сторону мужчин постепенно снижалось. В опросах ВЦИОМ доля мужчин значимо¹⁰ сократилась с 54 % в опросах сразу после начала боевых действий до 49 % после объявления мобилизации. В опросах Фонда социальных исследований она снизилась за этот же период с 54 % до 50 % (см. рис. 1). Видимо, можно говорить о накопительном эффекте событий, повлиявших на плавное снижение доли мужчин, поскольку разница значима только между опросами в начале боевых действий и проведенными после мобилизации: в период до мобилизации доля мужчин в опросах ВЦИОМ и ФСИ номинально ниже, чем в начале конфликта, и выше, чем после мобилизации, но эти различия незначимы. Возможно, мы имеем дело с плавным трендом, у которого монотонная незначительная динамика с неслучайными, но слабыми изменениями. В выборках «Russian Field» доля мужчин статистически значимо снизилась после объявления мобилизации: с 51 % до 46 %. У «Хроники» значимой гендерной динамики не обнаружено.

Рис. 1. Суммарные доли мужчин в опросах различных компаний в исследуемые периоды (массивы не взвешены, в %, 2022—2023 гг.). Данные получены как средние по всем выборкам исследуемой компании в приведенный период

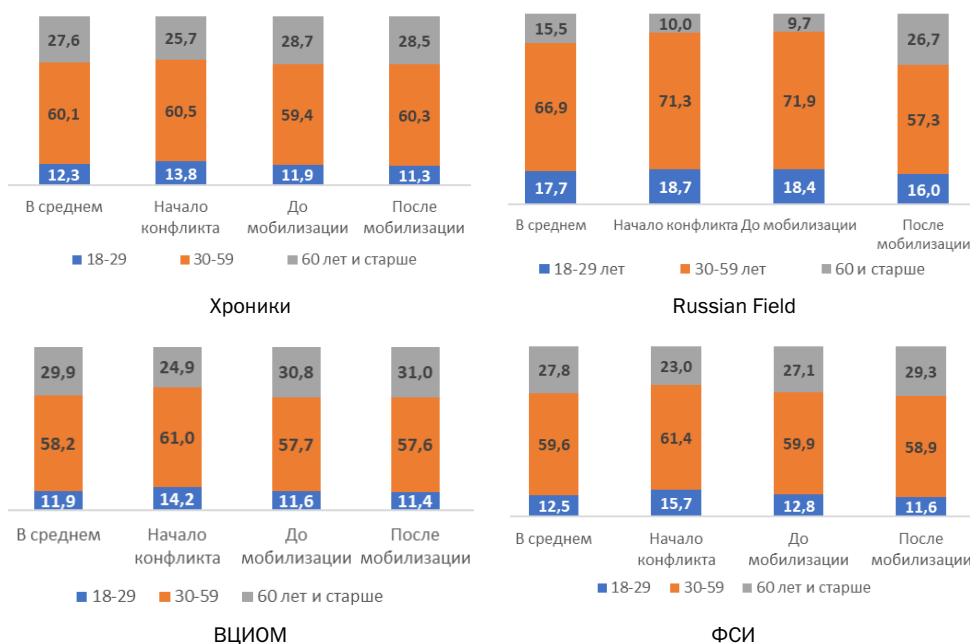
Выборки всех компаний имеют небольшие возрастные смещения. По актуальным на момент проведения опросов данным Росстата, доля граждан в возрасте от 18 до 29 лет включительно составляла примерно 16 % от взрослого населения России. Опросы, проведенные ВЦИОМ, проектом «Хроники» и Фондом социальных исследований, во время российско-украинского конфликта содержат немного меньшие доли молодежи — 12 %, 12 % и 13 % соответственно (см. рис. 2). У «Russian Field» недостатка в молодежи нет (18 %), однако имеется значитель-

⁹ См. Доклад Тимура Османова на XIII Грушинской конференции. URL: <https://conf.wciom.ru/materialy-konferencii/2023/section/section-24> (дата обращения: 09.12.2023).

¹⁰ Здесь и далее значимость различий измерена методом Z-теста для независимых выборок с доверительным интервалом 95 %.

ная нехватка респондентов старше 60 лет (16% вместо 27% по статистике Росстата) — перекося выборку в сторону более молодого населения компании удалось исправить только в опросах после мобилизации. Доля самых старших респондентов в опросах ВЦИОМ и ФСИ выросла сразу после начала конфликта (у ВЦИОМ — с 25% до 31%, у ФСИ — с 23% до 27%). Мобилизация на изменение возрастного состава респондентов не повлияла. По данным Фонда «Общественное мнение», доля младшей возрастной группы статистически значимо (на 2—3 п. п.) уменьшилась после начала военных действий, а затем еще на 3—4 п. п. после начала мобилизации, в то время как доля мужчин в выборочной совокупности статистически значимо возросла (на 3—5 п. п.) сразу после начала интервенции¹¹.

Рис. 2. Суммарные доли возрастных групп в опросах различных компаний в исследуемые периоды (массивы не взвешены, в %, 2022—2023 гг.)

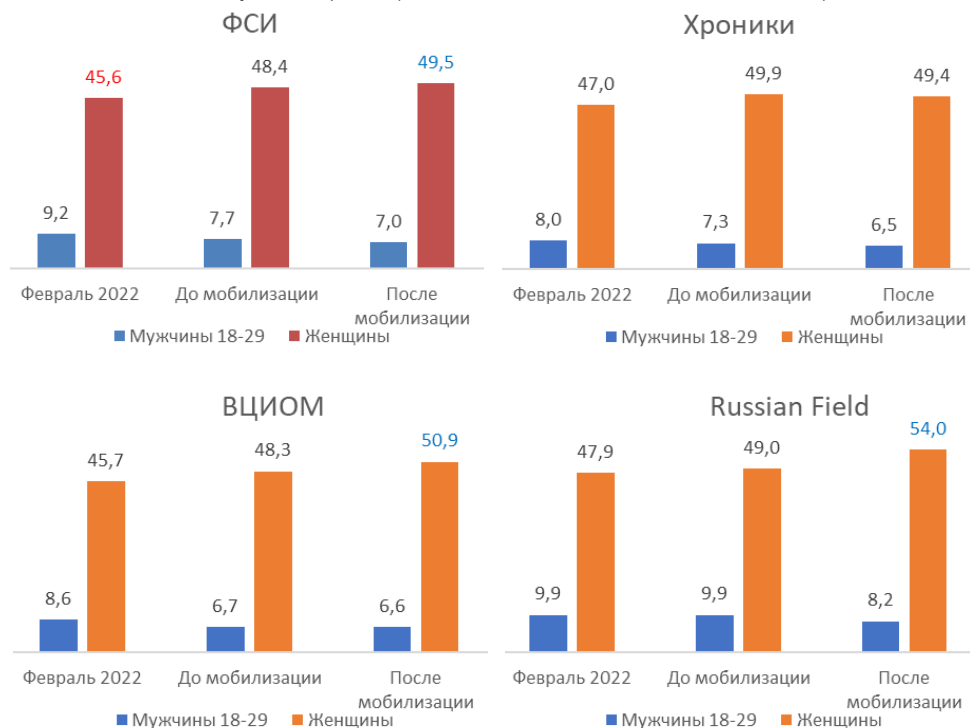

Для измерения смещений, связанных с неравным риском попасть на фронт у различных групп, проанализируем динамику представленности в выборках двух полярных по риску быть призванными групп: 1) мужчин 18—29 лет, имеющих наибольшие шансы быть призванными в воюющую армию, и 2) женщин, которые за редким исключением не рискуют быть мобилизованными. Как видно на рисунке 3, доля женщин в опросах ВЦИОМ, ФСИ и «Russian Field» постепенно возрастает (здесь и далее значимые различия окрашены цветом). В то же время доли самых молодых мужчин в опросах всех компаний номинально снижаются, однако это снижение не значимо из-за слабой выраженности изменений и малого коли-

¹¹ См. Доклад Тимура Османова на XIII Грушинской конференции. URL: <https://conf.wciom.ru/materialy-konferencii/2023/section/section-24> (дата обращения: 09.12.2023).

чества мужчин-респондентов 18—29 лет (см. табл. 1). Возможно, здесь мы также наблюдаем плавный тренд, имеющий монотонную, но незначительную динамику с неслучайными и при этом слабыми изменениями. Иными словами, тенденция на снижение доли молодых мужчин если и есть, то слишком слаба, чтобы обрести статистическую значимость в нашем исследовании.

Рис. 3. Суммарные доли мужчин 18—29 лет и женщин в опросах различных компаний в исследуемые периоды (массивы не взвешены, в %, 2022—2023 гг.)

Таким образом, во время военных действий выборки постепенно смещаются от младших к старшим возрастным группам и от мужчин к женщинам. Однако эти смещения хоть и значимы, но невелики и недостаточны для того, чтобы повлиять на достоверность полученных в опросах данных. Помимо чувствительности для молодежи военной тематики возрастные смещения могут быть связаны с резко выросшим в 2022 г. уровнем эмиграции, когда страну покидают в основном молодые люди. Значимого влияния риска попасть на фронт на половозрастную структуру выборок опросов на тему российско-украинского конфликта не выявлено.

Динамика отказов и кооперации респондентов

Важным показателем готовности потенциальных респондентов участвовать в опросах является коэффициент кооперации. Он рассчитывается как «отношение опрошенных ко всем единицами наблюдения, удовлетворяющим условиям

выборки, с которыми удалось связаться» [Звоновский, 2007: 39]. Чем выше его значение, тем чаще люди соглашаются на интервью и доводят его до конца. Формула для расчета коэффициента кооперации такова:

$$\frac{I}{(I+P)+R+O} = COOP,$$

где I — успешные интервью, P — прерванные интервью, R — отказы, O — другие случаи, когда состоялся контакт с респондентом, но не удалось провести успешное интервью.

Проследим изменения кооперации респондентов на материалах опросов, проведенных Фондом социальных исследований. Обобщая данные, мы исследуем динамику изменения кооперации респондентов на протяжении пяти основных для изменения российского общественного мнения периодов: 1) до начала боевых действий (опрос 1—13 февраля 2021 г., $N=1038$) 2) начало боевых действий (опрос 28 февраля — 1 марта 2022 г., $N=1642$), 3) до мобилизации (опросы с 10 марта по 10 сентября 2022 г., суммарный объем выборок — 18 694), 4) во время мобилизации (опросы с 21 сентября по 1 октября 2022 г., суммарный объем выборок — 2802) и 5) после мобилизации (опросы с 6 октября 2022 г. по 7 июля 2023 г., суммарный объем выборок — 8377) (см. табл. 2).

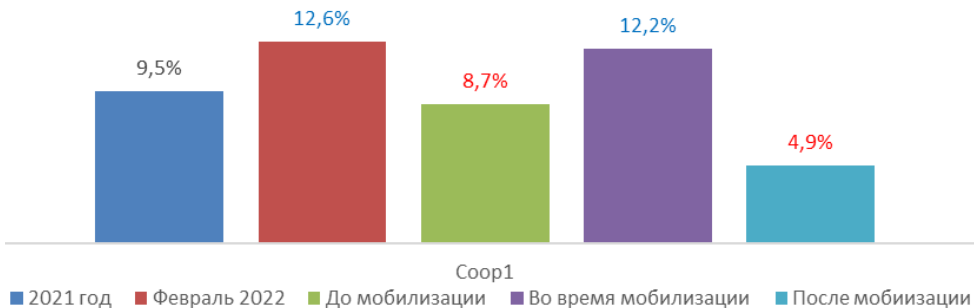
Таблица 2. Доли различных причин недостижимости в их общем массиве в среднем по всероссийским телефонным опросам 2022 и 2023 гг.

	2021 год	Февраль 2022	До мобилизации	Во время мобилизации	После мобилизации
Успешные, прерванные, отказы	10954	13067	213969	23035	171127
	100%	100%	100%	100%	100%
Успешные	1038	1642	18694	2802	8377
	9,5%	12,6%	8,7%	12,2%	4,9%
Прерванные	753	512	6945	1039	3134
	6,9%	3,9%	3,2%	4,5%	1,8%
Отказы	9163	10913	188330	19194	159616
	83,6%	83,5%	88,0%	83,3%	93,3%

Для расчета коэффициента кооперации (COOP1) подставим представленные в таблице 2 данные в приведенную выше формулу. На рисунке 4 показано, что кооперация респондентов в самом начале конфликта (февраль 2022 г.) выросла по сравнению с предыдущим годом главным образом за счет снижения числа прерванных интервью с 7% до 4%. Вероятно, актуализировавшаяся военно-политическая тема вызвала интерес у согласившихся ее обсуждать. С марта 2022 г. и до объявления мобилизации кооперация снизилась с 13% до 9% за счет значимого роста доли отказов при стабильном уровне прерываний интервью. В это время уже определились группы готовых и неготовых проходить опросы на тему

военных действий, и те, кто не желал отвечать на такие вопросы, стали отказываться от интервью в самом его начале. Во время мобилизационной кампании показатели кооперации респондентов вернулись на уровень февраля 2022 г.: респонденты стали реже отказываться от интервью (доля отказов снизилась с 88 % до 83 %) и несколько чаще прерывать их (доля прерванных анкет выросла с 3 % до 5 %). При этом опросы во время мобилизационной кампании отличались от всех остальных малыми выборками и длиной анкеты: опрошены были по 1000 и 800 человек, тогда как в обычных опросах выборка чаще всего составляет около 1600 респондентов, а средняя длина анкеты в период мобилизации была около 5 минут, тогда как в остальных опросах она в среднем около 12 минут. Поэтому рост прерываний при вдвое сниженной длине анкет, вероятно, связан с усилением чувствительности военно-политической тематики в мобилизационный период. Снижение доли отказов может быть объяснено либо усилением интереса к резко актуализировавшейся теме (как это было в начале военных действий), либо особенностями этих трех волн опросов (меньшие выборки и анкеты, которые короче остальных вдвое). После мобилизационной кампании кооперация респондентов упала до 5 % за счет увеличения средней доли отказов на 10 п. п. до 93 %, то есть после мобилизации россияне значительно реже стали соглашаться обсуждать военно-политическую тематику в телефонных опросах. Иными словами, предполагавшийся нами рост доли отказов и снижение кооперации в целом отмечены в периоды с марта по сентябрь 2022 г. и с октября 2022 г. с перерывом на мобилизационную кампанию, во время которой доля отказов снизилась, а кооперация выросла.

Рис.4. Динамика коэффициента кооперации (COOP1) по данным общероссийских опросов в РФ (массивы не взвешены, ФСИ, 2022—2023 гг.)

На протяжении 2022 г. в телефонных опросах ВЦИОМ постепенно снижалось количество набираемых номеров, необходимое для получения одной успешной анкеты, т. е. достигать респондента постепенно становилось несколько легче. В январе 2022 г. в рамках ежедневного опроса «Спутник» каждый день набиралось в среднем 95499 номеров, а успешных интервью было 1609, т. е. для получения одного успешного интервью приходилось совершать в среднем 59 звонков. В августе 2022 г. количество наборов составило 84052 при числе успешных 1607 (52 звонка на одну успешную анкету), в декабре — 80602 при 1608 успешных (50 звонков на одно успешное интервью). Как видим, число неуспешных контактов, —

а значит, скорее всего, и отказов, — плавно снижалось. Однако это данные по всем опросам, не обязательно связанным с политикой и военными действиями. То есть данные показывают, что в целом готовность участвовать в опросах на различные темы у россиян после начала военных действий, как минимум, не снизилась. ФОМ также не выявил роста числа отказов в квартирных опросах на разные темы после начала российско-украинского конфликта. После объявления мобилизации число отказов значимо, но слабо выросло, что позволило представителям ФОМ сделать вывод: «СВО влияет на результаты опросов, но это влияние не очень существенное»¹². Они полагают¹³, что снижение кооперации респондентов началось еще до военных действий и отражает длительный процесс ослабления мотивации к участию в опросах, если и усиленного военным противостоянием, то в незначительной степени. Количество отказов в телефонных опросах «Russian Field» на военно-политическую тематику сильно различается от волны к волне (возможно, это связано с особенностью формирования баз контактов), однако общего тренда изменения числа отказов не прослеживается¹⁴.

Василий Токарев проанализировал параданные ежедневного всероссийского телефонного опроса от ВЦИОМ на злободневные темы жизни страны, не всегда связанные с военными действиями: исследована часть выборки этого омнибуса, выполненная Южным исследовательским центром, — это в абсолютном большинстве случаев столичные регионы (Москва, Санкт-Петербург и их области). Выявлены плавное устойчивое снижение коэффициента кооперации и столь же устойчивый рост числа отказов за весь период российско-украинского конфликта¹⁵. Иными словами, жители столичных регионов всё менее охотно участвуют в опросах, даже не обязательно связанных с военно-политической тематикой.

Екатерина Козыренко приводит результаты анализа недостижимости респондентов по итогам проводимого «Левада-Центром»* ежемесячного опроса «Курьер» по месту жительства респондентов. Она показывает, что основной вклад в невозможность опросить человека («в среднем около 70 %) вносит недостижимость, не связанная с респондентом и его мотивацией». В числе недостижимостей преобладают ситуации, «когда либо никого нет дома, либо отсутствует нужный респондент (48—50 %), и «отказ открыть дверь интервьюеру из соображений общей безопасности (19 %)»¹⁶. Отказы от интервью конкретного респондента, отобранного по процедуре, в 2021 г. составили 10 % общей недостижимости, в 2022 г. они выросли до 12 %, причем максимальная их доля была в марте-апреле 2022—14 %. «Абсолютное большинство таких отказов, за исключением 1—2 %, происходят в самом начале интервью и связаны с занятостью респондента (ответы „у меня нет времени“, „занят“, „плохо себя чувствую“, „ребенок плачет“ и т. п.)». При этом во время мобилизационной кампании уровень отказов резко вырос на 8 п.п., однако после ее активной фазы вернулся к прежним значениям.

¹² См. доклад Алексея Чурикова на XIII Грушинской конференции: <https://conf.wciom.ru/materialy-konferencii/2023/section/section-24> (дата обращения: 09.12.2023).

¹³ См. доклад Тимура Османова там же.

¹⁴ См. доклад Екатерины Нойкиной там же.

¹⁵ См. доклад Василия Токарева там же.

¹⁶ Козыренко Е. О недостижимости и прерванных интервью // Левада-Центр*. 2022. 15 ноября. URL: <https://www.levada.ru/2022/11/15/o-nedostizhimosti-i-prervannyh-intervyu/> (дата обращения: 25.12.2023).

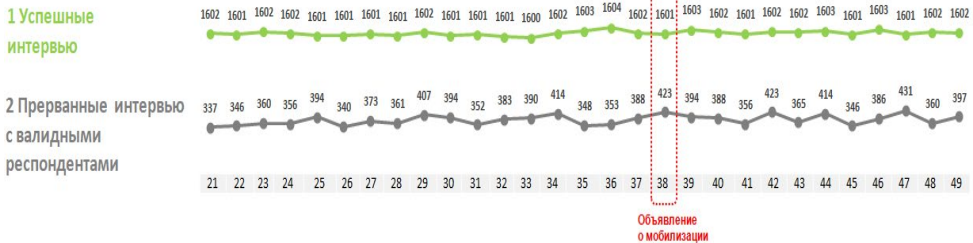
Данные опросов ФСИ показывают, что, с одной стороны, кооперация респондентов на тему российско-украинского конфликта снизилась после мобилизационной кампании преимущественно за счет увеличения числа отказов от участия в опросах, однако при этом снизилась доля прерванных интервью в тот период. Данные других компаний показывают небольшое, но значимое снижение кооперации респондентов в опросах на военно-политическую тематику, проведенных в период военных действий. В опросах на разные темы в этот же период данные противоречивы: с одной стороны, у ВЦИОМ показатели не изменились, с другой стороны, ФОМ зафиксировал некоторое снижение кооперации на всероссийских выборах, а Южный исследовательский центр обнаружил такое снижение на выборках ВЦИОМ по столичным регионам. «Левада-Центр»* получил существенный рост числа отказов в опросах по месту жительства только в период активной мобилизационной кампании, после чего показатели вернулись к прежним значениям. Таким образом, в целом можно говорить о значимом снижении кооперации респондентов в телефонных опросах о военных действиях, главным образом в период после мобилизации. Динамика кооперации респондентов в телефонных опросах по сравнению с опросами по месту жительства респондента в меньшей степени подвержена резким колебаниям в период мобилизационной кампании, но имеет больший потенциал формирования трендов на длинных промежутках времени.

«Осыпание выборки» в ходе опроса: анализ динамики прерываний интервью

Прерванными интервью мы называем такие, где респондент дал согласие, успешно прошел скрининг, ему был задан хотя бы один вопрос по теме интервью, но от него не получен ответ на последний вопрос анкеты. Другими словами, это все интервью между «отказами» и «успешными», и их можно рассматривать как вариацию отказа от интервью. Ситуации, когда интервью начато, но не закончено, могут происходить по техническим или бытовым причинам (обрыв связи, плохая слышимость или внезапно проснувшийся ребенок), однако могут быть и следствием дискомфорта от темы опроса или неготовности отвечать на задаваемые вопросы. Если вопросы интервью воспринимаются респондентами как некомфортные и сенситивные, количество прерванных интервью возрастает. На базе наших опросов мы сравнили доли прерванных интервью от общего числа начавших опрос (успешно прошедших скрининг). Телефонные опросы ФСИ показывают противоречивую связь доли прерываний с военными событиями: с одной стороны, доля прерванных интервью предсказуемо выросла во время мобилизации, с другой стороны, после мобилизационной кампании она стала ниже, чем в любые другие периоды, хотя доля отказов в это время, наоборот, выросла. При этом важно отметить, что на выявленную динамику прерываний в большей степени влияют особенности каждой конкретной анкеты: ее длина, качество формулировок вопросов и специфика исследуемых признаков.

ВЦИОМ в ходе ежедневных опросов «Спутник» на протяжении 2022 г. не выявил значимой динамики прерываний. Как видим на рисунке 5, доля прерванных интервью колебалась в очень узком диапазоне. Однако это касается опросов на различные темы, не обязательно посвященные военным действиям.

Рис. 5. Динамика прерванных интервью в ходе ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник» по неделям в 2022 г.¹⁷

Данные, приведенные Е. Козыренко, также показывают, что прерывание интервью происходит в 1,3—1,4 % контактов, и этот показатель практически не меняется со временем¹⁸. Само по себе столь небольшое число прерываний не может повлиять на распределение изучаемых переменных. Как видим, и в случае телефонных, и в случае личных интервью доля прерываний невелика и не изменилась под влиянием военных событий. Однако это касается опросов в целом, проводимых на различные темы.

О чувствительности темы опроса как причине неготовности респондентов проходить анкету до конца можно говорить в том случае, когда на посвященных исследуемой теме вопросах прерывается значительно больше интервью, чем на вопросах на другие темы, т. е. когда вопросы на исследуемую тему вызывают скачки прерванных интервью (при этом мы понимаем, что такие скачки могут быть связаны не только с темой вопросов, но и с их длиной или качеством формулировки). Если же число участников опроса снижается постепенно, мы скорее всего, имеем дело с техническими проблемами и банальной усталостью респондентов, монотонно нарастающей с каждым следующим вопросом.

Прослушивание аудиозаписей интервью показывает, что чаще всего респонденты отказываются отвечать из-за того, что считают себя недостаточно компетентными для суждений по теме опроса. Поэтому наибольшие потери возникают на первых вопросах интервью, когда респонденты решают уклониться от неинтересной для них темы разговора. Если же вопросы не касаются тем, в которых значимое число респондентов чувствуют себя некомпетентными, количество прерываний на этих вопросах остается умеренным. Лучше всего это можно увидеть на осыпании выборки в ходе сентябрьского опроса, проведенного ФСИ до мобилизации. Интервью началось с вопросов о материальном благополучии респондентов, продолжилось вопросами об экономической ситуации в стране и влиянии санкций, о популярных источниках информации об экономике и политике и лишь примерно в середине опроса был задан первый вопрос о военных действиях. И сразу же доля прерванных интервью подскочила с 18 % до 29 %. На втором во-

¹⁷ Источник: иллюстрация взята из презентации доклада руководителя Методлаборатории ВЦИОМ Олега Оберемко на заседании научного совета ВЦИОМ в декабре 2022 г. (публикуется с разрешения автора).

¹⁸ Козыренко Е. О недостижимости и прерванных интервью // Левада-Центр*. 2022. 15 ноября. URL: <https://www.levada.ru/2022/11/15/o-nedostizhimosti-i-prervannyh-intervyu/> (дата обращения: 25.12.2023).

просе по данной теме — до 31 %. После этого прерывания накапливались плавно. До прощания с интервьюером не дотянул 41 % от начавших интервью (см. рис. 6). Три четверти потерь пришлось на начало обсуждения конфликта. Можно предположить, что из беседы выпадали респонденты, неготовые обсуждать данную тему, но скорее не по причине своего какого-то определенного — позитивного или негативного — отношения к ней, а как раз по причине его отсутствия.

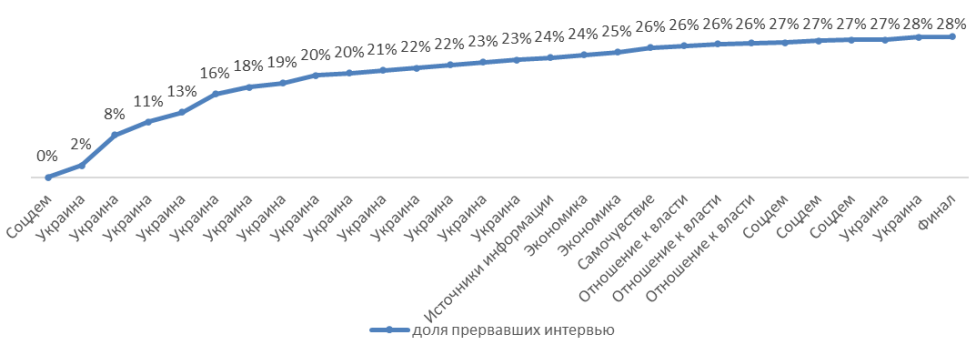
Рис. 6. «Осыпание» выборки в ходе телефонного интервью от конца скрининга до конца интервью (массивы не взвешены, ФСИ, 6—10 сентября 2022 г., N = 1600)

Если сравнить распределение полученных ответов у тех, кто интервью закончил, с ответами тех, кто его прервал, то единственное значимое отличие, и то лишь по сумме всех позиций — по доле затруднившихся с ответом. Среди прервавших интервью доли затруднившихся выше, чем среди тех, кто его закончил.

Параданные мартовского опроса 2022 г. показывают, что появление темы конфликта в начале интервью смещает рост числа отказов на начальный этап опроса, что позволяет отвергнуть предположение о росте числа прерываний по причине усталости респондентов. В марте 2022 г. после первого блока вопросов про ситуацию в Украине выборка потеряла 23 % респондентов, тогда как общая доля прервавших интервью оказалась 28 % от начавших его (см. рис. 7).

Рис. 7. «Осыпание» выборки в ходе телефонного интервью от конца скрининга до конца интервью (массивы не взвешены, ФСИ, 18—20 марта 2022 г., N = 1625)

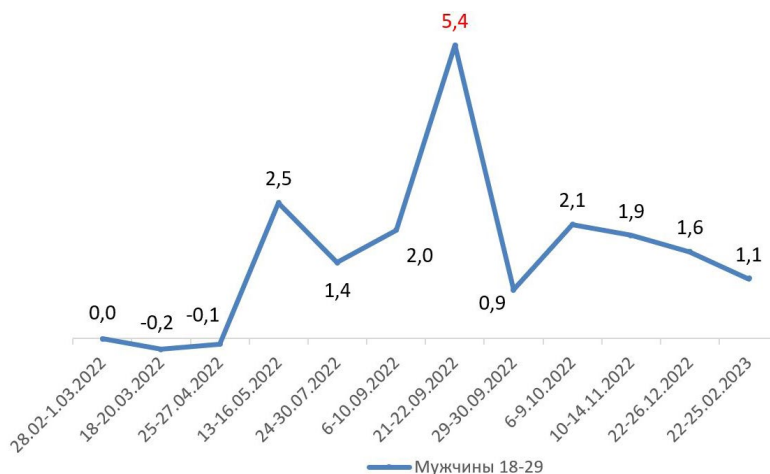
Вопросы про военные действия вызывают больше прерванных интервью, чем другие вопросы социально-политических анкет вне зависимости от места в анкете, где они расположены.

Смещение выборок из-за прерывания интервью

Сравнение социально-демографических характеристик успешно завершивших и прервавших интервью респондентов позволяет выяснить, приобретают ли выборки систематические смещения под влиянием прерванных интервью. Для этого вычтем процентную долю социально-демографической группы в массиве успешных интервью из процентной доли этой же группы в массиве прерванных интервью. Полученное значение, назовем его индексом прерываний, покажет, на сколько процентных пунктов доля данной группы среди прервавших разговор больше, чем среди успешно прошедших опрос. Положительное значение индекса свидетельствует о том, что доля данной группы среди прервавших опрос больше ее доли среди успешно завершивших его. Отрицательное значение, напротив, показывает, что среди успешно прошедших опрос доля исследуемой группы больше, чем среди прервавших интервью.

Наиболее интересна динамика изменения индекса среди самых молодых мужчин (18—29 лет), у которых наибольшая вероятность быть призванными/мобилизованными (см. рис. 8). В этой группе выявлен только один значимый всплеск индекса — сразу после объявления мобилизации. Доля молодых мужчин среди прервавших интервью оказалась значимо выше такой же доли среди успешно прошедших опрос. Однако уже к следующему опросу рубежа сентября/октября значения вернулись на прежний уровень. Вероятно, по прошествии первого шока вопросы на военную тематику перестали восприниматься респондентами из группы наибольшего риска в качестве особой угрозы для себя, достаточной для того, чтобы прервать разговор.

Рис. 8. Динамика индекса прерываний интервью в группе мужчин 18—29 лет (массивы не взвешены, ФСИ, 2022—2023 гг.)

Молодых людей обоего пола больше среди прервавших интервью, чем среди завершивших его, причем среди женщин эта разница выражена сильнее, чем среди мужчин — их ровесников. По-видимому, во время мобилизации у девушек уровень опасения за близких мужчин оказался выше, чем у самих этих мужчин за собственную жизнь. Люди старшего возраста тоже чаще среднего бросают трубки, но с мобилизацией и военными событиями это не связано. Скорее всего, пожилые люди быстрее устают отвечать в силу возрастных ограничений. Реже других прерывают интервью россияне средних возрастных групп (см. табл. 3).

Таблица 3. **Индекс прерываний среди различных групп респондентов (массивы не взвешены, ФСИ, 2022—2023 гг.)**

	28.02—1.03.2022	18—20.03.2022	25—27.04.2022	13—16.05.2022	24—30.07.2022	6—10.09.2022	21—22.09.2022	29—30.09.2022	6—9.10.2022	10—14.11.2022	22—26.12.2022	22—25.02.2023
Женщины 18—29	-2	0	-2	0	-1	7	9	10	0	1	0	2
Мужчины 18—29	0	0	0	3	1	2	5	1	2	2	2	1
18—29	-1	0	-2	3	0	4	7	5	1	1	2	3
30—39	0	2	-2	-3	0	2	-3	-2	-5	-1	-6	-2
40—49	0	-2	-2	-9	-2	-8	-3	-8	0	-3	0	-4
50—59	-1	0	-2	0	-4	-4	-5	1	0	-2	-3	-1
60 лет и старше	2	1	8	9	6	6	4	3	4	5	6	4

Жители областных центров стабильно реже прерывают интервью, тогда как сельчане реже доводят их до конца. Доли жителей других городов среди прервавших и успешно завершивших интервью меняются от опроса к опросу, однако изменения не имеют системного характера (см. табл. 4).

Таблица 4. **Индекс прерываний среди групп респондентов, проживающих в населенных пунктах различных типов (массивы не взвешены, ФСИ, 2022—2023 гг.)**

	28.02—1.03.2022	18—20.03.2022	25—27.04.2022	13—16.05.2022	24—30.07.2022	6—10.09.2022	21—22.09.2022	29—30.09.2022	6—9.10.2022	10—14.11.2022	22—26.12.2022
Областной центр	-6	-4	-3	-7	-4	-3	-3	-2	-8	-6	2
Другой город	5	3	-2	3	-3	0	-2	-1	0	-1	2
Села	0	0	6	4	5	-1	-2	2	9	7	9

Динамика индекса прерываний в разных группах респондентов может свидетельствовать о влиянии происходящих в стране событий на уровень опасения отвечать на вопросы о них: когда ранее считавшиеся приемлемыми вопросы начинают вызывать дискомфорт у участников опросов, растут доли прервавших интервью. Наибольшими потрясениями для многих россиян стали начало боевых действий и объявление о мобилизации. Мы разделили все наши опросы на четыре группы: 1 — до военных действий (2021 г.), 2 — в самом начале военных действий (февраль 2022 г.), 3 — по прошествии первого шока и до объявления мобилизации (с марта по сентябрь 2022 г.) и 4 — после объявления мобилизации (с 21 сентября 2022 г. по июль 2023 г.). Исследуемыми группами мы выбрали молодых людей обоюбого пола — группы, чаще прерывавшие интервью и в наименьшей степени поддерживающие военные действия. Доли этих групп в военно-политических опросах на протяжении всех четырех периодов значимо не менялись (см. табл. 5).

Таблица 5. Доли мужчин и женщин 18—29 лет в массивах прерванных интервью (массивы не взвешены, ФСИ, 2022—2023 гг.)

	2021 год	Февраль 2022	До мобилизации	После мобилизации
Мужчины 18—29 лет	15	44	558	239
	9,4%	8,5%	8,4%	7,5%
Женщины 18—29 лет	13	33	460	208
	8,2%	6,4%	6,5%	6,2%

Прерванные интервью почти не влияют на смещения выборок по социально-демографическим параметрам. Некоторые группы стабильно чаще прерывают интервью (молодежь и пожилые люди, сельчане), другие реже бросают трубки (люди среднего возраста и жители областных центров), однако к значимым смещениям выборок это не приводит из-за малого числа тех, кто не доводит интервью до конца, по сравнению с числом успешно проходящих опросы.

Выводы и обсуждение результатов

Число отказов от участия в опросах на тему российско-украинского конфликта в период военных действий возросло, а кооперация респондентов снизилась, однако произошло это не сразу после начала военного противостояния, а только в период после окончания активной мобилизационной кампании (с октября 2022 г.), то есть первая гипотеза подтверждена частично. После начала боевых действий кооперация не только не снизилась, а даже немного возросла за счет снижения доли прерванных интервью на фоне оставшегося прежним числа отказов. Однако такой вывод ограничен тем фактом, что в нашем распоряжении для сравнения оказался лишь один политический опрос, проведенный до февраля 2022 г.

После начала военных действий в посвященных им опросах доля прерванных интервью не только не возросла, но даже немного снизилась. Выросла она только в период активной мобилизационной кампании, однако после ее окончания доля прерванных интервью опять снизилась, то есть вторая гипотеза об увеличении

числа прерываний в опросах на тему российско-украинского конфликта не подтвердилась — респонденты не стали чаще прерывать интервью во время военных действий. Влияние прерванных анкет на результаты опроса невелико из-за малой доли таких обрывов. К значимым систематическим смещениям выборок они не приводят, несмотря на то что есть социально-демографические группы, которые стабильно чаще других прерывают опрос: это молодежь, люди пенсионного возраста и сельчане, тогда как жители столиц регионов и люди среднего возраста стабильно чаще проходят опрос до конца. Хотя на число прерываний влияет множество факторов, вопросы на тему военных действий вызывают значительно больше прерываний, чем вопросы на другие темы в тех же опросах.

Половозрастной состав выборок в опросах о российско-украинском конфликте немного смещается в сторону от молодых мужчин к женщинам, однако, во-первых, это смещение выражено слабо и не может значимо повлиять на результаты исследований, во-вторых, это смещение имеет компенсаторный характер. Если раньше выборки в политических опросах стабильно смещались в сторону преобладания мужчин, то за время конфликта выборки постепенно становятся в несколько большей степени соответствующими гендерному составу населения России по данным Росстата (преобладание мужчин при этом сохраняется, но становится чуть менее выраженным). Некоторого сокращения доли молодежи в опросах недостаточно, чтобы значимо повлиять на их результаты. По-видимому, оно связано с резко возросшим уровнем эмиграции, при котором Россию покидали в основном молодые люди¹⁹. Таким образом, третью гипотезу можно считать не подтвердившейся.

Несмотря на то что конфликт с Украиной изменил политические и экономические условия жизни в России, к масштабным изменениям массового сознания россиян он не привел, «социотрясением» в терминологии Б. А. Грушина пока не стал, хотя к тому есть все основания. Это подтверждается результатами как наших исследований восприятия россиянами конфликта с Украиной, так и приведенными в этой статье методическими данными и анализом исследований коллег. Проведенный анализ параданных доступных нам опросов на тему российско-украинского конфликта показал, что существенным изменением в период военных действий стало только снижение кооперации респондентов после мобилизационной кампании из-за значимо выросшей доли отказов.

Список литературы (References)

1. Звоновский В. Б. Выбор метода исследования и реализация выборки // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 107—117.
Zvonovsky V. B. (2012) The Choice of the Research Method and the Implementation of the Sample. *Sociological Journal*. No. 1. P. 107—117. (In Russ.)

¹⁹ Точных данных относительно количества и социальных характеристик уехавших из страны после начала военных действий россиян до сих пор нет. Но имеется ряд исследований эмиграции после февраля 2022 г., основанных на косвенных данных, которые показывают, что Россию покинули от 600 тыс. до 1 млн ее граждан, преимущественно молодых и высокообразованных (см., например, исследования Маргариты Завадской, https://www.filia.fi/wp-content/uploads/2023/03/bp358_margarita_war-induced-exodus-from-russia.pdf). Более подробный обзор исследований эмиграции военного периода см. в [Звоновский, Ходыкин, 2024: 26—27].

2. Звоновский В. Б. Реализация репрезентативной выборки в массовом опросе // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 25—47.
Zvonovsky V. B. (2007) Implementation of a Representative Sample in a Mass Survey. *Sociological Journal*. No. 4. P. 25—47. (In Russ.)
3. Звоновский В. Б., Григорьева М. В., Соловьева Ю. В. Современные практики проведения телефонных опросов в странах мира // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 127—138. <https://doi.org/10.31857/S013216250003754-2>.
Zvonovsky V. B., Grigorieva M. V., Solovieva Y. V. (2019) Contemporary Practices of Telephone Surveys in the World. *Sociological Studies*. No. 1. P. 127—138. <https://doi.org/10.31857/S013216250003754-2>. (In Russ.)
4. Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Восприятие россиянами конфликта с Украиной: проверка гипотезы «спирали молчания» // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 38—50. <https://doi.org/10.31857/S013216250028531-7>.
Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. (2023) Russians' Perception of the Conflict with Ukraine: Testing the “Spiral of Silence” Hypothesis. *Sociological Studies*. No. 11. P. 38—50. <https://doi.org/10.31857/S013216250028531-7>. (In Russ.)
5. Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 38—53. <https://doi.org/10.31857/S013216250021524-9>
Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. (2022) Reflection of the Cultural Power of The Geopolitical Narrative in the Collective Perceptions of Russians about the Military Operation in Ukraine. *Sociological Studies*. No. 11. P. 38—53. <https://doi.org/10.31857/S013216250021524-9>. (In Russ.)
6. Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Российское общественное мнение в условиях военного конфликта 2022—2023. Кишинев: Historical Expertise, 2024.
Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. (2024) Russian Public Opinion in the Context of the Military Conflict 2022—2023. Chişinău: Historical Expertise. (In Russ.)
7. Мягков А. Ю. Косвенные методы в сенситивных исследованиях / науч. ред. И. В. Журавлева. М.: ИНФРА-М, 2024.
Myagkov A. Y. (2024) Indirect Methods in Sensitive Researches. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
8. Рогозин Д. М. Влияние интервьюера на доступность респондентов в телефонном опросе // Социологический журнал. 2004. № 1—2. С. 75—105.
Rogozin D. M. (2004) The Influence of The Interviewer on The Accessibility of Respondents in a Telephone Survey. *Sociological Journal*. No. 1—2. P. 75—105. (In Russ.)
9. Рогозин Д. М. Влияние пола респондента на результативность телефонного опроса // Социология 4М. 2006. № 22. С. 77—89.
Rogozin D. M. (2006) The Influence of The Respondent's Gender on The Effectiveness of a Telephone Survey. *Sociology 4M*. No. 22. P. 77—89. (In Russ.)

10. Abraham K. G., Maitland A., Bianchi S. M. (2006) Nonresponse in the American Time Use Survey: Who Is Missing from the Data and How Much Does It Matter? *International Journal of Public Opinion*. Vol. 70. No. 5. P. 676—703.
11. Brick J. M., Williams D. (2013) Explaining Rising Nonresponse Rates in Cross-sectional Surveys. In: *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 645. No. 1. P. 36—59.
12. Chapkovski Ph., Schaub M. (2022) Do Russians Tell the Truth When They Say They Support the War In Ukraine? Evidence from a List Experiment. *LSE European Politics and Policy (EUROPP) Blog* (06 Apr 2022). <https://eprints.lse.ac.uk/116770/> (accessed: 25.05.2024).
13. Elder S. R. (1992) Systems for Monitoring Fieldwork Progress and Performance. In: Westlake A., Banks R., Payne C., Orchard T. (eds.) *Survey and Statistical Computing*. Amsterdam: Elsevier Science Publishers. P. 119—128.
14. Pechenkina A. O., Bausch A. W., Skinner K. K. (2018) The Pitfalls of List Experiments in Conflict Zones. *Civil Wars*. Vol. 20. No. 3. P. 408—435.
15. Reisinger W. M., Zaloznaya M., Woo B. D. (2023) Fear of Punishment as a Driver of Survey Misreporting and Item Non-Response in Russia and Its Neighbors. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 39. No. 1—2. P. 49—59. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2022.2150490>.

Приложение 1.**Описание выборок исследуемых опросов различных компаний**

Организация	Даты опроса	Объем выборки	Примечания
ФСИ	28 фев.— 1 мар. 2022	1642	Все телефонные опросы репрезентируют взрослое население России по полу, возрасту и федеральным округам. Выборки стратифицированы по федеральным округам. Базы контактов сгенерированы случайным образом на основании диапазонов, выдаваемых Минцифры РФ операторам мобильной связи. Опросы проводились только по мобильным номерам. Весовые коэффициенты рассчитаны на основе последних опубликованных данных Росстата на момент проведения опросов
	10—16 мар. 2022	1650	
	18—20 мар. 2022	1625	
	22—24 мар. 2022	1004	
	31 мар.— 3 апр. 2022	1600	
	4—6 апр. 2022	1001	
	9—11 апр. 2022	1904	
	25—27 апр. 2022	1600	
	10—11 мая 2022	1500	
	13—16 мая 2022	1000	
	5—7 июля 2022	1010	
	24—30 июля 2022	1600	
	23—27 авг. 2022		
	6—10 сен. 2022		
	21—22 сен. 2022	1000	
	29—30 сен. 2022	800	
	27 сен.— 1 окт. 2022	1002	
	6—9 окт. 2022	1600	
	10—14 нояб. 2022		
22—26 дек. 2022			
22—25 фев. 2023	1977		
1—7 июля 2023			
14—26 сентября 2023			
Хроники	28 фев.— 2 мар. 2022	1807	
	10—13 мар. 2022	1811	
	26—30 мар. 2022	1602	
	10—18 апр. 2022	1613	
	14—19 мая 2022	1605	
	29 июня— 5 июля 2022	1823	
	10—16 окт. 2022	1685	
	2—9 фев. 2023	1600	
	4—9 июля 2023	1002	
	17—22 окт. 2023	1199	
ВЦИОМ	25 февраля 2022	1600	
	27 февраля 2022		
	17 марта 2022		
	24 марта 2022		
	18 апреля 2022		
	26 мая 2022		
	25 июня 2022		
	13 августа 2022		
	1 октября 2022		
	17 ноября 2022		
	29 декабря 2022		
1 апреля 2023	1602		

Организация	Даты опроса	Объем выборки	Примечания
Russian Field	26—28 фев. 2022	2022	В качестве источника для формирования стартовой выборки компания Russian Field использовала не данные о диапазонах номеров, распределенных Минцифры РФ между провайдерами телефонной связи в России, а базы данных, сформированных на основе разных сервисов, вроде Авито, Озона и пр., что может способствовать смещению выборок в сторону более активных в Интернете россиян
	5—7 мар. 2022	1606	
	13—16 мар. 2022	1608	
	23—25 мар. 2022	1628	
	13—15 апр. 2022	1616	
	2—5 мая 2022	1609	
	23—26 мая 2022	1606	
	28—31 июля 2022	1609	
	29 сен.— 1 окт. 2022	1610	
	29 нояб.— 5 дек. 2022	1603	
	31 янв.— 6 фев. 2023	2000	
	16—19 июня 2023	1604	
	26—30 июня 2023	1600	
	21—29 октября 2023	1610	

DOI: [10.14515/monitoring.2024.4.2531](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2531)

К. А. Галкин

ТРАНСФОРМАЦИЯ АГЕНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ И ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Правильная ссылка на статью:

Галкин К. А. Трансформация агентности молодежи и пожилых людей в период пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 27—45. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2531>.

For citation:

Galkin K. A. (2024) Transformation of Agency of Youth and Older Adults during the COVID-19 Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 27–45. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2531>. (In Russ.)

Получено: 05.12.2023. Принято к публикации: 04.06.2024.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АГЕНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ И ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

ГАЛКИН Константин Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: Kgalkin1989@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>

Аннотация. Статья представляет исследование, нацеленное на анализ процессов формирования агентности и адаптации у пожилых и у молодых людей в условиях пандемии. Автор ставит своей целью выявить и проанализировать процессы адаптации к ситуации пандемии и связанных с ней ограничений. Работа опирается на материалы полуструктурированных интервью с молодежью и пожилыми людьми, собранных в период с февраля по июль 2023 г.

Агентность рассматривается как набор различных действий индивидов и ответственность за них, в рамках этого подхода автор анализирует трансформацию агентности в двух группах населения, а также изучает их взаимодействие с окружающей средой во время COVID-19. Результаты исследования позволяют утверждать, что как пожилые, так и молодые люди стремились трансформировать свою агентность, адаптируя ее к условиям пандемии, принимая ограничительные меры и получая лечение. Трансформация агентности приводила к изменениям в их поведении и повседневной жизни. Для молодежи эта адаптация чаще всего была временной, в то время как для пожилых людей она стала неотъемлемой частью жизни, связанной с ограничивающим воздействием медицины. Пожилые люди в целом были более склонны принимать произошедшие изменения и адапти-

TRANSFORMATION OF AGENCY OF YOUTH AND OLDER ADULTS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Konstantin A. GALKIN¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher

E-MAIL: Kgalkin1989@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>

¹ Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (branch) of the Federal Center of the Theoretical and Applied Sociology RAS, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article presents a study aimed at analyzing the processes of agency formation and adaptation of older and younger people in the context of a pandemic. The author aims to identify and analyze the processes of adaptation to the pandemic situation and the restrictions associated with it. The work is based on semi-structured interviews with young people and older people, collected from February to July 2023.

Agency is considered as a set of different actions of individuals and responsibility for them; within the framework of this approach, the author analyzes the transformation of agency in two population groups and studies their interaction with the environment during COVID-19. The article presents a study aimed at analyzing the processes of agency formation and adaptation in older and younger people in the context of a pandemic. The transformation of agency led to changes in their behavior and everyday life. For young people, this adaptation was most often temporary, while for older people it became an integral part of life associated with the restrictive effects of medicine. Older people were generally more willing to accept and adapt to the changes that had taken place, while younger participants of the study were more flexible and maintained a critical outlook on the situation, trying to adapt to new conditions while simultaneously recognizing and

роваться к ним, тогда как молодые участники исследования проявляли большую гибкость и сохраняли критический взгляд на ситуацию, стараясь адаптироваться к новым условиям, одновременно осознавая и анализируя созданные пандемией проблемы и сложности.

analyzing the problems and difficulties created by the pandemic.

Ключевые слова: трансформация агентности, пандемия COVID-19, молодежь, пожилые люди, последствия пандемии

Keywords: agency transformation, COVID-19 pandemic, youth, older adults, pandemic consequences

Введение

В современной социологии наблюдается повышенное внимание к исследованиям индивидуального действия в свете кризисов и глобальных изменений. Особое значение приобретает концепт агентности, выделяемый рядом исследователей [Кузьминов, Сорокин, Фрумин, 2019]. Пандемия COVID-19 показала необходимость пересмотра традиционных подходов к изучению агентности и включению данного концепта в социологические рассуждения [Сорокин, Зыкова, 2021]. Российские и зарубежные работы, посвященные поведению людей в период пандемии, подчеркивают важность индивидуального действия человека, а не только соответствия регламентам, часто устанавливаемым сверху и осложняющим жизнь общества. Например, авторы, фокусирующиеся на формировании агентности в сфере образования в период пандемии, подчеркивают необходимость анализа как молодежи, так и преподавателей, отмечая, что изменения в агентности, произошедшие в этот период, могут оказать длительное воздействие на жизненные пути и отношение людей к обществу в целом [Dwivedi et al., 2020].

Изменения в агентности, произошедшие в условиях пандемии COVID-19, затрагивают не только трудовые отношения, но также сферу досуга, профессионального развития и коммуникации, которые особенно проблематичны для таких групп, как пожилые люди [Григорьева, Богданова, 2020]. Подобные исследования формулируют проблемы и предполагают необходимость разработки как новых теорий для изучения агентности, так и практических инструментов, чтобы расширить ее понимание [Vale et al., 2020; Leach et al., 2021]. Это включает в себя не только социально-экономическую динамику, но и рассмотрение индивидуальных особенностей и потенциала людей для понимания индивидуального выбора и воздействия происходящих трансформаций на повседневную жизнь индивидов [Chen, 2021]. Такие задачи стоят как перед научным сообществом, которое стремится найти ответы на вопросы об изменениях в агентности, так и перед сферой бизнеса, образования и производства, где ключевым является переход к ориентации на индивидуальные ресурсы и потенциал людей.

В последние годы, в свете глобальных кризисов, особое внимание ученых привлекает изучение концепции агентности и возможных изменений в индивидуальном действии. Ситуация пандемии COVID-19 повлияла на возникновение новых

подходов к изучению агентности и роли индивидуальных инициатив в преодолении кризисных ситуаций. Исследователи отмечают, что помимо институциональных мер решающее значение имеют действия и выборы отдельных индивидов, включая их инициативы по решению проблем, связанных со здоровьем в период пандемии [Pradies et al., 2021; Сорокин, 2021].

Сфокусированные на молодежи и студентах как ключевых группах в период пандемии исследования трансформации агентности освещают вызовы, с которыми сталкивается образовательная система [Абрамов и др., 2020; Чернова, Шпаковская, 2021]. Ответом на эти вызовы может стать развитие изменяющейся агентности, причем исследование этого процесса остается актуальным даже после завершения пандемии, в свете постоянных трансформаций социального порядка. Тем не менее работы не должны игнорировать аспекты агентности групп населения помимо молодежи, таких как пожилые люди, которые пострадали от пандемии в большей степени и до сих пор продолжают испытывать негативные (репрессивные) последствия. Изучение агентности пожилых людей пока недостаточно освещено в научной литературе. Цель данной статьи — изучение трансформации агентности представителей двух возрастных групп: пожилых людей и молодежи. Основной акцент делается на анализе влияния медицинских мер и ограничительных действий, предпринимаемых в связи с пандемией, на обе эти группы населения.

Обзор исследований агентности

В социально-экономических науках развивается дискурс о противопоставлении структуры и действия. Однако исследований, которые концептуализируют понятие агентности и рассматривают его формирование с позиции научного знания, немного. Существующие работы обычно фокусируются на описании агентности в целом, уделяя мало внимания ее трансформации [Штомпка, 2001; Сорокин, Фрумин, 2020]. Это подчеркивает необходимость проведения эмпирических исследований, посвященных изучению особенностей маркирования агентности индивидами и формирования агентности в контексте кризисных ситуаций.

Современные социологические исследования, обзоры и теоретические работы ориентированы на определение агентности с социологической точки зрения. Однако разнообразие концепций, используемых для описания агентности, иногда затрудняет понимание и описание ее формирования. Например, агентность может восприниматься как независимость от правил среды или как формирование контроля над собой в неблагоприятных условиях [Berridge, 2017]. Ученые все чаще рассматривают агентность как способность принимать решения на основе личных желаний и мотиваций, не поддаваясь внешнему давлению [Smith, Ulvik, 2017]. В таком контексте агентность может проявляться в сопротивлении внесенным изменениям и ограничениям в обществе [Rydzik, Anitha, 2019].

Важная черта современных исследований агентности — учет как объективных внешних событий, так и субъективных характеристик личности, позволяющих действовать проактивно в различных ситуациях. Для анализа проявлений агентности оптимален социологический подход, который позволяет учитывать внешние и внутренние факторы [Bhatti et al., 2020; Tuominen, Martinsuo, 2019]. Однако ба-

зовым и важным аспектом остается изучение агентности в контексте взаимодействия структуры и действия.

Глобальные кризисы, такие как вызванный пандемией COVID-19, поднимают вопросы о трансформационном потенциале действия относительно структуры. Изучение агентности в этом контексте подразумевает рассмотрение ее и как социально поощряемого действия, и как действия, выходящего за пределы ожиданий и изменяющего социальную среду [Pahl-Wostl et al., 2023; Campbell, 2020].

В данном исследовании мы рассматриваем трансформацию агентности в период пандемии COVID-19 как результат взаимодействия среды и человеческой активности. В отличие от ряда исследователей, согласно которым ситуация пандемии и связанные с ней ограничения лишали людей их агентности [Statz, Kobayashi, Finlay, 2023; Sanderson et al., 2021; Jones, 2024], мы предполагаем, что пандемия не лишала индивидов агентности, а скорее вызывала трансформации агентности, причем эти изменения могли различаться в зависимости от поколения.

Под агентностью мы понимаем совокупность атрибуций, связанных с действиями индивидов в различных ситуациях. Таким образом, агентность определяется набором разнообразных действий и ответственности за них, присутствующих в повседневной жизни людей. Агентность формируется из множества переживаний, связанных как с окружающей средой, так и с особенностями личности, а также с изменениями, происходящими в современном мире.

Исследования агентности затрудняет отсутствие единого категориального аппарата. В научных дебатах наблюдается разнообразие точек зрения на определение агентности и ее главные компоненты. В настоящее время преобладает дискурс, который можно разделить на два основных подхода: первый акцентирует внимание на личных навыках и умениях индивида, в то время как второй подход рассматривает агентность в контексте взаимодействия с окружающей средой [Bandura, 1977; Kwon, Kim, 2020; Tuominen, Martinsuo, 2019]. Эти два направления подразумевают разные модели восприятия агентности и ее формирования в индивидуальном и социальном контекстах. В настоящем исследовании используется подход, который рассматривает агентность в контексте взаимодействий с окружающей средой.

Методология исследования и эмпирическая база

Все информанты исследования — жители Санкт-Петербурга. Возрастной диапазон пожилых людей — от 65 до 80 лет, возрастной диапазон молодых информантов — от 18 до 22 лет. Всего было проведено 40 интервью. Интервью собирались с февраля по июль 2023 г. Выбор возрастных групп для сравнения обоснован необходимостью полного понимания особенностей формирования агентности в различных возрастных категориях. Группы пожилых людей были разделены на две категории (65—75 лет и 75—80 лет) с учетом различий в их социально-экономическом статусе и уязвимости перед эпидемическими рисками. В категории 65—75 лет было взято 14 интервью, в группе 75—80 лет — 10. Группы молодежи (18—20 лет и 20—22 года) были выбраны из-за различий в образовательных и профессиональных характеристиках, влияющих на формирование агентности и отношение к эпидемическим ограничениям. Среди 18—20-летних информантов взято 10 интервью, среди 20—22-летних — 6. Все информанты проживали либо

в собственном, либо в съемном жилье. У пожилых людей было преимущественно высшее и среднее специальное образование. Информанты 65—75 лет преимущественно продолжали занятость, а 75—80 лет не работали. Молодые участники исследования имели полное среднее образование и обучались в вузах Санкт-Петербурга. Информанты из группы 20—22 года имели в том числе и неполное высшее образование (бакалавриат) и продолжали обучение в магистратуре. Данные об информантах приведены в Приложении 1.

Метод сбора данных — полуструктурированные интервью (см. гайд в Приложении 2). Данные анализировались с применением тематического метода [Miles, Huberman, 1994; Kvale, 1996]. Тексты интервью были закодированы по заранее отобранным темам: «ограничительные меры и их соблюдение»; «лечение, госпитализация и взаимодействия с врачами»; «значение пандемии и особенности пандемии»; «трудности преодоления периода пандемии и изоляции». Для анализа нарративов интервью применялся метод секвенционного анализа.

Соблюдение ограничительных мер

В нашем исследовании мы обнаружили, что как пожилые, так и молодые участники были готовы добровольно принимать необходимые ограничения, связанные с пандемией, и старались их соблюдать. Этот факт свидетельствует об их высокой социальной ответственности. Они осознавали, что ограничения прежде всего влияют на их личную свободу, но при этом признавали полезность таких мер для общественного здоровья.

Пожилые информанты отмечали, что хотят быть полноправными участниками социальной жизни, несмотря на введенные ограничения. Это говорит о желании сохранить активность в общественных сферах даже в условиях ограничений, которые могут создавать барьеры для полноценного общения. Интервьюируемые выражали надежду, что принимаемые меры не отразятся на их активности и участии в общественной жизни:

Все эти ограничения, которые были введены, они, конечно, очень серьезно повлияли и на мой распорядок дня, да и вообще на мироощущение, что ли. Не выйдешь в будни никуда, потому что боишься, что могут тебя, так сказать, попросить вернуться в родные пенаты. И это, конечно, самое сложное, вообще вот, наверно, именно это и напрягает больше всего, потому что твое время уже не принадлежит тебе, и ты думаешь, когда удобно куда-либо сходить, чтобы не нарушать карантинные меры и карантинные ограничения. (Мария, 83 года, пенсионер).

Информанты выражали и критическое отношение к мерам, стремясь соблюдать только те, которые считались действительно эффективными для сохранения здоровья и имели научное обоснование. Понимание необходимости этих мер информанты связывали с опасением заразиться коронавирусом, что мотивировало их соблюдать соответствующие меры безопасности.

Я считаю, что, конечно, были перегибы там с этими санитайзерами в тех же торговых центрах. Ну, или вообще там перегибы с вообще в целом вот этим вот бесконтрольным

закрытием всего... Но, если так-то разобраться здраво, смысл в этих ограничительных мерах есть, и он весьма и весьма значимый и весомый. Потому что если вообще не делать, как в той же там Швеции было, то вымрут все люди без остатка... Никого в итоге не останется в живых, и это, безусловно, будет плохо. (Андрей, 21, студент).

Подобное поведение информантов можно сравнить с идеей И. Гофмана о тотальном институте, когда люди подчиняются ограничениям, навязанным властью, ради достижения определенных целей, в данном случае — сохранения здоровья [Томсон, 2018]. Информанты признавали временное ущемление своей агентности в обмен на возможность сохранить свое здоровье и соответствовать правилам и ограничениям, введенным в период пандемии.

По результатам наших интервью, и молодые, и пожилые информанты демонстрировали готовность подчиниться ограничительным мерам, чтобы сохранить свое здоровье и соответствовать требованиям властей в условиях пандемии. Это важный фактор для соблюдения общественной безопасности и эффективного преодоления пандемии. Тем не менее в ходе исследования выяснилось, что отношение пожилых людей и молодежи к ограничительным мерам, введенным в связи с пандемией, различается. Пожилые люди проявляют более серьезное отношение к этим мерам, что, вероятно, объясняется осознанием более высокого риска для своего здоровья в случае заражения. Возможно, это связано с их пониманием того, что возрастные особенности делают их более уязвимыми, и они предпринимают меры предосторожности, чтобы минимизировать риск заболевания. С другой стороны, молодые люди, возможно, воспринимают ограничения менее серьезно, полагая, что те не так сильно влияют на их повседневную жизнь и активности. Молодежь более склонна к риску и может не так строго придерживаться правил социальной дистанции или использования масок. Различия в отношении к ограничениям между пожилыми людьми и молодежью могут быть связаны как с различным восприятием риска, так и с различиями в поведенческих шаблонах и отношении к авторитетам.

Пожилые люди в нашем исследовании описывали контекст пандемии скорее как признак деградации и упадка прежнего мира. Их взгляды отражали представление о пандемии как следствии общей деградации социальных институтов, медицинской системы и экологической обстановки. Для них введение ограничительных мер — символ неспособности общества справиться с глобальным вызовом, что подчеркивало их чувство потери стабильности и контроля над окружающим миром:

Вы знаете, раньше — еще даже в момент позднего СССР, ну перед самым распадом Советского Союза, — все было совсем по-другому. Да, собственно говоря, и помыслить раньше не могли такую ситуацию, как ситуацию глобальной пандемии сейчас. А сейчас это вообще в целом-то и неудивительно с учетом всего происходящего, с учетом подобной всеобщей деградации, что такие истории случаются. Поэтому сама пандемия — это, наверное, лучшая иллюстрация того, до чего человек может довести планету и что бывает с планетой, если происходят вот такие проблемы. Поэтому ничего удивительного в этом нет — какой мир, такие и новые болезни в этом мире. (Иван, 69, строитель).

Люди пожилого возраста акцентировали внимание на необходимости соблюдения предписанных мер, однако они испытывали беспокойство и опасения перед возможным введением новых, более строгих ограничений.

В рассказах пожилых людей мы обнаружили интересную особенность — их активное сопротивление инновациям и негативное отношение к современным изменениям, связанным с научно-техническим прогрессом. Часто они описывали прошлое как времена, когда все было лучше, и видели в новых ограничениях лишь усиление общего упадка. Для них адаптация к изменениям ассоциировалась с потерей собственной агентности, они следовали ограничениям скорее из чувства безысходности, чем из убежденности в их неотложной необходимости.

Я не знала, что будет дальше, да я, собственно говоря, не знала, что будет и через неделю, как продлят карантин и какие еще ограничения будут введены. Но все, что новое вводилось, я, безусловно, очень воспринимала все близко к сердцу, потому что по-другому и нельзя никак в этой-то ситуации. Потому что это такие ощущения, когда старый мир, как в известной песне, разрушен до основания, а новый мир еще не наступил. (Маргарита, 73, пенсионер).

Эти наблюдения позволяют нам глубже понять, как пожилые люди воспринимают изменения и как они адаптируются к новым условиям, а также обращают внимание на значимость аспектов личной автономии и контроля в их жизни.

На контрасте с пожилыми людьми молодежь относилась к введенным ограничениям как к временному явлению, видя в них не столько препятствие, сколько вызов, который требует адаптации. Для молодых людей эти меры не были сдерживающим фактором, а даже наоборот — стимулировали к развитию новых навыков и стратегий. Они готовы были изменить свои привычки и поведение в соответствии с требованиями ситуации, а также использовать новые технологии и способы взаимодействия для поддержания связи с окружающим миром. Молодежь проявляла гибкость и творческий подход к решению проблем, искренне веря в свою способность преодолевать трудности. Именно эта готовность к преобразованиям и стремление к самосовершенствованию помогли молодежи успешно адаптироваться к измененным условиям и найти новые возможности для самовыражения и самореализации.

Лечение коронавируса и госпитализация

Когда индивид осознает свое заражение коронавирусом, обычно он или она понимает необходимость обращения за медицинской помощью и лечением. Переболевшие информанты рассказывали в интервью, что больше всего переживали за возможность получения качественной медицинской помощи как дома, так и в стационаре. Они следили за всеми этапами заболевания и отмечали серьезные проблемы со здоровьем, для того чтобы быть информированными о возможных осложнениях и трудностях в лечении.

Когда температура поднялась, а потом резко и очень неприятно стало горло болеть у меня, я стала каждую деталь отмечать и по каждой детали вести наблюдение, пото-

му что это понятно, что новая инфекция и как ее лечить, думаю, точно никто не скажет — ни врачи, и ни ученые. Поэтому, как только появились признаки, я сразу, еще до теста на ПЦР, уже записывала все симптомы и все, что меня беспокоит, чтобы составить наиболее полную картину в лечении. (Анастасия, 76, пенсионер).

Люди, осознавшие, что заразились COVID-19, испытывали тревогу не только по поводу своего собственного здоровья, но и из-за возможности заразить близких. Это подчеркивает важность доступа к качественной медицинской помощи и информации о заболевании как для индивида, так и для его окружения.

Информированность о заболевании и доступ к качественной медицинской помощи имели решающее значение для успешного противодействия болезни и снижения риска осложнений. Заболевшие активно стремились получить всю необходимую информацию о COVID-19 и его лечении, что позволяло им принимать обоснованные решения и участвовать в собственном восстановлении.

Ну, я пришла, ну, врач меня что-то спрашивала и спрашивала, в итоге там посмотрела все и приняла решение о назначении необходимого лекарства, так все и было. Вообще-то, по факту, я это лекарство и стала принимать, и теперь вот вылечилась. Я не очень люблю вообще врачей и, следовательно, нет у меня прям такого желания делиться чем-либо. Да, про температуру сказала, но там про другие подробности, про ту же диарею, которая у меня была довольно сильная, как только поднялась температура, — это личное, про это я не вижу смысла говорить с врачами. (Ирина, 21, студент).

Осознание заражения коронавирусом вызывало у индивидов острую потребность в доступе к медицинской помощи и информации, что выдвигало эти аспекты на первое место в борьбе с пандемией.

Чтобы оставаться информированными о своем состоянии здоровья, наши информанты использовали различные источники информации: общение с людьми, перенесшими инфекцию, чтение специализированных форумов и групп в социальных сетях, изучение научно-популярных статей. Важно отметить, что пожилые пациенты были более склонны к тщательному мониторингу своего состояния и поиску информации о болезни, в то время как молодые пациенты чаще придерживались приватности и ограничивались простым выполнением медицинских рекомендаций.

Я дневник писал своего, скажем так, домашнего лечения и проблем со здоровьем. И это все я в дневнике фиксировал и все это и рассказывал врачам, ведь только они и могут помочь, и я вообще не вижу смысла чего-либо утаивать и скрывать, это неправильно, на мой взгляд. (Иван, 69, строитель).

В нашем исследовании мы приходим к выводу, что ситуация пандемии не лишила людей агентности, а, наоборот, изменила способы ее проявления, которые могли различаться в зависимости от возраста и индивидуальных особенностей.

Мы обнаружили, что молодежь воспринимала госпитализацию как потерю собственной агентности из-за необходимости подчиниться медицинским процедурам

и ограничениям, в то время как у пожилых людей тревоги были больше связаны с ограничениями возможностей современной медицины в лечении коронавируса и качеством медицинской помощи, которую они получали до пандемии.

Я когда попал в больницу, температура была под сорок. Да, понимал, что здесь у врачей сейчас одна задача, ну, собственно говоря, лечить само заболевание и принимать все необходимые меры по лечению. Это и понятно в целом, но, так скажем, когда я здесь находился, то особенно не задумывался, там, каким должно быть вообще лечение и разговоры с врачами, то есть ну есть оно и есть, и это было в целом для меня основным. Главное — это быстрее выздороветь и, конечно, быстрее на ноги встать и домой уйти, вот это и было основным для меня сейчас в лечении. (Федор, 20, студент).

Сейчас все не так, как раньше. И молодые доктора, они вообще с пациентами практически не разговаривают и не общаются, вот это и печально в целом. А для пожилых людей, наверное, наиболее значимым выступает как раз таки вот эта поддержка, которой очень сильно не хватает. А в эту заразу пандемию так и вообще я понимаю, что времени ни у кого не стало, так в итоге все и происходит — диагноз поставили и потом стали лечить, а я одинокая, и поддержки этой нет. Это очень психологически, конечно, непросто и тяжело. (Антонина, 80, пенсионер).

При поступлении в клинику и коммуникации с врачами объективировалась телесность пациентов, жизнь их радикально менялась. Это вызывало чувство тревоги у многих пожилых людей, они ощущали утрату части своей жизни и изменение своей агентности. Для молодежи же медицинские процедуры воспринимались скорее как техническая необходимость, а не угроза агентности.

Таким образом, наше исследование показывает, что изменение агентности пациентов в период пандемии зависело от их возраста и особенностей восприятия информантами ситуации пандемии. Для молодежи лечение представляло собой функциональный процесс, в то время как для пожилых людей оно оказывало глубокое влияние на их самосознание, что в конечном счете ухудшало их психологическое состояние.

Заключение

С началом пандемии возник особый интерес к исследованию агентности, поскольку она стала ключевым аспектом для понимания того, как люди адаптируются к трансформирующимся условиям окружающего мира. В проведенном исследовании мы рассматривали агентность как наборы различных действий и ответственности за них, существующие в повседневности пожилых людей. Ученые по всему миру начали активно изучать, как изменения в окружающей среде, вызванные пандемией COVID-19, влияют на агентность различных групп населения. В ходе нашего исследования мы обратились к вопросу о том, как именно пандемия воздействовала на агентность молодежи и пожилых людей. Исследование проводилось методом полуструктурированных интервью с молодежью и пожилыми людьми, проживающими в Санкт-Петербурге. Всего с февраля по март 2023 г. было собрано 40 интервью, их материалы анализировались с применением тематиче-

ского метода и секвенционного анализа нарративов интервью. Ограничения исследования заключаются в небольшой по объему выборке и невозможности рассмотрения регионального аспекта.

Наши результаты показали, что обе группы информантов сталкивались с трансформацией своей агентности. С одной стороны, они признавали необходимость соблюдения введенных норм и ограничений для защиты своего здоровья, что неизбежно приводило к изменениям в их образе мышления и поведении. С другой стороны, как молодежь, так и пожилые люди осознавали временный характер этих изменений и надеялись, что после окончания пандемии они смогут вернуться к привычной жизни.

Однако стоит отметить, что молодежь и пожилые информанты по-разному приспособлялись к новым условиям. Пожилые в целом были склонны принимать изменения как неизбежные и подстраиваться под них без особого сопротивления, считая их необходимыми для своего благополучия. С другой стороны, молодежь проявляет большую гибкость и активно адаптируется к новым условиям, сохраняя при этом критическое мышление и стремление к самовыражению.

Список литературы (References)

1. Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А., Захарова У. С., Григорьева А. В. Университетские преподаватели и цифровизация образования: накануне дистанционного форс-мажора // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 2. С. 59—74. <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.014>.
Abramov R. N., Gruzdev I. A., Terentev E. A., Zakharova U. S., Grigoryeva A. V. (2020) University Professors and the Digitalization of Education: on the Threshold of Force Majeure Transition to Studying Remotely. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 24. No. 2. P. 59—74. <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.014>. (In Russ.)
2. Григорьева И. А., Богданова Е. А. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 2. С. 187—211. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>.
Grigoryeva I. A., Bogdanova E. A. (2020) The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the COVID-19 Pandemic. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. No. 2. P. 187—211. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>. (In Russ.)
3. Кузьминов Я., Сорокин П., Фруммин И. Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования // *Форсайт*. 2019. Т. 13. № 2. С. 19—41. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.19.41>.
Kuzminov Ya., Sorokin P., Frumin I. (2019) General and Special Skills as Components of Human Capital: New Challenges for the Theory and Practice of Education. *Foresight*. Vol. 13. No. 2. P. 19—41. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.19.41>. (In Russ.)

4. Сорокин П. С. «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 124—138. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138>.
Sorokin P. S. (2021) “Transformative Agency” as an Object of Sociological Analysis: Contemporary Discussions and the Role of Education. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 21. No. 1. P. 124—138. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138>. (In Russ.)
5. Сорокин П. С., Зыкова А. В. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 216—241. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1858>.
Sorokin P. S., Zyкова A. V. (2021) «Transformative Agency» as a Subject of Research and Development in the 21st Century: A Review and Interpretation of International Experience. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 5. P. 216—241. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1858>. (In Russ.)
6. Сорокин П. С., Фрумин И. Д. (2020) Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки. *Социологические исследования*. № 7. С. 27—36. <https://doi.org/10.31857/S013216250009571-1>.
Sorokin P. S., Frumin I. D. (2020) “Structure/Agency” Problem in the 21st Century: Changing Social Reality and Research Implications. *Sociological Studies*. No. 7. P. 27—36. <https://doi.org/10.31857/S013216250009571-1>. (In Russ.)
7. Томпсон Х. Агентность, опосредованная объективацией: субъектность и технологии // Логос. 2018. Т. 28. № 5. С. 203—248.
Thompson C. (2018) Agency through Objectification: Subjectivity and Technology. *Philosophical Literary Journal Logos*. Vol. 28. No. 5. P. 203—248. (In Russ.)
8. Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. «Бесконечный день сурка»: социологический анализ учебных практик студентов вузов в ситуации вынужденной изоляции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 464—483. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1765>.
Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2021) “Endless Groundhog Day”: Sociological Analysis of Educational Practices Implemented by University Students in a Situation of Forced Isolation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 464—483. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1765>. (In Russ.)
9. Штомпка П. (2001) Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. No. 9. С. 3—13.
Sztompka P. (2001) The Concept of Social Structure: An Attempt at Generalization. *Sociological Studies*. No. 9. P. 3—13. (In Russ.)

10. Bandura A. (1977) Self-Efficacy: Toward a Unifying Theory of Behavioral Change. *Psychological Review*. Vol. 84. No. 2. P. 191—215. <https://doi.org/10.1037/0033295x.84.2.191>.
11. Berridge D. (2017) The Education of Children in Care: Agency and Resilience. *Children and Youth Services Review*. Vol. 77. P. 86—93. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2017.04.004>.
12. Bhatti S., Zakariya R., Vrontis D., Santoro G., Christofi M. (2021) High-Performance Work Systems, Innovation and Knowledge Sharing: An Empirical Analysis in the Context of Project-Based Organizations. *Employee Relations: The International Journal*. Vol. 43. No. 2. P. 438—458. <https://doi.org/10.1108/ER10-2019-0403>.
13. Campbell P. (2020) Rethinking Professional Collaboration and Agency in a Post-pandemic Era. *Journal of Professional Capital and Community*. Vol. 5. No. 3/4. P. 337—341. <https://doi.org/10.1108/JPCO-06-2020-0033>.
14. Chen J. H. (2021) Daily Social Life of Older Adults and Vulnerabilities during the COVID-19 Pandemic. *Frontiers in Public Health*. Vol. 9. Art. 637008. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2021.637008>.
15. Dwivedi Y. K., Hughes D. L., Coombs C., Constantiou I., Duan Y., Edwards J. S., Gupta B., Lal B., Misra S., Prashant P., Raman R., Rana N. P., Sharma S. K., Upadhyay N. (2020) Impact of COVID-19 Pandemic on Information Management Research and Practice: Transforming Education, Work and Life. *International Journal of Information Management*. Vol. 55. P. 102—211. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102211>.
16. Huberman M., Miles. M. B. (1994) *The Qualitative Researcher's Companion*. New York, NY: Sage.
17. Jones R. H. (2024) How to Have Agency in a Pandemic. *Frontiers in Artificial Intelligence*. Vol. 6. Art. 1279759. <https://doi.org/10.3389/frai.2023.1279759>.
18. Kvale S. (1996) *Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Thousand Oaks, New York, NY: Sage.
19. Kwon K., Kim T. (2020) An Integrative Literature Review of Employee Engagement and Innovative Behavior: Revisiting the JD-R Model. *Human Resource Management Review*. Vol. 30. No. 2. Art. 100704. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2019.100704>.
20. Leach M., MacGregor H., Scoones I., Wilkinson A. (2021) Post-pandemic Transformations: How and Why COVID-19 Requires Us to Rethink Development. *World Development*. Vol. 138. P. 105—233. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105233>.
21. Pahl-Wostl C., Odume O. N., Scholz G., De Villiers A., Amankwaa E. F. (2023) The Role of Crises in Transformative Change Towards Sustainability. *Ecosystems and People*. Vol. 19. No. 1. Art. 2188087. <https://doi.org/10.1080/26395916.2023.2188087>.

22. Pradies C., Aust I., Bednarek R., Brandl J., Carmine S., Cheal J., Pina e Cunha M., Gaim M., Keegan A., K. Lê J., Miron-Spektor E., Nielsen R-K., Pouthier V., Sharma G., Sparr Jennifer L., Vince R., Keller J. (2021) The Lived Experience of Paradox: How Individuals Navigate Tensions during the Pandemic Crisis. *Journal of Management Inquiry*. Vol. 30. No. 2. P. 154—167. <https://doi.org/10.1177/1056492620986874>.
23. Rydzik A., Anitha S. (2019) Conceptualising the Agency of Migrant Women Workers: Resilience, Reworking and Resistance. *Work, Employment and Society*. Vol. 34. No. 5. P. 883—899. <https://doi.org/10.1177/0950017019881939>.
24. Sanderson R., Spacey R., Zhu X., Sterling-Morris R. E. (2021) Supporting Student Experience during the Pandemic and Beyond. *Student Success*. Vol. 12. No. 3. P. 96—105. <https://doi.org/10.5204/ssj.1847>.
25. Smith K., Ulvik M. (2017) Leaving Teaching: Lack of Resilience or Sign of Agency? *Teachers and Teaching*. Vol. 23. No. 8. P. 928—945. <https://doi.org/10.1080/13540602.2017.1358706>.
26. Statz T. L., Kobayashi L. C., Finlay J. M. (2023) ‘Losing the Illusion of Control and Predictability of Life’: Experiences of Grief and Loss among Ageing US Adults during the COVID-19 Pandemic. *Ageing & Society*. Vol. 43. No. 12. P. 2821—2844. <https://doi.org/10.1017/s0144686x21001872>.
27. Tuominen T., Martinsuo M. (2019) Employees’ Agency in the Formalisation of Knowledge-Intensive Business Service Processes: A Cross-Case Comparison. *Journal of Service Theory and Practice*. Vol. 29. No. 1. P. 45—70. <https://doi.org/10.1108/jstp102017-0184>.
28. Vale M. T., Stanley J. T., Houston M. L., Villalba A. A., Turner J. R. (2020) Ageism and Behavior Change during a Health Pandemic: A Preregistered Study. *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. P. 587—911. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.587911>.

Приложение 1. Список информантов

Номер	Имя	Пол	Возраст	Статус	Место проведения интервью	Этап исследования
1	Ангелина	Ж	22	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 20—22 года)
2	Степан	М	22	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 20—22 года)
3	Андрей	М	21	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 20—22 года)
4	Ирина	Ж	21	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 20—22 года)
5	Маргарита	Ж	22	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 20—22 года)
6	Стефания	Ж	21	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 20—22 года)
7	Екатерина	Ж	18	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
8	Анастасия	Ж	19	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
9	Евгений	М	19	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
10	Петр	М	18	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
11	Николай	М	18	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
12	Евгения	Ж	19	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)

Номер	Имя	Пол	Возраст	Статус	Место проведения интервью	Этап исследования
13	Марина	Ж	19	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
14	София	Ж	20	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
15	Мария	Ж	20	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
16	Егор	М	18	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
17	Иван	М	69	Строитель	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
18	Евдокия	Ж	73	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
19	Татьяна	Ж	65	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
20	Марианна	Ж	74	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
21	Анжела	Ж	73	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
22	Александр	М	65	Водитель	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
23	Альберт	М	70	Преподаватель	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
24	Виолетта	Ж	67	Бухгалтер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)

Номер	Имя	Пол	Возраст	Статус	Место проведения интервью	Этап исследования
25	Алефтина	Ж	74	Консьерж	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
26	Надежда	Ж	69	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
27	Мария	Ж	70	Предприниматель	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
28	Людмила	Ж	67	Экономист	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
29	Валерия	Ж	65	Врач	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
30	Маргарита	Ж	73	Бухгалтер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
31	Мария	Ж	83	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
32	Василиса	Ж	76	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
33	Иннокентий	М	79	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
34	Антонина	Ж	77	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
35	Герман	Ж	75	Преподаватель/пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
36	Василиса	Ж	80	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)

Номер	Имя	Пол	Возраст	Статус	Место проведения интервью	Этап исследования
37	Анастасия	Ж	76	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
38	Прасковья	Ж	78	Швея/ пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
39	Максим	М	76	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
40	Юлия	Ж	78	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)

Примечание. Все имена информантов в приложении анонимизированы.

Приложение 2. Гайд интервью

- Сколько вам лет?
- Вы работаете, /учитесь/ на пенсии?
- В каком году и как вы заразились ковидом?
- Была ли у вас прививка до этого? Собирались ли вы ее делать и почему сделали, / не сделали?
- Соблюдали ли вы защитные правила и почему соблюдали/ не соблюдали?
- Считаете ли вы достаточными защитные правила и нормы, введенные во время пандемии и почему они достаточные или недостаточные?
- Как вы считаете, что из введенных норм было наиболее сложным для соблюдения и/или бессмысленным и почему?
- Когда вы заболели, как вы лечили заболевание и к кому вы обращались за лечением?
- Чтобы было для вас самым важным, когда вы заболели и почему?
- Вы лечили ковид дома или в больнице, расскажите о своем выборе и аргументируйте свой выбор?
- Что было наиболее сложным при общении с врачами во время болезни?
- Вы обращались к услугам бесплатной или платной медицины при лечении ковида? Почему к платной/ бесплатной?
- Какие информационные порталы вы использовали когда заболели ковидом? Если не использовали, то почему?
- Что оказалось наиболее полезным для вас в информационных порталах о ковиде?
- Откуда вы узнавали информацию о заболевании и статистике по заболеванию?
- Что было по вашему мнению важным в действиях властей?
- Чтобы вы изменили в ограничительных мерах и почему?
- Чтобы вы изменили в своем лечении и почему?
- Кому вы больше всего доверяли и на кого надеялись когда заболели и почему?
- Кто больше заботился о вас во время болезни врачи или члены семьи/ другие люди?
- Как изменились ваши жизненные приоритеты и доверие к медицине во время болезни?
- Какие из правил и рекомендаций во время болезни вам было сложно соблюдать и почему?
- С какими трудностями адаптации вы столкнулись после пандемии? Что для вас наиболее сложное тогда и сейчас?
- Как вы оцениваете дальнейшие изменения, которые будут происходить после пандемии?
- Какие меры вы предпринимаете для того, чтобы адаптироваться к новым условиям?
- Какие новые навыки вы получили и освоили за время пандемии?
- Планируете ли вы снова вакцинироваться? Почему планируете/не планируете?
- Если пандемия повториться вновь какие меры вы будете предпринимать и почему?

DOI: [10.14515/monitoring.2024.4.2313](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2313)

Д. В. Мальцева, Т. Е. Щеглова, В. А. Ващенко, С. П. Моисеев

ГОРОДСКОЕ ЗДОРОВЬЕ: ВЫДЕЛЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ТРЕНДОВ ИССЛЕДОВАНИЙ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Правильная ссылка на статью:

Мальцева Д. В., Щеглова Т. Е., Ващенко В. А., Моисеев С. П. Городское здоровье: выделение актуальных трендов исследований в научной литературе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 46—66. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2313>.

For citation:

Maltseva D. V., Shcheglova T. Ye., Vashchenko V. A., Moiseev S. P. (2024) Urban Health: Highlighting Current Research Trends in Scientific Literature. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 46–66. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2313>. (In Russ.)

Получено: 23.09.2022. Принято к публикации: 03.06.2024.

ГОРОДСКОЕ ЗДОРОВЬЕ: ВЫДЕЛЕНИЕ АК- ТУАЛЬНЫХ ТРЕНДОВ ИССЛЕДОВАНИЙ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

МАЛЬЦЕВА Дарья Васильевна — кандидат социологических наук, заведующая Международной лабораторией прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dmaltseva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1789-1711>

ЩЕГЛОВА Тамара Евгеньевна — младший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: teshcheglova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6930-2013>

ВАЩЕНКО Василиса Андреевна — стажер-исследователь Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: vvashchenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1384-7062>

МОИСЕЕВ Станислав Павлович — кандидат социологических наук, аналитик Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; руководитель направления «Исследования и консалтинг», ООО «Авентика», Москва, Россия
E-MAIL: smoiseev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2082-4547>

Аннотация. Статья представляет аналитический обзор по теме городского здоровья на основе анализа научной литературы. Интерес к полю начался около 50 лет назад

URBAN HEALTH: HIGHLIGHTING CUR- RENT RESEARCH TRENDS IN SCIENTIFIC LITERATURE

*Daria V. MALTSEVA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Research Fellow, Deputy Head, International Laboratory for Applied Network Research
E-MAIL: dmaltseva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1789-1711>

*Tamara Ye. SHCHEGLOVA*¹ — Junior Research Fellow, International Laboratory for Applied Network Research
E-MAIL: teshcheglova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6930-2013>

*Vasilisa A. VASHCHENKO*¹ — Research Assistant, International Laboratory for Applied Network Research
E-MAIL: vvashchenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1384-7062>

Stanislav P. MOISEEV^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Analyst, International Laboratory for Applied Network Research; Head of Research and Consulting
E-MAIL: smoiseev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2082-4547>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Aventica LLC, Moscow, Russia

Abstract. The article presents an analytical review of the topic of urban health. The review is based on network analysis methodology of bibliometric sources — 5597 articles

и устойчиво растет. В последние десятилетия в литературе активно обсуждаются вопросы эмпирического изучения факторов, влияющих на здоровье, городского здравоохранения, социальной справедливости и доступности медицинской помощи в городских сообществах, включая здоровье бывших заключенных и его влияние на общественное здоровье. Тематика изучения городского здоровья достаточно подвижна и всегда фокусирует свое внимание на актуальных социальных проблемах — опасных заболеваниях, доступности медицины и маргинализированных группах, занимающих особое положение в городской среде.

Ключевые слова: здоровые города, городское здоровье, библиометрический анализ, сетевой анализ, сети цитирований, сети соприсутствия ключевых слов,

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Благодарим В. Батагея (МЛ ПСА, Университет Любляны, Университет Копера) за сбор библиометрических данных, И. Павлову и А. Пищикову (МЛ ПСА) за оформление результатов.

Введение

Современные концепции городского развития в урбанистике посвящены не только вопросам развития инфраструктуры и физических условий жизни в городе, но и созданию качественной и комфортной городской среды. Поскольку среда во многом определяет физическое, психическое и социальное здоровье населения, одним из наиболее актуальных вопросов городского развития является вопрос здоровья населения. Терминологически понятие городского здоро-

from Web of Science, selected by keywords, and 2179 articles from the Journal of Urban Health, which is the flagship in the selected topic. The analysis aims to identify key areas of research and discussion in urban health. The analysis shows that the growth of interest in the field began about 50 years ago. In recent decades, there has been considerable discussion in the literature about the empirical study of factors influencing health, urban health care, social justice, and access to health care in urban communities, including the health of former prisoners and its impact on public health. Studying urban health is quite flexible and always focuses on topical social problems, including dangerous diseases, the availability of medicine, and marginalized groups that occupy a particular position in the urban environment.

Keywords: healthy cities, urban health, bibliometric analysis, network analysis, citation networks, keywords cooccurrence networks

Acknowledgments. The article was prepared within the HSE University Basic Research Program framework.

We are grateful to V. Batagelj (ANR-Lab, HSE University, University of Ljubljana, University of Koper) for his invaluable contribution to collecting bibliometric data and to I. Pavlova and A. Pishchikova (ANR-Lab, HSE University) for their rigorous work in formatting the results.

вья (*urban health*) выходит за рамки системы здравоохранения и органов общественного здравоохранения и обозначает направление деятельности, связанное с определением детерминант и движущих сил здоровья, а также созданием условий, поддерживающих здоровье и благополучие жителей городов. Само понятие «здоровье» рассматривается шире, чем просто отсутствие болезней, и определяется как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия»¹. Система здравоохранения (*urban healthcare*) при этом рассматривается как одно из направлений, входящих в эту область.

Тематика городского здоровья (*urban health*) и здоровых городов (*healthy cities*) активно представлена на уровне международных инициатив. Движение Всемирной организации здравоохранения *Healthy Cities Network*, начатое более 30 лет назад² (проводником которого в России является Ассоциация по улучшению состояния здоровья и качества жизни населения «Здоровые города, районы и поселки»), рассматривает все процессы в городских населенных пунктах через призму здоровья жителей и подразумевает, что разработка программ, проектов и стратегий городского развития должна учитывать их влияние на качество жизни и здоровье горожан.

Со временем и появлением новых концепций меняются представления о том, каким должен быть здоровый город, как и приоритетность тех или иных детерминант городского здоровья. Недавняя инициатива ВОЗ по созданию *Программы исследований в области городского здоровья (UHRA)*³ [Hausmann-Muela, 2023] обозначила приоритеты в области исследований, посвященных этой тематике, на 2022—2032 гг. Одной из главных задач в программе назван пересмотр способов измерения воздействия принимаемых мер. Также в тексте представлены недостаточно изученные тематические области и подгруппы городского населения (например, дезинформация в области здравоохранения или изучение жителей неформальных поселений), на которые должны обратить внимание исследователи городского здоровья.

Наше исследование нацелено на изучение трансформации тематики городского здоровья и выявление актуальных трендов в этой области на основе анализа научной литературы. Тренды в научной литературе выявляются посредством количественных методов библиометрического сетевого анализа научных публикаций [Моисеев, Мальцева, 2018]. Наиболее часто встречающиеся тематики и связи между ними могут показывать всплески внимания к той или иной тематике, вызванные определенными причинами в научном и общественном пространстве.

Рассматриваемая база данных научных публикаций состоит из двух массивов публикаций, индексируемых в базе данных Web of Science (WoS), — массива публикаций, собранного по поисковому запросу по ключевым словам, и массива публикаций из специализированного профильного журнала *Journal of Urban Health (JoUH)*.

¹ Устав (Конституция) ВОЗ // Всемирная организация здравоохранения. Основные документы. 2014. С. 1—26. URL: <https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd48/basic-documents-48th-edition-ru.pdf> (дата обращения: 20.05.2024).

² WHO European Healthy Cities Network. *World Health Organization. Europe*. URL: <https://www.who.int/europe/groups/who-european-healthy-cities-network> (дата обращения: 20.05.2024).

³ Setting Global Research Priorities for Urban Health. *World Health Organization*. URL: <https://www.who.int/publications/item/9789240041820> (дата обращения: 20.05.2024).

Методология библиометрического анализа уже применялась некоторыми исследователями для изучения тематики городского здоровья. Обзор этих исследований приведен в следующем разделе. Разделы «Методология» и «База данных» описывают методологические детали анализа и массивы данных, используемые в исследовании. Далее в статье приводится описание результатов анализа библиометрических данных — публикаций и ключевых слов. Статья завершается обсуждением полученных результатов и основными выводами. Описание сопровождается развернутыми таблицами, которые можно найти в Приложении 1⁴.

Городское здоровье через призму библиометрического анализа

Поскольку результат нашего исследования заключается в выделении наиболее важных научных публикаций и определении ключевых тематик, данный обзор литературы не является систематическим, но представляет примеры исследований городского здоровья, выполненных с помощью библиометрического и сетевого анализа и отобранных с помощью экспертного подхода.

С точки зрения дизайна исследований единицами анализа в рассмотренных работах выступает информация из библиографических описаний и самих статей — ключевые слова и тематики, авторы, аффилированные с ними организации и страны, журналы, данные о цитировании. Использование такой информации позволяет изучать динамику количества публикаций [Meng et al., 2020; Van Winkle et al., 2022] и актуальности тем по количеству цитирований [Zhang et al., 2020], выделять наиболее влиятельные статьи [Jia, Dai, Guo, 2021; Luo et al., 2022], часто встречающиеся ключевые слова, авторов, журналы, страны и институции⁵ [Van Winkle et al., 2022], используемые в работах теории и источники данных [Van Winkle et al., 2022]. Анализ ключевых слов и тематик посредством кластеризации и анализа сетей их соприсутствия позволяет рассматривать взаимосвязь тематик [Meng et al., 2020; Jia, Chen, Wu, 2014; Van Winkle et al., 2022; Luo et al., 2022], а анализ сетей соавторства — выделять кластеры сотрудничающих авторов по институциям и странам [Jia et al., 2021; Luo et al., 2022]. Эти исследования затрагивают такие тематики, как непосредственно городское здоровье⁶ [Jia et al., 2014], здоровое городское планирование [Jia et al., 2021], здоровье и городская среда [Van Winkle et al., 2022], городское уличное пространство и здоровье жителей [Meng et al., 2020], городские зеленые пространства и поведение в отношении здоровья [Zhang et al., 2022], оценка воздействия на городское здоровье [Luo et al., 2022]. Источником данных чаще всего выступает база *Web of Science* [Meng et al., 2020; Jia et al., 2021, Van Winkle et al., 2022; Luo et al., 2022; Zhang et al., 2022], однако есть и примеры использования баз PubMed и MEDLINE, ProQuest и Scopus⁷ [Jia et al., 2014; Van Winkle et al., 2022]. Количество публика-

⁴ Материалы Приложений 1 и 2 см. по ссылке: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFile?id=14989&hash=de39761b5b38a02bd1395df37f6476ec>.

⁵ Mohd F. I., Haidar R. T., Shaharom N. A., Che M. D. Global Landscape of Urban Health Research: A Bibliometric Analysis. *6th Asia-Pacific Conference on Public Health 2019 Proceedings*. URL: <https://apcph.cphm.my/2019/07/global-landscape-of-urban-health-research-a-bibliometric-analysis/> (дата обращения: 09.07.2024).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ций в массивах в рассмотренных статьях составляет от 500 до нескольких тысяч работ (максимум — 11 500).

С точки зрения содержательных результатов проведенные исследования показывают, что со временем интерес к тематике городского здоровья устойчиво растет [Meng et al., 2020; Van Winkle et al., 2022]. При этом в популярности направления отмечаются региональные различия: в количестве публикаций по теме в год лидируют Китай, Индия и Иран. Рассматриваемая тематика носит междисциплинарный характер, что со временем усиливается, и представлена в различных направлениях исследований, среди которых экология, география, урбанистика и другие гуманитарные науки, а также естественные, технические, медицинские науки и психология [Meng et al., 2020; Jia et al., 2021; Van Winkle et al., 2022; Luo et al., 2022]. Есть, однако, и другое мнение — о наличии кросс-тематических, но не кросс-дисциплинарных исследований [Zhang et al., 2022]. Авторы также отмечают низкие показатели перекрестного цитирования [Meng et al., 2020], наличие точечных кластеров авторов в сети коллаборации в отсутствие центральных экспертов, национальные кластеры кооперации между исследователями [Jia et al., 2021], что может говорить о высоком уровне фрагментации в поле. Здесь же стоит отметить и наличие основных «трансляторов» информации по теме — наиболее часто встречающихся журналов, отвечающих за значительную долю всех публикаций в выборке [Van Winkle et al., 2022]. В качестве ключевых исследователи отмечают тематики ментального здоровья и «зеленой» городской среды, имеющие связь друг с другом, а также физическую активность и здоровье в целом [Jia et al., 2021; Van Winkle et al., 2022].

Проведенный обзор позволяет аргументировать примененную в работе исследовательскую стратегию, которая подробно описана в следующем разделе, а рассмотренные публикации могут служить ориентирами для анализа и интерпретации полученных результатов.

Методология

В работе используется методология сетевого анализа, которая применяется для анализа научных публикаций из БД *Web of Science*. Библиометрический сетевой анализ объединяет методологии сетевого и библиометрического анализа, основанного на применении математических и статистических методов применительно к научным публикациям, и позволяет изучать научные дисциплины и тематики как сѐти, состоящие из статей, авторов, журналов, ключевых слов и других связанных с ними библиографических сущностей. Применяемая в исследовании методология разработана В. Батагелем, А. Ферлигой и П. Дореаном [Batagelj et al., 2014] и уже использовалась для библиометрического сетевого анализа в различных областях. В отечественной литературе описание этой методологии представлено в части анализа сетей цитирований между работами — в рамках описания алгоритмического подхода к отбору источников для подготовки систематического обзора литературы [Моисеев, Мальцева, 2018], а также выделения актуальных тематик в социологии [Булычева, Мальцева, 2020].

Сеть цитирования представляет собой граф, где вершины — это публикации, а ребра — отношения цитирования между работами. При анализе сети цитиро-

ваний рассчитывается метрика входящей центральности, которая определяет наиболее цитируемые (то есть значимые) научные работы. Выделение основных путей показывает цепочки из наиболее значимых работ в контексте цитирований в виде графа во времени, определяемые с помощью алгоритма Search path count (SPC) [Batagelj et al., 2014], который рассчитывает вес значимости для каждой связи в сети. К сети с рассчитанными весами применяются алгоритмы поиска основного пути (*Main path*) или ключевых путей (*Key routes*), позволяющие находить цепочки наиболее значимых публикаций. Для выделения интересных для изучения подгрупп в сети был использован подход «островов» (*Islands approach*) [ibid.], определяющий локально важные участки сети, где узлы сильнее связаны друг с другом, чем с узлами в остальной части сети. При использовании этого подхода указываются границы размера подгрупп в сети, которые могут быть найдены (например, от двух до ста узлов).

Определяя тематическую направленность выделенных в ходе анализа сети цитирований публикаций, можно сформировать представление об основных существующих в научном дискурсе тематиках, а также определить их путь развития и преемственности в той или иной предметной области. Анализ наиболее цитируемых работ и работ, вошедших в основные пути, стал базой выделения и изучения актуальных тематик исследований в рассматриваемой области.

Помимо анализа сети цитирований, была использована двумодальная сеть работ и ключевых слов, на основе которой через перемножение мы построили сеть встречаемости ключевых слов в описании одной статьи. Анализ сетей ключевых слов подразумевал как уже упомянутый расчет степени входящей центральности (наиболее часто встречающиеся в публикациях ключевые слова), так и выделение подгрупп в сети с помощью подхода «островов».

Библиометрический сетевой анализ выполнен в программе Pajek для анализа и визуализации больших сетей [De Nooy, Mrvar, Batagelj, 2018], а также в программе R⁸. Документация по анализу данных представлена в открытом доступе⁹.

База данных

Данные для библиометрического анализа были получены из международной базы данных научного цитирования Web of Science (Core Collection) с помощью двух стратегий сбора данных.

Первый массив мы извлекли с помощью поисковых запросов по ключевым словам на английском языке, отобранным экспертным образом (*urban health, health-saving environment*, barrier-free environment**). Общее количество статей в массиве по поисковым запросам составило 5590.

Второй массив был получен путем сбора всех статей, опубликованных в журнале *Journal of Urban Health (JoUH)*, посвященном вопросам общественного здравоохранения в городских районах и благополучия жителей городов, флагманского для данной области исследований. Общее количество статей в массиве по журналу составило 2177 публикаций.

⁸ The R Project for Statistical Computing. URL: <https://www.r-project.org/> (дата обращения: 20.05.2024).

⁹ Urban Health. *GitHub*. URL: <https://github.com/Daria-Maltseva/Sociodigger/wiki/UrbanHealth> (дата обращения: 20.05.2024).

Второй массив публикаций по журналу полностью входит в первый массив публикаций, найденных по ключевым словам. Несмотря на это, было принято решение проанализировать оба массива, чтобы сравнить результаты, которые получаются при анализе «сборного» массива и массива из одного источника.

Для краткости обозначения сети цитирований, построенные из массивов по ключевым словам и журналу, называются далее *CiteSQ* и *CiteJ* соответственно. Они включают как публикации с полным описанием (хиты), так и публикации, появившиеся только как процитированные источники. Число последних составляет 144 152 и 54 126 работ для каждого из массивов соответственно.

Сбор данных осуществлялся в сентябре 2022 г. В массивы данных вошли все публикации, проиндексированные в WoS на этот момент времени.

Результаты

Анализ цитирований

Ниже представлено распределение количества публикаций по годам выхода по двум анализируемым массивам для хитов и для всех публикаций (см. рис. 1). В первом случае распределение приведено с 1990 г., во втором — с 1950 г. в связи с незначительной представленностью более ранних работ в массивах. Количество публикаций, отвечающих заданному поисковому запросу, плавно возрастает с 2005 г. — от 150 статей до 500 в год; количество публикаций в *JoUH* держится примерно на одинаковом уровне, что объясняется ограниченными публикационными возможностями журнала. Рост числа релевантных публикаций наблюдается и по графику распределения всех публикаций (см. рис. 2). В массиве по журналу пик публикаций приходится на 2000-е годы, тогда как в массиве по поисковому запросу идет плавное увеличение числа публикаций, достигающее максимума в 2013—2014 гг. Уменьшение числа публикаций в последние несколько лет объясняется публикационным циклом и закономерностями в цитировании.

Рис. 1. Количество публикаций по годам в сети CiteSQ (Urban Health) и CiteJ (JoUH) — хиты

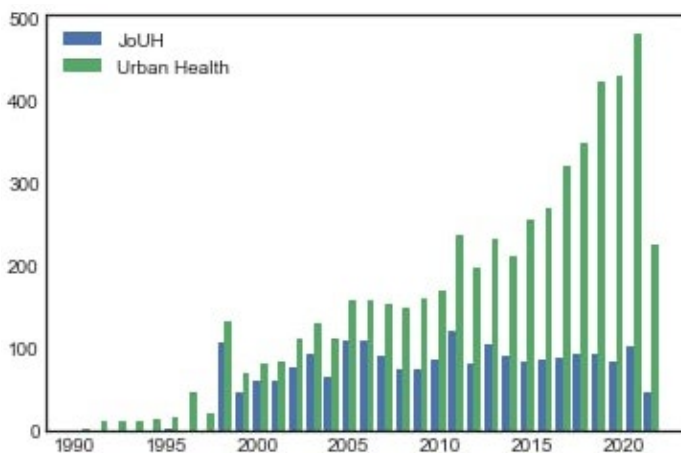
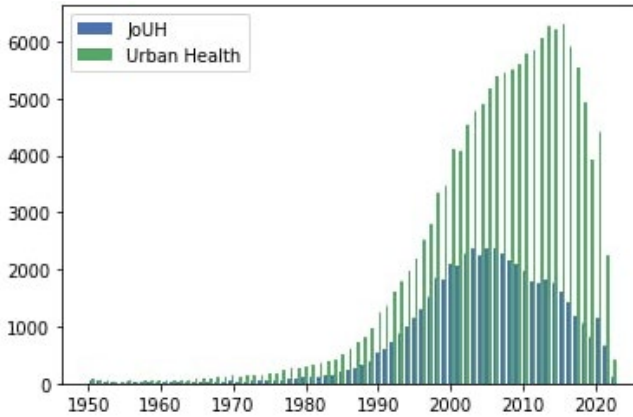

Рис. 2. Количество публикаций по годам в сети CiteSQ (Urban Health) и CiteJ (JoUH) — все работы

Были составлены списки работ, входящих в топ-30 наиболее цитируемых статей в сети цитирований CiteSQ (см. Приложение 1, табл. 1). Наибольшим количеством цитирований (92) обладает статья Р. Сэмпсона и коллег (№ 1 в табл. 1) в журнале *Science* 1997 г., посвященная связи сплоченности в соседских сообществах и уменьшению насилия. Три следующие работы (№ 2—4 в табл. 1) имеют примерно одинаковое количество цитирований (72, 71 и 70). Статью С. Галеа и Д. Влахова 2005 г. (№ 2) можно назвать программной, поскольку в ней делается обзор исследований влияния жизни в городах на здоровье населения и говорится о важности изучения городского здоровья в качестве отдельной области исследований — с такими широкими темами, как физическая, социальная среда и доступ к медицинским и социальным услугам, а также о методологических и концептуальных проблемах. Работа Д. Р. Уильямса и К. Коллинза 2001 г. (№ 3) посвящена расовой сегрегации по месту жительства, высокой для афроамериканцев в США, которая приводит к различиям в социально-экономическом статусе, влекущим расовые различия в состоянии здоровья. Работа Л. Радлова, опубликованная значительно раньше, в 1977 г. (№ 4), описывает шкалу для измерения депрессивной симптоматики среди населения.

Большинство работ с высокими показателями цитирований носят программный, общий характер и посвящены связи здоровья с урбанизацией и жизнью в городах в целом (см. Приложение 1, № 12, 18 в табл. 1), соседскими общинами и сообществами (№ 7, 10, 14, 25), социальными условиями (№ 15, 26), зелеными насаждениями (№ 19), объектами физической активности (№ 29), распространением ВИЧ (№ 28), жизнью в трущобах (№ 27), а также вопросам улучшения условий жизни в городах для снижения заболеваемости и различий в состоянии здоровья (№ 5, 11, 16), планированию здоровой городской среды (№ 6, 23), в том числе в развивающихся странах (№ 9, 24). В нескольких работах описываются вопросы, актуальные для формирования городской среды в США: политика апартеида, приведшая к сегрегации по расовой принадлежности (№ 21), а также политика городского планирования, спровоцировавшая упадок многих городских кварта-

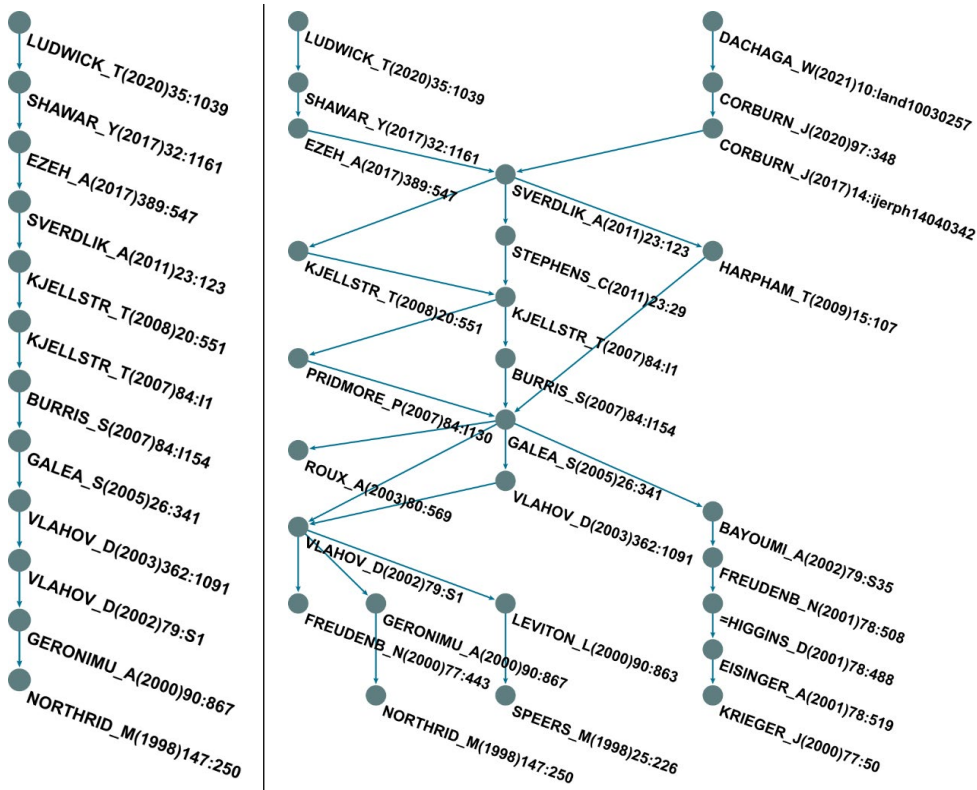
лов (№ 20). Несколько представленных работ посвящены вопросам операционализации, концептуализации и измерения влияния городской среды на здоровье (№ 13, 22), а также общим методологическим вопросам — выборке, направляемой респондентами (№ 8, 30), и целевой выборке (№ 17).

Аналогичные результаты анализа по сети *CiteJ* приведены в таблице 2 в Приложении 1. Тогда как наибольшее количество цитирований в этой сети имеет работа Д. Хекаторна 1997 г. (№ 1 в табл. 2), посвященная описанию выборки, направляемой респондентами, для изучения скрытых популяций, три следующие за ней работы также входили в топ публикаций по таблице 1: тема сплоченности в городских сообществах и насилия (№ 2), шкала депрессивности (№ 3) и расовая сегрегация по месту жительства (№ 4). В целом 18 из 33 представленных в таблице 2 работ присутствует также в таблице 1 (пересекающиеся в двух таблицах статьи выделены серым цветом). Значительное количество не представленных в таблице 1 работ посвящено вопросам здоровья маргинальных групп в городах — распространения ВИЧ и других инфекций через обмен шприцами среди людей, употребляющих наркотики, заболеваний, передающихся половым путем, здоровья бывших заключенных, а также психологических проблем и депрессии. Можно выделить работы, посвященные физической активности в городских пространствах (№ 23) и избыточного или недостаточного веса детей (№ 29), а также методологии проведения исследований (№ 26).

На рисунке 3 приведен основной путь в сети *CiteSQ*, состоящий из 12 работ. Вошедшие в него публикации представлены в таблице 3 в Приложении 1 (отмечены кодом 1). По три работы опубликованы в журналах *Journal of Urban Health* и *Health Policy and Planning*, по 2 работы — в журналах *Environment and Urbanization* и *Lancet*. Наиболее ранняя работа (М. Нортриджа, № 1 в табл. 3) опубликована в 1998 г. и посвящена влиянию курения на преждевременную смертность жителей в Гарлеме, одном из районов Нью-Йорка. Следующая статья А. Геронимуса (№ 4 в табл. 3) 2000 г. уже носит программный характер и, основываясь на данных эмпирических исследований, утверждает значимость изучения структурных факторов, влияющих на состояние здоровья и смертность в районах современных городских гетто и проживания меньшинств, которые должны приниматься во внимания специалистами в области городского здравоохранения. Три следующие работы авторов Д. Влахова и С. Галеа (2002; 2003; 2005) обозначают направления городского здравоохранения как самостоятельной дисциплины, опирающейся на наработки в области экологии, эпидемиологии и социологии. Влияющие на здоровье факторы рассматриваются в рамках трех широких тем — социальной среды, физической среды и доступа к медицинским и социальным услугам. Работы 2002 и 2005 гг. также были выделены в ходе анализа наиболее цитируемых публикаций в сети *CiteSQ*. Следующие статьи посвящены стратегиям управления здоровым городом (2007), а также вопросам достижения справедливости в отношении здоровья в городах (2007, 2008). Далее в 2011 г. и с большим отрывом в 2017 г. в основном пути находятся работы, поднимающие вопросы состояния здоровья жителей трущоб. Наконец, две наиболее недавние статьи (2017—2022) посвящены обсуждению роли моделей медицинского обслуживания в городских сообществах (*urban community health workers*) в решении проблем неравенства в состоянии здоровья в городах.

Таким образом, в работах основного пути от понимания важности учета социальных факторов на основе эмпирических исследований тематика переходит к формированию городского здравоохранения как самостоятельной междисциплинарной области исследований и вопросам достижения справедливости в отношении здоровья, недостижимой для жителей городских трущоб; после чего обсуждаются попытки практического решения этих проблем через медицинское обслуживание в городских сообществах.

Рис. 3. Основной путь (слева) и ключевые пути (справа) в сети CiteSQ

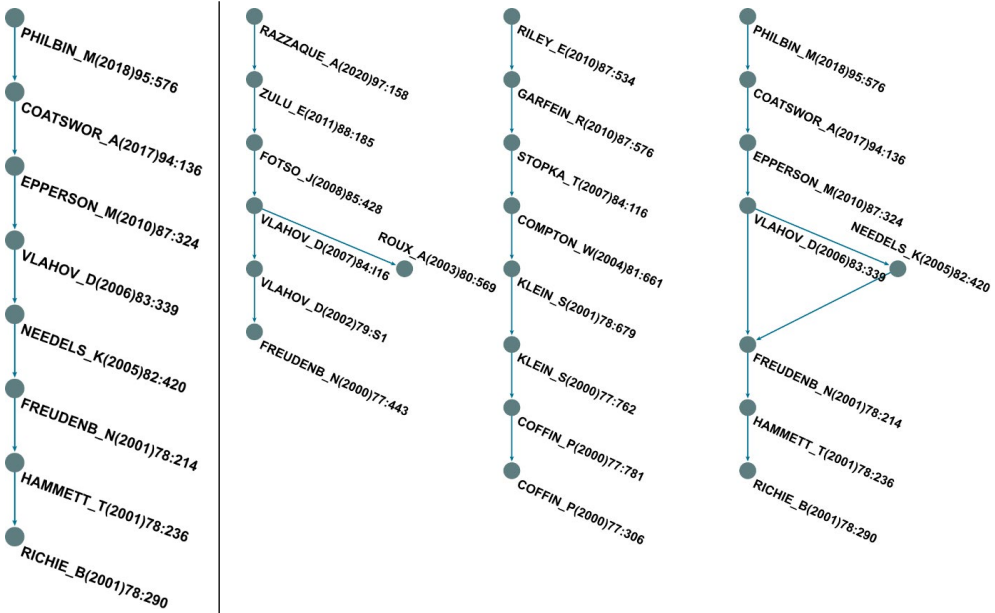

Тематика, представленная в основном пути, может быть описана подробнее посредством анализа работ, входящих в ключевые пути (см. Приложение 1, табл. 3, код 2). Сюда входит 27 работ, из которых 12 включены в основной путь, описанный выше. Ранние работы (1998—2000) в левой нижней части рисунка 3 (М. Спирс, Л. Левитон, Н. Фройденберг) в этой структуре посвящены предотвращению болезней и пропаганде здорового образа жизни (что подразумевает предотвращение сердечных заболеваний, использования наркотиков, насилия, передачи ВИЧ-инфекции). Публикации (2000—2002) в правой нижней части рисунка (Дж. Кригер, А. Эйзингер, Д. Хиггинс и далее) посвящены формированию исследовательских центров на базе сообществ в различных городских условиях. Рабо-

ты в средней части рисунка значительно пересекаются тематически с работами из основного пути и рассматривают городское здоровье в связи с социальным неравенством, проживанием в трущобах и — в более поздних работах — влиянием медицинского обслуживания для решения этих проблем. Последние публикации (2021—2022) в правой верхней части рисунка (В. Дачага и др.) посвящены безопасности землевладения (*land tenure security*). Таким образом, дополнительные тематики, найденные в ключевых путях, относятся к пропаганде здорового образа жизни и тематике безопасности землевладения, а также подробнее описывают формирование исследовательских центров на базе сообществ для решения проблем здравоохранения.

Основной путь в сети *CiteJ*, состоящий из восьми работ в журнале *Journal of Urban Health*, показан на рисунке 4 (слева) (см. также Приложение 1, табл. 4, код 1). Он начинается с двух статей 2001 г., посвященных влиянию тюрем и исправительных учреждений на здоровье населения. Три следующие публикации (2001, 2005 и 2006 гг.) посвящены вопросам реинтеграции выходцев из исправительных учреждений в городские сообщества и их влиянию на общественное здоровье, в том числе с помощью специализированных социальных программ (рассматривается их влияние на повторные аресты, использование наркотиков и ВИЧ). С 2010 г. фокус работ смещается на рискованное сексуальное поведение мужчин, употребляющих наркотики / выходящих из тюрьмы / практикующих сексуальные связи с мужчинами (MSM). Таким образом, в этом основном пути превалирует тематика здоровья группы населения, связанной с тюремным заключением, и ее влияние на общественное здоровье в целом.

Рис. 4. Основной путь (слева) и ключевые пути (справа) в сети CiteJ

В ключевые пути по сети *CiteJ* (см. Приложение 1, табл. 4, код 2) вошло 23 статьи, из которых восемь также входят в основной путь, описанный выше. Рисунок 4 показывает, что ключевые пути разбиваются на три части. Структура справа повторяет основной путь. Дополнительные работы посередине рисунка связаны с маргинальными группами населения и посвящены вопросам безрецептурной продажи шприцев в контексте предотвращения ВИЧ (2000—2013). Структура слева представляет тематику связи урбанизации и здоровья, а также становления городского здравоохранения как самостоятельной дисциплины (выделенная в анализе сети *CiteSQ*), а работы 2008 и 2020 гг. посвящены материнскому и детскому здоровью.

В каждой сети цитирований были выделены кластеры, или «острова», — плотно связанные друг с другом узлы, отражающие локально важные участки сети. В сети *CiteSQ* основной кластер состоит из 98 узлов и включает 26 из 27 работ, входящих в структуру основного и ключевых путей (см. Приложение 1, табл. 3, код 3). Кроме отмеченных выше, первые по времени появления публикации в этом кластере охватывают тематику проблем общественного здравоохранения в развивающихся странах и семьях с малым достатком, влияния социального доверия и социальных связей на здоровье, употребления наркотиков и обусловленной ими смертности. С середины 2000-х годов публикации посвящены связи здоровья с жизнью в городе, соседскими общинами, жизнью в трущобах, а также развитию городской политики и планированию в области здоровья и справедливости в отношении здоровья; встречаются работы по построению индекса здоровья населения, а также материалы, посвященные распространению COVID-19.

В сети *CiteJ* основной кластер состоит из 92 узлов и включает 14 из 23 работ, входящих в структуру основного и ключевых путей (Приложение 1, табл. 4, код 3). Дополнительные темы в этом кластере посвящены проблематике исследовательских центров на базе сообществ (встреченных в ключевых путях в сети *CiteSQ*), употребления наркотиков в более широком контексте, чем встречалось в ключевых путях в этой сети, репродуктивного здоровья женщин и здоровья детей (в том числе заболевания астмы).

Интерес представляют работы, вошедшие в кластеры с меньшим количеством узлов. Таблицы 5 и 6 в Приложении 1 показывают их состав для каждой сети цитирований.

В сети *CiteSQ* можно выделить тематику контроля и выявления различных заболеваний, встречающихся у жителей городских агломераций: контроля астмы в городских пространствах в рамках специализированных проектов (кластер 1), профилактики рака с помощью маммографических скринингов (7¹⁰), гепатита В и ВИЧ (8), выявления миомы матки (13). Сюда же можно отнести обсуждение профилактического подхода к здоровому старению пожилых людей (9). Другая группа тем посвящена здоровью бездомных (15) и заключенных (16), при этом последний кластер тематически совпадает с основным путем, полученным в сети *CiteJ*; в контексте бедности и бездомности обсуждаются также азартные игры (6). Два кластера рассматривают тематику домашнего насилия и первичной меди-

¹⁰ Здесь и далее в скобках указаны номера кластеров.

цинской помощи (2), использования оружия и убийств (5). Группа кластеров посвящена темам, связанным с употреблением наркотиков, — оценке потребителей инъекционных наркотиков в крупных мегаполисах (10), оценке программы продажи стерильных шприцев (11), связи потребления наркотиков с распространением ВИЧ (3) и выселением из жилых помещений (12). Сюда же можно отнести тематики, посвященные рискованному сексуальному поведению мужчин, занимающихся сексом с другими мужчинами (4), и состоянию здоровья представителей сексуальных и гендерных меньшинств, поскольку в них также поднимается тематика заболевания ВИЧ (14). Тематика кластера 17 посвящена специфической теме — существованию городских крыс в мегаполисах.

В сети *CiteJ* ряд тем посвящен оценке различных аспектов городской среды и ее влиянию на физическое состояние горожан: физической активности в окружающей искусственной и социальной городской среде (2), городским пространствам, озеленению, использованию зонирования и точкам продажи алкоголя (13), городской пищевой среде и индексу массы тела, ожирению (7). Также выделяется тематика профилактики — контроль астмы (9), профилактический педиатрический уход за маленькими детьми (6). К профилактике можно отнести модель укрепления здоровья стареющего населения (12), здоровое старение в городах, вовлечение пожилых людей в волонтерскую деятельность для укрепления здоровья (18).

Выявляются темы расовых различий в состоянии здоровья в городских сообществах (8), самооценки состояния здоровья, в том числе в контексте сегрегации и джентрификации (11). Связаны с ними темы здоровья бездомных людей в контексте изменения климата (15) и жилищной нестабильности (16). Как и в сети выше, представлена тематика лицензирования продажи и незаконного оборота огнестрельного оружия, убийства в городских округах (4).

Как и в описанных выше результатах, в данной сети присутствуют темы, связанные с использованием наркотиков, в том числе смертность от передозировки наркотиками (1), рискованные сексуальные отношения, использование наркотиков, заболевания, передающиеся половым путем (3), распространение гепатита В и ВИЧ у потребителей инъекционных наркотиков, программы вакцинации (10). Тематика ВИЧ представлена через расовые и этнические различия в распространенности и рисках ВИЧ (17) и профилактику ВИЧ для женщин (14). Сюда же входит тематика заболеваний, передающихся половым путем, и рискованного сексуального поведения у заключенных и выходцев из мест лишения свободы, которая напоминает основной путь, полученный по сети *CiteJ*. Отличительной особенностью анализа данной сети является получение кластера, в котором обсуждаются методологические вопросы исследований в области городского здравоохранения — оценка выборки, используемой для изучения труднодоступных групп (целевая выборка, выборка, управляемая респондентом) (5).

Анализ ключевых слов

Для анализа ключевых слов используется сеть соприсутствия ключевых слов *ККп*. Она построена путем перемножения двумодальной сети, связывающей 5590 публикаций-хитов, найденных по ключевому запросу, с 8254 ключевыми словами. Веса связей нормализованы с помощью фракционного подхода [Batagelj, 2020].

Ввиду малого количества работ с выделенными ключевыми словами до 1990 г. внимание к различиям в частоте их появления в работах было направлено к статьям, опубликованным не ранее 1990 г. Публикации были разделены на четыре периода по десятилетиям: 1990—2000, 2001—2010, 2011—2020 и 2021—2022. Для каждого периода была построена своя сеть соприсутствия ключевых слов и подсчитана метрика входящей центральности, позволяющая оценить, насколько часто в указанном периоде конкретное слово появлялось в списке ключевых слов.

Наиболее часто встречаются слова *health* и *urban* как определяющие для дисциплины. В распределении прочих позиций наблюдается вариация, передающая изменения в значимых инфоповодах каждого десятилетия. Наиболее наглядно изменения в темах академических публикаций для обозначенных четырех временных периодов демонстрируют «облака слов» (см. рис. 5 и 6), которые позволяют получить своеобразный «срез» академических инфоповодов за десятилетие (ключевые слова *health* и *urban* исключены из визуализаций, чтобы подчеркнуть существующие различия).

Рис. 5. Облака слов для периода 1990—2000 гг. (слева) и 2001—2010 гг. (справа)

Рис. 6. Облака слов для периода 2011—2020 гг. (слева) и 2021—2022 гг. (справа)

1990-е и 2000-е годы отмечены ростом обеспокоенности распространением ВИЧ. В публикациях часто встречаются понятия риска и отсылки к организованным коллективным формам здравоохранения. Отдельно следует отметить академический фокус на наркотических веществах как факторе распространения ВИЧ. В 2010-е годы проявились иные тренды, в первую очередь социальный аспект здравоохранения, и на передний план вышли концепты коммунальности. Гораздо чаще встречаются понятия социального, сообществ и соседств, а также пуб-

Выявляются три ключевых направления проблемных областей. Кластер слов, соприсутствующих с *hiv*, отражает развитие тематики ВИЧ и затрагивает сопряженные с ней демографические и социальные аспекты (употребление наркотических веществ, сексуальное поведение и проч.). Вторым субкластером сети является организация здравоохранения (слова, соприсутствующие с *care*), куда входят слова, относящиеся к управленческим и организационным аспектам медицины (*management, service* и т. п.). Выделяется небольшая группа слов, связанных с *community*, часто используемым для описания партиципаторных практик локальных сообществ, связанных с медицинским уходом. Еще один когерентный блок соприсутствующих слов относится к проблеме распространения практик здорового образа жизни горожан и необходимой для этого физической инфраструктуры (*physical environment, activity, build*). Здесь ярче прочего видна связка медицины с городом как средой обитания. Выделяются такие выражения, как *green space, planning*, отражающие распространенный фокус на трансформации городской среды с целью оздоровления ее жителей. Отдельно следовало бы подчеркнуть малочисленные, но заметные на фоне остальной сети слова, посвященные роли государства как актора в оздоровлении городской среды. В отличие от риторики «лечения» или «заботы» о пациентах, государственный дискурс включает не «сообщества» и не «пациентов», но «государственные единицы» (*state unit*). Эпидемиологический надзор (*syndromic* и *surveillance*) показывает биополитический фокус рассмотрения роли государства в публикациях по данной тематике.

Несмотря на подчеркнутые выше смысловые различия в сети соприсутствия ключевых слов, важно отметить, что сами кластеры имеют связи друг с другом. Возможны и даже популярны преломления дискуссий о ВИЧ с перспективы организации здравоохранения. Лечение предполагает академический и социальный контекст, предоставляющий соучастие для эффективного достижения целей. В свою очередь, специфику как образования сообществ, так и предоставления медицинской помощи имеет городская среда.

Далее сети соприсутствия ключевых слов были изучены в динамике. Количество ключевых слов в сетях по периодам составило: 1603 за 1990—2000 гг., 3778 за 2001—2010, 6195 за 2011—2020 гг. и 3034 за 2021—2022 гг. В каждой сети с помощью подхода «островов» также были выделены основные кластеры связанных ключевых слов (см. Приложение 2, рис. 3—6).

Редуцированные версии сетей работ и ключевых слов были использованы для построения сетей встречаемости ключевых слов по четырем указанным периодам (число узлов в них равняется количеству ключевых слов в каждом периоде).

В сети, отражающей первый временной период (см. Приложение 2, рис. 3), наблюдается подчеркнуто управленческий академический дискурс. Главными темами публикаций являются либо новые методы и результаты академических исследований, либо организационные вопросы лечения. Эти два направления достаточно ощутимо разъединены и соединяются только в точках, отражающих массовые болезни, где заболевание перестает быть сугубо объектом исследования и становится предметом политических стратегий (см. *tuberculosis, hiv*).

В период 2001—2010 гг. (см. Приложение 2, рис. 4) дискурс о «здоровой» городской среде центрируется вокруг единой проблемы ВИЧ-инфекции. Сеть также

наглядно показывает главную гипотезу о ее распространении, связанную с сексуальным поведением и употреблением наркотических веществ. Вероятно, под эгидой заболевания, характеристики распространения которого не могут быть проанализированы в отрыве от социального контекста, возник дискурс о социальном неравенстве и роли сообществ в медицине. Настоящая сеть имеет тематические «отростки», связывающие сообщества с академическими исследованиями, которые включают расовую и гендерную справедливость в систему координат организации медицины. Наиболее необычна, однако, связь, образуемая у центрального набора слов с понятиями социальной ответственности и биоэтики через категорию риска. Так, именно риск оказывается связующим звеном между медицинской практикой и социальной проблематикой, актуализируя скорее профилактику, чем лечение.

Во втором десятилетии XXI века вопрос ВИЧ отошел на второй план, однако «риск» сохранил свое центральное положение в дискурсе. Маркировка «риска» удобно локализует болезнь в точке пересечения определенных социальных факторов, переводя внимание с уже больных на тех, кто мог бы потенциально заболеть. Расширяется географический спектр «городского», к которому обращаются исследователи: если в предшествующие периоды слово «город» (*city*) как имя собственное проявляло себя лишь в сочетании *New York City*, то на рисунке 5 Приложения 2 уже видны отсылки к европейским городам или Гонконгу. Выделяются три смежные проблемные области, близко сопоставимые с наблюдаемыми в общей сети (см. рис. 7): факторы риска, городская среда и организация здравоохранения.

В сети за 2021—2022 гг. доминирует пандемия COVID-19. Сеть сопresentствующих ключевых слов (см. Приложение 2, рис. 6) иллюстрирует изобилие социальных, экономических и пространственных измерений пандемии. Тема вакцинации оказывается не самой явной, в то время как на первый план обсуждений выходят сравнительный анализ эффективности реакции на возникшую угрозу между странами, особенности городских и сельских возможностей предохранения от болезни и меры, которые можно принять, чтобы обезопасить публичное пространство. Особенности этой сети наиболее ярко подчеркивают произошедший с 1990-х годов сдвиг в медиалистском дискурсе в пользу фокуса на публичности: главными героями статей о медицине становятся не сами вирусы и их изучение, но сообщества, города, государства — иными словами, социальные единицы, структура которых зачастую играет решающую роль в определении развития болезни.

Обсуждение полученных результатов и выводы

Проведенный анализ показывает, что тематика городского здоровья состоит из ряда ключевых подтем. В последние десятилетия в научном дискурсе активно обсуждались вопросы важности эмпирического изучения факторов, влияющих на здоровье, где условия физической городской среды — это только одна из его детерминант. Актуальными для обсуждения становятся вопросы социальной справедливости в отношении здравоохранения и решения проблем с доступом к медицине через медицинское обслуживание в городских сообществах. Один из ключевых концептов — «риск», показанный как важный при обсуждении здоровой и безопасной городской среды, — сочетает медицинские вопросы распростране-

ния инфекционных заболеваний с социальными детерминантами и контекстами их распространения (употребление наркотических веществ, сексуальное поведение) и вопросами организации превентивной системы здравоохранения. Часто в фокусе обсуждения такой помощи оказываются маргинализированные группы населения (выходцы из тюрем, представители нетрадиционной сексуальной ориентации, люди, употребляющие наркотики), однако дискурс находит выражение и в контексте детства, материнства и «здорового долголетия». Можно отметить и фокус на внимании к сообществам и городам как социальным акторам, структура которых зачастую играет решающую роль в определении развития болезни.

Мы увидели, что некоторые выявленные тематики культурно обусловлены и связаны с определенной средой, которая попадает в «объектив» научного дискурса в публикациях на английском языке (обсуждение крыс в городском пространстве, вопросы свободного ношения оружия). С одной стороны, это говорит о том, что используемая методология выявления основных работ аккуратно идентифицирует группы, посвященные недоминантным тематикам. С другой стороны, это указывает на важность проведения такого рода анализа на уровне национальных культур. В этом смысле использование для анализа научного дискурса публикаций на английском языке из базы *WoS (Core Collection)*, имеющей условия для индексации журналов, можно рассматривать как ограничение исследования, неизбежно смещающее обсуждение получившегося дискурса в определенный контекст западной научной школы (и социальных проблем, актуальных для принадлежащих к ней авторов).

Динамический анализ показал, что область городского здоровья достаточно подвижна и чувствительна к актуальным социальным проблемам и проблемам в области здравоохранения. Достаточно длительный период времени актуальные вопросы научного дискурса были посвящены тематике распространения ВИЧ-инфекции, а на сегодняшний день значимое место в актуальной повестке занимает тема борьбы с эпидемией COVID-19 и последствиями глобальной пандемии. Это не дает основания утверждать, что тематика работы с ВИЧ «ушла» из научного дискурса. Скорее, за прошедшее время эта область сложилась в отдельное направление, «специализировалась» и в настоящее время представлена в отдельных журналах. Вместе с тем она значительно меньше присутствует в дискурсе ученых, занимающихся вопросами городского здравоохранения в целом.

Наконец, стоит отметить и такой важный результат анализа научных публикаций, как появление программных работ и обсуждение методологии исследований по тематике здоровых городов. Это указывает на определенную зрелость направления и на то, что оно нацелено на формирование относительно самостоятельной предметной области.

Сравнение результатов, полученных при анализе массивов библиографических данных, собранных двумя разными способами — по поиску через ключевые слова и по топовому журналу в изучаемой области, — показало их комплементарность. Темы публикаций в *Journal of Urban Health* можно отнести к более специфическим, часто они связаны с маргинализированными группами населения и форматами работы с ними. Чтобы уходить от ограничений одного источника информации, мы рекомендуем другим исследователям использовать более широкие поисковые запросы.

С точки зрения методологии работа с различными источниками данных (поиск по ключевым словам в WoS, по статьям в конкретном журнале в WoS) и применение различных методов анализа (анализ ключевых слов, публикаций) позволили получить надежные и разнообразные результаты. Выводы на базе анализа сетей цитирования нашли дополнительное подтверждение в анализе ключевых слов.

Исследование показало комплексную картину тематик, собирающихся вокруг концепта здоровых городов. Связывая полученные результаты с выводами предыдущих исследований, мы также фиксируем тренд на устойчивый рост числа публикаций, посвященных этой тематике. Ценность работы заключается в выделении наиболее значимых статей, с которыми может познакомиться любой специалист или исследователь, работающий в области здоровых городов. К сожалению, проведенный анализ не позволяет ответить на вопрос, какие дисциплины в настоящее время формируют поле и насколько кросс-дисциплинарным оно является. Это способен показать анализ сетей соавторства, который может быть следующим шагом данной работы. Интересным направлением дальнейшего анализа также представляется сравнение научного дискурса с общественным дискурсом, формируемым в социальных медиа, что уже было экспериментально апробировано авторами проекта¹¹ [Мальцева и др., 2022].

Список литературы (References)

1. Булычева Е. Е., Мальцева Д. В. Выделение актуальных тематик в социологии: взгляд сквозь призму анализа сети цитирований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 113—140. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.971>.
Bulycheva E. E., Maltseva D. V. (2020) Highlighting Key Topics in Sociology: A Glance Through the Prism of Citation Network Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 113—140. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.971>. (In Russ.)
2. Моисеев С. П., Мальцева Д. В. Отбор источников для систематического обзора литературы: сравнение экспертного и алгоритмического подходов // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2018. Т. 47. С. 7—43.
Moiseev S. P., Maltseva D. V. (2018) Selection of Sources for a Systematic Literature Review: Comparison of Expert and Algorithmic Approaches. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. Vol. 47. P. 7—43. (In Russ.)
3. Batagelj V. (2020) On Fractional Approach to Analysis of Linked Network. *Scientometrics*. Vol. 123. P. 621—633. <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03383-y>.
4. Batagelj V., Doreian P., Ferligoj A., Kejžar N. (eds.) (2014) Understanding Large Temporal Networks and Spatial Networks: Exploration, Pattern Searching, Visualization and Network Evolution. Chichester: Wiley.

¹¹ Мальцева Д. В., Щеглова Т. Е., Ващенко В. А., Моисеев С. П. Здоровые города: Выделение актуальных трендов исследований в научной литературе и социальных медиа // Социодиггер. 2022. Т. 3. № 9 (21). С. 41—59.

5. De Nooy W., Mrvar A., Batagelj V. (2018) Exploratory Social Network Analysis with Pajek: Revised and Expanded Edition for Updated Software. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Hausmann-Muela S. (2023) A Foundation's View of WHO's Urban Health Research Agenda. *Bulletin of the World Health Organization*. Vol. 101. No. 8. Art. 494. <https://doi.org/10.2471/BLT.23.290135>.
7. Jia B., Chen Y., Wu J. (2021) Bibliometric Analysis and Research Trend Forecast of Healthy Urban Planning for 40 Years (1981—2020). *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. No. 18. Art. 9444. <https://doi.org/10.3390/ijerph18189444>.
8. Jia X., Dai T., Guo X. (2014) Comprehensive Exploration of Urban Health by Bibliometric Analysis: 35 Years and 11,299 Articles. *Scientometrics*. Vol. 99. P. 881—894. <https://doi.org/10.1007/s11192-013-1220-4>.
9. Luo W., Deng Z., Zhong S., Deng M. (2022) Trends, Issues and Future Directions of Urban Health Impact Assessment Research: A Systematic Review and Bibliometric Analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. No. 10. Art. 5957. <https://doi.org/10.3390/ijerph19105957>.
10. Meng L., Wen K.-H., Brewin R., Wu. O. (2020) Knowledge Atlas on the Relationship between Urban Street Space and Residents' Health — A Bibliometric Analysis Based on VOSviewer and CiteSpace. *Sustainability*. Vol. 12. No. 6. Art. 2384. <https://doi.org/10.3390/su12062384>.
11. Van Winkle T., Kotval-K Z., Machemer P., Kotval Z. (2022) Health and the Urban Environment: A Bibliometric Mapping of Knowledge Structure and Trends. *Sustainability*. Vol. 14. No. 19. Art. 12320. <https://doi.org/10.3390/su141912320>.
12. Zhang S., Li X., Chen Z., Ouyang, Y. (2022) A Bibliometric Analysis of the Study of Urban Green Spaces and Health Behaviors. *Frontiers in Public Health*. Vol. 10. Art. 1005647. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.1005647>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.4.2576](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2576)

В. Д. Курганская, З. К. Шаукенова, В. Ю. Дунаев, Г. А. Абрахматова

РЕПАТРИАНТЫ В КАЗАХСТАНЕ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ИНТЕГРАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Правильная ссылка на статью:

Курганская В. Д., Шаукенова З. К., Дунаев В. Ю., Абрахматова Г. А. Репатрианты в Казахстане: анализ проблем интеграции в социологическом измерении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 67—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2576>.

For citation:

Kurganskaya V. D., Shaukenova Z. K., Dunaev V. Y., Abrahmatova G. A. (2024) Repatriates in Kazakhstan: Problems of Integration in the Sociological Dimension. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 67–90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2576>. (In Russ.)

Получено: 26.02.2024. Принято к публикации: 12.07.2024.

РЕПАТРИАНТЫ В КАЗАХСТАНЕ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ИНТЕГРАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

КУРГАНСКАЯ Валентина Дмитриевна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, Алматы, Казахстан
E-MAIL: vkurganskaya@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5113-1033>

ШАУКЕНОВА Зарема Каукеновна — доктор социологических наук, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
E-MAIL: zarema_13@bk.ru
<https://orcid.org/0009-0008-7157-4120>

ДУНАЕВ Владимир Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, Алматы, Казахстан
E-MAIL: vlad.dunaev2011@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8581-3606>

АБРАХМАТОВА Гульнара Абрайкуловна — кандидат философских наук, доцент, Алматинский университет энергетики и связи, Алматы, Казахстан
E-MAIL: abrahmatova-g@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0005-8714-1723>

Аннотация. В Казахстан за годы независимости переселилось из разных стран мира более 1 млн репатриантов (кандасов). Предмет представленного исследования — процессы интеграции кандасов на исторической родине, цель — выявление сложностей с адаптацией репатриан-

REPATRIATES IN KAZAKHSTAN: PROBLEMS OF INTEGRATION IN THE SOCIOLOGICAL DIMENSION

*Valentina D. KURGANSKAYA*¹ — Dr. Sci. (Philos.), Professor, Principal Researcher
E-MAIL: vkurganskaya@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5113-1033>

*Zarema K. SHAUKENOVA*² — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Fellow of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan
E-MAIL: zarema_13@bk.ru
<https://orcid.org/0009-0008-7157-4120>

*Vladimir Yu. DUNAEV*¹ — Dr. Sci. (Philos.), Professor, Principal Researcher
E-MAIL: vlad.dunaev2011@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8581-3606>

*Gulnara A. ABRAHMATOVA*³ — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor
E-MAIL: abrahmatova-g@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0005-8714-1723>

¹ Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the SC MSHE RK, Almaty, Kazakhstan

² Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

³ Almaty University of Power Engineering and Communications, Almaty, Kazakhstan

Abstract. Over the years of independence, more than 1 million compatriots (kandasy) have migrated to Kazakhstan from different countries of the world. The subject of the study is the processes of integration of the kandasy in their historical homeland, the purpose is to identify the causes of difficul-

тов. Кроме классических теорий изучения социальных явлений авторы опирались на теорию социальных миграционных сетей. Для сбора первичной социальной информации использованы: анализ статистической информации, фокус-группы, интервью, анкетирование.

Предпринимаемые правительством республики и органами местной власти меры способствуют успешной адаптации репатриантов. В то же время, как показали результаты проведенного исследования, интеграция кандасов в принимающее общество осложняется по причинам субъективного и объективного характера. Это могут быть, например, затягивание решения вопросов органами управления или отсутствие взаимопонимания с местным населением — как казахами, так и представителями других этносов. Репатрианты не располагают объективной информацией о социально-экономической и культурной жизни, о языковой ситуации в современном Казахстане. Казахско-русское двуязычие в некоторых областях страны оказывается неожиданным для кандасов и вызывает возмущение той их части, кто не владеет русским языком. Для успешной интеграции репатриантов необходима согласованная работа государственных органов, широкая информационно-разъяснительная работа.

Ключевые слова: кандасы, адаптация, интеграция, конфликты, межэтнические взаимоотношения, репатриация

Благодарность. Статья подготовлена в рамках финансирования проекта КН МНВО РК BR18574231 «Научно-методологические

ties with the adaptation of repatriates. Over the years of independence, more than 1 million compatriots (kandasy) have migrated to Kazakhstan from different world countries. This study, which focuses on the processes of integration of the kandasy in their historical homeland, is of significant importance. The aim is to identify the causes of difficulties with adapting repatriates. In addition to classical theories of the study of social phenomena, the authors relied on the theory of social migration networks. Statistical information analysis, focus groups, interviews, and questionnaires were used to collect primary social information.

The measures taken by the Government of the Republic and local authorities play a crucial role in successfully adapting repatriates. However, as the results of the study showed, the integration of kandasy into the host community is complicated for subjective and objective reasons. There is a misunderstanding with the governing bodies; there are quarrels with the local population — both Kazakhs and other ethnic groups. The repatriates do not have objective information about socio-economic and cultural life, about the linguistic situation in modern Kazakhstan. Russian-Kazakh bilingualism, which exists de facto in some regions of the country, turns out to be unexpected for repatriates, causing outrage among those Kazakhs who do not speak Russian. For the successful integration of repatriates, the coordinated work of state bodies and extensive information and explanatory work are necessary.

Keywords: kandasy, adaptation, integration, conflicts, inter-ethnic relations, repatriation

Acknowledgments. The article was prepared as part of the financing of the project of the CS of the Ministry of Foreign Affairs of the Re-

основы нациестроительства в Казахстане: оценка современных условий, тенденций и проекционных/оценочных моделей развития полиэтничного общества».

public of Kazakhstan BR18574231 “Scientific and methodological foundations of nation-building in Kazakhstan: assessment of modern conditions, trends and projection/evaluation models of the development of a multiethnic society”.

Введение и постановка проблемы

Согласно переписи населения Казахстана 2021 г., численность населения страны составляла 19 186 015 человек¹, из них казахи — 70,4%². Значительное количество казахов проживает за пределами исторической родины: политики и общественные деятели приводят различающиеся оценки их численности — от 5 млн³ до 7 млн⁴ в странах Азии и Европы.

Репатриацию соотечественников в Казахстан можно рассматривать как возвратную миграцию из стран, в которых проживают сформировавшиеся в результате выезда из-за неблагоприятных социально-экономических, политических, исторических условий крупные сообщества этнических казахов (из Китайской Народной Республики (СУАР), Монголии, Турции, Афганистана, Ирана, России, Узбекистана, Туркменистана, Киргизии). В некоторых пограничных с Казахстаном государствах (России, Узбекистане) казахи живут как автохтоны.

Казахи за рубежом, проживающие крупными диаспорами, владеют родным языком, соблюдают традиции и обычаи, а в повседневных практиках следуют культурному коду, сложившемуся у их предков. В то же время, как отмечают исследователи, сохранение традиционной казахской культуры стало «препятствием на пути интеграции мигрантов на исторической родине» [Diener, 2005: 468].

Приезд репатриантов по-разному воспринимается в казахстанском обществе. Сторонники репатриации связывают возвращение соотечественников на родину с возрождением казахской идентичности, национального духа и национального самосознания, с улучшением демографической ситуации, рассматривают его также как способ укрепления общегражданской стабильности, сохранения национальной самобытности, восстановления исторической справедливости⁵. Противники же репатриации утверждают, что приезжают люди преимущественно

¹ Население Республики Казахстан. 1 т. Астана: Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики, 2023. URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (дата обращения: 07.02.2024).

² Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Астана: Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики, 2023. URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (дата обращения: 07.02.2024).

³ Сколько казахов проживает за рубежом // Kyzylorda-news.kz. 2020. 1 мая. URL: <https://kyzylorda-news.kz/ru/obshchestvo/skolko-kazahov-prozhivaet-za-rubezhom-59765> (дата обращения: 23.12.2023).

⁴ Дюсенгулова Рабига. 7 миллионов казахов живут за рубежом — сенатор // Tengrinews. 2020. 30 апреля. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/7-millionov-kazahov-jivot-za-rubejom-senator-400708/ (дата обращения: 20.11.2023).

⁵ Прохоров И. Как начинался процесс возвращения казахов на историческую родину и как он идет сегодня // Казахстанская правда. 2021. 19 ноября. URL: <https://kazpravda.kz/n/kak-nachinalsya-protsess-vozvrashcheniya-kazahov-na-istoricheskuyu-rodinu-i-kak-on-idet-segodnya/> (дата обращения: 20.02.2024).

с низким образовательным уровнем, не имеющие профессии, поэтому на их образование, обучение, социальные нужды и прочее необходимы большие средства⁶.

В Казахстане наблюдаются высокие темпы естественного прироста казахов. Доля детей-казахов (по национальности матери) из всех рожденных в 2022 г. составила 80,5%⁷, в 2023 г. — 80,5%⁸, за январь — март 2024 г. — 80,3%⁹. Свой вклад в эти процессы вносят многодетные семьи кандасов. К сожалению, имеющаяся статистика не показывает количественных характеристик репродуктивного поведения кандасов, поэтому вывод об их многодетности мы делаем, исходя из традиций многодетности казахов в целом, исследований казахстанских демографов, информации из СМИ и эмпирической информации, полученной в ходе полевых работ.

Репродуктивное поведение переселенцев пока что не вошло в глобальный демографический тренд, определяемый сокращением рождаемости в отдельных регионах мира. «Данный процесс является одним из результатов глобального социально-демографического процесса, связанного с изменением культурных ценностей общества и получившего название „второй демографический переход“». При нем происходит смещение в область с низкой рождаемостью не выше уровня воспроизводства населения» [Алпатов, Митрофанова, 2023: 98]. Если городские семьи казахов уже вступили в процесс перехода «откладывания рождений» (термин «postponement transition» был введен в работе [Kohler, Billari, Ortega, 2002]), который характерен для урбанизированного общества, то сельские казахи и репатрианты продолжают следовать патриархальным традициям многодетности.

В результате «впервые в новейшей истории демографическая система республики начала функционировать на автохтонной основе. Основные варианты демографического развития находятся внутри страны и сконцентрированы в культурологических, социальных особенностях казахского этноса» [Алексеевко Аубакирова, Жанбосинова, 2019: 1370]. По мнению ряда казахстанских экспертов, со временем процессы модернизации повлияют на репродуктивное поведение в сторону понижения, так как казахское население будет урбанизировано [Алексеевко, Аубакирова, 2022: 64].

Становясь большой по численности группой населения (в страну с 1991 г. по август 2022 г. прибыло 1 млн 96,9 тыс. этнических казахов¹⁰), получив правовой статус и, соответственно, все права и свободы граждан Казахстана, репатрианты — с января 2021 г. называющиеся кандасами (соотечественниками) вместо оралманов (возвращенцев), — вносят заметный вклад в экономическую, культурную и политическую жизнь регионов.

⁶ Ким Е. Вам здесь не рады: неудобная правда о репатриантах Казахстана и их будущем // REGNUM. 2019. 10 декабря. <https://regnum.ru/article/2803951> (дата обращения: 20.12.2023).

⁷ Естественное движение населения Республики Казахстан (2022 г.). 11 июля 2023. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6351/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁸ Естественное движение населения Республики Казахстан (2023 г.). 9 февраля 2024. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/117678/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁹ Естественное движение населения Республики Казахстан (январь–март 2024 г.). 10 мая 2024. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/158502> (дата обращения: 16.05.2024).

¹⁰ О мерах поддержки для кандасов // Департамент Комитета труда и социальной защиты Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан по Акмолинской области. 2022. 19 августа. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek-akmola/press/news/details/420042?lang=ru> (дата обращения: 22.12.2023).

Ранее местами расселения кандасов по преимуществу были южные и западные области страны — Мангистауская, Алматинская, Жамбылская и Туркестанская. Основная масса переселенцев прибыла из КНР, Монголии, Узбекистана, Туркменистана и России. Однако в 2024 г. к областям, где можно получить квоту кандаса и, соответственно, все преференции, были отнесены вместо указанных выше регионов Павлодарская, Северо-Казахстанская, Костанайская, Восточно-Казахстанская, Абайская, Ақмолинская, Улытауская, Карагандинская области. Причина отказа в расселении на юг и запад — трудоизбыточность, перенаселенность, дефицит земли и воды, сокращающееся население северо-восточных областей¹¹. Только в этих областях кандасы смогут получить квоты, предполагающие субсидии на переезд, аренду и оплату коммунальных платежей в течение года; сертификаты экономической мобильности на приобретение жилья; освобождение от уплаты налогов на имущество для личного пользования; бесплатные консультации в центрах адаптации и интеграции кандасов; места в образовательных учреждениях профессионального образования; помощь в трудоустройстве наравне с гражданами Казахстана. Информация обо всех льготах и преференциях, памятка кандасам размещены на сайте Министерства труда и социальной защиты населения, веб-портале Электронного правительства и в центрах адаптации и интеграции кандасов.

На первый взгляд, с такой помощью государства кандасы могут вполне успешно интегрироваться в казахстанское общество. Упорядочить миграционные процессы с учетом социально-экономического развития регионов призвана Государственная программа «Нурлы кош» («Светлая кочевка») через обеспечение ее участников жильем, работой, социальными услугами. Однако эта программа по тем или иным причинам дает сбой. Переселение этнических казахов сопровождается комплексом проблем. В исследованиях социологов [Болганбаева, 2023; [Жанбосинова, Карибаев, 2019; Мамедова, 2023; Садырова, Амитов, 2014; Шайкемелев, 2022] фиксируется и описывается ряд наиболее острых из них: законодательно-правовое обеспечение процессов репатриации (особенно получение гражданства, натурализация); сложности с трудоустройством; обеспечение жильем, пособиями, социальными гарантиями; языковые проблемы из-за незнания русского языка и письменного казахского языка на кириллице; расселение кандасов с учетом природно-климатических условий, а также мест проживания родственников, поскольку семейные миграционные сети — одно из условий успешной адаптации репатриантов. Авторы статьи внесли свой вклад в изучение интеграции кандасов [Курганская и др., 2023; Курганская и др., 2024]. В предыдущих статьях рассматривается влияние репатриации на демографические процессы в Казахстане, обосновывается необходимость прагматического подхода к иммиграции в современном Казахстане с учетом новых рисков и вызовов.

Об остроте проблем адаптации кандасов говорится в выступлениях парламентариев, на заседаниях организаций, защищающих интересы кандасов. В 2021 г. от депутатов парламентской фракции «Ақ жол» был направлен запрос в правитель-

¹¹ В 2023 г. только 11,8% репатриантов переселились в регионы, определенные Правительством. См.: Прошло очередное заседание «Общественной комиссии» при НАО «Фонд Отандастар» // Пресс-служба НАО «Фонд Отандастар». 2023. 8 декабря. URL: <https://oq.gov.kz/ru/news/959-sheteldegi-qazaq-madeni-uyymdaryna-ulttyq-aspaptar-sapasynasani-dgarasqan-ultty> (дата обращения: 20.02.2024).

ство, в котором описывались многие актуальные для кандасов проблемы и предлагались пути их решения — от увеличения квоты до 20 тыс. семей в год до предоставления беспроцентных ссуд и налоговых льгот на срок до пяти лет для занятия сельским хозяйством. Отметим, что региональная квота приема кандасов и переселенцев на 2024 г. установлена в количестве 9483 человека¹².

Защита прав кандасов стала одним из пунктов предвыборной кампании Народной партии Казахстана (2023 г.). На заседании Фонда «Отандастар» («Соотечественники») в конце 2023 г. сообщалось, что в Центр информационной поддержки кандасов только в 2023 г. поступило 4424 обращения, в которых были перечислены следующие нерешенные проблемы: получение гражданства РК, получение/продление статуса кандаса, образование и культура, переезд/переселение родственников, вопросы по документам, по региональной квоте, получение вида на жительство, визовый вопрос и др.¹³

На основе анализа материалов социологических исследований, проведенных Институтом философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИФПР КН МНВО РК), другой социальной информации авторы в данной статье раскрывают ряд новых и слабо изученных аспектов процессов адаптации кандасов и их интеграции в казахстанский социум: влияние особенностей языковой самоидентификации на взаимоотношения репатриантов с местным населением; роль наличия/отсутствия у кандасов семейно-родственных сетей в принимающем обществе; факторы, определяющие региональные различия в процессах адаптации мигрантов; конфликтный потенциал воспроизводства переселенцами поведенческих и коммуникативных моделей, принятых в стране прежнего проживания.

Авторами ставились следующие цели: 1) выявить причины и факторы возникновения проблемных зон в процессах интеграции кандасов по месту их проживания; 2) оценить значимость семейных миграционных сетей в интеграционных процессах в различных регионах республики; 3) выявить негативные и позитивные тенденции в процессах адаптации кандасов и их интеграции в казахстанский социум.

Методология и методика

Репатриация — особый вид миграционных процессов, связанный с возвращением людей на землю предков, а также с возвращением в страну рождения вне связи с происхождением родственников предыдущих поколений. В настоящей статье предметом исследования выступает первый из обозначенных видов репатриации.

В ряде обзорно-аналитических статей рассматриваются современные концептуально-методологические подходы к исследованию проблем социокультурной адаптации мигрантов и их интеграции в принимающее общество [Ивахнюк, 2016; Илимбетова, 202; Эндрюшко, 2017]. Специалистами разработаны также различ-

¹² Утверждена региональная квота приема кандасов и переселенцев на 2024 год // Министерство труда и социальной защиты Республики Казахстан. 2024. 04 января. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/681711?lang=ru>.

¹³ Прошло очередное заседание «Общественной комиссии» при НАО «Фонд Отандастар» // Отандастар. 2023. 8 декабря. URL: <https://oq.gov.kz/ru/news/959-otandastar-qory-keaq-front-kenhse-sarapshylary-marapattaldy> (дата обращения: 22.02.2024).

ные модели и стратегии, рассмотрены приоритеты и выявлены критерии интеграции/адаптации репатриантов. Учитывая специфику социокультурного контекста интеграции кандасов, одним из наиболее продуктивных методов исследования этого процесса можно признать анализ репатриации в рамках теории миграционных сетей Д. Массея, представляющей социологическое направление в изучении миграции. «Изучение миграционных сетей в последние два десятилетия получило большое распространение на примере конкретных стран. Можно даже сказать, что анализ миграции через призму миграционных сетей стал вытеснять другие концептуальные подходы» [Ивахнюк, 2016: 27].

«В рамках данной теории миграционная сеть определяется как совокупность межличностных отношений, в которых мигранты взаимодействуют со своими семьями, друзьями или соотечественниками, оставшимися в их странах, при этом международная миграция трактуется как индивидуальный или семейный процесс принятия решений» [Ковалев, 2009: 43—44]. Теория социальных миграционных сетей применима к репатриации, так как в большинстве случаев единицей переселения становится семья: «Перспективным при определении причин репатриации, в отличие от других видов миграций, является учет категории этничности. Именно этническая идентификация может выступать в качестве причины репатриации» [там же: 44]. При изучении интеграции кандасов необходимо принимать во внимание особый тип семейной организации казахов — деление по родоплеменному признаку, ибо решение о переезде принимает семья, понимаемая как клан¹⁴. Наличие семейно-дружеских сетей помогает кандасам адаптироваться в принимающем обществе, особенно в первое время прибытия.

В статье И. В. Герасимовой [Герасимова, 2019] приводится ряд наиболее распространенных для современной научной литературы дефиниций понятий адаптации и интеграции мигрантов. Основываясь на этих определениях и на специфике предмета исследования, мы понимаем под адаптацией кандасов процессы и результаты активного приспособления менталитета, психологических установок, повседневных практик социальных взаимодействий репатриантов к социальным, экономическим, политико-правовым, культурным параметрам жизнедеятельности принимающего общества. Адаптация кандасов — важная составляющая их социальной интеграции — «двустороннего процесса, в рамках которого происходит принятие мигрантами ценностей общества-реципиента, с одной стороны, и принятие обществом-реципиентом мигранта, с другой стороны» [там же]. Таким образом, хотя «Понятия „адаптация“ и „интеграция“ в большинстве случаев рассматриваются как единый процесс» [Илимбетова, 2021: 152], такое отождествление не всегда оправдано: успешная адаптация мигранта к новой для него социокультурной среде не влечет за собой автоматически его интеграцию (включение, инкорпорацию и т. д.) в принимающее общество.

¹⁴ Известен случай отказа в регистрации кандасов из-за отсутствия квот в Мангистауской области и предложения репатриантам переехать на север страны, которое они отвергли из-за наличия в области родственников и готовы были ради проживания рядом с ними отказаться от государственных выплат. См.: Зарегистрироваться в Мангистауской области не могут 800 кандасов // КАЗИНФОРМ. 2022. 27 августа. URL: https://www.inform.kz/ru/zaregistrirovatsya-v-mangistauskoy-oblasti-ne-mogut-800-kandasov_a3971825 (дата обращения: 02.01.2024). Как мы писали выше, семейные миграционные сети оказывают большое влияние на принятие решений о репатриации. Поэтому отрыв от родственников болезненно воспринимается репатриантами.

Социологическое исследование этнополитической ситуации на юге Казахстана проведено по заказу ИФПР КН МНВО РК в 2022 г. Центром изучения общественного мнения: 24 интервью с экспертами, 24 экспресс-интервью с представителями государственных органов, 13 фокус-групп с жителями регионов, куда расселялись кандасы. В 2023 г. ТОО «BRIF Research Group» было реализовано исследование модернизации казахстанского общества — 10 интервью с экспертами¹⁵.

Мы также использовали результаты социологических исследований, выполненных по заказу ИФПР в рамках различных проектов:

1) «Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания» (2019 г., исполнитель — ТОО «BISAM CENTRAL ASIA», выборка 1800 респондентов);

2) «Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания» (2020 г., исполнитель — ТОО «BISAM CENTRAL ASIA», выборка 1800 респондентов);

3) «Исследование культуры и ценностей общества в контексте стратегии устойчивого развития Казахстана» (2022 г., исполнитель — ОО «НИА „Институт демократии“», выборка 3000 респондентов).

Анкетные опросы проводились с использованием планшета (техника CAPI/TAPI). География опроса — все области РК, города Алматы, Астана и Шымкент¹⁶. Во всех трех исследованиях репрезентация структуры генеральной совокупности обеспечивалась квотированием выборки по половозрастным, поселенческим, этническим признакам.

В каждое из указанных социологических исследований (анкетный опрос населения, фокус-группы, интервью с экспертами, представителями органов управления) было включено лишь по несколько вопросов, имеющих отношение к различным аспектам социокультурной адаптации репатриантов (поликультурность и полиэтничность, доминирование многонациональных традиций и обычаев, казахско-русское двуязычие, преобладание коммуникаций на русском языке в отдельных регионах и др.). Поэтому авторами были использованы все эти источники социологической информации для решения содержательных задач исследования.

Результаты

Казахстан первой четверти XXI века: культура и традиции

В современном Казахстане, как отмечают исследователи, переплетаются традиции различных эпох: «советские и появившиеся во время независимости, глобальные и уникальные национальные нормы, языковые различия и провалы культурной памяти», и все это вместе «обуславливает отторжение инакового, чужого этническими казахами» [Жанбосинова, Карибаев, 2019: 139].

Согласно результатам социологического исследования «Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания» (2019 г.), наибольшее влияние на казахскую ментальность оказали и продолжают оказывать четыре культурные традиции — исламская, советская, русская и тюркская (см. табл. 1).

¹⁵ Информацию об участниках исследования см. в Приложениях к настоящей статье.

¹⁶ Для краткости в ссылках на социологические исследования ИФПР будет указан только год их проведения.

Таблица 1. Как Вы считаете, какие культуры оказали и продолжают оказывать наибольшее влияние на казахскую ментальность?

Исламская	47 %
Советская	44 %
Русская	41 %
Тюркская	41 %
Европейская	9 %
Затрудняюсь ответить	7 %
Американская (США)	4 %
Китайская	3 %

Источник: Социологическое исследование «Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания», 2019 г.

Исследование позволило добавить важные штрихи к характеристике языковой ситуации в Казахстане. Акцент в исследовательском инструментарии был сделан не столько на оценку уровня владения языками, сколько на языковую самоидентификацию. Выяснилось, что среди казахов выражено превалирует позиционирование двуязычия: 60 % респондентов казахской национальности ощущают себя в большей мере двуязычными. В большей мере тюркоязычными декларируют себя лишь 24 % респондентов.

В социологическом исследовании культуры и ценностей общества (2022 г.) респондентам был задан вопрос относительно того, каких традиций и норм они придерживаются в разных сферах общественной жизни. Полученные ответы свидетельствуют, что преобладающее число казахстанцев придерживается многонациональных традиций и норм (см. табл. 2).

Таблица 2. Каких традиций и норм чаще всего придерживаетесь Вы и члены Вашей семьи в следующих сферах?¹⁷ (%)

	Традиции одного этноса	Тюркские	Многонациональные (казахстанские)	Западные (европейские, американские)	Восточные (китайские, японские, индийские)	Религиозные
Быт, интерьер, одежда, украшения и стиль	25,6	5,7	65,5	18,4	5,2	5,1
Питание, кухня	24,8	10,6	71,6	17,7	10,7	4,2
Распорядок жизни (календарь, праздники)	24,6	8,3	65,4	10,6	2,1	7,9
Поведение, привычки, образ жизни	25,5	8,5	62,5	11,4	1,8	5,0
Досуг, хобби, увлечения	19,8	5,8	65,3	14,7	2,6	3,2

¹⁷ Данная таблица является сводной. Каждая строка таблицы представляет отдельный вопрос анкеты, предполагающий возможность нескольких вариантов ответов, поэтому в таблице отражен общий процент наблюдений по полю, который рассчитывался от общего количества полученных ответов.

	Традиции одного этноса	Тюркские	Многонациональные (казахстанские)	Западные (европейские, американские)	Восточные (китайские, японские, индийские)	Религиозные
Общение (друзья, соседи, коллеги)	17,7	6,3	73,5	8,2	2,6	3,1
Общественная активность (гражданские инициативы, волонтерство)	17,3	5,1	72,0	6,6	1,7	5,5

Источник: «Социологическое исследование культуры и ценностей общества в контексте стратегии устойчивого развития Казахстана», 2022 г.

Из таблицы 2 следует, что во всех тестируемых сферах общественной жизни у казахстанцев преобладают многонациональные традиции и нормы.

Ответы респондентов различных этнических групп фиксируют, что более половины респондентов-казахов, респондентов-русских и респондентов из других этнических групп придерживаются многонациональных традиций и норм (см. табл. 3).

Таблица 3. **Каких традиций и норм чаще всего придерживаетесь Вы и члены Вашей семьи? — многонациональных (казахстанских)**¹⁸ (%)

	Казахи	Русские	Другие
Быт, интерьер, одежда, украшения и стиль	64,9	65,8	67,7
Питание, кухня	71,3	71,6	73,3
Распорядок жизни (календарь, праздники)	64,3	69,3	65,4
Поведение, привычки, образ жизни	61,4	67,1	61,8
Досуг, хобби, увлечения	64,9	68,1	63,5
Общение (друзья, соседи, коллеги)	72,3	78,4	72,4
Общественная активность (гражданские инициативы, волонтерство)	71,4	74,5	71,8

Источник: «Социологическое исследование культуры и ценностей общества в контексте стратегии устойчивого развития Казахстана», 2022 г.

Приведенные в таблицах 1—3 результаты социологических исследований подтверждают поликультурность казахстанского общества, что является, как будет показано далее, одним из факторов, затрудняющих адаптацию кандасов как носителей традиционалистской ментальности.

Факторы влияния на интеграцию репатриантов в казахстанское общество

А) Факторы успешной интеграции.

На процессы успешной адаптации кандасов в казахстанское общество оказывает влияние целый ряд факторов.

1. Наличие родственников и близких в том или ином регионе.

Один из главных факторов успешной адаптации — наличие у кандасов семейно-дружеских сетей в принимающей стране, так называемого социального капитала.

¹⁸ В таблице проценты просчитаны от общего числа ответивших по каждой этнической группе, придерживающихся многонациональных традиций в разных сферах жизнедеятельности. У респондентов была возможность выбрать несколько вариантов ответов.

«Помимо материального капитала (денежные средства) и человеческого капитала (образование, квалификация, знания), социальный капитал является третьим важнейшим миграционным ресурсом, который, во-первых, мотивирует людей к миграции, а во-вторых, дает для этого дополнительные возможности» [Ивахнюк, 2016: 27].

В Казахстане эти сети играют особую консолидирующую роль, поскольку в традиции казахов — знать своих предков до седьмого колена. Суровые условия жизни в казахской степи способствовали тому, что человек мог выживать только вместе со своими сородичами, и потому он был зависим от своего рода.

«После переезда на историческую родину, оказавшись в неожиданно изменившемся мире, этнические казахи из Китая и Монголии начали использовать эти вызовы как возможность построить новые человеческие связи через объединение одного рода. Это явление — довольно важное и уникальное. Оно может дополнить тренд на ретрадиционализацию в современном казахском обществе, в рамках которой идеализируются традиции прошлого и поощряется возврат к ним»¹⁹.

Генеалогическая родословная — «шежире» — играет большую роль в объединении кандасов на исторической Родине: у казахов принято заботиться о родственниках, а родственники до седьмого колена считаются близкими. «Шежире» тоже входит в социальный капитал казахов, в границах какого бы государства они ни жили. Поэтому кандасы стремятся расселяться вблизи родственников, ибо семейные сети способствуют преодолению проблем, связанных с поисками работы, жилья и т. д. (такие особенности национальной культуры казахов, как взаимовыручка и взаимопомощь, отметили 57 % респондентов в социологическом исследовании 2019 г.).

«Социальные отношения, возникшие на семейно-товарищеской или соседской основе, выходя за эти рамки, распространяются на профессиональную сферу, когда происходит так называемая „колонизация“ мигрантами определенных мест работы и даже специальностей» [Ковалев, 2009: 44]. Такими сферами становятся скотоводство, ремесленничество и другие традиционные сферы деятельности.

2. Близкая ментальность в казахскоязычных районах.

Наиболее значимыми факторами внутриэтнической консолидации являются культура, история и общие предки, а также язык. Репатрианты стремились обосноваться в регионах с казахскоязычным населением. Социологическое исследование 2019 г. показало, что в традиционно казахскоговорящие регионы страны — западный и южный — отличаются сильно выраженными принципом крови и почвы (то есть налицо приверженность примордиалистскому, объективистскому пониманию нации как набору врожденных свойств), религиозностью, почитанием традиций и памяти о предках, уважительным отношением к государственному языку и необходимости его изучения, чистокровности, независимости и единству казахского народа, религиозности, заботе о родственниках. Типичными для фокус-групповых обсуждений были утверждения следующего рода:

Сейчас казахи соблюдают все традиции. Если это для них финансово накладно, им помогают родственники. (Казах)

¹⁹ Муканова Зарина. Скотоводство и взаимопомощь: чем занимаются кандасы на юго-востоке Казахстана? // VLAST. 2023. 15 марта. <https://vlast.kz/obsshestvo/54306-skotovodstvo-i-vzaimopomos-cem-zanimautsa-kandasy-na-ugovostoke-kazahstana.html> (дата обращения: 20.02.2024).

Я заметила, что в казахских семьях старшим детям с детства объясняют, что они должны помогать и заботиться о младших. А если говорить о ценностях казахов — это, конечно, уважение к старшим. (Русская)

Исследование 2020 г. показало, что проблемы, связанные с незнанием русского языка, в большей степени характерны для запада и юга страны. Несмотря на то что большинство респондентов считает использование русского языка в коммуникациях между казахами нормальным явлением, при более детальном изучении данного вопроса можно увидеть существенные различия во мнениях представителей разных регионов. Достаточно низкая степень согласия с данным суждением характерна для респондентов Атырауской области (лишь 35,6% представителей этого региона считают, что коммуникации на русском языке между казахами — это нормально). Диаметрально противоположную точку зрения имеют опрошенные Павлодарской области: подобное общение воспринимают положительно 93,3% респондентов. Если такое отношение к языковым коммуникациям наблюдается среди местных жителей-казахов, то понятно стремление репатриантов говорить с соотечественниками на родном языке.

3. Политика государства по отношению к репатриантам.

Постепенно кандасы натурализуются на исторической родине. Большую роль в этих процессах играет иммиграционная политика государства, направленная на расширение потока репатриантов-казахов в Казахстан и создание условий для их включения во все сферы жизни. Создаются рабочие места, поддерживаются народные промыслы, выделяются земельные участки, организуются фермерские хозяйства.

В центрах адаптации репатрианты получают разъяснения по всем вопросам, в том числе информацию о законодательстве, обретают языковые компетенции и т. д. Однако заметим, что здесь представляется лишь общая правовая/образовательная информация, а переселенцы, приезжающие из разных стран, представляют собой разные по возрасту, образовательному уровню, языковым компетенциям группы. В связи с качественной дифференциацией и количественным ростом этих групп государству необходимо прилагать колоссальные усилия для их успешной адаптации²⁰.

Б) Факторы, осложняющие интеграцию.

1. Неэффективная работа управленческого аппарата, бюрократия.

С точки зрения некоторых чиновников, у кандасов нет проблем с адаптацией (социологическое исследование 2022 г.):

...Никаких проблем не было. До этого они приходили с водными и земельными проблемами, их решали. У них есть свой лидер. Если возникает какая-либо ситуация и возникают вопросы, они сообщают непосредственно этому человеку, он связывается с нами и рассказывает о проблемах оралманов. У них нет проблем с доступом к образованию и медицинскому обслуживанию. (Госслужащий)

²⁰ В настоящее время приехавшие могут подать заявление о присвоении статуса кандаса в исполнительные органы власти по месту жительства, а также они могут это сделать онлайн в стране проживания в консульстве или посольстве Республики Казахстан.

Однако у кандасов другая точка зрения. Многие участники фокус-групп (социологическое исследование 2022 г.) критиковали деятельность местных чиновников, которые «гоняют их как мяч из кабинета в кабинет», не решают вопросы или затягивают их решение, относятся к посетителям избирательно, не обеспечивают все, что тем положено по закону. Несоответствие законодательства и практики адаптации негативно влияет на интеграцию кандасов в казахстанское общество²¹.

К нам власть не идет, люди стараются сами или через знакомых справиться с возникающими проблемами. (Кандас)

Если спросишь, то точно не ответят... Например, я не могу получить удостоверение дочери. Ей исполнилось 16 лет, а мы переехали, когда ей было 13 лет. Сейчас одной формы не хватает. Привезем ее — и все равно скажут, что надо ехать в посольство, чтобы зарегистрировать. Короче, к нему [чиновнику] мы ходили восемь раз. (Кандас)

Следует отметить, что бездействие чиновников не является избирательным по отношению к репатриантам юга. В фокус-группах местные жители приводили примеры, когда их проблемы не решались до тех пор, пока они не обращались в СМИ.

2. Смешанная идентичность в местах расселения.

Для интеграции кандасов во многих областях построены поселки. Некоторые местные жители выступали против создания таких анклавов. Они считали, что подобные поселения препятствуют интеграционным процессам, тем более что некоторые из кандасов, с их точки зрения, и так вели себя отчужденно, не стремились контактировать с местными жителями (социологическое исследование 2022 г.).

У них проблема в интеграции в казахское общество, для них намного длиннее этот путь, даже в какой-то степени его искусственно создали, когда понастроили для них дома, микрорайон Асар, например, и они там у себя варились и варятся. Это изначально политика неправильная, их надо было поселить среди коренных жителей, чтобы они быстрее интегрировались. (Эксперт)

Как отмечает О. Зевелева, «если репатриация приводит к тому, что в принимающем государстве образуется группа людей, имеющих гражданство, но не интегрированных в общество, возникает вопрос о том, где и как проводятся смысловые границы национального государства как сообщества с коллективной идентичностью» [Зевелева, 2013: 261].

Отчужденное поведение репатриантов вполне объяснимо, поскольку в Казахстане они столкнулись с отличающейся идентичностью. «В итоге исторической

²¹ С 19 января 2024 г. государственная услуга по присвоению статуса кандаса осуществляется в электронном виде. СМ.: Сабеков С. В Казахстане изменятся правила присвоения статуса кандаса // КАЗИНФОРМ. 2024. 9 января. URL: <https://www.inform.kz/ru/v-kazahstane-izmenyatsya-pravila-prisvoeniya-statusa-kandasa-a2a1b9> (дата обращения: 20.02.2024).

и цивилизационной динамики сегодня в Казахстане сложилось несколько различных групп граждан по критерию идентичности:

- казахская идентичность (жители аулов, оралманы, национал-патриоты);
- мусульманская идентичность;
- молодежная „болашаковская“²² идентичность с ее ориентацией на дальнейшее зарубежье в карьере и жизни;
- пророссийская (просоветская) идентичность (с ориентацией на прошлое и/или на постоянное местожительство в России);
- собственно казахстанская идентичность» [Колчигин, 2020: 232].

3. Языковой вопрос, обычаи и традиции.

По данным социологического исследования 2020 г., около половины респондентов (45,9%) относит себя к двуязычной группе. Примечательно, что доля опрошенных, отождествляющих себя с русскоязычными, почти в полтора раза превышает долю тюркоязычных респондентов (27,4% и 17,2% соответственно). Доля тюркоязычного населения не столь значима в сравнении с долей русскоязычного, что связано с относительно невысокой степенью моноязычности казахов. Для большинства характерно использование государственного языка вперемешку с русским в своей повседневной коммуникации.

Языковой вопрос в условиях казахско-русского двуязычия особенно остро встал перед переселенцами из дальнего зарубежья в регионах с преобладанием русского языка в общественной сфере. Такое положение не устраивало переселенцев и порождало спектр негативных чувств — от растерянности до негодования. Закономерным был вопрос с их стороны: «Зачем, я, казах, должен говорить на русском языке, почему мне не могут ответить на моем родном языке?» [Жанбосинова, Карибаев, 2019: 140].

Есть разница во взглядах между местными жителями и оралманами, местные презирают их. Им трудно привыкнуть к нам. Они не знают русского, но хорошо знают казахский язык... (Местный житель, казах)

Однако языковая проблема у кандасов далеко не единственная. Проживание в других культурно-исторических условиях наложило отпечаток на их обычаи и традиции, что не принималось местным сообществом. «Сегодня мы наблюдаем два потока трансляции базовых концептов культурной памяти: первый в среде местного казахского населения, второй среди возвратившихся казахов, особо следует отметить трансформацию последнего под влиянием инوسреды обитания» [там же: 143].

Сравнительно легче проходят процесс адаптации кандасы, приехавшие из стран СНГ. Это объясняется историческим опытом проживания в одном государстве, оказавшем влияние на образ жизни иммигрантов, на их коммуникативные практики и социальные нормы [Садырова, Амитов, 2014].

4. «Информационная асимметрия».

Один из важнейших факторов, осложняющих интеграцию репатриантов, — плохая информированность о жизненном укладе на исторической родине, из-за чего

²² По программе «Болашак» («Будущее») казахстанская молодежь с 1993 г. получает образование в ведущих университетах мира для работы в последующем в приоритетных секторах экономики Казахстана.

возникает недопонимание между кандасами и местными жителями: «Очень много ссор и нареканий вызывает разница в представлениях местных и кандасов об общественной гигиене, нарушениях правил частной собственности и на почве земельных споров, гласном и негласном выражении мнений и апелляциях к властям, адресной помощи государства отдельным социальным группам, оценке местной политики и т. д.» [Шайкемелев, 2022: 223—224].

Среди множества факторов, негативно влияющих на адаптацию мигрантов во всем мире, некоторые исследователи миграционных процессов считают главным информационный фактор, или «информационную асимметрию» [Sabates-Wheeler, Feldman, 2011]. Исследуя потребности международных мигрантов в социальной защите и доступе к ней, они приходят к выводу, что в ряде стран «информационная асимметрия» дает возможность недобросовестным гражданам использовать информационные пробелы иммигрантов в личных целях [ibid.]. Такого рода ситуации периодически возникают и в Казахстане, когда кандасы вследствие неповоротливости бюрократической машины обращаются для решения своих проблем к недобросовестным посредникам, которые за вознаграждение берутся за их решение незаконным путем.

Исследователи отмечают, что на формирование негативного образа переселенцев во многих странах большое влияние оказывают СМИ: «Миграционные процессы освещаются в СМИ односторонне, показывая примеры насилия и другие негативные последствия. Практически не освещается позитивная роль миграции, не показываются положительные примеры интеграции мигрантов в принимающее общество» [Мастикова, 2019: 66]. Те же негативные тенденции по отношению к репатриантам наблюдаются и в Казахстане, когда в репортажах СМИ выделяется «фактор оралмана»: «Нельзя в погоне за рейтингом экстраполировать отдельные случаи на все общество либо на всех оралманов. СМИ необходимо соблюдать баланс, одновременно давая и позитивные материалы по данной теме, так как существуют и многочисленные примеры успешной интеграции оралманов в общество, их вклада в развитие региона и страны в целом» [Жампеисов и др., 2020: 145—146].

В то же время казахстанские журналисты обсуждают и проблемы, мешающие переселенцам адаптироваться в принимающее общество, в том числе создающиеся бюрократическими инстанциями²³.

Взаимоотношения кандасов и местного сообщества

«Культурно-цивилизационные особенности страны исхода оказывают большое влияние на мировоззрение и, соответственно, поведение репатриантов, их отношений с принимающим сообществом. Репатрианты обладают своим набором ценностей и следуют правилам общежития, сложившимся на старом месте жительства» [Курганская и др., 2024: 74]. Входя на исторической родине в мир семейно-дружеских сетей, состоящих из родственников, друзей, знакомых, ранее переехавших, но уже занявших традиционные экономические ниши или ищущих новые, они образуют локальные сообщества.

²³ Елизаров М. Зачем бюрократы сделали получение казахстанского гражданства недостижимым? // EXCLUSIVE. 2023. 10 февраля. URL: <https://exclusive.kz/zachem-byurokraty-sdelali-poluchenie-kazahstanskogo-grazhdanstva-nedosyagayemym/> (дата обращения: 10.02.2024).

Местное население не приветствует такую закрытость. По словам участников фокус-групп, некоторые кандасы навязывают свои представления о казахской культуре, языковой политике, моделях поведения. У части местного населения попытки репатриантов представлять себя истинными носителями казахской культуры, приверженцами ее аутентичных норм и обычаев вызывают противоречивые чувства. Кто-то негативно относится к такой позиции, а кто-то, наоборот, считает, что кандасы могут приобщить местных жителей к языку и культуре предков (социологическое исследование 2022 г.).

Причина в том, что местное население стало русскоязычным. Оралманы учат нас языкам и традициям, говорят на чистом казахском языке. Нет никаких проблем в отношениях оралманов с местными этносами. (Представитель органов управления)

Тем не менее недопонимание возникает по многим вопросам. М. Шайкемелев, изучавший адаптационные практики репатриантов в Алматинской области, приходит к выводу, что в обществе «уже появилась новая субэтническая прослойка казахских этнических репатриантов — кандасов (оралманов), для которой характерны явно бóльшие, чем у местных казахов, предприимчивость, трудолюбие, выживаемость, расчет исключительно на собственные силы, цепкость, нередко граничащая с изворотливостью, умелая апелляция к государству» [Шайкемелев, 2022: 224].

Эксперты объясняют поведение репатриантов сложностями адаптационных практик и равнодушием принимающего общества (социологическое исследование 2022 г.).

Жизнь у них сложнее. Власти не предпринимают никаких мер, чтобы помочь кандасам сблизиться с местным населением. Например, моя мама жила по соседству с оралманами. Моя мама уважала этих людей и приглашала их в гости. Другие соседи не хотят вмешиваться, не поддерживают. (Участник фокус-группы)

Поведенческие и коммуникативные модели переселенцев, принятые в стране прежнего проживания, вызывают раздражение части местного населения, из-за чего некоторые репатрианты так и остаются чужаками — «китайцами», «каракалпаками», «монголами», «иранцами», «узбеками» и т. д. В некоторых семьях существует предубеждение о нежелательности браков с кандасами как с «чужими» (социологическое исследование 2022 г.).

Мне говорили, что я каракалпачка, но я казашка из Каракалпакстана. Есть люди, которые не стесняются и так нас называют. Они акцентируют, что мы приехали, и жизнь хуже стала, что мы другие. Я стараюсь не реагировать, силой и криками не изменить такое отношение. Призываю всех к спокойствию. Постоянно рассказываю своим детям дома, что нельзя затевать конфликты, это ни к чему хорошему не приводит. (Кандас)

Когда мы только переехали, то местные жители нам говорили, чтобы мы уходили, потому что вы принесете нам другую религию, обычаи, испортите наших детей. Хотя нас

кто-то недолюбливает, нас называют чужаками, но это их беда и проблема. Я надеюсь, что пройдет время, и все выровняется. Мы уже никуда не уедем, это наша страна. Делят конфликты те люди, кому нечего делать, кто провокаторы. (Кандас)

Иногда говорят, что мы, оралманы, — «узбеки», «китайцы», «каракалпаки». Но не все такие. (Кандас)

Местные жители негативно реагируют на хорошие отзывы репатриантов о стране исхода, которая в связи со сменой привычного образа жизни им кажется более привлекательной, чем историческая родина.

Из трех альтернативных теорий, объясняющих отношение к иммигрантам: гипотезы социального контакта, культурной маргинальности и экономического эгоизма [Hayes, Dowds, 2006], — в нашем случае наиболее валидна третья. Главный источник конфликтов между кандасами и местным населением в 2000-х годах заключался не столько в культурных особенностях приезжих, хотя и в них тоже, сколько в том, что многие местные жители, жившие достаточно скромно, почувствовали себя экономически обделенными при выдаче государством преференций приезжим.

Местные жители считали, что государство должно сначала решить социально-экономические проблемы своих граждан. Некоторые из них называют необоснованными льготы для переселенцев. Кроме того, в приезжих местное население видит конкурентов в сфере занятости и воспринимает их как угрозу своему благополучию (социологическое исследование 2022 г.).

У приезжих другой менталитет... Когда мало рабочих мест, они оценивают свой труд задешево и устраиваются на работу. Туда, куда наши местные не устраиваются из-за низкой зарплаты, они устраиваются и работают там. Если устраивается один, то за ним приходит еще десять человек. Они провоцируют борьбу за рабочие места, что приводит к возникновению конфликтов из-за работы. Например, если местные работают за десять тысяч тенге, то они работают за три тысячи тенге, и это одна из проблем. (Эксперт)

Н. Космарская соглашается с мнением исследователей [Heath et al., 2020: 482] относительно оценок социального типа личности, в большей степени склонного к негативному восприятию миграции: «...неприятие иммиграции возрастает при чувстве большей социальной дистанции с иммигрантами, при завышенных оценках их численности, при более значительном ощущении исходящей от них угрозы (экономической или символической)...» [Космарская, 2022: 35].

Значительная часть трудовых конфликтов приходится на нефтедобывающие предприятия в Западном Казахстане, куда вследствие высоких заработков стремились кандасы. Как отмечали эксперты в проведенном в 2023 г. социологическом исследовании, работники Западного Казахстана уже могут протестовать «профессионально», у них есть своя внутренняя мотивация, сформировалась протестная культура и есть решимость бороться за свои интересы. Большинство забастовщиков — кандасы из Каракалпакии (Узбекистан)²⁴.

²⁴ См.: Политолог Данияр Ашимбаев // ZONA KZ. 2023. 14 апреля. URL: <https://zonakz.net/2023/04/14/kak-v-kazaxstane-sletali-v-kosmos-gde-najti-bolshuyu-malyshku-o-gej-propagande-v-kinoteatrax-i-pochemu-mazhilismeny-beregut-mozgi-i-zadnicy-svoix-izbiratelej/> (дата обращения: 02.12.2023).

Как показали социологические исследования 2020 г., несмотря на то что большинство респондентов позитивно оценивает межэтническую ситуацию в стране, моноэтнические области — Атырауская и Мангыстауская — имеют наибольший потенциал возникновения конфликтов на национальной почве (26,7 % и 31,7 % респондентов соответственно видят возможность возникновения конфликтов в своих населенных пунктах). Высокий конфликтный потенциал между работниками наблюдается в иностранных компаниях, в которых фиксируется значительная разница в условиях и оплате труда местных рабочих и иностранцев.

Негативное отношение к кандасам не следует экстраполировать на всех местных жителей. Отдельные высказывания информантов свидетельствуют о выстраивании с репатриантами дружеских отношений, признании их инициативности и трудолюбия (социологическое исследование 2022 г.).

Моя работа напрямую связана с кандасами. Они не утратили обычаев, языка, хотя жили в другом государстве. Не вижу разногласий с кандасами. Думаю, все будет хорошо и дальше, нормальное отношение к ним. (Местный житель, казах)

Кандасы не должны подвергаться давлению, их нельзя изолировать или отделять... У нас в колледже обучаются дети оралманов, соотечественников, эмигрировавших из Китая, они получают бесплатное образование. Такие же простые ребята, как наши, сидят за партой с нашими детьми, гуляют вместе, различия между ними не видно. (Эксперт)

Репатрианты стремятся интегрироваться в казахстанское общество через различные адаптационные механизмы. Большой потенциал для интеграции заключен в духовном наследии казахского народа. По мнению респондентов (социологическое исследование 2019 г.), для сохранения стабильности и устойчивости казахстанского общества важны следующие элементы духовного наследия казахов, которые разделяют и приезжие: уважение к старшим, забота о пожилых родителях, семья, воспитание детей, любовь к Родине, традициям, казахскому языку, ислам, гостеприимство, открытость, свобода, «шежире» (родословная).

Выводы

В результате анализа и интерпретации массовой социологической информации, официальных документов, материалов СМИ, экспертно-аналитических и научных статей были выявлены и проанализированы следующие факторы, оказывающие влияние на интеграцию кандасов в принимающее общество: социальное самочувствие населения, в том числе кандасов; наличие «обратной связи» с местной властью; взаимоотношения местного населения и кандасов; состояние межэтнических отношений и влияние на них внутренних и внешних факторов, таких как межгрупповая и межэтническая дистанцированность — закрытость, изолированность, открытость; уровень конфликтности; языковая политика, трудовые отношения, социальные тревоги и ожидания и др.

Анализ суждений экспертов, высказанных ими в интервью, позволил выявить ряд позиций, озвученных представителями экспертно-аналитического сообще-

ства по актуальным проблемам адаптации и интеграции кандасов, а также сопоставить и оценить аргументы, предъявляемые в защиту различных точек зрения на эти процессы.

Многие проблемы адаптации и интеграции кандасов не возникли бы, если бы потенциальные репатрианты могли ознакомиться с законодательством Казахстана относительно условий переселения, с региональными особенностями социально-экономической, культурной жизни, с демографическими, географическими, даже климатическими условиями до переезда на историческую родину, имели бы возможность получать исчерпывающие консультации по этим темам в консульских отделах за рубежом.

Эффективная информационно-пропагандистская работа зарубежных консульских служб и семейные миграционные сети могут оказать большое влияние на рациональное принятие решения о переезде потенциальных репатриантов без понижения уровня жизни в Казахстане, снизить протестный потенциал в их среде. Главное — владение информацией о наличии рабочих мест, соответствующих их профессиональным компетенциям, поскольку трудоустройство — ключевая проблема, встающая при въезде в принимающую страну.

В программах социальной интеграции кандасов государство должно учитывать риски приема людей с полученной социальной травмой [Штомпка, 2001], когда репатриантам в результате крушения надежд и завышенных ожиданий от исторической родины [Болганбаева, 2023] приходится пересматривать свои ценности, нормы, убеждения, основания коллективной идентичности и т. д. Государство при разработке программ интеграции должно принимать во внимание эти факторы, привлекая к работе различные группы населения (ученых, самих кандасов, политические партии и социальные движения, СМИ, уехавших за рубеж успешных соотечественников и др.). Неправительственные организации могут работать в этом направлении в рамках социального заказа. Учет позитивного мирового опыта приема иммигрантов поможет нейтрализовать или существенно снизить факторы, осложняющие интеграцию репатриантов.

Список литературы (References)

1. Алексеенко А. Н., Аубакирова Ж. С. Репродуктивные стратегии казахстанских женщин в контексте социально-экономических и этнополитических факторов // *Этносоциальные процессы в Республике Казахстан: вызовы и решения*. Часть 3 / отв. ред. Шайкемелев М. С. А. Алматы: ИФПР КН МНВО РК, 2022. С. 56—66.
Alekseenko A. N., Aubakirova J. S. (2002) Reproductive Strategies of Kazakhstani Women in the Context of Socio-Economic and Ethnopolitical Factors. In: Shaike-melev M. S.-A. (ed.) *Ethnosocial Processes in the Republic of Kazakhstan: Challenges and Solutions*. Part 3. Almaty: IPhPR CS MSHE RK. P. 56—66. (In Russ.)
2. Алексеенко А. Н., Аубакирова Ж. С., Жанбосинова А. С. Этнодемографические эволюции и становление суверенной демографической системы в Казахстане // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. История. 2019. № 4. С. 1368—1385. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.413>.

- Alekseyenko A. N., Aubakirova Zh.S., Zhanbosinova A. S. (2019) Ethno-Demographic Evolution and Formation of the Sovereign Demographic System in Kazakhstan. *Vestnik of St Petersburg University. History*. No. 4. P. 1368—1385. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.413>. (In Russ.)
3. Алпатов А. В., Митрофанова И. В. Трансформация возрастной модели рождаемости в Волгоградской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 95—117. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2424>.
Alpatov A. V., Mitrofanova I. V. (2023) Transformation of Age Model of Fertility in Volgograd Region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 95—117. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2424>. (In Russ.)
 4. Болганбаева Ш. Д. Социально-экономические и языковые проблемы кандасов и узбеков Туркестанской области в поствыборный период // Этносоциальные процессы в Республике Казахстан. Часть 4 / отв. ред. Шайкемелев М. С.-А. Алматы: ИФПР КН МНВО РК, 2023. С. 53—69.
Bolganbaeva Sh.D. (2023) Socio-Economic and Linguistic Problems of the Kandases and Uzbeks of the Turkestan Region in the Post-election Period. In: Shaike-melev M. S.-A. (ed.) *Ethno-Social Processes in the Republic of Kazakhstan*. Part 4. Almaty: IPhPR CS MSHE RK. P. 53—69. (In Russ.)
 5. Герасимова И. В. Процессы адаптации и интеграции мигрантов как компоненты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. Москва. Т. 7. № 4. 2019. <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2019-10211>.
Gerasimova I. V. (2019) The Processes of Adaptation and Integration of Migrants as Components of the National Security of the Russian Federation. *Science. Society. Defense*. Moscow. Vol. 7. No. 4. <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2019-10211>. (In Russ.)
 6. Жанбосинова Альбина, Карибаев Максат. Вопросы адаптации репатриантов в проекте ПРООН на примере Восточного Казахстана // Отан тарихы. 2019. № 3. С. 134—145.
Zhanbosinova Albina, Karibaev Maksat (2019) Issues of Adaptation of Repatriates in the UNDP Project on the Example of East Kazakhstan. *Otan tarikhy*. No. 3. P. 134—145. (In Russ.)
 7. Жампеисов Д., Рязанцев С., Перемышлин С., Жампеисов Д. Опыт стран Центральной Азии и Российской Федерации в вопросах управления этнической репатриацией // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 1. С. 138—152.
Jampeisov D., Ryazantsev S., Peremyshlin S., Jampeisov D. (2020) Managing Ethnic Repatriation Experience: Central Asian States and Russian Federation. *Central Asia and the Caucasus*. Vol. 21. No. 1. P. 124—136. (In Russ.)
 8. Зевелева О. И. Репатриация и национальная идентичность: опыт России и Германии // Россия и Германия в пространстве европейских коммуникаций / под

- общ. ред. А. В. Девяткова, А. С. Макарычева. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2013. С. 246—263.
- Zeveleva O. I. (2013) Repatriation and National Identity: The Experience of Russia and Germany. In: *Russia and Germany in the Space of European Communications*. Tyumen: Tyumen State University. P. 246—263. (In Russ.)
9. Ивахнюк И. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2016. № 1—2. С. 26—43.
Ivakhnyuk I. (2016) The Development of Migration Theory in the Context of Globalization. *The Age of Globalization*. No. 1—2. P. 26—43. (In Russ.)
10. Илимбетова А. А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2. С. 144—155. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_144_155.
Ilimbetova A. A. (2021) Adaptation and Integration of Migrants: Conditions, Goals, Approaches. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*. No. 2. P. 144—155. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_144_155. (In Russ.)
11. Ковалев М. П. Репатриация как вид миграции: методологические проблемы исследования // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 42—44.
Kovalev M. P. (2009) Repatriation as a Type of Migration: Methodological Problems of Research. *Bulletin of Tomsk State University*. No. 327. P. 42—44. (In Russ.)
12. Колчигин С. Ю. Духовность как глубинный смысл человеческой идентичности // Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания. Книга 3 / общ. ред. Бижанова А. К., Нурмуратова С. Е. Алматы: Издательство ИФПР КН МОН РК, 2020. С. 212—259.
Kolchigin S. Yu. (2020) Spirituality as the Deep Meaning of Human Identity. In: Bizhanov A. K., Nurmuratov S. E. (eds.) *Formation of Kazakh Identity in the Context of the Tasks of Modernization of Public Consciousness. Book 3*. Almaty: IPhPR CS MES RK. P. 212—259. (In Russ.)
13. Космарская Н. П. Изучение низовых представлений о мигрантах в России и Европе: методы, концепты, локальные контексты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 26—48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2054>.
Kosmarskaya N. P. (2022) Research on Popular Perception of Migrants in Russia and in Europe: Methods, Concepts, Local Contexts (A Review). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 26—48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2054>. (In Russ.)
14. Курганская В. Д., Шаукунова З. К., Дунаев В. Ю., Абрахматова Г. А. Кандасы и демографические процессы в Казахстане // Acta biomedica scientifica. 2024. Т. 9. № 2. С. 67—79. <https://doi.org/10.14515/10.29413/ABS.2024-9.2.7>
Kurganskaya V. D., Shaukenova Z. K., Dunaev V. Yu., Abrahmatova G. A. (2024) Kandas and Demographic Processes in Kazakhstan. *Acta biomedica scientifica*. Vol. 9. No. 2. P. 67—79. <https://doi.org/10.14515/10.29413/ABS.2024-9.2.7>. (In Russ.)

15. Курганская В. Д., Дунаев В. Ю., Абрахматова Г. А. Влияние репатриации на демографические процессы в Казахстане // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира / ФГБОУ ВО «ИГУ»; науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск: Издательство ИГУ, 2023. С. 112—119.
Kurganskaya V. D., Dunaev V. Yu., Abrakhmatova G. A. (2023) The Impact of Repatriation on Demographic Processes in Kazakhstan. In: Grabelnykh T. I. (ed.) *Expert Institutes in the XXI Century: Civilizational and Digital Concepts of a Changing World*. Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House. P. 112—119. (In Russ.)
16. Мамедова П. И. Проблемы интеграции кандасов в общественно-политические процессы в полиэтничном сообществе Казахстана (на примере Жамбылской области) // Этносоциальные процессы в Республике Казахстан. Сборник научных статей. Часть 4 / отв. ред. Шайкемелев М. С.-А. Алматы: Издательство ИФПР КН МНВО РК, 2023. С. 170—182.
Mamedova P. I. (2023) Problems of Integration of Kandases into Socio-Political Processes in the Multiethnic Community of Kazakhstan (On the Example of Zhambyl Region). In: Shaikemelev M. S.-A. (ed.) *Ethno-Social Processes in the Republic of Kazakhstan. Collection of Scientific Papers*. Part 4. Almaty: IPhPR CS MSHE. P. 170—182. (In Russ.)
17. Мاستикова Н. С. Отношение к мигрантам и привносимым ими изменениям: оценки россиян и европейцев // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 55—71. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.604>.
Mastikova N. S. (2019) Attitudes Towards Migrants and the Changes They Bring, in Assessments of Russians and Europeans. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 10. No. 4. P. 55—71. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.604>. (In Russ.)
18. Садырова М., Амитов С. Миграционные процессы в Казахстане и социальная адаптация оралманов. Социологический анализ. Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing, 2014.
Sadyrova M., Amitov S. (2014) Migration Processes in Kazakhstan and Social Adaptation of Oralmans. Sociological Analysis. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing. (In Russ.)
19. Шайкемелев М. С.-А. Этнокультурные и гражданские маркеры процессов формирования межкультурных границ в сельских сообществах Юга Казахстана // Этносоциальные процессы в Республике Казахстан. Часть 3 / отв. ред. Шайкемелев М. С.-А. Алматы: Издательство ИФПР КН МОН РК, 2022. С. 207—256.
Shaikemelev M. S.-A. (2022) Ethno-Cultural and Civic Markers of the Processes of Formation of Intercultural Boundaries in Rural Communities of Southern Kazakhstan. In: Shaikemelev M. S.-A. (ed.) *Ethno-Social Processes in the Republic of Kazakhstan*. Part 3. Almaty: IPhPR CS MSE RK. P. 207—256 (In Russ.)
20. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6—16.
Shtompka P. (2001). Social Change as a Trauma (Article One). *Sociological Studies*. No. 1. P. 6—16. (In Russ.)

21. Эндрюшко А. А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 4. С. 45—70. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.480>. Endryushko A. A. (2017). Theoretical Approaches Towards Examining the Adaptation of Migrants to the Host Society: Foreign Practices. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 8. No. 4. P. 45—70. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.480>. (In Russ.)
22. Diener A. C. (2005) Problematic Integration of Mongolian-Kazakh Return Migrants in Kazakhstan. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 46. No. 6. P. 465—468.
23. Kohler H.-P., Billari F. C., Ortega J. A. (2002) The Emergence of Lowest-Low Fertility in Europe During the 1990s. *Population and Development Review*. Vol. 28. No. 4. P. 641—680. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2002.00641.x>.
24. Sabates-Wheeler R., Feldman R. (2011) Introduction: Mapping Migrant Welfare onto Social Provisioning. In: Sabates-Wheeler R., Feldman R. (eds.) *Social Protection and Migration: Claiming Social Rights Beyond Borders*. London: Palgrave Macmillan. P. 3—35.
25. Hayes B. C., Dowds L. (2006) Social Contact, Cultural Marginality or Economic Self-Interest? Attitudes Towards Immigrants in Northern Ireland. *Journal of Ethnic and Migration*. Vol. 32. No. 3. P. 455—476. <https://doi.org/10.1080/13691830600554890>.
26. Heath A., Davidov E., Ford R., Green E. G. T., Ramos A., Schmidt P. (2020) Contested Terrain: Explaining Divergent Patterns of Public Opinion Towards Immigration Within Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 475—488. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1550145>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.4.2572](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2572)

Д. В. Петрова

ПОТРЕБЛЕНИЕ НОВОСТЕЙ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ: (НЕ)ДОВЕРИЕ И СТРАТЕГИИ ВЕРИФИКАЦИИ ИНФОРМАЦИИ

Правильная ссылка на статью:

Петрова Д. В. Потребление новостей в сельской местности: (не)доверие и стратегии верификации информации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 91—114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2572>.

For citation:

Petrova D. V. (2024) News Consumption in Rural Area: (Dis)Trust and Verification Strategies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 91–114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2572>. (In Russ.)

Получено: 16.02.2024. Принято к публикации: 06.08.2024.

ПОТРЕБЛЕНИЕ НОВОСТЕЙ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ: (НЕ)ДОВЕРИЕ И СТРАТЕГИИ ВЕРИФИКАЦИИ ИНФОРМАЦИИ

*ПЕТРОВА Дарья Вячеславовна — стажер-исследователь, Лаборатория экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: d.petrova@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0004-4758-7707>*

Аннотация. В статье анализируются практики медиапотребления в сельской местности в условиях возросшей на фоне кризиса потребности в информации и ограниченности ресурсов ее получения. Эмпирическим материалом служат интервью, проведенные в июле 2023 г. в деревнях Вологодской области. Результаты демонстрируют, что, несмотря на преобладание традиционных медиа, информационная среда в деревне относительно гетерогенна за счет потребления новостей из новых медиа и их дополнения межличностной коммуникацией. Выявлены комплексность феномена доверия новостям, фрагментация и дифференциация логик обоснования.

Причинами недоверия становятся противоречия между различными источниками, несовпадение новостей с восприятием человеком реальности, неудовлетворяющие его манера подачи сообщений и содержание новостей. Доверие зачастую персонафицируется, а также опирается на повторяемость информации, отражение новостей в окружающей действительности, логичность и последовательность транслирования. Декларируя недоверие новостям, информанты тем не менее продолжают потреблять подобный контент и не стремятся верифицировать его. Распространение получает «прагматичное доверие» — опора на интуицию и эвристики, а также деле-

NEWS CONSUMPTION IN RURAL AREA: (DIS) TRUST AND VERIFICATION STRATEGIES

*Daria V. PETROVA¹ — Research Assistant, Laboratory for Studies in Economic Sociology
E-MAIL: d.petrova@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0004-4758-7707>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article analyses the practices of media consumption in rural areas in the context of the collision between the increased demand for information amid the crisis and the limited resources for obtaining it and access to alternative sources. The empirical material is interviews conducted in July 2023 in the villages of the Vologda Region. The results show that despite the predominance of traditional media, the information environment in the village is relatively heterogeneous due to the consumption of news from new media and their supplementation by interpersonal communication. The complexity of the phenomenon of (dis)trust in news, fragmentation, and differentiation of justification logic are noted.

Distrust appears due to information inconsistency in different sources, the mismatch between news and perception of reality, unsatisfactory manner of reporting, and news content itself. Trust is often personalised and relies on the repetition of information, a reflection of news in the surrounding reality and logicity, and consistency of broadcasting. While declaring distrust of news, informants continue to consume such content and do not seek to verify the information. The “pragmatic trust” is becoming widespread. It implies reliance on intuition and heuristics, as well as devolution of responsibility for the credibility of news to “reliable others,” who are specific individuals both from the social environment of people

гирование ответственности за достоверность новостей «надежным другим», которыми выступают конкретные личности как из социального окружения опрошенных, так и со стороны авторов новостей. Выделяется роль политических предпочтений: доверие медиа становится проекцией доверия политическим институтам и отдельным персоналиям, склонности потреблять идеологически близкий контент.

Ключевые слова: потребление новостей, сельские жители, доверие новостям, стратегии верификации информации, медиасреда с большим выбором

Благодарность. В работе использованы результаты проекта «Повседневные поведенческие практики россиян в условиях внешних шоков», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

Введение

Человек может получать информацию о происходящем вокруг несколькими способами: через собственный опыт, межличностную коммуникацию или СМИ. Благодаря широкому распространению не только традиционных, но и новых медиа увеличивается объем транслируемого контента в целом [Prior, 2007], все более значительная часть получаемой человеком информации проходит через медиаисточники. Роль массовых коммуникаций особенно заметна, когда речь идет о темах и событиях, далеких от личного опыта людей [McCombs et al., 1981]. С одной стороны, в ряде исследований подтверждается влияние медиа на общественное мнение по политическим вопросам [Avery, 2009], с другой стороны, среди аудитории параллельно возрастает и цинизм по отношению к новостям как таковым, а также растут сомнения в объективности авторов политического новостного контента [Morris, 2007].

Происходит переход от медиасреды с маленьким выбором (low choice media environment) к медиасреде с большим выбором (high choice media environment), характеризующейся расширением предложения информации [Van Aelst et al., 2017]. Повышается роль цифровых медиа в сравнении с традиционными, использование которых сокращается под давлением интернет-источников и социальных медиа. Однако большой выбор источников, разнообразие освещаемых проблем и их трактовок в результате могут приводить к информационной пере-

and from the side of news authors. The role of political preferences is highlighted as media trust becomes a projection of trust in political institutions and specific individuals, a propensity to consume ideologically close content.

Keywords: news consumption, rural residents, news trust, verification strategies, high choice media environment

Acknowledgments. The results of the project “Russians’ Daily Social Practices under Exogenous Shocks”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2024, are presented in this work.

грузке, уменьшать количество знаний, приобретаемых с помощью медиа [Castro et al., 2021]. Кроме того, остро встает проблема ложной и недостоверной информации, что обуславливает снижение общего доверия медиа. Стараясь сэкономить временные и когнитивные ресурсы в условиях избыточного выбора, люди уделяют недостаточное внимание проверке достоверности информации.

Вместе с тем на фоне кризисной ситуации, обусловленной началом СВО и связанными с ней политическими и экономическими пертурбациями, повышается значимость получения актуальной достоверной информации. С 2022 г. в России наблюдается увеличение потребления новостного и социально-политического контента¹. Для кризисных и нестабильных периодов характерен рост спроса на политико-экономические новости, поскольку люди стремятся отслеживать возможные риски [Davis, McLeod, 2003]. Новости также служат инструментом снижения неопределенности и средством удовлетворения потребности в ориентации (need for orientation) [Valenzuela, Chernov, 2016].

В условиях сокращенного количества источников (обусловленного, в частности, блокировкой информационных ресурсов или ограничением доступа к ним) отдельные медиа становятся более значимыми в определении того, что будет транслироваться в качестве новостей и выноситься в публичное пространство. Согласно теории установления повестки дня (agenda-setting theory), конструирование повестки может быть описано как игра с нулевой суммой, где медиа конкурируют за внимание и статус доминирующих [Chyi, McCombs, 2004]. Политическая информация, получаемая через личный опыт и межличностную коммуникацию, может вытесняться на периферию внимания за счет того, что именно медиа определяют, о чем мы думаем [LeFebvre, 2016].

Медиа могут влиять на восприятие людей как через содержание новостных сводок, позволяющее «подсвечивать» одни темы и «затенять» другие, так и через подачу и фреймирование материала [Koltsova, Pashakhin, 2020]. Фрейминг подразумевает избирательное включение или исключение информации и фактов в целях создания единого нарратива, часто являющегося элементом политического образа. Тем не менее коммуникация — двусторонний процесс, за ее результат отвечают одновременно и авторы, и аудитория контента [Hall, 2007], поскольку информация воспринимается через призму существующих установок, опыта, а также культурных норм.

Мы можем разделить достоверность и надежность новостей (credibility) как определенное присущее медиа внутреннее свойство и доверие (trust) как внешнее — то, что сами люди атрибутируют медиа, причем первое используется в качестве критерия для выстраивания доверия [Kohring, 2019]. Аудитория обладает определенными новостными ожиданиями, которые в условиях социальных изменений могут трансформироваться [Van Dalen, 2020]. Исследования показывают, что люди могут оценивать политиков и их действия, опираясь на проблемы, артикулируемые в медиапространстве, и характер их освещения [Iyengar, Kinder 1994], а сила эффекта связана с объемом освещения политических вопросов. Возникает так называемый эффект прайминга (priming effect), когда аудитория стано-

¹ TV Index, вся Россия, население 4+, просмотр дома и на даче // Mediascope. 2023. URL: <https://mediascope.net/upload/iblock/ee9/b91rtnqh1jf0zhalydi9jf125voo5o8e/медиапотребление.pdf> (дата обращения: 16.02.2024).

вится «жертвой» репрезентации политического в СМИ. Одновременно отмечается, что медиа скорее укрепляют и подтверждают существующие политические диспозиции, нежели способствуют их изменению. Обнаруживается склонность к подтверждению своей точки зрения (confirmation bias), то есть одной из составляющих оценки новостей является транслируемая источником идеологическая позиция [Казун, 2023]. Люди доверяют тем источникам, которые кажутся им более «близкими», соответствуют их интуитивным и аффективным оценкам. Выбор осуществляется подсознательно, без рефлексии собственных политических предпочтений и их роли в способах взаимодействия с информацией [Nickerson, 1998]. Большему доверию может способствовать и «известность» (familiarity) информации, достигаемая за счет ее повторяемости [Dechêneet al., 2010]. Политическая поляризация и широкий выбор источников также связаны с медиапредвзятостью (media bias). Люди не только стремятся подтверждать свои убеждения через медиа, но и приписывают ангажированность и дезинформацию тем источникам, которые не совпадают с их собственной позицией [Newman, Fletcher, 2017]. Возникает эффект враждебных СМИ (hostile media phenomenon) [Vallone, Ross, Lepper, 1985], когда идеологическое неприятие приводит к воспринимаемой предвзятости политических новостей.

Доверие новостям может выстраиваться на различных уровнях. В частности, исследователи разделяют институциональное доверие медиа (systemic trust) [Quandt, 2012] и доверие конкретным источникам. Готовность полагаться на информационные ресурсы позволяет упрощать картину мира, повышая определенность ожиданий от будущего [Luhmann, 1979]. Однако в условиях неопределенности и ограниченности информации доверие, основанное на анализе потребляемого контента и его верификации через использование альтернативных источников, а также постоянная актуализация собственного понимания для избежания манипуляций становятся труднодостижимыми. Избегая постоянной проверки всего информационного потока, аудитория может вырабатывать «прагматичное доверие», используя медиа, не в полной мере доверяя им, но находя причины для легитимации такой стратегии [Schwarzenegger, 2020]. Обоснование доверия может делегироваться «надежным другим» [Toff, Nielsen, 2018], а правдивость информации — оцениваться через эвристики [Metzger, Flanagin, 2013], интуитивные и эмоциональные представления о хорошем и плохом.

В таком контексте также возникает вопрос о связи доверия информационному контенту и политическим институтам. Доверие медиаисточникам и институциональное доверие связаны [Hanitzsch, Van Dalen, Steindl, 2018] и могут обустраивать друг друга. С одной стороны, политические предпочтения являются предикторами выбора медиаисточников [Arceneaux, Johnson, 2012, 2013]. С другой стороны, оставаясь в рамках определенного политического дискурса люди способны попадать в эхо-камеры [Wang et al., 2020] и пузыри фильтров [Pariser, 2011] — закрытые медиапространства, где получаемая информация практически не поддается опровержению, а общение замкнуто внутри идеологически гомогенной среды.

Нестандартная ситуация в условиях российского контекста складывается в сельских областях, поскольку медиапотребление там лишь частично может быть

определено в терминах медиасреды с большим выбором. Сохраняющийся цифровой разрыв и отсутствие повсеместного доступа к интернету в совокупности с устоявшимися и воспроизводимыми сельскими жителями медиапрактиками [Зачарованное место..., 2021] повышают роль традиционных медиа и сокращают предложение альтернативной информации, впрочем, не отнимая возможность взаимодействия с большим количеством источников, но значительно увеличивая издержки (в том числе материальные) получения доступа к ним. В условиях преобладания традиционных медиа удовлетворение повышенного спроса на информацию также не приводит к ее избыточному потреблению, поскольку медиапотребление в данном случае ограничено пропускной способностью [Hilgartner, Bosk, 1988] самих источников при относительной недоступности интернет-ресурсов.

По данным опросов, полное неиспользование интернета отмечается примерно каждым шестым россиянином, это чаще представители старших возрастов и жители сельских населенных пунктов [Как россияне справляются с новым кризисом..., 2023]. Также именно для этих групп характерно потребление политических и экономических новостей посредством традиционных медиа [там же]. На фоне избыточного предложения информации и конкуренции на рынках внимания (marketplace of attention) [Webster, 2014] данная категория ограниченно соприкасается с последствиями медиасреды с большим выбором. Тем не менее на фоне кризисной ситуации уверенность в собственном будущем и вера в достоверность информации снижаются, тогда как потребность в ориентации, напротив, возрастает, что приводит к ситуации повышенного спроса на информацию в условиях ограниченности предложения, диктуемой частичным отсутствием доступа к интернету. Изучаемая группа с этой точки зрения выступает как контрастный случай по отношению к более молодым и образованным жителям больших городов.

К сложности получения разнообразной информации добавляется преобладание использования традиционных медиа, где значительную роль играют государственное регулирование и контроль [Strömberg, 2015]. Федеральные каналы ограничивают доступ политических акторов к высказыванию, а также определяют объем политической информации в общей новостной повестке, что находит отражение в восприятии контента его аудиторией. Стоит отметить, что сельские жители также демонстрируют сравнительно более высокий уровень поддержки специальной военной операции (77 % среди сельских жителей в сравнении с 59 % среди жителей городов-миллионников)², что может объясняться специфической сформированной информационной среды.

В условиях наложения кризисных периодов, усиливающейся поляризации и радикализации в совокупности с ограниченностью новостного потока адаптируются и практики медиапотребления. Недостаток достоверной информации сталкивается с отсутствием источников для верификации имеющейся информации, усложняется процесс понимания происходящего вокруг. В данном исследовании мы сфокусируемся на том, как в условиях внешних шоков выстраивается взаимодействие людей с новостями в сельской местности.

² Рассчитано автором на данных ВЦИОМ: Специальная военная операция: два года спустя // ВЦИОМ. 2024. 24 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-dva-goda-sputja> (дата обращения: 03.09.2024).

Методология

Для современных исследований потребления новостей характерно обращение преимущественно к количественному дизайну [Garusi, Splendore, 2023]. Тем не менее в ряде работ такой подход пересматривается. Доверие новостям представляется комплексным феноменом, несводимым к измерению исключительно уровня в целом [Newman, Fletcher, 2017]. Так, надежность информации может оставаться внутренней характеристикой, то есть оцениваться непосредственно через содержание новостного контента [Metzger et al., 2010], а может становиться проекцией доверия к конкретным платформам, источникам, авторам новостей (как представителям медиакорпораций, так и тем, кто транслирует новости) [Coleman, Morrison, Anthony, 2012]. Обращение к пользовательской перспективе и глубинным смыслам позволяет эксплицировать логики выработки (не)доверия, поэтому в данном исследовании выбрана работа в рамках качественной методологии.

Доверие новостным медиа может рассматриваться и как эндогенный фактор, отражающий реальную работу института, и как экзогенный, будучи интегрированным в систему социальных, культурных и политических представлений [Gentzkow, Shapiro, 2011]. Смыслы, атрибутируемые ему в таком случае, также изменчивы и обусловлены более широкой средой [Garusi, Splendore, 2023], поэтому для учета контекстуальности конкретных практик и получения мозаики интерпретаций, не ограничиваемых ответами на закрытые вопросы, мы опираемся на метод глубинного интервью.

Исследование основано на анализе 17 полуструктурированных интервью с 19 информантами (два интервью диадные), постоянно или периодически проживающих в деревнях (см. Приложение). Поскольку предшествующие исследования подчеркивают влияние на характер медиапотребления таких характеристик, как пол, возраст и уровень образования [Benesch, 2012; Edgerly, 2017; Karlsen et al., 2020], мы стремились варьировать эти параметры. Возраст информантов составляет от 37 до 78 лет со значительной долей информантов старших возрастных групп, в выборку входят 5 мужчин и 14 женщин, а уровень образования варьируется от неоконченной средней школы до наличия двух высших образований. Эмпирический материал был собран в течение июля 2023 г. Исследование проводилось в группе из четырех расположенных рядом друг с другом деревень в Вологодской области — одного из северных регионов России. Изучаемые поселения удалены от районных центров, суммарная численность постоянно проживающего населения варьируется по разным оценкам от 80 до 120 человек. В округе отсутствуют работающие предприятия, слабо развита инфраструктура, не существует интернет-вышки, что значительно увеличивает издержки на получение доступа к сети.

Несмотря на относительную гомогенность итоговой выборки с точки зрения социально-демографических характеристик (что обусловлено особенностями и естественными ограничениями исследуемых населенных пунктов), была принята попытка достижения большей вариации и выделения контрастирующих кейсов за счет дифференциации на основе различного бэкграунда проживания в сельской местности, социального окружения, а также практик медиапотребления. В выборку попали как информанты, которые всю жизнь проживают в деревне, так и те, кто, родившись и проведя там детство, сейчас проживает в более крупных

населенных пунктах, хотя и проводит значительную часть года в деревне. Практики медиапотребления также разнообразны: от почти полного отказа от определенных источников и вытеснения новостного контента из повседневности до параллельного использования множества источников (представленных и «старыми», и «новыми» медиа) и интеграции потребления новостей как важной составляющей в ежедневную рутину. Также стоит отметить разницу в плотности и количестве контактов информантов. В одних случаях социальное окружение представлено в большей степени локальным сообществом, в других информанты обладают широким списком регулярных контактов с людьми за пределами деревни.

Интервью длились от 40 до 83 минут. Фокус был сделан на нескольких аспектах. Во-первых, рассматривались практики медиапотребления в целом, включая используемые источники, место подобных практик в структуре повседневности. Далее рассматривалось непосредственно потребление новостей: начиная с определения, которое информанты дают самому понятию, и продолжая обсуждение разговором о внимании к отдельным темам и событиям, об особенностях просматриваемого контента и его соотношении с информацией, получаемой через межличностную коммуникацию. Отдельно затрагивался вопрос инструментальной значимости новостных сводок и комплекс тем, связанных с (не)доверием получаемой информации, стратегиями ее верификации. Данные анализировались в традиции «обоснованной теории» [Corbin, Strauss, 1990], с рекурсивным возвращением к сбору материала.

Новости как часть повседневности

Отталкиваясь от эмпирического материала, мы будем интерпретировать термин «новости» в расширенном ключе, включая в него как непосредственно новостные передачи, статьи или другие материалы, так и информацию из ненавостных источников (например, получаемую из социальных сетей, от знакомых или из программ, предполагающих обсуждение и аналитику новостей). Главными характеристиками новостей, по мнению наших информантов, являются новизна информации, наступление какого-либо события или динамика изменения в существующем устройстве. Информации, рассматриваемой как новости, также атрибутировалась глобальность, общественное внимание, то есть заинтересованность со стороны многих людей. Тем не менее часть информантов связывает новости только с материалами, определяемым в телевизоре или интернете как новостной контент. Значительную часть потребляемой информации составляют национальные политико-экономические новости, затрагивающие события, с которыми информанты не соприкасаются в личном опыте. Такая информация, в отличие от локальных новостей, требует дополнительных усилий по перепроверке и ставит вопрос о доверии источникам, транслирующим ее.

Востребованность получения новостей значительно выросла вместе с началом СВО. В качестве наиболее важной информации выделяются политические решения и события, сведения о международных отношениях, которые в первую очередь связаны с проведением СВО.

И.: А до этого [до начала СВО], получается, сколько смотрели?

Р: Ну, там нечего смотреть-то. (И6, ж, 67, среднее профессиональное)

Ну, меня в основном интересует целенаправленная вот эта сейчас специальная военная операция, вот это все политическое взаимодействие между государствами, ну, вот эти экономические, как государства сотрудничают, какие договоры с кем заключаются. (И19, ж, 54, среднее профессиональное)

Однако новости не только дают возможность оставаться информированными, «быть в курсе» и «в гуще событий». Несмотря на отсутствие прямого контакта с политическими событиями в качестве участников, люди ощущают собственную причастность к глобальным процессам, которая осмысливается в трех основных категориях: переживание за будущее в целом, за судьбу страны, а также за «наших», «своих ребят», «народ». Потребление политического контента способствует объединению вокруг общей идеи, национальных лидеров.

Переживаем, а как? За судьбу страны, за судьбу наших ребят, когда это закончится все, как относятся. (И3, ж, 69, среднее общее)

Мне кажется, то, что происходит в стране, так это каждого лично человека касается. Потому что уверенность чувствуешь в завтрашнем дне, если чувствуешь, что стабильность какая-то в государстве. (И19, ж, 54, среднее профессиональное)

Тем не менее потребление новостей не обладает инструментальным характером. Они редко используются для принятия решений в повседневной жизни. Несмотря на переживание и чувство «единого мира», ощущение зависимости частной жизни от глобальных событий, информация в новостях не обладает практической полезностью, поскольку (1) жизнь пенсионера (2) в деревне мало зависит от влияния внешних условий.

Моя жизнь, информация просто для себя. Допустим, хорошая, я радуюсь этому. А так она зачем мне, эта информация? Я пенсионер. Просто я переживаю: то, что хорошо, — это хорошо. Плохо — это значит плохо. (И5, м, 78, среднее профессиональное)

И.: А как Вам кажется, нужно знать о том, что происходит в стране, в мире?

Р.: Да.

И.: Почему?

Р.: Чтобы быть ко всему готовым.

И.: То есть это может как-то повлиять на вашу жизнь?

Р.: Ну, нет. В нашей дыре нас не тронут. (И18, ж, 59, среднее общее)

Дифференциация источников получения информации

Основным источником получения новостей остаются традиционные медиа, представленные телевидением и газетами. Многие информанты также потребляют новостной контент через интернет, однако данный способ ограничен рядом параметров: (1) сохраняющимся цифровым разрывом и отсутствием технической возможности подключения, а также (2) неумением или нежеланием пользоваться интернет-ресурсами. Таким образом, медиапотребление оказывается смещен-

ным в сторону «старых медиа», а элементы медиасреды с большим выбором проявляются лишь частично.

Здесь нет технических возможностей. Деревня, какие тут технические возможности? Может, они и были. Надо было собрать деньги с людей, поставить вышку, чтобы была связь, интернет чтобы был нормальный. А здесь такого нет. Собирали деньги — говорят, не могли собрать. (И5, м, 78, среднее профессиональное)

В представлениях информантов наблюдается оппозиция телевидения и интернета как источников новостей. Информация из интернета вызывает сомнения. Информанты часто оперируют понятиями «фейк», «фейковые новости», однако понимают под ними не намеренное распространение заведомо ложных новостей [Allcott, Gentzkow, 2017; Egelhofer, Lecheler, 2019], а ту информацию, которая ими оценивается как ложная, не соответствует их идеологической позиции или фреймируется телевизионными новостями и программами как недостоверная. Интернет в качестве публичной арены [Hilgartner, Bosk, 1988] рассматривается как пространство борьбы между конкурирующими группами и индивидами, представляющими определенные интересы. В интернете представлена разнородная информация и может высказаться любой человек, причем анонимно. Это интерпретируется как негативная черта данного источника новостей. Невозможность проверить правдивость контента или адресовать доверие конкретным институтам, как это происходит в случае с телевизионными новостями, заставляет с подозрением относиться к получаемой информации. Потребление новостного контента в интернете вызывает резко негативную эмоциональную реакцию, в отличие от информации по телевидению. Таким образом, основу медиапотребления сельских жителей составляют федеральные телеканалы с транслируемой ими повесткой, инкорпорируемой информантами и в меньшей степени подвергаемой сомнению, что определяет также особенности обращения к другим источникам информации.

А телевизор более надежный, потому что он, опять же, более... Общероссийский, так там более надежно. Тут всю страну обманывать нельзя. А в интернете там не каждый прочтает, можно и прихвастнуть или приврать. (И12, ж, 63, среднее профессиональное)

Больше в интернете будет ложь, чем по телевизору. По телевизору больше просто не договаривают, а правда все-таки в интернете много фейков. (И17, ж, 37, два высших)

Использование новых медиа определяется более широкой социальной и культурной средой [Зачарованное место..., 2021]. В условиях ограниченного доступа к альтернативным медиаресурсам значимым становится также немедиатизированное получение информации, обсуждение новостей с окружающими людьми, в том числе их передача и получение через «сарафанное радио», сплетни. «Значимые другие», составляющие окружение, и их опыт дополняют информацию из медиа, в ряде случаев также помогают ее проверить.

Ну, надо, как бы, не знаю, не одного человека, что ли, послушать. Вот кто-то там был при этом событии. Один может и добавить, как у нас эти новости идут. Один так скажет, другой еще давай, третий еще давай. Вот оно и пошло, и поехало. И все обрастает слухом, и обрастает. (И15, ж, 66, среднее профессиональное)

Декларируемое недоверие

На прямой вопрос о доверии новостям многие информанты отвечают отрицательно, хотя степень недоверия варьируется: «большинство такие, что доверяешь», «доверяем, но проверяем», «одним веришь, другим нет», «50 на 50», «не всегда», «нет доверия».

Отметим, что мы намеренно не конкретизируем, какой тип или уровень доверия подразумевается в вопросе: говорим ли мы в целом про все новости, получаемые человеком, новости из отдельных медиа, новости из используемых информантом источников, конкретные программы и т. д. Благодаря этому мы фиксируем, что информанты, начиная ответ с декларирования недоверия медиа в целом, далее обращают внимание скорее на конкретные источники новостей и каналы получения информации, а также сам контент. Таким образом, сомнению подвергаются как надежность того, кто говорит, так и достоверность того, что говорит.

Такая жизнь стала, что ничему верить нельзя. (И15, ж, 66, среднее профессиональное)

Помимо дифференциации источников, которая выступает первым уровнем формирующегося (не)доверия, значимыми критериями становятся составляющие самого новостного контента: противоречивость информации из разных источников, несоответствие реальности, манера подачи, содержание новостей.

Противоречивость информации и несовпадение с реальностью

Информанты часто упоминают ситуации, когда сведения, получаемые ими из разных источников (телевидения, интернета, межличностной коммуникации), различаются или даже противоречат друг другу. Это усиливает недоверие к медиа и иным источникам информации, а также создает потребность в выборе наиболее авторитетного поставщика новостей, приводя к большей дифференциации источников и «ранжированию» доверия. Несмотря на использование нескольких ресурсов одновременно, информанты, как правило, не стремятся к триангуляции данных и критическому осмыслению, выработке комплексной позиции, оставаясь в рамках ограниченной рациональности и выбирая наиболее удобную из альтернатив, например, в соответствии со своим личным опытом, интуицией или идеологической позицией.

Если сопоставить того корреспондента и этого, если говорят об одной и той же вещи, что тот говорит о войне, и этот корреспондент говорит о войне, а разные вещи говорят, то сомнение берет, конечно. (И5, м, 78, среднее профессиональное)

Скептическому отношению к медиаконтенту также может способствовать несоответствие «картины», транслируемой в новостях, реальности, представления

о которой конструируются на основании слов знакомых очевидцев с места событий (как правило, родственников, служащих в армии) и собственных наблюдений. Речь идет уже не о противоречивости информации, а скорее о фреймировании отдельных событий, которое не соответствует представлениям о реальном положении дел, тем самым подрывая доверие медиа. Информанты отмечают, что они не видят отражения изменений, освещаемых в новостях, в повседневной жизни. Это заставляет их сомневаться в транслируемой информации.

Правду говорит или неправду говорит. Сейчас много непонятного. Веры... То, что он говорит в данное время, а прошла неделя, он опять об этом же говорит. Какая вера? Что он говорит? Повторяется одно и то же. (И5, м, 78, среднее профессиональное)

Содержание новости и манера подачи

Доверие новостям также связано с манерой их подачи. Скандальность, экстравагантность, оценочность суждений, «нагнетание» становятся маркерами необъективности, вызывают отторжение и приводят к отказу от просмотра конкретных программ или использования источников. В противовес оценке «внешних» качеств новости информанты обращаются к процедурам «внутренней» аутентификации [Tandoc et al., 2018], опираясь на собственные чувства и подчеркивая значимость содержательности, честности и профессионализма авторов как гарантии качества самих новостей.

Вот это... «Шестьдесят минут» вот эти. Все политические. Сидят там из пустого в порожнее переливают. <...> Такое недоверие к ним, что вот они сидят, языками чешут, а им нет места. То есть важно, чтобы, опять же, новости давали какую-то понятную информацию, а не просто обсуждение и бла-бла-бла. (И18, ж, 59, среднее общее)

Проблематизируется и само содержание новостей. Частая смена мнений внутри одного источника или наоборот, повторение идентичной информации в течение продолжительного времени маркируют сокрытие правды.

*И.: Не знаю, как Вы, допустим, понимаете, что вот, если вы смотрите какую-то информацию, что она, скорее всего, неточная или ложная какая-то, что не вызывает доверия?
Р.: По-разному дают информацию, вот сегодня так скажут, завтра так скажут. (И7, ж, 56, среднее профессиональное, цитата по заметкам интервьюера)*

Тем не менее недоверие слишком однообразным или, напротив, изменчивым новостям не способствует сокращению их потребления. Часть информантов указывает на то, что, несмотря на затрачиваемое ими на просмотр новостей время, они уделяют достаточно небольшое внимание потребляемому контенту, то есть увиденное в новостях не подвергается особой рефлексии и воспринимается как часть повседневности. Они попадают в категорию тех, кто потребляет новости «по случаю» и для снижения издержек выбирает принять какое-то количество недостоверной информации и продолжить использовать источники, которым доверяет не полностью, что характеризуется как прагматичное доверие [Pasisitselska, 2022].

И.: То есть тем источникам, тем сообществам, на которые Вы подписаны, Вы доверяете?

Р.: Ну, устраивает информация, скажем так.

И.: То есть не до конца доверяете?

Р.: Да.

И.: Почему?

Р.: Так тоже в интернете не проверишь: ведь правда, неправда там, откуда знаешь, так? Что почитал, то и прочитал. (И10, ж, 45, высшее)

Да, вот так, да. Но мы... Вот что говорят, мы верим, а на самом деле это вера, может, в полуправду, правильно? (И5, м, 78, среднее профессиональное)

В нарративах приводятся обоснования по крайней мере частичной надежности информации, которой оказывается достаточно для того, чтобы новостями можно было оперировать в повседневной жизни. В данном случае обнаруживается как «информированное», то есть подразумевающее критическое отношение к авторам новостей и их потенциальной предвзятости, прагматичное доверие [Schwarzenegger, 2020], так и «наивное», базирующееся на эвристиках.

Обоснования доверия

Примечательно, что доверие и недоверие в нарративах опираются на различные основания. Таким образом, данные концепты не воспринимаются как противоположности и выстраиваются в более сложную картину. Если недоверие вытекает в первую очередь из неудовлетворяющих аспектов потребляемого новостного контента и их источников, доверие связывается не только с характеристиками новостей, но и с теми, кто их создает и транслирует.

Повторяемость

Одним из ключевых оснований для доверия новостям является их повторяемость. Значение имеет как одновременная упоминаемость события или его интерпретации в нескольких источниках (начиная от телевидения и заканчивая межличностной коммуникацией), так и устойчивость информации во времени, поскольку быстрая смена новостей или их экспертных оценок ставит под сомнение достоверность информации.

И.: Ну вот как Вы понимаете, кому верить?

Р.: Да никому. Надо золотую середину выбирать.

И.: То есть Вы, получается, складываете эти мнения?

Р.: Да, что-то одно из двух. Ну, потом вот бывает, вот ты слушала новости, ага, а в других в новостях вылезит, вот это же говорили, значит, это правда была. Что уже на другой день это повторилось, и говорят — это правда. Значит, не ввали. (И15, ж, 66, среднее профессиональное)

Схожесть информационного потока из разных источников снижает неопределенность и отчасти снимает с человека необходимость критического осмысления и анализа, создавая иллюзию надежности.

Персонифицированное доверие и авторитет личности

Для многих информантов доверие новостям становится проекцией доверия конкретным личностям. «Надежными» в этом контексте могут выступать как представители социального окружения, так и непосредственно те, кто транслирует новости. В обоих случаях используется разное обоснование доверия.

Сам выбор источника новостей и потребляемого контента может предваряться его получением через представителей социального окружения. Такие люди выступают как привратники (*gate-keepers*), производя фильтрацию и критический анализ информации, предлагая ее в обработанном виде. Уверенность в погруженности человека в повестку дня в совокупности с высоким уровнем межличностного доверия и нежеланием брать на себя дополнительную нагрузку по поиску альтернативных источников и проверке информации становятся причиной для доверия чужому мнению, и как следствие, транслируемым новостям.

Вот он [одноклассник информантки] мне, допустим рассказал, мне верить или не верить, что вот такая-то новость? Ага, вот так. Ну, правда или не правда, я тоже не знаю. Но я-то верю ему, что он-то слышал источника и рассказал мне правду. А не как другие, что не поймут, переврут и... <...> Он рассказал то, что они сказали. <...> не додумывая от себя. (И12, ж, 63, среднее профессиональное)

Во втором случае оценка достоверности новостей переносится с веры их авторам. Вопрос доверия часто пересекается с обсуждением роли государства и его представителей. Информанты указывают на институциональную основу данного феномена. Доверие политическим институтам, например правительству, связывается с восприятием медиа, которые транслируют официальную прогосударственную позицию, как более надежных.

Официальные лица — это ладно, там командир если тот, который при этих событиях участвовал, можно поверить. (И14, ж, 71, среднее профессиональное)

Да, уж лучше, наверное, это официальное какое-то лицо. Ну, уж не так что-то нам, мне кажется, наврет, чем вот эти добавят. Корреспонденты могут и приукрасить ведь, что-то, мне кажется, добавят. Пресса есть пресса. (И15, ж, 66, среднее профессиональное)

В нарративах информантов присутствует вера в авторитет отдельных личностей, например президента. Позитивно оценивая деятельность власти и находя подтверждение этому в медийном имидже, поддерживаемом федеральными каналами (которые являются наиболее используемым источником информации), люди приобретают чувство защищенности и стабильности, делегируя ответственность за происходящее государству. Фигура президента как национального лидера объединяет вокруг себя, что особенно ярко проявляется на фоне кризисной ситуации с высоким уровнем неопределенности. Предполагается, что официальная информация проходит предварительную проверку.

Лаврову я доверяю, Шойгу доверяю, Путину доверяю. (И6, ж, 67, среднее профессиональное)

Нет, я верю, что это действительно так и на самом деле. А не знаю, действительно так или нет, не могу сказать. Ну, по крайней мере, я вот верю. Некоторые вот ругают Путина. Я, например, ему верю. Мне кажется, что он делает для народа, для страны. (И7, ж, 56, среднее профессиональное, цитата по заметкам интервьюера)

Также повышается спрос на информацию «из первых рук». Если политики заслуживают доверия даже при дистанцированности от места событий, то в случае профессиональных журналистов ключевую роль играет место нахождения во время репортажа. Так, корреспонденты из «горячих точек», чье местонахождение не подвергается сомнению, вне зависимости от содержания транслируемой информации воспринимаются как заслуживающие доверия, в отличие от тех, кто выходит в эфир из далекой от места событий точки (в частности, от эмигрировавших журналистов). Тем не менее для «очевидцев», то есть мобилизованных или служащих по контракту родственников и знакомых, из социального окружения человека данная логика объяснения срабатывает двойственно. Индивидуальный субъективный взгляд в ряде случаев противопоставляется всеобъемлющему охвату телевидения и институциональному подкреплению в виде официальных источников, что делает информацию «очевидцев» не более чем мнением.

Ну, есть же там, пишут всякие. Эти же вот информации пишут те [журналисты], кто уехали из страны. Пишут всякую ересь. Я вообще их убираю. И это неинтересно. Вообще убираю со страницы, чтобы не было. (И3, ж, 69, среднее общее)

Разные точки зрения у всех [людей из социального окружения] на всё. Один скажет одно, другой, может, не послушал или подзабыл, немножечко изменил, вот так вот. (И16, м, 43, среднее профессиональное)

«Новости сбываются»

Существует еще один способ обоснования доверия, не требующий значительных усилий со стороны слушающего — проверка новостей окружающей действительностью. В ряде случаев достаточно, чтобы информация, упомянутая в новостях, находила отражение в жизни информантов. Это может быть как непосредственный личный опыт соприкосновения с событием (как в случае с локальными новостями), так и косвенное подтверждение в виде ощущаемых последствий глобальных событий, которые могут быть зафиксированы самим человеком. Например, повышение цен на продукты, появление новых листовок с призывом на службу по контракту, запросы на сбор гуманитарной помощи. Удовлетворяясь отдельными кейсами, информанты генерализуют правдивость конкретной новости в доверие источнику и переносят его на более широкий контекст.

Доверяю, потому что ведь новости чего, они сбываются, их можно проверить. Если все так, как написано, соответствует действительности, в конце концов ты видишь, что это подтвердилось, я читаю уже с доверием следующий материал. (И1, ж, 66, высшее)

Внутренняя логичность и консистентность в изложении новостей

Несколько реже информанты связывали доверие новостям с их содержанием. Тем не менее выделяется ряд важных характеристик, способствующих интерпретации контента как достоверного. В первую очередь это понятность и доступность подачи новости. Сложность материала может способствовать уменьшению доверия к нему, что сказывается на предпочтениях при выборе новостей. Так, просмотр телевизионных новостных сводок, чтение заголовков и небольших заметок в интернете выбирают чаще, чем просмотр политических передач с обсуждением новостей экспертами или объемных новостных статей в интернете.

Надо как-то, как-то, наверное, попроще, подходчивее подавать информацию тут с телевизора, чтобы понятно было вот простым-то людям. Ведь не все такие грамотные, как, допустим, профессора или, там, ученые. Просто это народ, ведь не каждый, не каждый такой сообразительный. (И13, м, 70, среднее общее)

Отмечается важность «подачи» самой новости. Конкретизация источников получения информации, апелляция к статистическим данным или доказательной базе, выстраивание аргументации в противовес отдельным тезисам воспринимаются как показатели надежности новостей и качества продельваемой журналисткой работы, что возвращает к доверию новостям, исходящим от «надежных» людей.

Доверять нельзя проверить?

В значительной части интервью отмечается невозможность проверить информацию. Люди не представляют, как в условиях ограниченности доступа к альтернативным источникам, таким как интернет, можно найти подтверждение или опровержение истинности новостей. Тем не менее зачастую отсутствие возможности верификации информации встречается с отсутствием запроса на перепроверку. При активно декларируемом недоверии источникам информанты предпочитают останавливаться на легко получаемой информации, не предпринимая попыток поиска дополнительной.

За недоговариванием, которое выделяется как элемент телевизионных новостей, не следует недоверие транслируемой информации. Напротив, ситуация, когда новостной контент в телевизоре считается не полностью правдивым, нормализуется. Скрытие информации не интерпретируется как маркер ангажированности источника и манипуляции общественным мнением, а объясняется «заботой» государства об эмоциональном состоянии и общественном порядке, тогда как в случае интернета неполная информация получает клеймо «фейка». Проявляется «выборочная критичность» (*selective criticality*) [Schwarzenegger, 2020], связанная как с самой платформой, так и с конкретными источниками, предоставляющими данные. С одной стороны, заметна большая уверенность в информации, транслируемой традиционными медиа, с другой стороны, тесная связь медиапотребления с доверием отдельным политическим лидерам и транслируемым ими идеям, поскольку сельские жители предпочитают государственные медиа, а также фактически легитимируют неполную или неточную информацию.

Не все доносят до нас, может, оно так и должно быть, нельзя человека нервировать, если говорить по большому счету. Чтобы не было изменений, я думаю. <...> Так ведь у нас нет выбора. Что дадут с телевизора — воспринимай за правду. Это откуда я могу знать, допустим, правильно он говорит или неправильно он говорит. Нам остается только догадываться, что там лукавят, и все. (И13, м, 70, среднее общее)

Верификация информации связана с выбором источников, на которые можно полагаться, наивным прагматичным доверием, опирающимся на интуицию, личный опыт, веру в людей или институты. Самым надежным способом оценки достоверности контента представляется проверка через персональный опыт, однако в случае с глобальными новостями данная стратегия нереализуема.

Заключение

В мире наблюдается избыток выбора и информационная перегрузка [Benkler, 2006], что затрудняет верификацию информации, а ориентация в фрагментированной, разнородной информационной среде требует существенных временных, когнитивных и эмоциональных ресурсов. Часть людей в таких условиях сокращают потребление новостного контента или в целом отказываются от него [Villi et al., 2022]. Однако в ситуации неопределенности, связанной в том числе с текущими геополитическими событиями, значимость получения актуальных данных растет, что отражается в повышении внимания к экономическим и политическим новостям. Тем не менее на фоне усложнения «навигации» в новостном потоке проблематизируется вопрос доверия.

Люди нуждаются в достоверной информации, однако уровень доверия медиа снижается [Daniller et al., 2017]. Недоверие новостям является типичной реакцией на столкновение с противоречивой информацией при просмотре. Отсутствие полного доверия нормализуется, выделяется спектр оснований для маркирования новостей как недостоверных: сомнение вызывает как размещение на конкретных платформах (противопоставление «новых» и «старых» медиа), так и само содержание новостей в совокупности со стилем их подачи. Индивидуальные оценки связаны с эмоционально-психологическим состоянием — люди в разной степени сталкиваются с «усталостью от новостей» [Богомягкова, Попова, 2021], испытывая раздражение от большого количества негативной и скандальной информации. Это способствует общему состоянию перегрузки и нежеланию дополнительно взаимодействовать с новостным контентом ради поиска достоверного. Причинами для подозрений становятся «внешние качества» новостей — однообразность или, напротив, частая смена транслируемой позиции, как и противоречия между контентом в разных источниках, а также между медиа и образом реальности, сложившимся у самого человека. Тем не менее в нашем кейсе недоверие не подразумевает изменений в потреблении новостей. Выходом является ограниченная рациональность [Simon, 1955] и прагматичное доверие: люди не ищут наилучший источник информации, а останавливаются на тех, которые кажутся им приемлемыми, чтобы сделать этот выбор они вырабатывают критерии надежности и ненадежности информационных ресурсов, а также используют эвристики. Несмотря на вариативность паттернов медиапотребления, различия в активно-

сти социальных контактов и их количестве, логики конструирования (не)доверия оказываются схожими.

Само (не)доверие — комплексный феномен [Knudsen et al., 2022]. Абсолютная вера и полное недоверие не являются взаимоисключающими частями одной дихотомии, а сосуществуют, опираясь при этом на различные основания. Так, доверие, в отличие от недоверия, в большей степени связано с «внутренней» оценкой [Carr et al., 2014] — простотой восприятия, соотносимостью с личным опытом и установками. Оно часто принимает персонифицированную форму и атрибутируется новостям как следствие признания надежными отдельных личностей. Таким образом, различные типы и уровни доверия пересекаются и дополняют друг друга.

Вырабатывая подходы к верификации информации, люди вынуждены делать выбор между двумя возможными вариантами: (1) тотальное сомнение и, как следствие, поиск альтернатив, постоянное подкрепление информации медиа межличностной коммуникацией; (2) отказ от попыток проверки информации, сознательное игнорирование противоречий и делегирование ответственности за «качество» новостей самим источникам информации, удовлетворенность частичным знанием. Несмотря на рефлекслируемое информантами сомнение в правдивости новостей, качестве получаемой информации, вторая стратегия достаточно распространена, поскольку потребление медиаконтента через традиционных медиа и высокий уровень доверия государственным политическим институтам дают возможность проецировать это доверие на новости, в особенности транслирующие идеологически близкую и приемлемую информацию [Arlt, 2018]. В условиях неопределенности и возросшего в связи с кризисной ситуацией спроса на информацию одним из способов преодоления недоверия новостям представляется делегирование ответственности за правдивость поставляемой информации государственным институтам (обнаруженная склонность к патернализму, впрочем, является скорее следствием сельской выборки и ее социально-демографических характеристик). Выбирая каналы и конкретных авторов, в большей степени удовлетворяющих сложившимся политическим установкам и предпочтениям, потребляя новостной контент, люди лишь больше подтверждают свои убеждения [Colleoni, Rozza, Arvidsson, 2014] и ощущают политическую поляризацию на фоне неприятия противоположных мнений и источников, их транслирующих.

Стоит отдельно остановиться на ограничениях исследования. В первую очередь это чувствительность темы: несмотря на отсутствие прямых вопросов о политической ситуации в стране с целью избежать фреймирования ответов, обсуждение новостей часто было связано с разговором об этом, а также рассказом о личных трагедиях, связанных с СВО. Однако самостоятельная артикуляция информантами политической составляющей и развернутость рассуждений позволяют говорить об искренности ответов. Тем не менее типичной для полевого этапа ситуацией был отказ от интервью или неуверенное согласие, недоверие преодолевалось в ходе беседы или благодаря рекомендациям знакомых, уже участвовавших в исследовании. Важно также, что тема (не)доверия новостям когнитивно сложная, она требует высокого уровня рефлексии, что вызывало затруднения с ответами, однако акцент на повседневных практиках в противовес прямым вопросам дал возможность реконструировать ряд используемых логик обоснования.

Результаты исследования вписываются в дискуссию о переосмыслении концепта (не)доверия новостям в связи с трансформацией медиасреды [Garusi, Splendore, 2023], описывая не только дифференциацию возможных логик, но и изменение соотношения между доверием и недоверием через них, что не было сделано ранее. Выделенные эмпирически основания могут стать фундаментом для дальнейшей работы по их детализации и систематизации, а также для пересмотра методологического подхода к количественному измерению доверия и используемых для этого шкал.

Список литературы (References)

1. Богомягкова Е. С., Попова Е. Е. «Усталость сострадать» в практиках медиапотребления (на примере отношения к проблематизации распространения COVID-19) // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 46—56. <https://doi.org/10.31857/S013216250012269-8>.
Bogomiagkova E. S., Popova E. E. (2021) The Effect Of “Compassion Fatigue” In Practices of Media Consumption. (the Case of the Attitude to the COVID-19 Problematization). *Sociological Studies*. No. 6. P. 46—56. <https://doi.org/10.31857/S013216250012269-8>. (In Russ.)
2. Зачарованное место. Медиапотребление, медиаграмотность и историческая память сельских жителей / под ред. А. Г. Качкаевой, А. А. Новиковой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2522-7>.
Kachkaeva A., Novikova A. (ed.) (2021) Enchanted Place. Media Consumption, Media Literacy, and Historical Memory of Rural Population. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2522-7>. (In Russ.)
3. Казун А. Д. Есть ли выход из пузыря? Мотивы потребления идеологически чуждой информации думскроллерами // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 168—181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.12>
Kazun A. D. (2023) Is There a Way Out of the Bubble? Motives for the Consumption of Ideologically Diverse News by Doomscrollers. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 168—181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.12>. (In Russ.)
4. Как россияне справляются с новым кризисом: Социально-экономические практики населения / под ред. Радаева. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2023. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2756-6>.
Radaev V. V. (ed.) (2023) Coping with a New Crisis: Socio- Economic Practices of the Russian Population. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2756-6>. (In Russ.)
5. Allcott H., Gentzkow M. (2017) Social Media and Fake News in the 2016 Election. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 31. No. 2. P. 211—236. <https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211>.
6. Arceneaux K., Johnson, M. (2013) Changing Minds or Changing Channels? Partisan News in an Age of Choice. Chicago, IL: The University of Chicago Press.

7. Arceneaux K., Johnson M., Murphy C. (2012) Polarized Political Communication, Oppositional Media Hostility, and Selective Exposure. *The Journal of Politics*. Vol. 74. No. 1. P. 174—186. <https://doi.org/10.1017/S002238161100123X>.
8. Arlt D. (2018). Who Trusts the News Media? Exploring the Factors Shaping Trust in the News Media in German-Speaking Switzerland. *Studies in Communication Sciences*. Vol. 18. No. 2. <https://doi.org/10.24434/j.scoms.2018.02.003>.
9. Avery J. M. (2009) Videomalaise or Virtuous Circle? The Influence of the News Media on Political Trust. *The International Journal of Press/Politics*. Vol. 14. No. 4. P. 410—433. <https://doi.org/10.1177/1940161209336224>.
10. Benesch C. (2012) An Empirical Analysis of the Gender Gap in News Consumption. *Journal of Media Economics*. Vol. 25. No. 3. P. 147—167. <https://doi.org/10.1080/08997764.2012.700976>.
11. Benkler Y. (2006) *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. New Haven, CT: Yale University Press.
12. Carr D. J., Barnidge M., Lee B. G., Tsang S. J. (2014) Cynics and Skeptics: Evaluating the Credibility of Mainstream and Citizen Journalism. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 91. No. 3. P. 452—470. <https://doi.org/10.1177/1077699014538828>.
13. Castro L., Strömbäck J., Esser F., Van Aelst P., De Vreese C., Aalberg T., Cardenal A. S., Corbu N., Hopmann D. N., Koc-Michalska K., Matthes J., Schemer C., Sheafer T., Splendore S., Stanyer J., Stępińska A., Štětka V., Theocharis Y. (2022) Navigating High-Choice European Political Information Environments: A Comparative Analysis of News User Profiles and Political Knowledge. *The International Journal of Press/Politics*. Vol. 27. No. 4. P. 827—859. <https://doi.org/10.1177/19401612211012572>.
14. Chyi H. I., McCombs M. (2004) Media Saliency and the Process of Framing: Coverage of the Columbine School Shootings. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 81. No. 1. P. 22—35. <https://doi.org/10.1177/107769900408100103>.
15. Coleman S., Morrison D. E., Anthony S. (2012) A Constructivist Study of Trust in The News. *Journalism Studies*. Vol. 31. No. 1. P. 37—53. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2011.592353>.
16. Colleoni E., Rozza A., Arvidsson A. (2014) Echo Chamber or Public Sphere? Predicting Political Orientation and Measuring Political Homophily in Twitter Using Big Data: Political Homophily on Twitter. *Journal of Communication*. Vol. 64. No. 2. P. 317—332. <https://doi.org/10.1111/jcom.12084>.
17. Corbin J. M., Strauss A. (1990) Grounded Theory Research: Procedures, Canons, and Evaluative Criteria. *Qualitative Sociology*. Vol. 13. No. 1. P. 3—21. <https://doi.org/10.1007/BF00988593>.
18. Daniller A., Allen D., Tallevi A., Mutz D. C. (2017) Measuring Trust in the Press in a Changing Media Environment. *Communication Methods and Measures*. Vol. 11. No. 1. P. 76—85. <https://doi.org/10.1080/19312458.2016.1271113>.

19. Davis H., McLeod S. L. (2003) Why Humans Value Sensational News. *Evolution and Human Behavior*. Vol. 24. No. 3. P. 208—216. [https://doi.org/10.1016/S1090-5138\(03\)00012-6](https://doi.org/10.1016/S1090-5138(03)00012-6).
20. Dechêne A., Stahl C., Hansen J., Wänke M. (2010) The Truth About the Truth: A Meta-Analytic Review of the Truth Effect. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 14. No. 2. P. 238—257. <https://doi.org/10.1177/1088868309352251>.
21. Edgerly S. (2017) Seeking Out and Avoiding the News Media: Young Adults' Proposed Strategies for Obtaining Current Events Information. *Mass Communication and Society*. Vol. 20. No. 3. P. 358—377. <https://doi.org/10.1080/15205436.2016.1262424>.
22. Egelhofer J. L., Lecheler S. (2019) Fake News as a Two-Dimensional Phenomenon: A Framework and Research Agenda. *Annals of the International Communication Association*. Vol. 43. No. 2. P. 97—116. <https://doi.org/10.1080/23808985.2019.1602782>.
23. Garusi D., Splendore S. (2023) Advancing a Qualitative Turn in News Media Trust Research. *Sociology Compass*. Vol. 17. No. 4. Art. e13075. <https://doi.org/10.1111/soc4.13075>.
24. Gentzkow M., Shapiro J. M. (2011) Ideological Segregation Online and Offline. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 126. No. 4. P. 1799—1839. <https://doi.org/10.1093/qje/qjr044>.
25. Hall S. (2007) Encoding and Decoding in the Television Discourse. In: *CCCS Selected Working Paper*. P. 386—398.
26. Hanitzsch T., Van Dalen A., Steindl N. (2018) Caught in the Nexus: A Comparative and Longitudinal Analysis of Public Trust in the Press. *The International Journal of Press/Politics*, Vol. 23. No. 1. P. 3—23. <https://doi.org/10.1177/1940161217740695>.
27. Hilgartner S., Bosk C. L. (1988) The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. *American Journal of Sociology*. Vol. 94. No. 1. P. 53—78. <https://doi.org/10.1086/228951>.
28. Iyengar S., Kinder D. R. (1994) *News that Matters: Television and American Opinion*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
29. Karlsen R., Beyer A., Steen-Johnsen K. (2020) Do High-Choice Media Environments Facilitate News Avoidance? A Longitudinal Study 1997—2016. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Vol. 64. No. 5. P. 794—814. <https://doi.org/10.1080/08838151.2020.1835428>.
30. Knudsen E., Dahlberg S., Iversen M. H., Johannesson M. P., Nygaard S. (2022) How the Public Understands News Media Trust: An Open-Ended Approach. *Journalism*. Vol. 23. No. 11. P. 2347—2363. <https://doi.org/10.1177/14648849211005892>.
31. Kohring, M. (2019). Public Trust in News Media. In: Vos T. P., Hanusch F., Dimitrakopoulou D., Geertsema-Sligh M., Sehl A. (eds.) *The International Encyclo-*

- pedia of Journalism Studies*. Wiley. <https://doi.org/10.1002/9781118841570.iejs0056>.
32. Koltsova O., Pashakhin S. (2020) Agenda Divergence in A Developing Conflict: A Quantitative Evidence from A Ukrainian and A Russian TV Newsfeeds. *Media, War and Conflict*. Vol. 13. No. 3. P. 237—257. <https://doi.org/10.1177/1750635219829876>.
 33. LeFebvre R. K. (2016) Leveraging the Voices of Social Media for Peace and Security. *Sicherheit & Frieden*. Vol. 34. No. 4. P. 231—235. <https://doi.org/10.5771/0175-274X-2016-4-231>.
 34. Luhmann N. (1979) *Trust and Power*. Chichester: Wiley.
 35. McCombs M. E., Cole R. R., Stevenson R. L., Shaw D. L. (1981) Precision Journalism: An Emerging Theory and Technique of News Reporting. *Gazette (Leiden, Netherlands)*. Vol. 27. No. 1. P. 21—34.
 36. Metzger M. J., Flanagin A. J. (2013) Credibility and Trust of Information in Online Environments: The Use of Cognitive Heuristics. *Journal of Pragmatics*. Vol. 59. P. 210—220. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2013.07.012>.
 37. Metzger M. J., Flanagin A. J., Medders R. B. (2010) Social and Heuristic Approaches to Credibility Evaluation Online. *Journal of Communication*. Vol. 60. No. 3. P. 413—439. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2010.01488.x>.
 38. Morris J. S. (2007) Slanted Objectivity? Perceived Media Bias, Cable News Exposure, and Political Attitudes. *Social Science Quarterly*. Vol. 88. No. 3. P. 707—728. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2007.00479.x>.
 39. Newman N., Fletcher R. (2017) Bias, Bullshit and Lies: Audience Perspectives on Low Trust in the Media. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3173579>
 40. Nickerson R. S. (1998) Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises. *Review of General Psychology*. Vol. 2. No. 2. P. 175—220. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.2.2.175>.
 41. Pariser E. (2011) *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. London: Penguin Press.
 42. Pasitselska O. (2022) Better Ask Your Neighbor: Renegotiating Media Trust During the Russian — Ukrainian Conflict. *Human Communication Research*. Vol. 48. No. 2. P. 179—202. <https://doi.org/10.1093/hcr/hqac003>.
 43. Prior M. (2007) *Post-Broadcast Democracy: How Media Choice Increases Inequality in Political Involvement and Polarizes Elections*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139878425>.
 44. Quandt T. (2012) What's Left of Trust in a Network Society? An Evolutionary Model and Critical Discussion of Trust and Societal Communication. *European*

- Journal of Communication*. Vol. 27. No. 1. P. 7—21. <https://doi.org/10.1177/0267323111434452>.
45. Schwarzenegger C. (2020) Personal Epistemologies of the Media: Selective Criticality, Pragmatic Trust, and Competence — Confidence in Navigating Media Repertoires in the Digital Age. *New Media & Society*. Vol. 22. No. 2. P. 361—377. <https://doi.org/10.1177/1461444819856919>.
46. Simon H. A. (1955) A Behavioral Model of Rational Choice. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 69. No. 1. P. 99—118 <https://doi.org/10.2307/1884852>.
47. Strömberg D. (2015) Media and Politics. *Annual Review of Economics*. Vol. 7. No. 1. P. 173—205. <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-080213-041101>.
48. Tandoc E. C., Ling R., Westlund O., Duffy A., Goh D., Zheng Wei L. (2018) Audiences' Acts of Authentication in the Age of Fake News: A Conceptual Framework. *New Media & Society*. Vol. 20. No. 8. P. 2745—2763. <https://doi.org/10.1177/1461444817731756>.
49. Toff B., Nielsen R. K. (2018) “I Just Google It”: Folk Theories of Distributed Discovery. *Journal of Communication*. Vol. 68. No. 3. P. 636—657. <https://doi.org/10.1093/joc/jqy009>.
50. Valenzuela S., Chernov G. (2016) Explicating the Values-Issue Consistency Hypothesis through Need for Orientation. *Canadian Journal of Communication*. Vol. 41. No. 1. P. 49—64. <https://doi.org/10.22230/cjc.2016v41n1a2915>.
51. Vallone R. P., Ross L., Lepper M. R. (1985) The Hostile Media Phenomenon: Biased Perception and Perceptions of Media Bias in Coverage of the Beirut Massacre. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 49. No. 3. P. 577—585. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.49.3.577>.
52. Van Aelst P., Strömbäck J., Aalberg T., Esser F., De Vreese C., Matthes J., Hopmann D., Salgado S., Hubé N., Stępińska A., Papathanassopoulos S., Berganza R., Legnante G., Reinemann C., Sheafer T., Stanyer J. (2017) Political Communication in a High-Choice Media Environment: A Challenge for Democracy? *Annals of the International Communication Association*. Vol. 41. No. 1. P. 3—27. <https://doi.org/10.1080/23808985.2017.1288551>.
53. Van Dalen A. (2020) Journalism, Trust, and Credibility. In K. Wahl-Jorgensen & T. Hanitzsch (eds.) *The Handbook of Journalism Studies*. London: Routledge. P. 356—371.
54. Villi M., Aharoni T., Tenenboim-Weinblatt K., Boczkowski P. J., Hayashi K., Mitchellstein E., Tanaka A., Kligler-Vilenchik N. (2022) Taking a Break from News: A Five-nation Study of News Avoidance in the Digital Era. *Digital Journalism*. Vol. 10. No. 1. P. 148—164. <https://doi.org/10.1080/21670811.2021.1904266>.
55. Wang X., Sirianni A. D., Tang S., Zheng Z., Fu F. (2020) Public Discourse and Social Network Echo Chambers Driven by Socio-Cognitive Biases. *Physical Review X*. Vol. 10. No. 4. Art. 041042. <https://doi.org/10.1103/PhysRevX.10.041042>.
56. Webster J. G. (2014) *The Marketplace of Attention: How Audiences Take Shape in a Digital Age*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Приложение. Описание информантов

№ информанта	Пол	Возраст	Образование	Длительность интервью
1	Ж	66	Высшее	1:15:11
2	Ж	52	Среднее профессиональное	0:50:11
3	Ж	69	Среднее общее	1:23:14
4	М	70	Среднее профессиональное	
5	М	78	Среднее профессиональное	0:54:59
6	Ж	67	Среднее профессиональное	0:50:51
7	Ж	56	Среднее профессиональное	без записи
8	Ж	74	Среднее профессиональное	0:57:35
9	М	68	Незаконченное основное общее	0:40:16
10	Ж	45	Высшее	0:52:17
11	Ж	54	Среднее профессиональное	1:01:20
12	Ж	63	Среднее профессиональное	1:07:43
13	М	70	Среднее общее	1:01:54
14	Ж	71	Среднее профессиональное	1:12:06
15	Ж	66	Среднее профессиональное	1:13:48
16	М	43	Среднее профессиональное	1:19:08
17	Ж	37	Два высших	
18	Ж	59	Среднее общее	1:06:28
19	Ж	54	Среднее профессиональное	1:01:14

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): июль — август 2024 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 115—125.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): July — August 2024. (2024) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 115–125.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: ИЮЛЬ — АВГУСТ 2024

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: МОНИТОРИНГ	116
ЗАДЕРЖАНИЕ ПАВЛА ДУРОВА: (НЕ)ВИНОВЕН?	118

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПУБЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ	120
ДОНОРСТВО ОРГАНОВ: ЗА И ПРОТИВ	122

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ОБУЧЕНИЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ	123
ЧАТ-КУЛЬТУРА В РОССИИ	124

ПОЛИТИКА

ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: МОНИТОРИНГ116

ЗАДЕРЖАНИЕ ПАВЛА ДУРОВА: (НЕ)ВИНОВЕН?118

ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: МОНИТОРИНГ

17 августа 2024 г.

Сегодня абсолютное большинство россиян (87 %) знают о дистанционном электронном голосовании (ДЭГ), в том числе каждый второй (47 %) знает хорошо. Примерно каждый десятый (13 %) ничего не слышал о возможностях участия в выборах онлайн, это самое низкое значение за все время измерений (в 2019 г. было 34 %). Осведомленность о ДЭГ находится примерно на одном уровне среди россиян всех возрастов (83—88 %). Респонденты довольно позитивно смотрят на перспективы масштабирования опыта ДЭГ на всю страну. Шесть из десяти (63 %) считают, что нужно обеспечить возможность онлайн-голосования во всех регионах России; обратного мнения придерживаются 29 %.

Несмотря на высокую информированность о ДЭГ и широкую поддержку идеи распространить онлайн-голосование на все регионы, большая часть россиян (62 %) отмечают, что возможность голосовать на выборах удаленно лично для них не важна; и лишь каждый третий (36 %) признает важность такой возможности. Каждый третий опрошенный (36 %) уверен, что онлайн-голосование никак не повлияет на прозрачность, честность выборов. Еще 30 % видят в ДЭГ риски: по их мнению, это может привести к снижению прозрачности электорального процесса. Еще 23 % наших сограждан, наоборот, видят в онлайн-голосовании способ сделать выборы более честными.

Рис. 1. С 2021 г. благодаря внедрению онлайн-голосования жители некоторых регионов имели возможность проголосовать на этих выборах удаленно, через интернет. Вы что-то слышали об этом или знаете? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

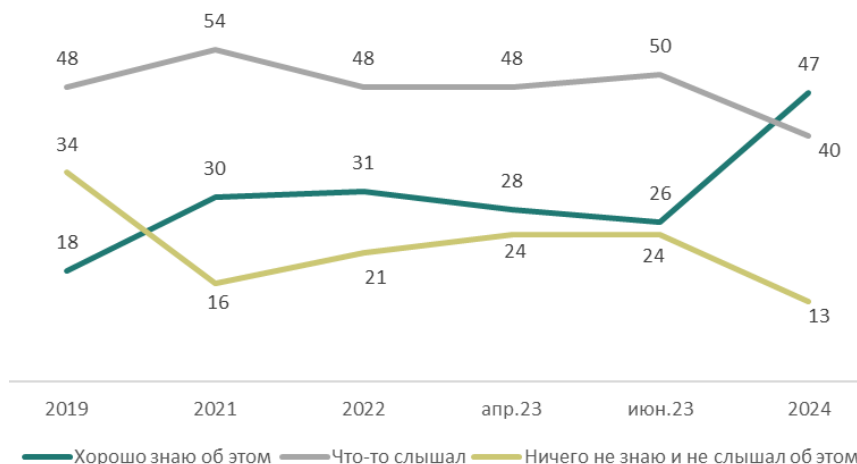

Рис. 2. Ранее практика онлайн-голосования действовала только в нескольких регионах. Как Вы считаете, нужно или не нужно обеспечить возможность онлайн-голосования во всех регионах России? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

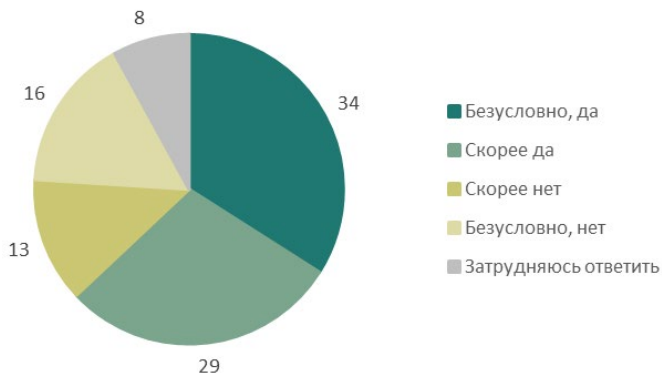
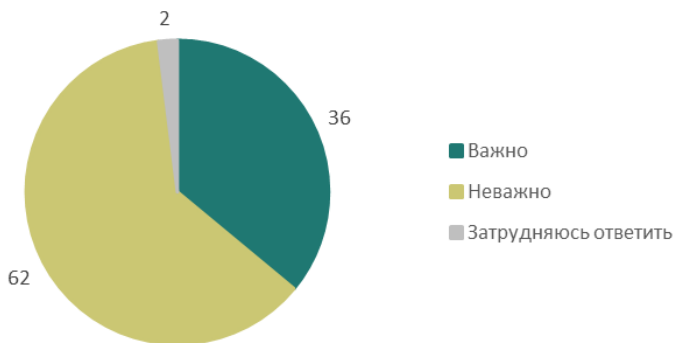

Рис. 3. Скажите, пожалуйста, получение возможности голосовать на выборах удаленно, через интернет, для Вас лично важно или неважно? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ЗАДЕРЖАНИЕ ПАВЛА ДУРОВА: (НЕ)ВИНОВЕН?

27 августа 2024 г.

Восемь из десяти россиян (79 %) знают или что-то слышали об основателе Telegram, в том числе 39 % хорошо знают, кто это; каждый пятый (21 %) сообщил, что впервые услышал о нем в ходе опроса. Чем моложе россияне, тем лучше им знаком Павел Дуров: среди 18—24-летних его знают в целом 94 %, в старшей когорте — 59 %. Лучше осведомлены о нем также активные пользователи интернета (90 % vs. 44 % среди тех, кто предпочитает ТВ), жители крупных городов (Москва, Санкт-Петербург, города-миллионники, города с численностью населения 500—950 тыс. чел. — 85 %—93 %) и россияне с высшим или неполным высшим образованием (92 %). Иными словами, Павел Дуров как создатель широко используемых интернет-платформ лучше знаком той аудитории, которая является активным пользователем его разработок — молодежи, городским жителям и людям с высшим образованием. Россияне, которым известно имя Павла Дурова, относятся к нему преимущественно нейтрально (59 %), каждый третий положительно (31 %) и только 4 % негативно.

24 августа французские власти задержали Павла Дурова в парижском аэропорту. Информированность россиян об этом событии оказалась довольно высокой — почти половина (45 %) хорошо осведомлены о задержании Дурова, еще 35 % слышали об этом, но без подробностей, только каждый пятый (20 %) респондент оказался не в курсе этой ситуации. Больше половины россиян (55 %) убеждены, что Павел Дуров не причастен к тем преступлениям, с которыми его связывают французские власти. Обратного мнения придерживаются 14 %, в том числе 3 % считают, что он виновен во всех преступлениях, а 11 % — что в некоторых. У трети опрошенных (31 %) этот вопрос вызвал затруднения.

Рис. 4. Скажите, пожалуйста, Вы знаете или нет Павла Дурова, предпринимателя, основателя социальной сети «ВКонтакте» и мессенджера «Телеграм»? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

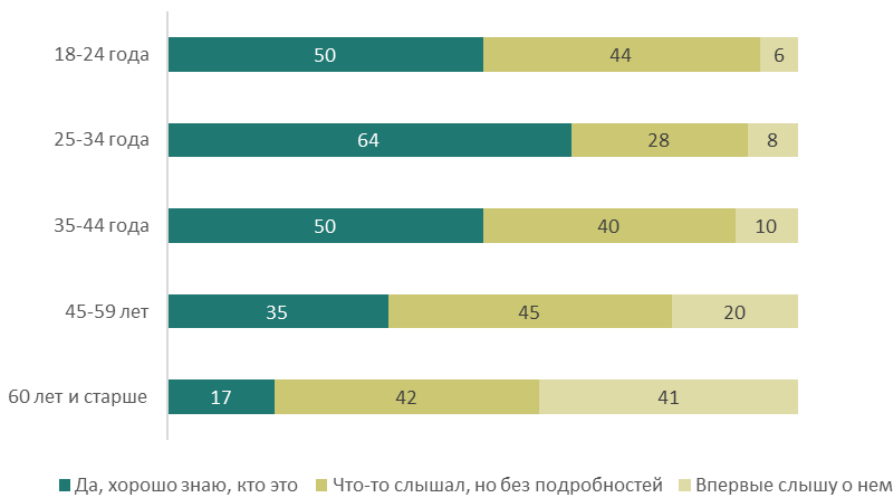
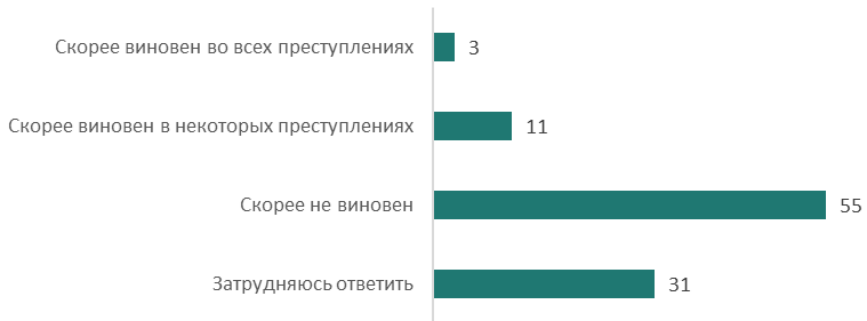

Рис. 5. Как Вы считаете, Павел Дуров скорее виновен или скорее не виновен в преступлениях, в которых его обвиняют французские власти? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПУБЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ120

ДОНОРСТВО ОРГАНОВ: ЗА И ПРОТИВ122

ПУБЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

14 июля 2024 г.

Четвероногие друзья есть у большей части россиян (66%). У каждого второго в нашей стране (49%) есть кошка, а у каждого третьего — собака (34%). Беспородные и породистые собаки встречаются в семьях россиян одинаково часто (по 18%), а вот кошек россияне выбирают чаще беспородных (36%), чем породистых (16%). Другие животные (домашний скот, экзотические животные и мелкие животные, такие как хомяки, морские свинки, рыбки или декоративные птицы) обитают в домах 14% наших соотечественников.

Рис. 1. У Вас в семье есть домашние животные или нет? Если есть, то какие? (закрытый вопрос, любое число ответов, % от всех опрошенных)

Большинство владельцев домашних животных (76%) отмечают, что по месту их проживания или в шаговой доступности есть различные удобства для животных. Но разрыв между крупными городами и малыми городами/селами значительный: если в обеих столицах о наличии инфраструктуры и сервисов для животных говорят девять опрошенных из десяти (93%), то в малых городах — 78%, а на селе — 53%. Чаще всего опрошенные владельцы питомцев говорят о наличии поблизости ветеринарной клиники и зоомагазина (61% и 60% соответственно). Около четверти указали на магазины, в которых можно находиться с животным (26%), груминг-салоны (25%) и специально огороженные площадки для выгула четвероногих или занятий с ними (23%). Заметно реже оказались распространены кафе, куда пускают с животными (12%), специализированные урны для утилизации отходов жизнедеятельности собак (9%), стойки с пакетами для уборки за собаками

и лапомойки в домах (по 8%). Каждый пятый (21%) сообщил, что ничего из перечисленного поблизости нет (на селе — 43% vs. 6% в Москве и Санкт-Петербурге). Чем крупнее населенный пункт, тем насыщеннее инфраструктура и сервисы для животных. Лидируют в развитии таких сервисов Москва и Санкт-Петербург. Значительная часть россиян, не имеющих домашних животных, испытывает беспокойство и тревогу в связи с присутствием чужих собак в общественных местах. Половина (51%) таких респондентов сталкивались с этой проблемой за последний год. Главная причина беспокойства из-за чужих собак — отсутствие уборки за ними во дворе (25%). В топ-5 вошли также выгул агрессивных собак без намордника (18%), выгул в неполюженных местах, громкий лай в позднее время суток, само-выгул собак (по 14%).

Рис. 2. Если говорить в общем, в какой степени Вы удовлетворены наличием удобств для выгула собак в Вашем районе? Оцените по 5-балльной шкале, где 5 — полностью удовлетворены, а 1 — совершенно не удовлетворены (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, у кого есть собаки)

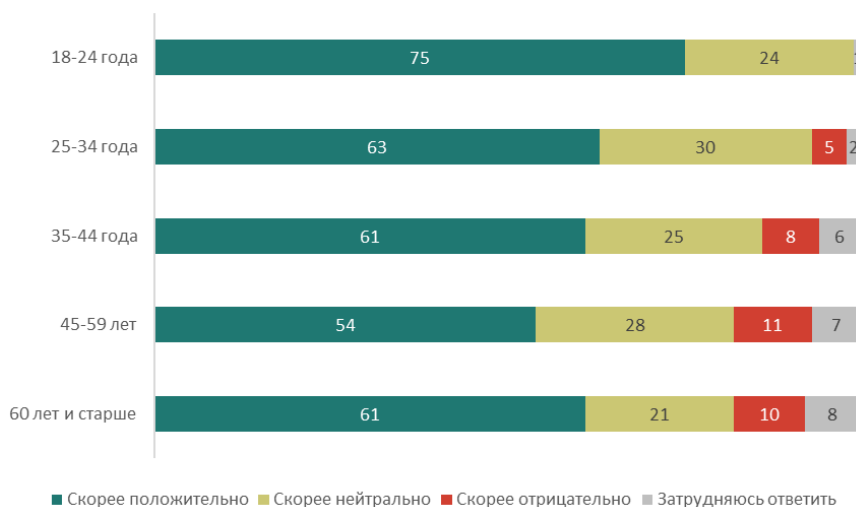

ДОНОРСТВО ОРГАНОВ: ЗА И ПРОТИВ

2 августа 2024 г.

Среди россиян преобладает положительное отношение к донорству органов (61%). О скорее отрицательном отношении заявили только 8%, еще 26%, или каждый четвертый, нейтрально относится к этой практике. 5% затруднились с ответом. Россиян, декларирующих положительное отношение к донорству органов, отличают молодой возраст (75% среди 18—24-летних), наличие высшего образования (67%), хорошее материальное положение (67%), проживание в одной из столиц (72%) и активное пользование интернетом (63% среди ежедневных пользователей). Противников донорства органов чаще можно встретить среди представителей старшего поколения (45—59 лет — 11%, 60+ лет — 10% vs. 0% в молодежной группе 18—24 года), активных телезрителей (16%) и жителей сёл (13%), тогда как среди жителей Северо-Кавказского федерального округа их насчитывается вдвое больше, чем в целом по стране (17%).

Рис. 3. Донорство органов — это предоставление нуждающемуся пациенту органа при жизни донора или после его смерти. Как в целом Вы относитесь к донорству органов? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ОБУЧЕНИЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ.....123

ЧАТ-КУЛЬТУРА В РОССИИ124

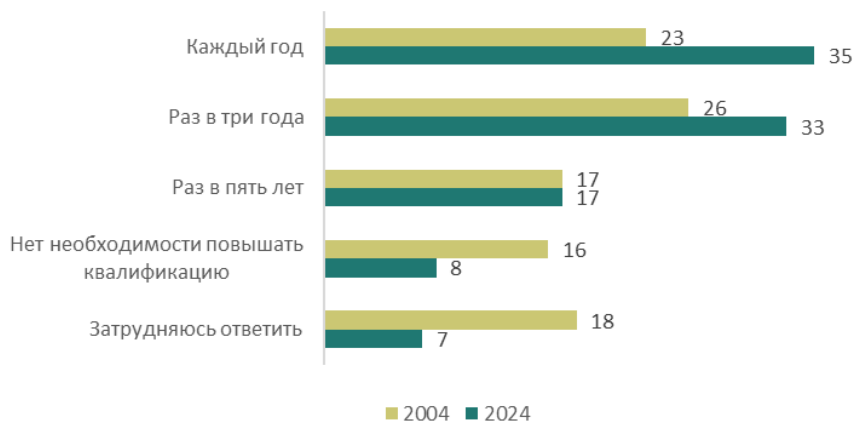
ОБУЧЕНИЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

19 июля 2024 г.

За последние двадцать лет изменились представления россиян о том, как часто нужно повышать квалификацию, чтобы чувствовать себя уверенно на рынке труда. Две трети (68 %) сегодня считают, что делать это нужно не реже, чем раз в три года, в том числе каждый третий (35 %) уверен, что лучше ежегодно. С 2004 г. двукратно снизилась доля тех, кто вовсе не видит необходимости в повышении квалификации: с 16% до 8%. Все больше наших соотечественников осознает, что для сохранения конкурентоспособности необходимо постоянно обновлять свои знания и навыки, адаптируясь к быстро меняющимся условиям рынка труда.

Трансформация взглядов россиян на необходимость регулярного повышения квалификации подтверждается и на практике. За последние пять лет доля тех, кто не занимался развитием своих компетенций, сократилась с 52% в 2019 г. до 39% в 2024 г. В общей сложности переподготовкой занимались 60% россиян (2019 г. — 48%). Наиболее активно совершенствуются в профессии россияне 25—44 лет, те, кто находится в активной фазе построения карьеры. В этой возрастной группе опыт повышения квалификации в течение последних пяти лет имеют 74—79%, а также отмечен максимум переобучавшихся в течение последнего года — 37%. После 45 лет показатель начинается снижаться: среди 45—59-летних опыт переподготовки в течение последних пяти лет есть у 64%, в старшей возрастной группе, после 60 лет, — у 35%.

Рис. 1. Как часто, по Вашему мнению, необходимо повышать свою квалификацию, чтобы чувствовать себя уверенно на рынке труда? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ЧАТ-КУЛЬТУРА В РОССИИ

12 июля 2024 г.

В общей сложности три четверти (76%) интернет-пользователей в России с разной периодичностью читают чаты. Доля ежедневных читателей чатов составляет 46%, то есть почти половину от всех интернет-пользователей. Среди ежедневных пользователей чатов выше доля женщин (50% vs. 41% мужчин), россиян до 45 лет (50%—56% vs. 46% среди 45—59-летних и 28% среди интернет-пользователей старше 60 лет), с высшим или неполным высшим образованием (55%), хорошим материальным положением (50%), проживающих в городах (45%—51% vs. 40% жителей села).

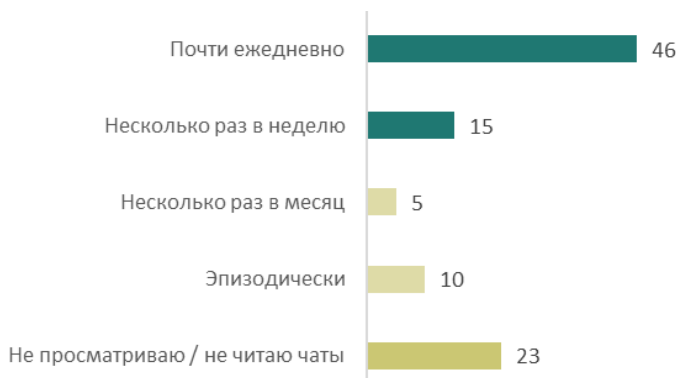
Тематическая направленность чатов, в которых состоят россияне, разнообразна и охватывает различные сферы жизни. Чаты используются для решения широкого спектра задач и удовлетворения различных потребностей. Чаще это организация коммуникации: родительские чаты (29%), чаты подъезда, дома, садового сообщества и подобные (27%). Причем рабочие чаты (24%) в этом рейтинге обходят даже семейные и чаты с друзьями (16%). Реже опрошенные называли чаты с бывшими одноклассниками, одноклассниками (5%), чаты по обучению (4%). Достаточно часто чаты используются не только для коммуникации, но и по интересам: с единомышленниками по теме хобби, увлечений (22%), новостные (20%), городские/региональные (6%), чаты по спортивным интересам (4%), дачные, по купле-продаже, а также об СВО (по 2%). Новостные ближе мужчинам (25% vs. 17% женщин), а чаты с единомышленниками по теме хобби — молодежи до 24 лет (33%).

Основываясь на представленных результатах, можно сделать вывод, что чаты активно используются для организации коммуникации в различных сферах жизни — семейной, жилищной, профессиональной, их создают не только для поддержания личных отношений, но и для решения практических задач.

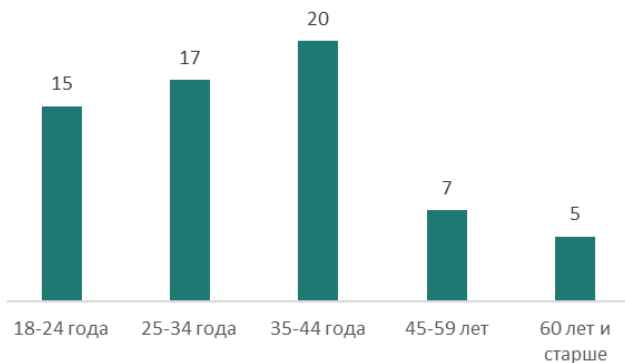
Рис. 2. Чат — это специально созданная группа, где пользователи могут не только читать информацию, но и писать комментарии, обсуждать различные вопросы, ставить реакции.

Как часто Вы читаете/просматриваете чаты в мессенджерах, социальных сетях?

Мы не говорим сейчас о Telegram-каналах, это могут быть любые чаты — новостные, родительские, общедомовые, чаты по интересам и так далее (закрытый вопрос, один ответ, % от пользователей интернета)

**Рис. 3. В скольких чатах Вы состоите, зарегистрированы?
Учитываются любые чаты — новостные, родительские,
общедомовые, чаты по интересам и так далее
(число чатов, среднее значение)**

DOI: [10.14515/monitoring.2024.4.2487](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2487)

И. В. Дворецкая, Т. А. Мерцалова

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ УЧИТЕЛЕЙ В ВЫБОРЕ СПОСОБОВ РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Правильная ссылка на статью:

Дворецкая И. В., Мерцалова Т. А. Возможности и предпочтения учителей в выборе способов развития компетенций использования цифровых образовательных технологий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 126—147. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2487>.

For citation:

Dvoretzkaya I.V., Mertsalova T.A. (2024) Teachers' Capabilities and Preferences in Choosing How to Develop Competencies for Digital Technologies Use in Teaching. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 126–147. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2487>. (In Russ.)

Получено: 15.09.2023. Принято к публикации: 22.05.2024.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ УЧИТЕЛЕЙ В ВЫБОРЕ СПОСОБОВ РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

*ДВОРЕЦКАЯ Ирина Владимировна — кандидат наук об образовании, научный сотрудник Лаборатории цифровой трансформации образования Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: idvoretckaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2970-512X>*

*МЕРЦАЛОВА Татьяна Анатольевна — кандидат педагогических наук, ведущий эксперт Центра социально-экономического развития школы Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: tmertsalova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1482-1988>*

Аннотация. Цель статьи — исследование характеристик школ и учителей в контексте развития профессионального мастерства последних для работы в цифровой среде. На данных опроса, проведенного в рамках Мониторинга цифровой трансформации общеобразовательных организаций (МЦТОО) в 2020/2021 учебном году с использованием метода анализа латентных классов, проанализированы поведенческие характеристики российских учителей. Выявлены паттерны развития цифровых навыков учителей, учитывающие как официальные (предлагаемые институтами переподготовки и повышения квалификации, подразумевающие выдачу сертификатов государственного образца о прохождении), так и неофициальные (не подразумевающие выдачу сертификатов государственного образца) форматы профессионального развития. Подтверждено, что опыт дистанционной работы школ в период пандемии COVID-19

TEACHERS' CAPABILITIES AND PREFERENCES IN CHOOSING HOW TO DEVELOP COMPETENCIES FOR DIGITAL TECHNOLOGIES USE IN TEACHING

*Irina V. DVORETSKAYA¹ — PhD in Education, Research Fellow, Laboratory for Digital Transformation of Education, Institute of Education
E-MAIL: idvoretckaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2970-512X>*

*Tatiana A. MERTSALOVA¹ — Cand. Sci. (Ped.), Leading Expert, Center of Social and Economic School Development, Institute of Education
E-MAIL: tmertsalova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1482-1988>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. This paper aims to explore the characteristics of teachers and schools concerning the nature of their professional development in working in the digital environment. Based on the data from the survey conducted as part of the Monitoring of Digital Transformation of General Education Organizations (MDTEO) in the 2020/2021 academic year, using the latent class analysis, we analyzed the behavioral characteristics of Russian teachers in the context of the development of their digital skills. Five teachers' digital skills development patterns were identified, considering both formal and informal professional development formats. It was confirmed that the experience of distance work during the COVID-19 pandemic at school actualized the active use of different practice-oriented forms of teachers' digital skills development. At the same time, the Russian school retains a rather large group of teachers whose professional development is unrelated to mastering digital

актуализировал использование практико-ориентированных паттернов развития цифровых навыков у педагогов. Одновременно с этим в российской школе сохраняется большая группа учителей, которые не осваивают цифровые технологии. На основе полученных результатов обсуждаются существующие возможности и практическая важность персонифицированных траекторий профессионального развития педагогов для успешной работы в цифровой среде.

Ключевые слова: управление цифровой трансформацией школы, повышение квалификации учителей, профессиональное развитие учителей, повышение профессионального мастерства учителей, развитие цифровых навыков учителей, персонифицированные траектории профессионального развития педагогов, паттерны развития цифровых навыков у учителей

technologies. Based on the results obtained, we discuss the opportunities and the practical importance of personalized trajectories of teachers' professional development for successful work in the digital environment.

Keywords: management of schools' digital transformation, teachers professional trainings, teachers professional development, continuing professional development of teachers, development of teachers' digital skills, personalized teachers professional development, patterns of teachers professional development

Введение

В рамках реализации государственной образовательной политики значительные средства выделяются для обеспечения образовательных организаций цифровой инфраструктурой, высокоскоростным интернетом, цифровым образовательным контентом. Эффективность этих вложений напрямую зависит от интенсивности и качества использования данных ресурсов в учебной работе [Cuban, Jandrić, 2015]. Исследования Института образования НИУ ВШЭ, проведенные в рамках Мониторинга цифровой трансформации общеобразовательных организаций (МЦТОО) в 2020—2021 гг., показали, что школы, в которых полноценно используется минимальная базовая цифровая инфраструктура, и школы, в которых высокая степень технической оснащенности сочетается с ограниченным использованием цифровых технологий (ЦТ) в учебной работе, представлены примерно в равной степени [Дворецкая, Мерцалова, 2020].

По данным Международного исследования компьютерной и информационной грамотности (International Computer and Information Literacy Study, ICILS), проведенного в 2018 г. в 13 системах школьного образования, только четверть учащихся обучались в школах, где задача подготовки уроков с использованием цифровых технологий осознавалась школьным руководством как значимая [Fraillon et al., 2020]. Одно из объяснений этого разрыва связано с недостаточным уровнем развития цифровых навыков учителей для преподавания в цифровой среде¹ [Krumsvik, 2008].

¹ Redecker Ch. European Framework for the Digital Competence of Educators — DigCompEdu. Publications Office of the European Union. 2017. <https://doi.org/10.2760/159770>; Global Education Monitoring Report Team. Global Education Monitoring Report, 2023: Technology in Education: A Tool on Whose Terms? // UNESCO. <https://doi.org/10.54676/UZQV8501>.

Современные международные и отечественные исследования не обладают достаточной доказательной базой, подтверждающей высокую эффективность влияния цифровых образовательных технологий на результаты обучения школьников, однако они убедительно показывают широкие возможности этих технологий для обучения, ориентированного на индивидуальные потребности учащихся, для доступа к многочисленным учебным материалам и сервисам оценки, а также насыщенного и эффективного взаимодействия педагогов с учащимися и родителями². Базовым условием качественного использования цифровых технологий для решения этих и других образовательных задач является сформированность цифровых компетенций у педагогических работников [Аймалетдинов и др., 2019; Hämäläinen et al., 2021; Krumsvik, 2008]. Это полностью совпадает с классическими отечественными концепциями профессиональной подготовки педагогических кадров [Вербицкий, 2010; Маркова, 1996; Поташник, 2009; Ямбург, 2004] и объясняет повышенное внимание к вопросам развития навыков учителей по работе с цифровыми инструментами [Пинский, 1999; Manson et al., 2008; Цветкова, 2010; Авдеева, Уваров, 2016].

На протяжении первых лет внедрения информационных технологий в школах главенствующим подходом к развитию цифровых навыков учителей была централизованная каскадная модель³, предполагающая проведение регулярных курсов повышения квалификации, на которых педагоги актуализировали свои профессиональные компетенции. На этапе освоения педагогами базовой компьютерной грамотности использование такого традиционного подхода было оправдано, так как позволяло массово обучить заметную часть педагогического сообщества в относительно сжатые сроки. В дальнейшем стали видны недостатки модели для углубленного развития цифровых навыков учителей: такие курсы ориентировались на усредненного слушателя, а различия в навыках и педагогических задачах участников в них не могли быть учтены.

Динамичное внедрение и распространение цифровых инструментов в образовании требует от учителей постоянного освоения новых методов и инструментов профессиональной работы [Manson et al., 2008]. Организованные массовые курсы во всем мире остаются наиболее распространенной формой развития цифровых навыков учителей⁴. Одновременно появляются и начинают набирать популярность неинституционализованные и неформализованные мероприятия по развитию цифровых компетенций педагогов⁵ [Krumsvik, 2008]. К таким мероприятиям относятся внутришкольные и внешние практикумы и семинары, конференции, участие в сетевых профессиональных сообществах, наставничество,

² Global Education Monitoring Report Team. Global Education Monitoring Report, 2023: Technology in Education: A Tool on Whose Terms? // UNESCO. 2023. <https://doi.org/10.54676/UZQV8501>.

³ Vasko T., Dicheva D. Educational Policies: An International Overview. WP-86—52. Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis. 1986. URL: <https://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/2807/1/WP-86-052.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ Global Education Monitoring Report, 2023: Technology in Education: A Tool on Whose Terms? // UNESCO. 2023. <https://doi.org/10.54676/UZQV8501>.

⁵ Redecker Ch. European Framework for the Digital Competence of Educators — DigCompEdu. Publications Office of the European Union. 2017. <https://doi.org/10.2760/159770>; Global Education Monitoring Report, 2023: Technology in Education: A Tool on Whose Terms? // UNESCO. 2023. <https://doi.org/10.54676/UZQV8501>.

стажировки, коучинг, самостоятельное изучение материалов на цифровых платформах⁶ [Perry, 2023; Лаврентьева, Цвелюх, 2018; Заир-Бек, Анчиков, 2022]. Однако их использование не носит систематический характер: по данным последней волны Международного исследования по вопросам преподавания и обучения TALIS-2018 (Teaching and Learning International Survey), в таких форматах профессионального развития, как взаимное обучение и сетевое взаимодействие (вне привязки к контексту использования цифровых технологий), участвовали менее половины учителей, а имеющиеся у них возможности профессионального развития не отвечали потребностям в освоении эффективных способов использования цифровых образовательных сервисов и средств обучения⁷.

Вынужденный переход на дистанционную работу в период пандемии COVID-19 актуализировал дефициты сложившихся систем профессионального развития педагогических кадров: для дистанта учителям во всем мире не хватало практических навыков по организации учебной работы в онлайн-среде, владения эффективными методиками работы⁸ [Абанкина и др., 2020; Perry, 2023].

В российском контексте было выявлено, что, несмотря на высокий уровень цифровой грамотности [Аймалетдинов и др., 2019], во время вынужденного дистанта учителя не всегда эффективно использовали цифровые технологии при организации учебной работы [Исаева и др., 2020]. Практически все авторы, исследовавшие этот период, фиксируют, что многие родители не были удовлетворены уровнем компетенции учителей для организации обучения в дистанционном формате.

В условиях пандемии существенно активизировалось развитие цифровых навыков школьных педагогов. В частности, согласно Мониторингу экономики образования (МЭО), в этот период большинство российских учителей (65 %) проходили онлайн-курсы по обучению работе в дистанционном режиме, а 44 % опрошенных участвовали в онлайн-курсах, организованных институтами повышения квалификации [Горяйнова и др., 2022: 32]. Тем не менее этот процесс все еще остается недостаточно масштабным. По результатам МЭО, почти 40 % учителей сообщает о недостаточности собственных навыков работы в дистанционном формате и около 20 % — о дефиците навыков в области компьютерных и информационных технологий применительно к собственной профессиональной деятельности [Мерцалова, Сенина, 2022: 13]. Как показывают данные МЦТОО, в 2020/2021 учебном году даже в пилотных регионах федерального проекта «Цифровая образовательная среда» (ФП ЦОС) лишь около трети школьных администраторов признавали, что учителя их школ прошли обучение использованию цифровых технологий.

Еще один аспект рассматриваемой проблемы связан с тем, что прохождение учителями различных курсов, включающих развитие информационно-коммуни-

⁶ Devine J., Punie Y., Kamyliis P. Promoting Effective Digital-Age Learning — A European Framework for Digital-Competent Educational Organisations. Publications Office of the European Union. 2015. <https://data.europa.eu/doi/10.2791/54070>.

⁷ TALIS 2018 Results (Volume I): Teachers and School Leaders as Lifelong Learners. Paris: TALIS, OECD Publishing, 2019. <https://doi.org/10.1787/1d0bc92a-en>.

⁸ Новикова С. Е. Функционирование школы в период пандемии коронавируса: результаты социологического исследования. М.: РАНХиГС, 2021. URL: https://web.archive.org/web/20221008201112/https://ipei.ranepa.ru/images/Презентация_Новикова_РАНХиГС.pdf (дата обращения: 12.02.2024); Global Education Monitoring Report, 2023: Technology in Education: A Tool on Whose Terms? // UNESCO. 2023 <https://doi.org/10.54676/UZQV8501>.

кационных компетенций и обучение цифровым технологиям, не гарантирует их качественного использования в образовательном процессе. Для многих стран эффекты от обучения учителей цифровым технологиям остаются незначительными⁹. По мнению ряда экспертов, низкая эффективность системы профессионального развития связана со многими факторами, в том числе неадекватными форматами и содержанием обучающих курсов, которые не соответствуют запросам, потребностям и возможностям учителей. В части содержания, например, фиксируется острый недостаток практической работы, запрос на которую исследователи отмечают уже с конца XX — начала XXI века. Педагоги хотели бы учиться практическому применению цифровых технологий в учебной работе, а не изучать цифровые сервисы и средства в целом, в отрыве от контекста их использования [Manson et al., 2008; Горяйнова и др., 2022].

В некоторой степени проблемы содержания обучающих курсов по формированию цифровых компетенций учителей связаны с отсутствием и/или недостаточной конкретизацией нормативных стандартов и требований к педагогическому владению учителем цифровыми технологиями как на страновом уровне, так и на уровне отдельных образовательных организаций [Manson et al., 2008; Авдеева, Уваров, 2016].

Эксперты отмечают, что предлагаемые учителям форматы реализации образовательных программ и обучающих мероприятий часто не соответствуют даже теоретическим представлениям о современных, эффективных и востребованных моделях [Гам, Михайлова, 2018].

В последние годы особое место в исследованиях занимает задача индивидуализации и персонификации профессионального развития учителей, в том числе и в части цифровых компетенций, которая декларируется на разных уровнях¹⁰ [Алиева, 2020; Арутюнян, 2012], но пока полностью не решена ни в одной из национальных систем образования. По данным ICILS-2018, меры поддержки профессионального развития учителей в области использования цифровых технологий по-прежнему преимущественно включают в себя оплату курсов и разработку ресурсов и программ для учителей, причем в системах образования разных стран картина варьируется незначительно [Fraillon et al., 2020].

Отечественные исследования, посвященные профессиональному развитию учителей, чаще всего делают акцент на рассмотрении тактики управления школой [Поташник, 2009], которая во многом определяет базовые возможности и мотивационные механизмы этого процесса. Контекстные особенности школ — территориальные, экономические, структурные — упоминаются преимущественно для фиксации дифференциации имеющихся возможностей, но не как маркеры для выбора оптимальных вариантов профессионального развития. Кроме этого, затрагиваются вопросы, связанные с социально-экономическими характеристиками самих педагогов: возраст, состав семьи, материальное благополучие [Пинская, Пономарева, Косарецкий, 2016; Кондратьев, 2007; Мугинова, 2009 и др.]. Они также рассматриваются как контекстные, оказывающие влияние на профессио-

⁹ Global Education Monitoring Report, 2023: Technology in Education: A Tool on Whose Terms? // UNESCO. 2023. <https://doi.org/10.54676/UZQV8501>.

¹⁰ Там же.

нальную деятельность и профессиональное развитие педагога, в том числе его возможности и предпочтения.

Этот подход во многом связан с мотивационным фактором. Значение мотивации в профессиональном развитии работников, в частности учителей, изучается и с точки зрения психологии и управления [Арутюнян, 2012], и с точки зрения методики и дидактики [Гормин, 2016]. Среди ключевых факторов, мотивирующих к профессиональному развитию, авторы называют «смысложизненные ориентации», «потребность быть компетентным», «требования профессии», «профессиональную конкуренцию» и т. д., фактически определяя ключевое условие востребованных образовательных программ и обучающих мероприятий, которые должны быть полезны с точки зрения реальной деятельности и реальных профессиональных дефицитов и не должны вступать в противоречие с более значимыми целями и смыслами.

Таким образом, проанализированные работы позволяют говорить о том, что по мере интенсификации процессов освоения школой цифровых технологий фокус внимания исследователей и практиков смещается от унифицированных решений для развития цифровых навыков учителей к таргетированному обучению, поддерживаемому на уровне системы образования, учитывающему потребности и возможности педагогов¹¹ [Brecko, Kamyulis, Punie, 2014; Агранович и др., 2016]. Невысокая интенсивность распространения формата персонализированного профессионального развития, фиксируемая и международными аналитическими докладами, и отечественными исследованиями, может быть частично связана с масштабами системы и высокой дифференциацией запросов и условий деятельности учителей. Выделение специфических групп педагогов и общеобразовательных организаций позволило бы снизить потенциальную вариативность и разработать модели профессионального развития в области цифровых компетенций учителей для получившихся классов. Данное исследование является первым шагом в изучении паттернов и соотношения различных форматов профессионального развития в области использования цифровых технологий для разных категорий учителей. Его цель — выявить характеристики учителей и школ в привязке к характеру развития профессионального мастерства для работы в цифровой среде. Объектом исследования выступает развитие цифровых навыков учителей, а предметом — использование разными категориями учителей форматов освоения цифровых образовательных технологий.

На основе проведенного обзора мы сформулировали следующие исследовательские вопросы.

1. Какие паттерны учителей можно выделить в зависимости от используемых ими подходов и форм повышения цифровых компетенций, связанных с преподаванием в цифровой среде?
2. Какова распространенность выявленных паттернов?
3. Какие персональные характеристики и характеристики школ оказывают влияние на выбор и использование разных подходов и форм профессионального развития учителей?

¹¹ Lee M., Broadie R. A Taxonomy of School Evolutionary Changes. 2016. URL: <http://schoolevolutionarystages.net/wp-content/uploads/2014/04/A-Taxonomy-of-School-Evolutionary-Changes-copy.pdf> (дата обращения: 15.07.2024); Using the Self-Review Framework Overview Questions // NAACE. URL: <https://www.naace.co.uk/media/arsdpkx/srf-overview-questions-2019.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).

Методология, выборка и данные

Эмпирическую базу исследования составили результаты онлайн-опроса 15 077 учителей из 467 общеобразовательных организаций 85 субъектов Российской Федерации, собранные в ходе второй волны МЦТОО в 2021 г., реализованного в интересах Министерства просвещения РФ. Выборка школ была стратифицирована по следующим признакам: 1) тип населенного пункта (городские и сельские); 2) размер общеобразовательной организации (по численности обучающихся); 3) участие школы в ФП ЦОС (участвующие и не участвующие). Конкретные школы выбирались региональными властями согласно предложенным критериям. Опрос проводился в онлайн-формате с использованием административного метода привлечения респондентов по зонтичной схеме (координатор от оператора Мониторинга — координатор от региона — координаторы от муниципалитетов — координаторы от школ — респонденты), что обеспечило качество выборочной совокупности. Согласно методологии Мониторинга, от каждой школы принимало участие не менее 50 % учителей школы.

Анкета учителей состояла из 51 вопроса с разбивкой на следующие смысловые блоки: 1) общая информация, позволяющая скорректировать вопросы под учителя в зависимости от возраста обучающихся и преподаваемых предметов; 2) цифровые устройства и инфраструктура для учебной работы учителя; 3) использование учителем цифровых технологий в образовательной деятельности; 4) профессиональное развитие в области цифровых технологий; 5) личная деперсонифицированная информация об учителе.

Для углубленного изучения исследуемых процессов были использованы контекстные данные о школе, предоставленные школьными координаторами в рамках МЦТОО, включая сведения о ее месторасположении, численности обучающихся, механизмах управления, опыте дистанционной работы. С целью выделения и изучения различных паттернов поведения учителей в процессе освоения ими цифровых компетенций был использован метод латентного классового анализа (*Latent class analysis*), который является одним из подвидов моделирования структурными уравнениями [Weller et al., 2020] и применяется для поиска паттернов в многомерных категориальных данных [Vermunt, 2010], в том числе в опросных. Данный метод позволил классифицировать участников исследования по латентным классам на основании их ответов на вопросы о включенности в различные форматы повышения профессионального уровня в области использования цифровых технологий в образовательной деятельности.

Статистический анализ проведен с использованием языка R и пакета *poLCA* [Beaujean, 2014].

Результаты

Пять паттернов развития профессионального мастерства в области использования цифровых технологий в учебной работе

Для латентного классового анализа в первую очередь были отобраны вопросы, касающиеся форматов повышения профессионального уровня учителей в области цифровых технологий. В российском нормативном поле не выделяются типы и виды дополнительного профессионального образования (ДПО) на основании

реализующих их субъектов и организационных моделей образовательного процесса. Разработка таких классификаций не входит в задачи данного исследования, но для описания поведения учителей в процессе освоения ими цифровых образовательных технологий важно различать официальные курсы и программы ДПО и иные мероприятия повышения профессионального мастерства. В качестве основания для их различения в работе использовано наличие официально утвержденной образовательной программы. Таким образом, к официальным форматам относятся курсы повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, программы ДПО, реализуемые институтами повышения квалификации (ИПК), институтами развития образования (ИРО), вузами и иными образовательными организациями, которые официально оформляют и регистрируют данные образовательные программы и выдают сертификаты государственного образца. К неофициальным форматам относятся обучающие семинары, вебинары, мастер-классы, практики наставничества и иные мероприятия, которые могут быть реализованы любыми субъектами, в том числе самой школой, частными лицами или сетевыми сообществами. Их ключевое отличие — отсутствие государственной сертификации.

Кроме этого, учитывались такие характеристики, как факт участия респондента в рассматриваемых программах и мероприятиях за последние три года; тип субъекта, по чьей инициативе принималось решение об участии в них (сам учитель или иные участники отношений в сфере образования); а также использование дистанционных технологий при реализации обучающих программ и мероприятий. По всем отобранным утверждениям были построены дихотомические переменные. После исключения переменных, которые не давали достаточной различительности для построения классов, были оставлены восемь переменных (см. Приложение, табл. 1).

Решение о разбиении выборки исследования основывалось на нескольких критериях, рассчитанных для моделей с разным числом классов. Самым оптимальным оказалось использование критерия энтропии [Weller et al., 2020], оправданное и в терминах содержательной интерпретации результатов анализа. Таким образом, латентный классовый анализ позволил получить пять групп учителей, различающихся в том, как происходит развитие их профессионального мастерства в области использования цифровых технологий в учебной работе. Подробные критерии выбора приведены в таблице 2 Приложения.

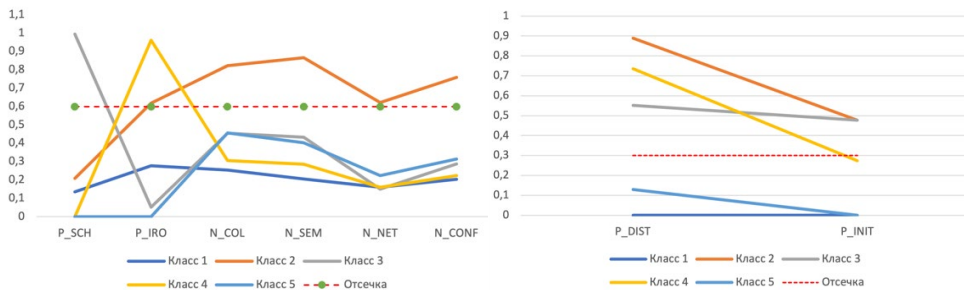
Пять латентных классов соответствуют пяти типам поведения учителей в процессе освоения ими цифровых технологий для обучающей деятельности (см. рис. 1). Подробное описание переменных и использованных кодов приведено в таблице 1 Приложения.

Рассмотрим подробнее получившиеся классы. Мы использовали отсечку по вероятности положительного ответа по утверждениям, относящимся к формам развития профессионального мастерства в области применения цифровых технологий в учебной работе как $p = 0,6$ [Weller et al., 2020]. Так как утверждения о том, чья была инициатива прохождения курсов, и о том, как применялись дистанционные технологии при прохождении курсов, подразумевали четыре варианта ответов, то для этих двух утверждений отсечка составляет $p = 0,3$.

Рис. 1. Профили классов в зависимости от вероятности положительного ответа по утверждениям модели (модель для пяти классов)

А) Вероятности положительного ответа по утверждениям о формах развития профессионального мастерства в области использования цифровых технологий в учебной работе (2 ответа по каждому утверждению, отсечка 0,6)

Б) Вероятности ответа о том, что развитие профессионального мастерства в области использования цифровых технологий в учебной работе происходило дистанционно и после совместного обсуждения с заместителем директора (4 варианта ответа по каждому утверждению, отсечка 0,3)

Класс 1 — самый многочисленный (35 % от выборки исследования). Он состоит из учителей, которые очень редко занимаются развитием цифровых компетенций.

Класс 2 (18,8 %) — учителя, которые принимают решение о своем профессиональном развитии совместно с руководством школы, а учатся преимущественно у коллег, на внутришкольных семинарах и мастер-классах, в процессе совместной работы с другими учителями, участвуют в сетевых профессиональных группах, в конференциях. Представители этой группы в меньшей степени могут учиться и на курсах ИРО/ИПК.

Класс 3 (13,3 %) — чаще остальных проходят очные курсы, включающие обучение использованию цифровых технологий в школе. Организация таких курсов — решение руководства школы, в том числе под запрос самих учителей.

Класс 4 (21,5 %) — учителя, в большей степени ориентированные на дистанционные курсы ИРО/ИПК, на которые их направляет руководство. При этом они не участвуют ни в каких внутришкольных формах обучения.

Учителя класса 5 (11,4 %) во многом похожи на учителей класса 1, но при этом они могут обращаться к экспертизе своих коллег, обучаясь у них в процессе совместной деятельности.

Предпосылки, определяющие паттерны профессионального развития учителей в области цифровых технологий

Для уточнения связей между особенностями профессионального развития в части освоения цифровых технологий, с одной стороны, и характеристиками школ и учителей, с другой, был проведен множественный регрессионный анализ. В качестве ковариат рассматривались:

— на уровне школ: расположение школы (городская или сельская), размер школы (численность обучающихся), наличие специально разработанной программы развития школы в области цифровизации и назначенного приказом ответствен-

ного за эти процессы, а также факт перехода школы на дистанционное обучение в первом полугодии 2020/2021 учебного года;

— на уровне учителей: возраст, пол, наличие детей до 18 лет, стаж работы, уровень материального благосостояния.

В результате анализа была построена логистическая регрессия, где принадлежность к классу рассматривалась как зависимая переменная, для контроля использованы перечисленные ковариаты, а класс 1 (учителя, очень редко участвующие во всех формах профессионального развития для преподавания в цифровой среде) — как референс (см. Приложение, табл. 3).

Характеристики школ

Результаты регрессионного анализа показали, что шансы учителей из сельских школ оказаться в классе 1 (очень редко участвующие) выше, чем в классе 2 (активные и поддерживаемые руководством), классе 3 (очные курсы по решению руководства) и классе 4 (дистанционные курсы по решению руководства). Это может быть связано с недостаточностью специальных программ по развитию цифровой среды в сельских школах, когда даже технологическое оснащение оказывается неподъемной статьёй затрат для школьного бюджета. В пользу этого аргумента говорят данные официальной образовательной статистики, показывающие существенный дефицит расходов на внедрение и использование цифровых технологий в сельских школах [Горяйнова и др., 2022].

Размер школ ожидаемо способствует развитию внутришкольной системы повышения профессионального мастерства: чем больше школа, тем значительно выше шансы того, что школьные руководители будут организовывать для педколлектива очное обучение использованию цифровых технологий на базе школы с приглашением внешних либо внутренних экспертов. Во многом это объясняется объективными возможностями крупных общеобразовательных организаций: во-первых, они чаще всего расположены в крупных городах с лучшими кадровыми ресурсами, которые можно привлечь извне к обучению учителей; во-вторых, чем больше педагогический коллектив, тем больше шансов, что в нем найдутся собственные специалисты в этой области. Этот факт соотносится и с отмеченными выше финансовыми возможностями школ, так как организация подобных мероприятий требует дополнительных ресурсов.

Вопреки ожиданиям, наличие программы цифрового развития школы (отдельного проекта или как части комплексной программы) не связано с повышением профессионального мастерства учителей через официальные или неофициальные форматы. Этот, казалось бы, парадоксальный вывод полностью согласуется с проведенными ранее исследованиями [Уваров, 2011], показывающими, что стратегические программы информатизации/цифровизации школ являются во многом формальными документами. Они не фиксируют реальные задачи развития и планы по их решению. Таким образом, можно предположить, что данная ситуация за прошедшие десять лет почти не изменилась.

Другой организационно-управленческий механизм — наличие в школе ответственного за процессы цифровизации/информатизации — также срабатывает несколько неожиданным образом. В школах, где есть такой специалист, учителя

меньше принимают участие во внутренних очных обучающих мероприятиях, организованных школьным руководством (класс 3). Возможно, инициатива руководства по организации таких мероприятий является первым шагом в направлении целенаправленного освоения цифровых сервисов и платформ в учебной работе [Уваров и др., 2021]. На этом этапе выделение отдельной кадровой единицы, наделенной полномочиями для развития цифровой среды школы, еще не представляется целесообразным. При этом в школах, где есть сотрудник, ответственный за цифровизацию/информатизацию, учителя часто повышают профессиональное мастерство через нетрадиционные, но официальные программы и курсы, которые подразумевают выдачу сертификата или свидетельства. Однако для более детального анализа влияния ответственного сотрудника необходимо дифференцированно рассмотреть его функционал, который в разных школах может сильно различаться — от поддержки цифровой инфраструктуры до помощи с внедрением инновационных методов учебной работы, подкрепленной цифровыми технологиями.

Более однозначно срабатывает опыт работы школы в дистанционном режиме. Его наличие существенно активизирует соответствующее повышение профессионального мастерства. Важно отметить, что в школах, переходивших на дистант во время пандемии COVID-19, учителя чаще самостоятельно занимаются своим профессиональным развитием в области цифровых технологий (класс 2). Также в таких школах чаще организуются внутришкольные форматы развития цифровых навыков — очные семинары и курсы (класс 3).

Характеристики учителей

Проведенный анализ позволяет зафиксировать наличие достаточно значимой связи рассматриваемых личностных характеристик учителей с их профессиональным развитием в области цифровых компетенций.

Результаты исследования подтвердили, что часто обсуждаемые в этом контексте возрастные особенности в значительной степени определяют паттерны профессионального развития учителей. В частности, молодые учителя более склонны к самостоятельному поиску внешних онлайн-курсов, однако школьное руководство меньше считается с молодыми педагогами при формировании плана их профессионального развития. Это связано в том числе с общей более конфликтной ситуацией и менее доверительными взаимоотношениями молодых специалистов с администрацией школ по сравнению с их более опытными коллегами [Заир-Бек, Анчиков, 2022]. Чем старше педагог, тем вероятнее, что он предпочтет проходить обучение на базе школы, что может быть связано как с меньшей мобильностью этих возрастных групп (в том числе из-за состояния здоровья и семейных обстоятельств), так и с их большей учебной нагрузкой, не позволяющей без потерь отрываться от образовательного процесса.

Несмотря на то что опыт работы довольно сильно коррелирует с возрастом, он дополнительно определяет несколько иные паттерны профессионального развития: чем опытнее специалист, тем выше вероятность его участия в разных форматах развития педагогического мастерства в цифровой среде (класс 2), ниже вероятность участия в курсах ИРО (класс 4). Однако объяснения, связанные с уровнем занятости учителя, вероятно, срабатывают и в этом случае.

Женщины в принципе меньше учатся использованию цифровых технологий в учебной работе, но, принимая во внимание то, что группа мужчин малочисленна, делать такой вывод следует с осторожностью. Меньшая интенсивность женского участия в таких образовательных программах и мероприятиях может определяться иными факторами, в частности семейным положением. Это подтверждается различием в паттернах профессионального развития учителей в зависимости от наличия у них несовершеннолетних детей. Высока вероятность, что бездетные учителя охотнее будут участвовать во внутришкольных формах профессионального развития по сравнению с имеющими детей (класс 5). Видимо, результативное обучение использованию цифровых технологий в образовательном процессе во многом связано с затратами нерабочего времени, которые в случае использования неофициальных форматов будут выше.

Учителя с более высоким уровнем семейного благосостояния активно осваивают цифровые технологии через различные неофициальные форматы (класс 2). Это наблюдение хорошо соотносится с популярным наблюдением о том, что более состоятельные взрослые активнее участвуют в разных формах непрерывного образования.

Также учителя с более высоким уровнем семейного благосостояния активно включаются в организованные руководством внутренние курсы и семинары в школе (класс 3). Возможно, речь идет о школах с большим бюджетом, но это наблюдение требует дополнительной проверки.

Обсуждение результатов и заключение

Результаты исследования показывают, что для повышения профессионального мастерства в области использования цифровых технологий учителя выбирают разные способы. При этом по-прежнему наиболее востребованы традиционные формы развития профессионального мастерства, на использование которых значительно влияют решения руководителей разных уровней. Одновременно с этим значимое место занимают неформализованные механизмы, неофициальные форматы, самостоятельно выбираемые учителями.

Несмотря на то, что важность навыков для преподавания в дистанте уже широко осознана в педагогическом сообществе¹², сохраняется достаточно большая группа учителей, повышение профессионального мастерства которых не нацелено на приобретение новых навыков работы в цифровой среде (класс 1, 35 %). Учитывая, что повышение квалификации не реже одного раза в три года обязательно, можно утверждать, что для этой группы учителей владение методиками работы в цифровой образовательной среде не является приоритетом. При этом в системе образования присутствует заметная доля учителей (класс 2, 18,8 %), которые активно и разнообразно осваивают цифровые технологии для учебной работы, обращаясь не только к традиционным, но и инновационным форматам профессионального развития. Активное использование разных практико-ориентированных форм профессионального развития у учителей этой группы может сочетаться с низким уровнем участия в соответствующих курсах на базе региональных ИРО/ИПК.

¹² Global Education Monitoring Report, 2023: Technology in Education: A Tool on Whose Terms? // UNESCO. 2023. <https://doi.org/10.54676/UZQV8501>.

Между этими двумя группами (класс 1 и класс 2) существуют промежуточные позиции (46,2%), начиная с обращения к экспертизе своих коллег (класс 5, 11,4%) и заканчивая прохождением курсов от ИРО/ИПК (класс 4, 21,5%). В нашем исследовании мы не оцениваем, как распределяются по школам учителя, принадлежащие разным выявленным типам, но есть все основания предположить, что в тех школах, где доля учителей, принадлежащих классу 2, выше, увеличиваются шансы на внедрение и использование устойчивых результативных способов учебной работы с использованием цифровых технологий [Shear, Gallagher, Patel, 2011].

На вовлечение учителей в профессиональное развитие в области освоения цифровых технологий заметно влияют школьные руководители: около половины опрошенных педагогов получают поддержку от своих руководителей или обсуждают с ними свои потребности в этой области. Выявленные различия в предпочтениях учителей по форматам профессионального развития, по всей видимости, могут стать основанием для более эффективного принятия управленческих решений.

Результаты анализа подтверждают, что чем опытнее педагог, тем разнообразнее используемые им механизмы повышения своего уровня владения цифровыми технологиями для учебной работы. Это хорошо соотносится с результатами исследования цифровой грамотности российских учителей [Аймалетдинов и др., 2019]. Более опытные педагоги в меньшей степени полагаются на официальную систему повышения квалификации, что косвенным образом сигнализирует о ее дефицитах.

Активизация поиска эффективных неофициальных практико-ориентированных способов повышения профессионального мастерства в период перехода школ на дистанционную форму работы также позволяет предположить наличие определенных дефицитов в официальной системе. Это перекликается с выводами, сделанными в предыдущих исследованиях¹³ [Агранович и др., 2016], согласно которым горизонтальное обучение у коллег, в профессиональных сообществах более действенно с точки зрения практического освоения методических приемов учебной работы в цифровой среде.

Анализ также показал, что значимая часть опытных учителей и школьных руководителей в условиях ограниченности мер по формированию цифровых компетенций педагогов решает проблему профессиональных дефицитов за счет неофициальных форматов, неформализованных механизмов профессионального развития. Высока вероятность, что эта группа учителей будет прибегать к новым способам ведения учебной работы с применением цифровых технологий, формирующим навыки высокого уровня¹⁴ [Kroutov, Loginova, Uvarov, 2012].

Выявленная неравномерность структуры профессионального развития в области цифровых технологий у учителей подтверждает потребность в ее персонализированной системе, актуализировавшуюся в условиях освоения результативных практик обучения с использованием цифровых технологий. Проведенное нами исследование поведения учителей в части профессионального развития в области цифровых технологий позволяет дополнить предложения других авторов, в частности связанных с разработкой стандартов и квалификационных

¹³ Global Education Monitoring Report, 2023: Technology in Education: A Tool on Whose Terms? // UNESCO. 2023. <https://doi.org/10.54676/UZQV8501>.

¹⁴ Там же.

требований к цифровым компетенциям педагогов [Авдеева, Уваров, 2016], разработкой и распространением оценочных и диагностических инструментов для выявления пробелов в цифровых навыках учителей [Аймалетдинов и др., 2019], проектированием и внедрением соответствующей информационной системы [Hall, Trespalacios, 2019] для выстраивания персонифицированных траекторий профессионального развития. При этом кластерный подход к анализу учительских дефицитов в части цифровых технологий позволит повысить эффективность массовых официальных курсов повышения квалификации, если они будут строиться дифференцированно, с учетом опыта и иных личностно-профессиональных характеристик педагогов.

Учет комбинации предпочтений в области профессионального развития учителей в рамках отдельной образовательной организации, выстраивание персонифицированных траекторий потребуют более таргетированных управленческих решений от школьных руководителей и управленцев системы образования. Это обуславливает и требования к пересмотру функционала школьных администраторов, отвечающих за вопросы информатизации/цифровизации, к расширению их зоны ответственности и включения в нее вопросов профессионального развития педколлектива. Возникает задача включения эффективных механизмов профессионального развития в школьные программы развития и иные стратегические документы образовательных организаций. Поскольку объем курсов повышения квалификации педагогов, фиксируемый в учебных часах, плохо соотносится с приобретаемыми профессиональными компетенциями, по всей видимости, необходим пересмотр нормативно-правовой базы официальных курсов повышения квалификации в части совершенствования цифровых навыков учителей. Использование и поддержка различных типов профессионального развития ставят вопрос о разработке новых моделей финансирования, так как серьезным барьером для самостоятельного и инициативного освоения новых практик остается материальный фактор, а также отсутствие систематической поддержки и материальных стимулов. В целом вопрос финансирования и организационного сопровождения отдельных форматов повышения профессионального мастерства уже обсуждается в научном и педагогическом сообществах [Марголис, Аржаных, Хуснутдинова, 2019], соответственно, для целей эффективной работы в цифровой среде он также остается актуальным.

В условиях, когда распространяются различные формы профессионального развития учителей, важной задачей становится оценка их эффективности. Другой важный аспект, нуждающийся в дальнейшем изучении, — выявление связи между тем, прибегают ли учителя к способам учебной работы с применением цифровых технологий, и тем, как им в этом помогает практико-ориентированный характер их профессионального развития. Использование множества форм повышения профессионального мастерства учителей, включая неофициальные (в том числе неинституционализованные), с одной стороны, говорит о состоянии существующей системы профессионального развития, когда дефициты преодолеваются за счет неформализованного обучения; с другой стороны, это показатель цифрового сдвига, который во многом произошел вследствие вынужденного перехода на дистанционный режим обучения в школах.

Список литературы (References)

1. Абанкина И. В., Вавилова А. А., Зиньковский К. В., Семенова К. А., Суркова Н. Е. Цыплят по осени считают: уроки COVID-19 для школ. М.: НИУ ВШЭ, 2020. URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/408107250.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).
Abankina I. V., Vavilova A. A., Zinkovsky K. V., Semenova K. A., Surkova N. E. (2020) Don't Count Your Chickens before They Hatch: COVID-19 Lessons for Schools. Moscow: HSE. URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/408107250.pdf> (accessed: 01.02.2024). (In Russ.)
2. Авдеева С. М., Уваров А. Ю. О разработке квалификационных требований к ИКТ-компетенциям педагогов // Наука и школа. 2016. № 6. С. 146—159.
Avdeeva S. M., Uvarov A. Yu. (2016) Steps to the Development of Qualification Requirements for ICT Competencies of Teachers. *Science and School*. No. 6. P. 146—159. (In Russ.)
3. Агранович М. Л., Адамович К. А., Адамчук Д. В., Баринов С. Л., Беликов А. А., Ермачкова Ю. Ф., Заир-Бек С. И., Заиченко Н. А., Зайцева О. В., Захаров А. Б., Карной М., Козина Н. С., Лоялка П. К., Мерцалова Т. А., Никитин И. В., Пинская М. А., Пономарева А. А., Собкин В. С., Хавенсон Т. Е., Шмидт У. Российские учителя в свете исследовательских данных. М.: НИУ ВШЭ, 2016.
Agranovich M. L., Adamovich K. A., Adamchuk D. V., Barinov S. L., Belikov A. A., Ermachkova Y. F., Zair-Bek S. I., Zaichenko N. A., Zaitseva O. V., Zakharov A. B., Karnoi M., Kozina N. S., Loyalka P. K., Mertsalova T. A., Nikitin I. V., Pinskaya M. A., Ponomareva A. A., Sobkin V. S., Havenson T. E., Schmidt U. (2016) Russian Teachers in the Light of Research Data. Moscow: HSE. (In Russ.)
4. Аймалетдинов Т. А., Баймуратова Л. Р., Зайцева О. А., Имаева Г. Р., Спиридонова Л. В. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе. М.: НАФИ, 2019. URL: <https://nafi.ru/upload/iblock/faa/faa5b9380248290fe18ba735c4e29d63.pdf> (дата обращения: 13.01.2024).
Aimaletdinov T. A., Baimuratova L. R., Zaitseva O. A., Imaeva G. R., Spiridonova L. V. (2019) Digital Literacy of Russian Educators. Readiness to Use Digital Technologies in the Educational Process. Moscow: NAFI. URL: <https://nafi.ru/upload/iblock/faa/faa5b9380248290fe18ba735c4e29d63.pdf> (accessed: 13.01.2024). (In Russ.)
5. Алиева Э. Ф. Разработка системы персонифицированного сопровождения учителей в рамках национальной системы профессионального роста педагогических работников: Научный доклад. М.: ФИРО РАНХиГС, 2020.
Alieva E. F. (2020) Development of the System of Personalized Support of Teachers within the Framework of the National System of Professional Growth of Pedagogical Workers: Scientific Report. Moscow: FIRO RANEPa. (In Russ.)
6. Арутюнян В. Э. Особенности мотивации профессионального развития педагога в системе повышения квалификации: автореф. дисс. ... канд. псих. наук. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2012.

- Arutyunyan V. E. (2012). Features of Motivation of Professional Development of a Teacher in the System of Professional Development. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Psychology. Rostov-on-Don: Southern Federal University. (In Russ.)
7. Вербицкий А. А. Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 32—37.
Verbitsky A. A. (2010). Context and Competence Approach to Modernization of Education. *Higher Education in Russia*. No. 5. P 32—37. (In Russ.)
 8. Гам В. И., Михайлова В. Е. Современные формы организации повышения квалификации педагогов // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 9. № 1. С. 119—133.
Gam V. I., Mikhailova V. E. (2018) Modern Forms of Organization of Teachers' Professional Development. *Russian Journal of Education and Psychology*. Vol. 9. No. 1. P. 119—133. (In Russ.)
 9. Горяйнова А., Дворецкая И., Кочак Э., Мерцалова Т., Савицкий К. Цифровое обновление российской школы. М.: НИУ ВШЭ, 2022. URL: [https://www.hse.ru/data/2022/09/06/1686227240/ib_18\(35\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/09/06/1686227240/ib_18(35)_2022.pdf) (дата обращения: 29.09.2023).
Goryainova A., Dvoretzkaya I., Kochak E., Mertsalova T., Savitsky K. (2022) Digital Renewal of the Russian School. Moscow: HSE. URL: [https://www.hse.ru/data/2022/09/06/1686227240/ib_18\(35\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/09/06/1686227240/ib_18(35)_2022.pdf) (accessed: 29.09.2023). (In Russ.)
 10. Гормин А. С. Управление мотивацией повышения квалификации учителей в опыте работы Новгородского института развития образования // Непрерывное образование: XXI век. 2016. № 1 (13). С. 61—70.
Gormin A. S. (2016). Management of Personal Motivation in the System of Teachers' Training: Experience of the Novgorod Institute of Education Development. *Life-long Education: The 21st century*. No. 1. P. 61—70. (In Russ.)
 11. Дворецкая И. В., Мерцалова Т. А. Российские школы через призму мониторинга цифровой трансформации образования (анализ различительных возможностей инструмента). М.: НИУ ВШЭ, 2020.
Dvoretzkaya I. V., Mertsalova T. A. (2020) Russian Schools through the Prism of Monitoring Digital Transformation of Education (Analyzing the Distinctive Capabilities of the Tool). Moscow: HSE. (In Russ.)
 12. Заир-Бек С., Анчиков К. Школьные учителя в изменяющихся условиях: адаптивность и готовность к инновациям. М.: НИУ ВШЭ, 2022. URL: [https://www.hse.ru/data/2022/07/19/1612090766/ib_15\(32\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/07/19/1612090766/ib_15(32)_2022.pdf) (дата обращения: 29.09.2023).
Zair-Beck S., Anchikov K. (2022) School Teachers in Changing Conditions: Adaptability and Readiness for Innovation. Moscow: HSE. URL: [https://www.hse.ru/data/2022/07/19/1612090766/ib_15\(32\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/07/19/1612090766/ib_15(32)_2022.pdf) (accessed: 29.09.2023). (In Russ.)
 13. Исаева Н. В., Каспржак А. Г., Кобцева А. А., Цатрян М. А. COVID-19: учение и обучение глазами родителей // Образовательная политика. 2020. № 3. С. 46—58.

- Isaeva N. V., Kasprzhak A. G., Kobtseva A. A., Tsatryan M. A. (2020) The School Barometer COVID-19: Teaching and Learning through the Eyes of Parents. *Educational Policy*. 2020. No. 3. P. 46—58. (In Russ.)
14. Кондратьев П. В. Особенности и факторы саморазвития личности учителя на этапах зрелого возраста: автореф. дисс. ... канд. псих. наук. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007.
Kondratyev P. V. (2007) Features and Factors of Self-Development of Teacher's Personality at the Stages of Mature Age. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Psychology. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute. (In Russ.)
15. Лаврентьева И. В., Цвелюх И. П. Предпочитаемые педагогами форматы повышения квалификации // Концепт. 2018. № 7. С. 1—16.
Lavrentieva I. V., Tsvelyukh I. P. (2018) Educators' Preferred Formats of Professional Development. *Concept*. No. 7. P. 1—16. (In Russ.)
16. Марголис А., Аржаных Е., Хуснутдинова М. Институционализация наставничества как ресурс профессионального развития российских педагогов // Вопросы образования. 2019. № 4. С. 133—159. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-4-133-159>.
Margolis A., Arzhanykh E., Khusnutdinova, M. (2019). Institutionalization of Mentoring as a Resource for Professional Development of Russian Teachers. *Educational Studies*. No. 4. P. 133—159. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-4-133-159>. (In Russ.)
17. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996.
Markova A. K. (1996) Psychology of professionalism. Moscow: International Humanitarian Foundation “Znanie”. (In Russ.)
18. Мерцалова Т., Сенина Н. Дистанционный режим как вызов для школьного образования. М.: НИУ ВШЭ, 2022. URL: [https://www.hse.ru/data/2022/05/31/1870885771/ib_6\(23\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/05/31/1870885771/ib_6(23)_2022.pdf) (дата обращения: 12.12.2023).
Mertsalova T., Senina N. (2022) Distance Mode as a Challenge for School Education. Moscow: HSE. URL: [https://www.hse.ru/data/2022/05/31/1870885771/ib_6\(23\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/05/31/1870885771/ib_6(23)_2022.pdf) (accessed: 12.12.2023) (In Russ.)
19. Мугинова Н. Х. Условия быта как фактор влияния на качество трудовой жизни городского учителя: на примере города Набережные Челны: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Казань: Казан. финансово-эконом. ин-т, 2009.
Muginova N. H. (2009) Living Conditions as a Factor of Influence on the Quality of Labor Life of Urban Teacher: The Example of the City of Naberezhnye Chelny: Extended Abstract of the PhD Dissertation in Social Sciences. Kazan: Kazan Financial and Economic Institute. (In Russ.)
20. Пинская М. А., Пономарева А. А., Косарецкий С. Г. Профессиональное развитие и подготовка молодых учителей в России // Вопросы образования. 2016. № 2. С. 100—124. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-2-100-124>.

- Pinskaya M. A., Ponomareva A. A., Kosaretsky S. G. (2016) Professional Development and Training of Young Teachers in Russia. *Educational Studies*. 2016. No. 2. P. 100—124. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-2-100-124>. (In Russ.)
21. Пинский А. А. Сон образовательной политики: Ночь перед Рождеством? М.: Яблоко, 1999.
Pinsky A. A. (1999) Dream of Educational Policy: The Night Before Christmas? Moscow: Yabloko. (In Russ.)
 22. Поташник М. М. Управление профессиональным ростом учителя в современной школе. М.: Центр педагогического образования, 2009.
Potashnik M. M. (2009) Management of Teacher's Professional Growth in a Modern School. Moscow: Center for Pedagogical Education. (In Russ.)
 23. Уваров А. Ю. Информатизация школы: Вчера, сегодня и завтра. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011.
Uvarov A. Yu. (2011) Informatization of School: Yesterday, Today and Tomorrow. Moscow: BINOM. Laboratory of Knowledge. (In Russ.)
 24. Уваров А. Ю., Вихрев В. В., Водопьян Г. М., Дворецкая И. В., Кочак Э., Левин И. Школы в развивающейся цифровой среде: Цифровое обновление и его зрелость // Информатика и образование. 2021. № 7. С. 5—28. <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2021-36-7-5-28>. (In Russ.)
Uvarov A. Y., Vikhrev V. V., Vodopian G. M., Dvoretzkaya I. V., Coceak, E., Levin, I. (2021) Schools in an Evolving Digital Environment: Digital Renewal and its Maturity. *Informatics and Education*. No. 7. P. 5—28. <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2021-36-7-5-28>. (In Russ.)
 25. Цветкова М. С. Информационная активность педагогов: методическое пособие // Успехи современного естествознания. 2010. № 12. С. 24—26.
Tsvetkova M. S. (2010) Informational Activity of Teachers: A Methodological Manual. *Advances in Current Natural Sciences*. No. 12. P. 24—26. (In Russ.)
 26. Ямбург Е. А. Управление развитием адаптивной школы. 2004. М.: Per Se.
Yamburg E. A. (2004) Management of Adaptive School Development. Moscow: Per Se. (In Russ.)
 27. Beaujean A. A. (2014). *Latent Variable Modeling Using R: A Step-by-Step Guide*. New York, NY: Routledge.
 28. Brecko B., Kampylis P, Punie Y. (2014) Mainstreaming ICT-Enabled Innovation in Education and Training in Europe: Policy Actions for Sustainability, Scalability and Impact at System Level. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
 29. Cuban L., Jandrić P. (2015) The Dubious Promise of Educational Technologies: Historical Patterns and Future Challenges. *E-Learning and Digital Media*. Vol. 12. No. 3—4. P. 425—439. <https://doi.org/10.1177/2042753015579978>.
 30. Fraillon J., Ainley J., Schulz W., Friedman T., Duckworth D. (2020) Preparing for Life in a Digital World: IEA International Computer and Information Literacy Study 2018 International Report. Cham: Springer.

31. Hall A. B., Trespalacios J. (2019) Personalized Professional Learning and Teacher Self-Efficacy for Integrating Technology in K-12 Classrooms. *Journal of Digital Learning in Teacher Education*. Vol. 35. No. 4. P. 221—235. <https://doi.org/10.1080/21532974.2019.1647579>.
32. Hämäläinen R., Nissinen K., Mannonen J., Lämsä J., Leino K., Taajamo M. (2021) Understanding Teaching Professionals' Digital Competence: What do PIAAC and TALIS Reveal about Technology-Related Skills, Attitudes, and Knowledge? *Computers in Human Behavior*. Vol. 117. Art. 106672. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106672>.
33. Kroutov V., Loginova O., Uvarov A. (2012) International ITL Research in Russia and Improvement of Classroom Practices. In: *Hawaii International Conference on Education, 2012 Conference Proceedings*. Honolulu. P. 3181—3189.
34. Krumsvik R. J. (2008) Situated Learning and Teachers' Digital Competence. *Education and Information Technologies*. Vol. 13. P. 279—290. <https://doi.org/10.1007/s10639-008-9069-5>.
35. Manson M., Law N., Pelgrum W. J., Plomp T. (eds.) (2008) *Pedagogy and ICT Use in Schools around the World: Findings from the IEA SITES 2006 Study*. Dordrecht: Comparative Education Research Centre.
36. Perry E. (2023) Teacher Professional Development in Changing Circumstances: The Impact of COVID-19 on Schools' Approaches to Professional Development. *Education Sciences*. Vol. 13. No. 1. Art. 48. <https://doi.org/10.3390/educsci13010048>.
37. Shear L., Gallagher L., Patel D. (2011) Innovative teaching and learning research 2011 Findings and implications. Microsoft Partners in Learning.
38. Vermunt J. K. (2010) Latent Class Modeling with Covariates: Two Improved Three-Step Approaches. *Political Analysis*. Vol. 18. No. 4. P. 450—469. <https://doi.org/10.1093/pan/mpq025>.
39. Weller B. E., Bowen N. K., Faubert S. J. (2020) Latent Class Analysis: A Guide to Best Practice. *Journal of Black Psychology*. Vol. 46. No. 4. P. 287—311. <https://doi.org/10.1177/0095798420930932>.

Приложение

Таблица 1. Переменные для построения латентной классовой модели

Переменная	Значения	Описание
P_SCH	1, проходил 0, не проходил	Прохождение курсов, включающих обучение использованию цифровых технологий, на базе школы
P_IRO	1, проходил 0, не проходил	Прохождение курсов, включающих обучение использованию цифровых технологий, на базе регионального ИРО/ИПК
P_INIT	0, никакие не проходили 1, самостоятельно нашел 2, направили на курсы 3, совместное решение с заместителем директора	Чья была инициатива, по которой учитель последний раз проходили курсы, включающие обучение использованию цифровых технологий (школьный руководитель/самостоятельно)
P_DIST	0, никакие не проходили 1, полностью дистанционный курс 2, некоторые занятия дистанционные 3, полностью очный курс	Применение дистанционных технологий при прохождении последний раз курсов, включающих обучение использованию цифровых технологий
N_COL	1, проходил 0, не проходил	Освоение за последний год новых способов использования цифровых технологий в процессе совместной работы с другими учителями
N_SEM	1, проходил 0, не проходил	Освоение за последний год новых способов использования цифровых технологий на семинарах
N_NET	1, проходил 0, не проходил	Освоение за последний год новых способов использования цифровых технологий в процессе участия в сетевых профессиональных группах, сообществах.
N_CONF	1, проходил 0, не проходил	Освоение за последний год новых способов использования цифровых технологий на конференциях.

Таблица 2. Показатели качества моделей с разным количеством классов

Число классов	log-likelihood	BIC	aBIC	cAIC	likelihood-ratio	Энтропия
1	-111152,51	222458,8	222407,9	222474,8	51050,762	-
2	-96021,12	192359,3	192254,5	192392,3	20787,978	1
3	-93598,55	187677,5	187518,6	187727,5	15942,835	0,849
4	-91926,77	184497,3	184284,4	184564,3	12599,291	0,868
5	-90451,46	181710,0	181443,1	181794,0	9648,659	0,883
6	-89388,64	179747,8	179426,8	179848,8	7523,018	0,844
7	-88880,17	178894,2	178409,8	179012,2	6506,075	0,846
8	-88457,64	178212,4	177564,8	178347,4	5661,021	0,845

Сокращения: AIC, информационный критерий Акаике; BIC, баесовский информационный критерий; aBIC, скорректированный BIC; cAIC- скорректированный информационный критерий Акаике

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа

Ковариата	Класс 2		Класс 3		Класс 4		Класс 5	
	Logit(SE)	OR	Logit(SE)	OR	Logit(SE)	OR	Logit(SE)	OR
Возраст	-0,1*(0,04)	0,9	0,1*(0,04)	1,11	-0,1*(0,03)	0,9	-0,16**(0,04)	0,85
Пол	0,12(0,09)	1,13	0,2(0,1)	1,22	0,32**(0,08)	1,38	0,17(0,1)	1,19
Дети	-0,11(0,06)	0,9	-0,03(0,06)	0,97	-0,18**(0,05)	0,84	-0,24**(0,06)	0,79
Общий опыт работы	0,32**(0,04)	1,38	0,11(0,04)	1,12	0,13**(0,04)	1,14	0,08(0,04)	1,08
Опыт работы в этой школе	0(0,03)	1	0,06(0,03)	1,06	0,07(0,03)	1,07	-0,05(0,03)	0,95
Уровень дохода	0,17**(0,03)	1,19	0,17**(0,04)	1,19	-0,11**(0,03)	0,9	-0,02(0,04)	0,98
Ответственный за цифровизацию в школе	0,02(0,06)	1,02	-0,26**(0,06)	0,77	0,06(0,05)	1,06	0,28**(0,07)	1,32
Месторасположение школы	-0,46**(0,11)	0,63	-0,83**(0,15)	0,44	-0,14*(0,09)	0,87	0,04(0,11)	1,04
Наличие стратегии цифровизации в школе	-0,5**(0,04)	0,61	0,23**(0,06)	1,26	-0,17**(0,04)	0,84	-0,25**(0,05)	0,78
Переход школы на дистант в первом полугодии 2020/21 уч. г.	0,17**(0,02)	1,19	0,14**(0,03)	1,15	-0,02(0,02)	0,98	-0,03(0,02)	0,97
Размер школы	0,03(0,08)	1,03	0,61**(0,11)	1,84	0,05(0,06)	1,05	-0,05(0,08)	0,95

Примечание. $N=15\,077$. Опорным классом является Класс 1. SE = стандартная ошибка; OR = отношение шансов. Возраст: менее 30 лет = 0; 30—39 лет = 1; 40—49 лет = 2; 50—59 лет = 3; 60—69 лет = 4; 70 лет и старше = 5,1; пол: женский = 0, мужской = 1; наличие детей до 18: да = 0, нет = 1; общий опыт работы: менее 1 года = 0; 1—5 лет = 1; 6—10 лет = 2; 11—20 лет = 3; более 20 лет = 4; опыт работы в этой школе: менее 1 года = 0; 1—5 лет = 1; 6—10 лет = 2; 11—20 лет = 3; более 20 лет = 4; уровень дохода: мы едва сводим концы с концами; денег не хватает даже на продукты = 0; на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения = 1; денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т. п.) является для нас проблемой = 2; мы можем покупать без затруднений такие вещи как холодильник или телевизор, но для нас затруднительно приобрести автомобиль = 3; мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что не стеснены в средствах = 4; мы можем покупать любые дорогие вещи, недвижимость и ни в чем себе не отказывать = 5; ответственный за цифровизацию в школе: нет = 0, да = 1; месторасположение школы: городская = 0, сельская = 1; наличие стратегии цифровизации в школе: отдельная программа = 0, есть раздел в общей комплексной программе = 1, нет = 2; переход школы на дистант в первом полугодии 2020/21 уч. г.: нет = 0, да = 1; размер школы: маленькая (< 100 учащихся) = 0, средняя (< 250 учащихся) = 1, большая (≥ 250 учащихся) = 2.

* $p < 0,01$. ** $p < 0,001$.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.4.2570](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2570)**Е. Д. Слободенюк, А. В. Каравай, С. В. Мареева****ВКЛЮЧЕННОСТЬ РОССИЯН В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ,
ФОРМИРУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ****Правильная ссылка на статью:**

Слободенюк Е. Д., Каравай А. В., Мареева С. В. Включенность россиян в образовательные практики, формирующие человеческий капитал // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 148—169. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2570>.

For citation:

Slobodenyuk E. D., Karavay A. V., Mareeva S. V. (2024) Participation of Russians in Educational Practices Forming Human Capital. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 148–169. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2570>. (In Russ.)

Получено: 14.02.2024. Принято к публикации: 12.07.2024.

ВКЛЮЧЕННОСТЬ РОССИЯН В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ, ФОРМИРУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: eslobodenyuk@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4255-5050>

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: akaravay@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3122-4819>

МАРЕЕВА Светлана Владимировна — кандидат социологических наук, заведующий Центром стратификационных исследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: smareeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2057-8518>

Аннотация. Инвестиции населения в человеческий капитал обычно оцениваются с помощью расходов на образование, но этот подход имеет свои ограничения, поскольку соответствующие затраты могут быть не денежными, а временными. В данном исследовании авторы обращаются к анализу включенности взрослого населения страны в широкий спектр образовательных практик, а затем фокусируются только

PARTICIPATION OF RUSSIANS IN EDUCATIONAL PRACTICES FORMING HUMAN CAPITAL

Ekaterina D. SLOBODENYUK^{1,2} — *Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher at the Centre for Stratification Studies, Institute for Social Policy; Senior Researcher*
E-MAIL: eslobodenyuk@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4255-5050>

Anastasia V. KARAVAY^{1,2} — *Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher at the Centre for Stratification Studies, Institute for Social Policy; Senior Researcher*
E-MAIL: akaravay@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3122-4819>

Svetlana V. MAREEVA^{1,2} — *Cand. Sci. (Soc.), Director of the Centre for Stratification Studies, Institute for Social Policy; Leading Researcher*
E-MAIL: smareeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2057-8518>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. The population's investment in human capital is usually measured by estimating expenditure on educational services. However, this approach has its limitations, including the fact that investments may be of time rather than of financial nature. Authors of this study turn to the analysis of the participation of the adult population in a wide range of educational practices, and then focus only on those aimed at improving skills and knowledge that poten-

на тех из них, которые нацелены на повышение навыков и знаний, приносящих потенциальную отдачу на рынке труда. Эмпирической базой выступают данные проекта «Выборочное наблюдение участия населения в непрерывном образовании» Росстата за 2020 г. Включенность в разнообразные образовательные практики не так широко распространена среди россиян; еще реже наблюдается вовлеченность в те формы получения знаний, которые связаны с повышением своего профессионального уровня. При этом далеко не все из них воспринимаются как инвестиции в человеческий капитал самим населением. Результаты регрессионного анализа показывают, что включенность в образовательные практики, формирующие человеческий капитал, во многом детерминирована особенностями положения работника на рынке труда и «требованиями профессии» — уровнем образования, его профилем, профессиональной позицией. Влияют на этот выбор и внешние факторы структурного характера, связанные с характеристиками предприятия и отрасли, а также спецификой локальных рынков труда.

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий потенциал, образовательные практики, инвестиции времени, неравенство

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Введение

Сложная экономическая ситуация, в которой оказалась сегодня Россия, в очередной раз актуализирует необходимость привлечения внимания к человеческому капиталу населения как одному из ключевых факторов, способствующих или препятствующих реализации выбранного страной вектора экономического и со-

tially yield returns in the labor market and can therefore be interpreted as investments in human capital. The empirical basis of the analysis is the data from the Rosstat population survey “Sample Survey of Population Participation in Continuing Education” for 2020. The results of the study show that, in general, participation in educational practices is not so widespread among Russians. At that, participation in the practices that are associated with investments in the human capital is even less common. Moreover, not all of them are perceived as such by the population itself. The results of the regression analysis show that the involvement in improving one's professional level is largely determined by the peculiarities of the employee's position in the labor market and the requirements of the profession — the level of education, its specialization, professional position. This choice is also influenced by external factors of a structural nature related to the characteristics of the enterprise and the industry, as well as the specifics of local labor markets.

Keywords: human capital, human potential, educational practices, time investment, inequality

Acknowledgments. The study was carried out within a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant Agreement No. 075-15-2022-325).

циального развития. Важную роль здесь играет не только накопленный человеческий капитал, но и практики россиян по его поддержанию и наращиванию.

Инвестиции населения в человеческий капитал обычно оцениваются с помощью расходов на образование. Однако этот подход имеет свои ограничения, связанные с тем, что соответствующие затраты могут носить не денежный, а временной характер. Другой возможный подход — это анализ включенности в образовательные практики, которые формируют или поддерживают человеческий капитал вне зависимости от того, являются ли они платными или бесплатными. Такие инвестиции своего времени могут как дополнять денежные инвестиции в человеческий капитал, так и частично или даже полностью замещать их.

В данном исследовании мы обращаемся к анализу включенности взрослых россиян в образовательные практики разных видов. Сначала мы рассматриваем широкий спектр образовательных практик, описывая как общую картину, сложившуюся в российском обществе, так и существующую дифференциацию в этом отношении между различными группами населения. Затем мы фокусируемся исключительно на практиках, нацеленных на повышение навыков и знаний, которые с наибольшей вероятностью могут приносить отдачу на рынке труда и, следовательно, трактоваться как инвестиции в человеческий капитал. Мы анализируем практики в контексте неравенства положения на рынке труда, выявляя факторы, влияющие на вовлеченность в них или отказ от их использования.

Теоретической рамкой исследования служит теория человеческого капитала в его классическом понимании. Эмпирической базой выступают данные проекта «Выборочное наблюдение участия населения в непрерывном образовании» — широкомасштабного исследования, проводимого Росстатом один раз в пять лет. Оно репрезентирует население, входящее в состав рабочей силы¹, по регионам, типам поселений и возрасту за 2020 г. В данном исследовании использовалась последняя доступная на момент анализа база данных (за 2020 г.), скорректированная по нижней границе возраста: говоря о взрослых россиянах, мы рассматриваем население 18 лет и старше. Определенная таким образом выборка исследования составила более 215 тыс. человек.

Теоретико-методологические основания анализа включенности населения в образовательные практики, формирующие человеческий капитал

При характеристике теоретико-методологических оснований исследования нужно остановиться в первую очередь на самом понятии «человеческий капитал». В классическом его понимании, представленном в работах Г. Беккера, Т. Шульца и Дж. Минцера [Becker, 1993; Schultz, 1961; Mincer, 1962], описывающих процессы на рынке труда в контексте постиндустриальной экономики, *человеческий капитал* подразумевает под собой знания и навыки работника. Эти знания и навыки выступают для работника ключевым активом, который, по аналогии с другими видами капиталов, приносит ему доходы в виде отдачи/ренды, являясь фактором

¹ Согласно методике Росстата в состав рабочей силы включаются занятые (выполняли в течение недели хотя бы час любую деятельность (производство товаров или оказание услуг) за оплату или прибыль) и безработные (не имели работы, искали ее и были готовы приступить к ней в течение недели). URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/inobr2020/index.html (дата обращения: 18.08.2024).

производства для экономики в целом. Для оценки объема этого типа капитала могут быть использованы показатели полученного уровня образования, количества лет обучения и переобучения, годы трудового стажа в целом или на последнем месте работы (при оценке специфического человеческого капитала) и т. д., то есть показатели, косвенно или напрямую связанные со временем. Соответствующие затраты времени в развитых странах при единых стандартах образования и схожих профессиональных стандартах действительно говорят о дифференциации уровня человеческого капитала. Однако дальнейшие инвестиции в поддержание или повышение его уровня обычно оцениваются через призму расходов на платные услуги, прежде всего образовательные и оздоровительные. В рамках классической теории предполагается, что, принимая решение об инвестициях в человеческий капитал, индивиды оценивают соответствующие текущие затраты в сравнении с их отдачей в будущем.

Дальнейшие исследования в этом направлении позволили предложить модели, показывающие отдачу человеческого капитала, и оценить эту отдачу в условиях различных обществ и в разных группах, в том числе с включением в анализ дополнительных факторов. Широко известное уравнение Дж. Минцера, представленное в литературе в большом количестве различных спецификаций, показывает монетарную отдачу на каждый дополнительный год обучения в виде роста заработной платы и, следовательно, может быть использовано для оценки рациональности инвестиций населения в человеческий капитал при различных условиях. Подчеркнем, что в уравнении Дж. Минцера уровень человеческого капитала также замеряется с помощью оценки времени, потраченного на обучение (в годах), хотя результаты эмпирических исследований показывают и важность учета неоднородности качества образования, полученного за одинаковое время.

Проблематика человеческого капитала прочно заняла свое место и в российской повестке. Важную роль в этом сыграл тот факт, что человеческий капитал начал рассматриваться как ресурс, позволяющий не только повысить доходы населения, но и обеспечить устойчивое развитие страны на макроуровне [Как сделать образование..., 2019]. В российском научном дискурсе с проблематикой человеческого капитала работают прежде всего экономисты, оценивающие отдачу от разных типов образования в стране, в том числе в динамике [Капелюшников, 2021; Лукьянова, 2010; Рожкова и др., 2021; Ощепков, 2010]. Однако в последние годы в этой сфере появился и ряд работ социологического характера, в фокусе которых находятся человеческий капитал и практики инвестирования в него отдельных групп, прежде всего социально-профессиональных [Тихонова, 2017; Тихонова, Каравай, 2017; Каравай, 2021; Человеческий капитал..., 2023]. Особое внимание также зачастую привлекает средний класс как социальный субъект, который объединяет в себе россиян с человеческим капиталом наиболее высокого качества и должен обеспечивать его воспроизводство. Именно поэтому инвестиции среднего класса в человеческий капитал также являлись предметом ряда работ в последние годы [Пишняк и др., 2020; Мареева, 2012].

Еще одно важное направление анализа, на которое мы опираемся в данной работе, — это изучение непрерывного образования в течение жизни (Life-long learning). Данная тематика находится в мейнстриме современных исследований

и тесно связана с парадигмой обучающегося общества (*learning society*), где акцент смещается с формального образования на навык обучения и самостоятельное освоение знаний каждым человеком. Концепция непрерывного образования подразумевает интеграцию образовательных процессов как между различными его этапами, так и между разными аспектами обучения, которая выходит за рамки учебных заведений и проходит на работе, в семье и т. д. Концепция непрерывного образования была впервые представлена ЮНЕСКО еще в 1960-х годах прошлого века, и с тех пор находится в фокусе исследований, основные направления среди которых — это образование взрослых граждан и различные институты получения образования в течение жизни [Aspin, Chapman, 2000; Field, 2000; Laal, 2011]. Исследования в рамках этого направления ведутся и в России [Век живи — век учись..., 2019]. Однако нужно отметить, что терминология еще не устоялась и, что более важно, сами подходы отличаются разнообразием. Так, изучаться могут дополнительное профессиональное образование, образование взрослых и др. [Зайцева, 2009; Каравай, 2016].

Если же говорить именно о затратах времени взрослых на накопление и поддержание человеческого капитала, то наиболее близкое тематическое поле — это исследования бюджетов времени, позволяющие сопоставить затраты на разные типы деятельности [Социальная защита..., 2022]. Однако затраты времени на формирование или поддержание человеческого капитала обычно не становятся отдельным предметом анализа в рамках данного направления. Мы стремимся восполнить этот пробел в рамках настоящей статьи.

Данные обследования Росстата «Выборочное наблюдение участия населения в непрерывном образовании»² фиксируют случаи участия населения в непрерывном образовании за 12 месяцев, предшествующих исследованию. В качестве трех типов непрерывного образования рассматриваются:

1) *самообразование* (необходимое для удовлетворения потребностей человека в культурном, духовно-нравственном, физическом и прочем самосовершенствовании);

2) *обучение по дополнительным образовательным программам и программам профессионального обучения* (нацеленное на освоение компетенций, необходимых для исполнения трудовых и служебных функций);

3) *обучение по основным образовательным программам* (в колледже / ПТУ / высшем учебном заведении).

В рамках каждого типа представлен широкий спектр разных видов соответствующих практик.

Включенность российского населения в различные виды образовательных практик

Общее распределение по всем видам образовательных практик приведено в таблице 1. Сразу отметим, что доли по населению в целом в некоторых случаях недостаточно информативны. Так, курсы повышения квалификации актуальны для работающих или активно ищущих работу граждан, а обучение по общеобра-

² Исчерпывающую информацию об исследовании см.: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/inobr2020/index.html (дата обращения: 12.07.2024).

зовательным программам в силу особенностей жизненного цикла свойственно по большей части молодежи. С учетом этих особенностей в таблице 1 приводятся данные не только по населению в целом, но и по некоторым отдельным категориям, связанным с возрастом, наличием профессионального образования и занятости.

Таблица 1. **Включенность в различные виды образовательных практик в различных категориях населения, Росстат, 2020 г., %**

Виды образовательных практик	Все совершеннолетние	Имеющие профессиональное образование*	Занятые	Незанятые	Экономически неактивные
Самообразование					
Обучение, освоение нового при участии друзей, коллег, членов семьи	6,1	6,7	7,1	6,5	4,4
Изучение профессиональных книг, журналов	6,7	7,9	8,6	5,6	3,6
Прослушивание / просмотр передач учебного характера в сети интернет / на компьютере	14,3	15,2	16,8	18,5	9,5
Прослушивание или просмотр передач учебного характера иным способом	5,5	5,6	5,5	6,2	5,5
Посещение с экскурсоводом музеев, исторических, природных и прочих объектов	3,3	4,0	3,9	2,7	2,5
Посещение просветительских мероприятий в библиотеках, лекториях и т. п.	3,0	3,4	3,1	3,1	2,9
<i>Хотя бы что-то одно из перечисленного выше**</i>	26,4	29,0	30,4	29,1	19,3
Дополнительное обучение					
Повышение квалификации, проф. переподготовка (руководители и специалисты)***	2,6	3,7	4,3	0,0	0,0
Повышение квалификации, проф. переподготовка (рабочие, служащие)***	1,5	1,8	2,3	1,1	0,2
Обучение вождению транспортных средств	1,4	1,3	1,5	2,4	1,0
Освоение проф. навыков на своем рабочем месте под руководством наставника	1,2	1,3	1,9	0,6	0,0
Обучение технике безопасности, охране труда, пожарной безопасности и пр.	11,4	13,4	18,7	1,7	0,1
Участие в чемпионатах «Молодые профессионалы» (Worldskills Russia)	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Профессиональные тренинги, семинары, конференции, мастер-классы, стажировки	3,5	4,4	5,2	2,4	0,6
Курсы иностранных языков	0,7	0,6	0,7	0,8	0,6
Курсы по освоению компьютера, программ, практике использования сети интернет	0,9	0,9	1,0	1,2	0,7
Курсы вязания, шитья, фото- / видеосъемки, рисования, обучения музыке и пр.	0,6	0,6	0,5	1,0	0,7

Виды образовательных практик	Все совершеннoлетние	Имеющие профессиональное образование*	Занятые	Незанятые	Экономически неактивные
Курсы финансовой и бюджетной грамотности, грамотности в ЖКХ, гос. услуг и т. п.	0,5	0,7	0,8	0,6	0,1
В специализированных организациях (музыкальной / балетной школе и т. п.)	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Занятия по физической культуре под руководством инструктора, тренера	1,4	1,5	1,5	1,9	1,2
<i>Хотя бы что-то одно из перечисленного выше**</i>	22,0	25,2	32,5	12,5	5,1
Основное обучение					
Получение основного общего или среднего общего образования	0,2	0,0	0,0	0,3	0,4
Получение среднего профессионального образования	1,8	0,9	1,0	4,2	3,1
Получение высшего образования	4,1	1,8	2,3	7,2	6,7
<i>Хотя бы что-то одно из перечисленного выше</i>	6,1	2,7	3,3	11,7	10,2
Общая включенность в разные типы образовательных практик					
<i>0 (не включались ни в один тип практик из трех вышеперечисленных)</i>	59,6	56,4	50,2	61,1	75,6
<i>1 тип</i>	27,7	31,1	34,5	26,8	16,4
<i>2 типа</i>	11,2	11,8	14,4	9,9	5,9
<i>3 типа</i>	1,5	0,7	1,0	2,2	2,2

* В данную категорию включены все россияне, получившие образование сверх среднего общего (среднее специальное / высшее).

** Значения в данных строках не соответствуют сумме по всем вышеприведенным видам практик в рамках категории, так как один человек мог в течение года включаться в несколько видов практик в рамках одного их типа.

*** Специализированные программы для соответствующих категорий работников.

Данные показывают, что из трех перечисленных выше типов наиболее распространено **самообразование**, которым занимается примерно четверть взрослых россиян (26,4%). В данную категорию входят такие виды активности, как изучение вопросов поддержания здоровья, просмотр экспозиций музеев, посещение культурных мероприятий, освоение навыков прикладного творчества и многое другое (полный перечень представлен в таблице 1). В течение года каждый четвертый россиянин использовал свое время для духовно-нравственного, физического, культурного самосовершенствования. Участие в **дополнительном обучении** распространено примерно так же широко и охватывает 22,0% россиян (если учитывать только занятых россиян, для которых это наиболее актуально, то охват еще выше — 32,5%). В данную категорию попадают все россияне, которые за истекший до исследования год прошли хотя бы один курс повышения квалификации, профессиональный тренинг, обучались на курсах компьютерной грамотности, иностранного языка и прочее. Так как в фокусе исследования находятся совершеннoлетние россияне, **получение основного образования** наименее распространено из трех типов образовательных практик и характеризует всего 6,1% из их числа. В общей же сложности хотя бы в один из трех указанных типов образова-

тельной активности за год были включены 40,4% взрослого населения. Иными словами, 6 из 10 россиян вообще не вкладывают свое время в те или иные виды образовательной деятельности.

Более четверти взрослых россиян (27,7%) выбирают для себя единственный вид активности (например, учатся в вузе и не нагружают себя дополнительно чем-либо другим или проходят курсы повышения квалификации от работодателя, не тратя свободное время на получение второго высшего образования / на самообразование). При этом, однако, среди них есть и те, кто осуществляют сразу два разных типа активности (11,2%), и даже три типа (хотя это скорее исключение — 1,5%)³.

Из таблицы 1 видно несколько особенностей. Во-первых, стоит отметить, что россияне, не входящие в состав экономически активного населения, реже включены в какие-либо образовательные практики, даже не связанные напрямую с трудовой деятельностью (например, развитие творческих навыков или расширение кругозора). В то время как на самообразование (которое, как отмечено выше, является самым распространенным типом образовательных практик) свое время тратит хотя бы один из четырех россиян, а в некоторых категориях даже каждый третий, среди не входящих в экономически активное население таковых лишь один из пяти. Во-вторых, наиболее активно в образовательных практиках участвуют работающие россияне. Практически по всем видам практик из перечисленных в таблице их активность превышает среднее по населению в целом. В-третьих, практически все виды образовательных практик распространены довольно слабо: на различные виды самообразования (за исключением лишь одного вида, о котором скажем ниже) свое время тратят не более 8% россиян, к какой бы социально-экономической группе они ни относились. К различного рода способам повышения своего профессионального уровня (вновь не считая лишь одного вида инвестиций, о чем будет сказано ниже) прибегают и того меньше — не более 1,5% каждой из групп. Получение профессионального образования сверх уже имеющегося распространено столь же слабо. Даже среди работающих россиян практически две трети (62,5%) не включены в какие-либо образовательные практики, связанные с дополнительным образованием. В-четвертых, выделяются два наиболее распространенных вида образовательных практик: прослушивание или просмотр видео- и аудиокурсов в интернете, а также прослушивание обязательных по законодательству (согласно ст. 219 ТК РФ) курсов по охране труда — технике безопасности, пожарной безопасности и т. д. Если первый в ряде случаев можно отнести к формированию человеческого капитала, то второй является скорее формальностью.

Кратко обозначим различия между россиянами, включенными и не включенными в образовательные практики (см. табл. 2). Из таблицы 2 видно, что среди россиян, включенных в те или иные образовательные практики, больше трудоустроенных, занимающих более высокие профессиональные позиции (умствен-

³ Отметим, что данные числа отражают включенность в тот или иной тип активностей, но не их интенсивность. Например, россиянин, прошедший за год три курса повышения квалификации от работодателя, но не занимавшийся самообразованием и не проходивший обучения по общеобразовательным программам, попадает в категорию тех, кто за прошедший год осуществлял только один тип активности.

ного квалифицированного труда) и имеющих более высокий уровень образования. Неактивные в отношении образовательных практик во многом повторяют общестрановой портрет. Данные используемого обследования предоставляют довольно скромный перечень социально-демографических показателей, подходящих для анализа, но даже из них видно, что выбор инвестировать свое свободное время «в себя» (то есть в образование в его разных формах) нетипичен для россиян в целом и характерен только для определенных категорий населения. Он требует более детального анализа приводящих к нему факторов, который будет представлен далее.

Таблица 2. Характеристики россиян, включенных и не включенных в различные образовательные практики, Росстат, 2020 г., %

	Включенность в образовательные практики		В среднем
	Не включенные	Включенные	
Тип поселения по месту проживания			
Города	71,9	80,0	75,2
Села	28,1	20,0	24,8
Возраст			
Трудоспособный	56,8	85,3	68,3
Старше трудоспособного	43,2	14,7	31,7
Пол			
Мужской	44,4	46,2	45,1
Женский	55,6	53,8	54,9
Уровень образования			
Высшее	22,0	37,0	28,1
Среднее специальное	45,0	39,6	42,8
Среднее и ниже	33,0	23,4	29,1
Участие в составе рабочей силы			
Занятые	50,8	74,6	60,4
Безработные	4,1	3,9	4,0
Не входящие в состав рабочей силы	45,1	21,5	35,6
Профессиональный статус по классификатору ОКЗ-2014*			
Руководители	5,3	6,0	5,7
Профессионалы	19,9	32,4	26,1
Полупрофессионалы	12,4	15,2	13,8
Служащие	2,9	2,7	2,8
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	16,7	13,7	15,2
Квалифицированные рабочие	32,7	25,1	28,8
Неквалифицированные рабочие	10,1	4,9	7,6
<i>Справочно</i>			
<i>Доля группы в составе населения</i>	<i>59,6</i>	<i>40,4</i>	<i>100</i>

* ОК 010—2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 N 2020-ст). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/ (дата обращения: 22.08.2024).

Инвестиции россиян в профессиональные навыки: особенности и факторы

Выше мы показали общую картину включенности населения в образовательные практики. Однако далеко не все практики, представленные в инструментарии обследования, направлены на получение навыков и знаний, которые могут приносить отдачу на рынке труда. Далее мы фокусируемся только на видах образовательных практик, с наибольшей вероятностью нацеленных на формирование навыков и приобретение знаний, которые могут выступать как ресурс производства и приносить их обладателям ренту на рынке труда. Иными словами, далее мы переходим к инвестициям населения в человеческий капитал.

В качестве соответствующих видов образовательных практик для дальнейшего анализа были отобраны следующие:

- повышение квалификации и профессиональная переподготовка для различных категорий работников;
- освоение профессиональных навыков на рабочем месте под руководством наставника;
- профессиональные тренинги, семинары, конференции, мастер-классы, стажировки;
- изучение иностранных языков;
- обучение компьютерной грамотности и использованию интернета;
- самостоятельное изучение профессиональной литературы⁴.

Начнем анализ с вопроса о том, что мотивирует россиян инвестировать время в эти виды образовательных практик, связанные с формированием и поддержанием человеческого капитала, и как такие затраты времени соотносятся с денежными (см. табл. 3).

Причиной включения в практики, формирующие и поддерживающие человеческий капитал, в большинстве случаев выступала *инициатива работодателя*. Лишь в четверти случаев инициатива исходила от самих россиян (27,9%). По личной инициативе россияне чаще всего изучают иностранные языки (в 9 из 10 случаев) или осваивают цифровые навыки (примерно в 6 случаях из 10). Любопытно, что к повышению квалификации и профессиональной подготовке, которые напрямую могут приносить отдачу в виде роста доходов, прибегают по личной инициативе только 13—16%. Члены семьи почти никогда не выступают инициаторами профессионального обучения. Эти данные позволяют сделать вывод, что сами работающие россияне, за редкими исключениями, обычно не склонны рассматривать инициативное повышение квалификации как рациональный выбор для своего трудового пути и осуществляют его в большей степени под влиянием внешних требований со стороны работодателя. Необходимыми навыками, без которых трудно сохранять конкурентоспособность и выполнять трудовые функции, как видим, выступает только цифровая грамотность, а также владение языками (однако этот выбор, как будет показано ниже, в меньшей мере связан с соображениями отдачи на рынке труда, чем с другими факторами).

⁴ Эта образовательная практика будет включена в анализ далее (на этапе построения регрессии). Вопросы о мотивации и оплате, которым уделяется внимание в статье до рассмотрения результатов регрессионного анализа, в отношении нее не задавались.

Таблица 3. **Мотивация, источники финансирования и цели россиян, включающихся в различные виды образовательных практик, связанных с инвестициями в человеческий капитал, Росстат, 2020 г., %**

Характеристики включения в образовательные практики	Виды образовательных практик						
	Повышение квалификации, проф. переподготовка (руководители и специалисты)	Повышение квалификации (рабочие, служащие)	Освоение проф. навыков на своем рабочем месте под руководством наставника	Профессиональные тренинги, семинары, конференции, мастер-классы, стажировки	Курсы иностранных языков	Курсы по освоению компьютера, программ, интернета	В среднем (среди россиян, входящих в состав рабочей силы)
	Цель (допускалось более одного ответа)						
Устройство на работу, получение новой работы	2,6	8,3	32,5	6,7	12,1	12,3	9,0
Повышение заработной платы	16,5	18,9	10,8	13,2	9,1	7,0	14,2
Продвижение по службе	21,8	18,2	10,9	15,7	9,9	11,9	16,9
Достижение более высоких результатов работы	50,0	40,5	36,5	49,1	18,4	30,8	44,2
Получение новых знаний	55,7	42,7	40,0	58,5	55,0	57,0	53,1
Расширение круга общения, появление новых знакомств, установление новых контактов	4,6	2,5	3,9	10,4	20,8	11,4	7,3
Расширение кругозора, повышение культурного уровня, развитие повседневных навыков и т. п.	6,7	4,7	5,0	11,3	25,8	15,7	9,2
Другая цель	6,2	7,0	6,8	4,3	8,3	9,3	6,0
	Источник информации (допускалось более одного ответа)						
Родственники, знакомые	2,4	5,2	6,8	7,7	33,2	21,3	7,7
Организация (работодатель)	86,4	84,6	86,4	65,9	11,3	36,3	72,6
Служба занятости	1,1	2,3	1,0	1,1	1,6	3,1	1,4
Образовательные организации	6,1	2,8	2,0	5,8	12,0	8,5	5,5
Телевидение, радио, журналы, газеты, рекламные материалы	0,9	2,0	1,5	3,5	7,1	6,1	2,6
Сеть Internet, социальные сети	4,0	3,6	2,2	19,1	37,8	23,5	11,7
Социальные службы	0,2	0,2	0,0	0,5	2,2	1,1	0,4
Другой источник	1,9	2,3	2,7	2,3	4,6	8,1	2,7
	Инициатор (один вариант ответа)						
Сам респондент	12,5	15,8	15,9	36,0	86,3	63,5	27,9
Члены семьи	0,7	1,2	2,0	1,2	2,9	2,3	1,3
Организация (работодатель)	84,4	80,5	79,2	61,5	9,0	31,0	68,7
Другой инициатор	2,4	2,5	2,9	1,3	1,8	3,2	2,1

Характеристики включения в образовательные практики	Виды образовательных практик						
	Повышение квалификации, проф. переподготовки (руководители и специалисты)	Повышение квалификации (рабочие, служащие)	Освоение проф. навыков на своем рабочем месте под руководством наставника	Профессиональные тренинги, семинары, конференции, мастер-классы, стажировки	Курсы иностранных языков	Курсы по освоению компьютера, программ, интернета	В среднем (среди россиян, входящих в состав рабочей силы)
	<i>Место прохождения обучения (один вариант ответа)</i>						
Своя организация	27,5	45,5	88,8	33,8	3,9	21,1	37,4
Другая организация (за исключением образовательной)	23,9	21,2	3,4	29,4	12,6	16,6	22,3
Образовательная организация высшего образования	28,1	12,1	1,4	7,2	9,5	5,3	13,4
Иная образовательная организация	15,7	15,7	0,9	13,8	19,9	17,3	13,8
Библиотека, клуб, культурный или физкультурно-оздоровительный центр	0,3	0,4	0,5	1,4	1,1	3,6	0,9
Частный преподаватель	0,5	0,9	1,7	4,2	39,5	5,5	4,0
Другое место	4,1	4,3	3,4	10,2	13,5	30,7	8,2
	<i>Источник финансирования (один вариант ответа)</i>						
Сам респондент/ члены семьи	12,0	14,5	6,3	29,4	81,2	43,2	22,8
Организация (работодатель)	78,0	73,2	56,1	54,1	8,6	27,8	60,5
Служба занятости, другая государственная организация	0,9	2,3	0,4	1,0	1,3	2,3	1,2
Несколько источников (софинансирование)	1,6	0,9	0,8	1,7	1,7	2,3	1,5
Оплата обучения не предусмотрена (благотворительность, волонтерское обучение)	6,4	8,0	33,9	12,4	4,0	17,2	12,2
Другой источник	1,1	1,2	2,5	1,4	3,3	7,2	1,8

Примечание. Фоном выделены ячейки, значения в которых превышают средние более чем на 5%; красным шрифтом выделены значения, которые превышают средние в 1,5 раза и более.

Основным источником информации о возможностях включения в образовательные практики, которые можно рассматривать как инвестиции в свой человеческий капитал, также выступает работодатель. Особенно это видно из данных по тем россиянам, которые проходили курсы повышения квалификации (84,6—86,4% получили соответствующую информацию от работодателя), а также осваивали трудовые навыки на рабочем месте (86,4%). Второй значимый источник информации — интернет. Каждый пятый, прошедший профессиональные тренинги или стажировки, посетивший семинары, конференции или мастер-классы, нашел информацию о мероприятии в глобальной сети. Довольно часто там же россияне ищут и возможности для обучения языкам и компьютерной грамотности; для этих видов образования (в силу их инициирования самими россиянами) нередким источником становятся знакомые.

Важно, что восприятие выбора о включении в те или иные образовательные практики и затрат своего времени на них именно как инвестиций, направленных на получение финансовой отдачи, редко встречается среди россиян. Эту мотивацию озвучили не более 20% (значения колеблются от 7,0% до 18,9% в зависимости от конкретного вида обучения, в среднем — 14,2%). Вопрос подразумевал возможность выбора нескольких подходящих ответов, потому этот ответ можно считать исчерпывающим. Однако даже если учесть, что такие варианты ответов, как «устройство на работу» и «продвижение по службе», также могут подразумевать отдачу на рынке труда, их распространенность тоже невелика (в среднем — 9,0% и 16,9% соответственно). Любопытно отметить, что эти три цели не выступают для населения ключевыми ни в тех видах обучения, которые напрямую связаны с рабочим местом (повышение квалификации, переквалификация, освоение рабочих навыков), ни в тех из них, которые россияне иницируют сами (изучение языков, освоение компьютерной грамотности). Основными целями дополнительного обучения россияне чаще называют «получение новых знаний» и «достижение более высоких результатов работы» (53,1% и 44,2% соответственно).

На общем фоне выделяется обучение на рабочем месте, которое зачастую рассматривается как этап освоения профессии и необходимость для получения работы. Похоже, это те виды рабочих мест, где предварительное обучение предусмотрено рабочим процессом.

Говоря же о двух видах инвестиций, которые чаще всего иницируются самим населением, — освоение языков и компьютерной грамотности, — стоит отметить, что в значительной части случаев россияне мотивированы целями из личной сферы: повышением общего культурного уровня, расширением кругозора, облегчением своей повседневной жизни или расширением своих социальных сетей (в случае изучения иностранных языков 25,8% и 20,8%, а в случае изучения компьютера — 15,7% и 11,4% соответственно).

Анализ источников финансирования приводит к результатам, логично согласующимся с предыдущими: те виды инвестиций, которые иницируются работодателем, обычно и оплачиваются им, в то время как остальные зачастую финансируются за счет личных средств. Отсутствие ожиданий финансовой отдачи при включении россиян в образовательные практики дестимулирует их расходовать собственные денежные средства. Так, на повышение квалификации или переквалификацию собственные средства тратили менее 15% «инвестирующих в себя»; на обучение на рабочем месте и того меньше — 6,3%. Чаще всего самостоятельно оплачиваются курсы иностранного языка, сравнительно часто — обучение компьютерной грамотности (81,2% и 43,2% соответственно).

Интересно, что некоторые виды обучения в принципе рассматриваются как не имеющие источника финансирования, то есть «бесплатные». Так рассуждает, например, каждый третий россиянин, осваивающий профессиональные навыки на рабочем месте (не учитывая, видимо, те затраты на обучение, которые несет при этом работодатель).

С точки зрения того, где именно россияне проходят обучение, следует отметить наибольшую вариативность ситуаций. Вид обучения, предоставляемый преимущественно работодателем, — это обучение новых сотрудников навыкам исполнения

трудовых обязанностей под руководством наставника (9 из 10 случаев). Для повышения квалификации или переквалификации сотрудников работодатели нередко прибегают к помощи сторонних организаций. Причем если нужно переобучить/переквалифицировать рабочего или служащего/клерка, то работодатель чаще берет эту задачу на себя (практически в половине случаев), а когда дело касается специалистов высшей квалификации или руководителей, то сам работодатель берется за это уже лишь в четверти случаев, делегируя задачу в большинстве случаев сторонним организациям, нередко — вузам. Изучение же иностранных языков обычно осуществляется через частное репетиторство (в остальном эта форма как способ обучения взрослых распространена довольно слабо). Не выступают местами профессионального обучения также и клубы, библиотеки, культурные центры.

Таким образом, полученные результаты не позволяют рассматривать затраты времени взрослых россиян на обучение как рациональный выбор самого населения инвестировать в свой человеческий капитал, даже если ограничить анализ только теми видами обучения, которые с наибольшей вероятностью могут приносить отдачу на рынке труда; это скорее результат внешних требований. Единственное, что население реализует самостоятельно, без дополнительного стимулирования, — это освоение навыков, без которых сложно вести полноценную жизнь и решать текущие задачи, в том числе быть конкурентоспособными на рынке труда (освоение языков, компьютера и интернета). Такие результаты ставят методологические вопросы о корректных замерах инвестиций в человеческий капитал со стороны государства, работодателей и самих работников.

Положение в системе неравенств и его влияние на интенсивность и формы накопления человеческого капитала по-разному концептуализируются в литературе, однако ключевой идеей выступает следующая: инвестиции в человеческий капитал в наибольшей степени рациональны для тех групп, которые могут получить от них отдачу на рынке труда (здесь вновь уместно вспомнить о среднем классе, чьи доходы представляют собой отдачу на их ключевой актив — человеческий капитал, по сравнению, например, с рабочими, получающими отдачу на физический труд). Развивая этот сюжет в рамках данного исследования, далее мы обращаемся к вопросу о том, как ситуация на рынке труда влияет на выбор работников о включении их в образовательные практики, которые можно рассматривать как инвестиции в человеческий капитал, поскольку эти инвестиции должны быть опосредованы отдачей именно на рынке труда.

Анализ влияния положения на рынке труда на инвестиции россиян в профессиональные навыки

Выше была продемонстрирована вариативность выбора населения в отношении включенности в те или иные практики, формирующие человеческий капитал. Целью дальнейшего анализа стало выявление сравнительной значимости влияния структурных факторов, задающих конфигурацию неравенства на рынке труда и определяющих положение работника в профессиональной структуре, условия его труда, локальную и отраслевую специфику рынка труда на склонность к инвестированию в свой человеческий капитал. В качестве контрольных переменных рассматривались аскриптивные характеристики (см. табл. 4). Материальное

положение не рассматривалось в качестве фактора, поскольку для работающего населения оно является скорее следствием положения на рынке труда, отражая отдачу на соответствующие инвестиции.

Таблица 4. Описание независимых переменных регрессионной модели, Росстат, 2020 г., % от работающего населения

Показатель	Распределение значений
Возраст	Дискретная переменная, для работающего населения принимает значения от 18 до 89 лет, среднее — 41,66 года, медиана — 41 год. Переменная нормирована в диапазон от 0 до 1
Возраст в квадрате	Дискретная переменная, квадрат нормированной переменной возраста, находится в диапазоне от 0 до 1
Пол	Женский (база) — 54,9 % Мужской — 45,1 %
Тип поселения по месту проживания	Города (база) — 77,8 % Села — 22,2 %
Тип работодателя по месту занятости	Предприятие, организация со статусом юридического лица (база) — 81,1 % Предпринимательская деятельность без образования юридического лица (ИП, самозанятые и проч.) — 5,2 % По найму у физических лиц или ИП — 12,2 % В собственном домохозяйстве (выращивание продуктов на продажу) — 1,5 %
Есть образование по специальности выполняемой работы	Нет (база) — 58,1 % Да — 41,9 %
Отрасль предполагает регулярное обучение (наука, образование, здравоохранение, государственное управление и вооруженные силы)	Нет (база) — 72,4 % Да — 27,6 %
Уровень образования	Нет профессионального образования (база) — 19,7 % Среднее специальное образование — 45,2 % Высшее образование — 35,1 %
Профессиональный статус по классификатору ОКЗ-2014	Руководители — 5,7 % Профессионалы — 26,1 % Полупрофессионалы — 13,8 % Служащие — 2,8 % Рядовые работники торговли и бытового обслуживания — 15,2 % Квалифицированные рабочие — 28,9 % Неквалифицированные рабочие (база) — 7,6 %
Категории регионов по уровню развития в 2010 г.*	Высокоразвитые — 24,4 % Развитые — 34,4 % Среднеразвитые (база) — 35,8 % Менее развитые — 5,5 %

* Категоризация производилась в соответствии с классификацией регионов по показателям социально-экономического и институционального развития [Григорьев, Урожаева, Иванов, 2011].

Зависимая переменная охватывала тех работников, которые практиковали формы обучения, связанные непосредственно с наращиванием профессиональных навыков (критерии выделения этой группы были описаны выше; напомним, что в эти навыки входили повышение квалификации и профессиональная переподготовка, изучение иностранных языков, повышение цифровой грамотности, изучение профессиональной литературы и пр.). В полученную группу вошли 19,5% занятого населения. Зависимая переменная принимала два значения, соответственно, был использован регрессионный анализ на основе логистической модели. Поскольку основной задачей была оценка сравнительной значимости анализируемых факторов, связанных с неравенством на рынке труда, в модель были включены сразу все переменные из таблицы 4.

Результаты регрессионного анализа показали, что все переменные оказывают значимое влияние на выбор работников в отношении инвестиций в свой человеческий капитал в форме повышения профессионального уровня (см. табл. 5).

Таблица 5. Результаты построения логистической регрессионной модели

Переменные в уравнении	B	Средне-квадратичная ошибка	Степени свободы	Значимость	Exp (B)
Константа	-2,379	0,002	1	<0,000	0,093
Возраст (нормированный)	-3,183	0,009	1	<0,000	0,041
Возраст в квадрате	2,281	0,015	1	<0,000	9,79
Мужской пол	-0,203	0,001	1	<0,000	0,816
Проживание в сельской местности	-0,142	0,001	1	<0,000	0,867
Наличие образования по специальности выполняемой работы	0,366	0,001	1	<0,000	1,442
Отрасль предполагает регулярное обучение (наука, образование, здравоохранение, гос. управление и вооруженные силы)	0,487	0,001	1	<0,000	1,627
Образование (база — школьное)					
Среднее специальное образование	0,167	0,001	1	<0,000	1,182
Высшее образование	0,606	0,001	1	<0,000	1,833
Тип работодателя (база — предприятие, организация)					
Самозанятость, ИП (без образования юридического лица)	0,015	0,002	1	<0,000	1,015
По найму у физических лиц	-0,232	0,001	1	<0,000	0,793
В домашнем хозяйстве	-0,523	0,005	1	<0,000	0,593
Профессиональный статус по классификатору ОКЗ-2014 (база — неквалифицированные рабочие)					
Руководители	1,406	0,002	1	<0,000	4,081
Профессионалы	1,394	0,002	1	<0,000	4,032
Полупрофессионалы	1,167	0,002	1	<0,000	3,212
Служащие	0,872	0,003	1	<0,000	2,392
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	0,85	0,002	1	<0,000	2,339
Квалифицированные рабочие	0,58	0,002	1	<0,000	1,787

Переменные в уравнении	B	Средне-квадратичная ошибка	Степени свободы	Значимость	Exp (B)
Категории регионов (база — среднеразвитые)					
Высокоразвитые	-0,044	0,001	1	<0,000	0,957
Развитые	0,288	0,001	1	<0,000	1,334
Менее развитые	-0,013	0,002	1	<0,000	0,987

Сводка для логистической модели:

Псевдо-R2 Кокса и Снелла = 0,102, Псевдо-R2 Нагелькерка = 0,163.

Доля верно квалифицированных случаев — 80,42 %.

В первую очередь стоит отметить, что вероятность попадания в группу инвестирующих в человеческий капитал нелинейно убывает с возрастом и скорость «выбывания» постепенно замедляется. Следующий по значимости фактор — профессиональный статус: чем выше профессиональный класс по классификатору ОКЗ-2014, тем выше вероятность включенности работника в практики, связанные с повышением своего человеческого капитала. Принадлежность к руководителям и профессионалам увеличивает отношение шансов на попадание в рассматриваемую группу в четыре раза по сравнению с неквалифицированными рабочими.

Все остальные факторы имеют меньшую сравнительную значимость. Из аскриптивных характеристик помимо возраста значимым оказался и пол. Мужчины при прочих равных чуть реже женщин склонны инвестировать в человеческий капитал. На это накладывается еще и профессиональный статус, поскольку мужчины чаще представлены среди рабочих разной квалификации, а также отраслевая принадлежность — промышленные сектора не требуют обязательного формального повышения квалификации работников. В результате мужчины в среднем заметно реже наращивают свой человеческий капитал в части профессиональной квалификации по сравнению с женщинами (если говорить о всей рабочей силе, то это 15,5 % против 23,8 % соответственно).

Что же касается уровня образования, то, как и ожидалось, наличие профессионального образования, особенно высшего по сравнению со школьным, повышает вероятность включения в практики увеличения своего человеческого капитала. Дополнительно положительное влияние оказывает и наличие образования по специальности выполняемой работы. Выходит, что узкие специалисты с большей вероятностью совершенствуются в своей профессии на протяжении всего периода занятости.

Внешние факторы, связанные с характеристиками предприятия, отраслевой спецификой рынков труда и их локализацией, также оказывают значимое влияние. Сравнительно чаще склонны к инвестициям в свой человеческий капитал работники, проживающие в городах, и в развитых регионах по сравнению со среднеразвитыми (по классификации 2010 г.). Помимо этого, положительно влияет на вероятность включения в процессы накопления и обновления профессиональных знаний, формирующих человеческий капитал, занятость на предприятиях или в организациях из отраслей, где это является законодательной нормой.

В целом результаты регрессионного анализа показывают, что склонность работников к инвестициям в их профессиональные навыки и знания обуславливается в первую очередь «требованиями профессии»: уровнем образования, его профилем, профессиональной позицией, отраслевыми стандартами и локальными рынками труда. Это соотносится и с полученными выше результатами о низкой инициативе самого населения в отношении таких инвестиций и их высокой зависимости от воли работодателя.

Основные выводы и обсуждение результатов

Результаты исследования показывают, что включенность взрослых россиян в различные образовательные практики не так широко распространена и охватывает около трети экономически активного населения (за исключением студентов, получающих первое профессиональное образование). Если же ограничить анализ только теми образовательными практиками, которые связаны с профессиональными навыками и повышением своего профессионального уровня, а следовательно — вероятной отдачей на соответствующие инвестиции на рынке труда (повышение квалификации и профессиональная переподготовка, изучение иностранных языков, изучение профессиональной литературы и пр.), то они распространены существенно реже. Более того, включенность в эти практики чаще представляет собой не столько самостоятельный выбор самих россиян, сколько результат инициативы работодателя, а финансовая отдача от подобных действий не оказывается, согласно ответам самих россиян, в числе ключевых мотивов. Это ставит вопрос о том, насколько вообще эти практики можно расценивать как инвестиции в человеческий капитал, по крайней мере в восприятии самого населения.

В данном исследовании мы не ставили задачи оценить отдачу от затрат времени на формирование человеческого капитала, поскольку они имеют отложенный эффект и выступают отдельным предметом анализа. Однако полученные результаты косвенно могут свидетельствовать о том, что такие инвестиции имеют смысл только для тех, кто занимает достаточно высокие позиции в системе производственных отношений, поскольку это диктуется требованиями рабочего места. Так, вероятность повышения своего профессионального уровня во многом детерминирована факторами неравенства на рынке труда: особенностями положения работника и «требованиями профессии» — уровнем образования, его профилем, профессиональной позицией. Влияют на этот выбор и внешние факторы структурного характера, связанные с характеристиками предприятия и отрасли, а также спецификой локальных рынков труда, заданной в том числе типом поселения и степенью развитости региона.

Выявленная в ходе анализа обусловленность выбора россиян включаться в образовательные практики, направленные на повышение профессионального уровня (следовательно — затрачивать на поддержание и наращивание человеческого капитала как минимум свое время), рядом внешних факторов, связанных с неравенствами на рынке труда, позволяет обсуждать ограничения и возможности социально-экономической политики по повышению человеческого капитала населения. Задача по наращиванию человеческого капитала должна регулироваться государством как ключевым субъектом социально-экономической

политики в данном вопросе. Решение этой задачи усложняется тем, что пассивная стратегия отказа от образовательных практик, формирующих или повышающих уровень и качество человеческого капитала, выступает сегодня социальной нормой для российского общества, а не отклонением от нее, поэтому ожидать инициативы населения не приходится. Внешние стимулы для повышения инвестиционной активности работающих россиян могут лежать в сфере регулирования институциональной среды. Государство может внедрять нормативы заработных плат, дифференцированные для работников с различными уровнями образования и квалификации, а работодатель — использовать стимулирующие контракты с учетом особенностей профессий.

Список литературы (References)

1. Век живи — век учись: непрерывное образование в России / под ред. Коршунова И. А., Фрумина И. Д. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.
Korshunov I. A., Frumin I. D. (ed.) (2019) *A Century of Living — a Century of Learning: Continuing Education in Russia*. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1779-6>. (In Russ.)
2. Григорьев Л. М., Урожаева Ю. В., Иванов Д. С. Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики // Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л. М. Григорьевой, Н. В. Зубаревич, Г. Р. Хасаева. М.: ТЕИС, 2011. С. 34—56.
Grigoryev L. M., Urozhaeva Yu. V., Ivanov D. S. (2011) Synthetic Classification of Russian Regions as the Basis of Regional Policy. In: Grigorieva L. M., Zubarevich N. V., Khasaeva G. R. (eds.) *Russian Regions: the Economic Crisis and Problems of Modernization*. Moscow: TEIS. P. 34—56. (In Russ.)
3. Зайцева О. В. Непрерывное образование: основные понятия и определения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 7. С. 106—109.
Zaitseva O. V. (2009) Continuing Education: Basic Concepts and Definitions. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. No. 7. P. 106—109. (In Russ.)
4. Капелюшников Р. И. Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 37—68.
Kapeliushnikov R. I. (2021) Returns to Education in Russia: Nowhere Below? *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. P. 37—68. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-8-37-68>. (In Russ.)
5. Каравай А. В. Включенность работающих россиян в получение дополнительного профессионального образования // Вопросы образования. 2016. № 4. С. 123—143.
Karavay A. V. (2016) Participation of Russian Workers in Continuing Professional Education. *Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 4. P. 123—143. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-4-123-143>. (In Russ.)

6. Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? / под ред. Кузьминова Я. И., Фрумина И. Д., Сорокина П. С. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019.
Kuzminov Ya. I., Frumin I. D., Sorokin P. S. (ed.) (2019) How Can Education be Made an Engine of Socio-Economic Development? Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
7. Каравай А. В. Состояние человеческого капитала российских профессионалов // *Terra Economicus*. 2021. Т. 19. № 1. С. 124—137.
Karavay, A. V. (2021) State of Human Capital of the Russian Professionals. *Terra Economicus*. Vol. 19. No. 1. P. 124—137. <http://dx.doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-1-124-137>. (In Russ.)
8. Лукьянова А. Л. Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 14. № 3. С. 326—348.
Lukyanova A. L. (2010) Return on Education: What the Meta-Analysis Shows. *The Higher School of Economics Economic Journal*. Vol. 14. No. 3. P. 326—348. (In Russ.)
9. Мареева С. В. Практики инвестирования среднего класса в свой человеческий капитал // *Terra Economicus*. 2012. Т. 10. № 1. С. 165—173.
Mareeva S. V. (2012) Practices of Investing the Middle Class in Their Human Capital. *Terra Economicus*. Vol. 10. No. 1. P. 165—173. (In Russ.)
10. Ощепков А. Ю. Отдача от высшего образования в российских регионах // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 14. № 4. С. 468—491.
Oshchepkov A. Yu. (2010) Return on Higher Education in Russian Regions. *The Higher School of Economics Economic Journal*. Vol. 14. No. 4. P. 468—491. (In Russ.)
11. Пишняк А. И., Горяйнова А. Р., Назарбаева Е. А., Халина Н. В. Инвестиции среднего класса в человеческий капитал: потребление платных услуг в области образования и медицины // *Вопросы экономики*. 2020. Т. 11. С. 69—85.
Pishnyak A. I., Goryainova A. R., Nazarbayeva E. A., Khalina N. V. (2020) Investments of the Middle Class in Human Capital: Consumption of Paid Services in the Field of Education and Medicine. *Voprosy Ekonomiki*. Vol. 11. P. 69—85. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-69-85>. (In Russ.)
12. Рожкова К. В., Рошин С. Ю., Солнцев С. А., Травкин П. В. Отдача на магистерскую степень на российском рынке труда // *Вопросы экономики*. 2021. № 8. С. 69—92.
Rozhkova K. V., Roshchin S. Y., Solntsev S. A., Travkin P. V. (2021) The Return to Master's Degree in the Russian Labor Market. *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. P. 69—92. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-8-69-92>. (In Russ.)
13. Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего / под ред. Л. Н. Овcharовой, О. В. Синявской. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2022.
Ovcharova L. N., Sinyavskaya O. V. (ed.) (2022) Social Protection in Russia Before and After the Pandemic: Forks of the Future. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

14. Тихонова Н. Е. Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 2. С. 140—165. Tikhonova N. E. (2017) Human Capital of Professionals and Managers: State and Dynamics. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 8. No. 2. P. 140—165. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.462>. (In Russ.)
15. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Т. 26. № 3. С. 6—35. Tikhonova N. E., Karavay A. V. (2017) Human Capital of Russian Workers: General Condition and Specific Features. *The Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 26. No. 3. P. 6—35. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-3-6-35>. (In Russ.)
16. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы / отв. ред. Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. Tikhonova N. E., Latov Yu. V. (ed.) (2023) Human Capital of Russian Professionals: State, Dynamics, Factors. Moscow: FCTAS RAS. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023>. (In Russ.)
17. Aspin D. N., Chapman J. D. (2000) Lifelong Learning: Concepts and Conceptions. *International Journal of Lifelong Education*. Vol. 19. No. 1. P. 2—19.
18. Becker G. S. (1993) Nobel lecture: The Economic Way of Looking at Behavior. *Journal of Political Economy*. Vol. 101. No. 3. P. 385—409.
19. Field J. (2000) Lifelong Learning and the New Educational Order. Stoke-on-Trent: Trentham Books.
20. Laal M. (2011) Lifelong Learning: What Does it Mean? *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. Vol. 28. P. 470—474.
21. Mincer J. (1962) On-the-job training: Costs, Returns, and Some Implications. *Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5. P. 2. P. 50—79.
22. Schultz T. W. (1961) Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. Vol. 51. No. 1. P. 1—17.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.4.2434](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2434)**С. К. Волков, О. Е. Акимова, А. Б. Симонов****ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К НАУЧНОЙ КАРЬЕРЕ:
КЕЙС ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА****Правильная ссылка на статью:**

Волков С. К., Акимова О. Е., Симонов А. Б. Отношение студентов к научной карьере: кейс Волгоградского государственного технического университета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 170—193. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2434>.

For citation:

Volkov S. K., Akimova O. E., Simonov A. B. (2024) Student's Attitudes towards Scientific Career: The Case of Volgograd State Technical University. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 170–193. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2434>. (In Russ.)

Получено: 28.05.2023. Принято к публикации: 26.06.2024.

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К НАУЧНОЙ КАРЬЕРЕ: КЕЙС ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВОЛКОВ Сергей Константинович — кандидат экономических наук, директор Волгоградского филиала, Российский государственный университет социальных технологий, Волгоград, Россия; доцент кафедры «Экономика и предпринимательство», Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия
E-MAIL: ambiente2@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4852-145X>

АКИМОВА Ольга Евгеньевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и предпринимательство», Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия
E-MAIL: akimovann25@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6967-7608>

СИМОНОВ Алексей Борисович — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Информационные системы в экономике», Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия
E-MAIL: absimonov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6771-8995>

Аннотация. Статья посвящена выявлению и оценке представлений студентов о науке и научной карьере. Эмпирической базой исследования выступают данные опроса, проведенного методом онлайн-анкетирования с февраля по март 2023 г. среди студентов пяти вузов Волгограда ($N = 1553$). Respondents отбирались методом неслучайной выборки («снежного кома») среди молодежи, которая не имеет опыта научной деятельности. Результаты анкетирования были дополнены структурированными интервью с участниками, отобранными случай-

STUDENT'S ATTITUDES TOWARDS SCIENTIFIC CAREER: THE CASE OF VOLGOGRAD STATE TECHNICAL UNIVERSITY

Sergey K. VOLKOV^{1,2} — Cand. Sci. (Econ.), Director of the Volgograd Branch ; Associate Professor at the Department of Economics and Entrepreneurship
E-MAIL: ambiente2@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4852-145X>

*Olga E. AKIMOVA*² — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Economics and Entrepreneurship
E-MAIL: akimovann25@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6967-7608>

*Alexey B. SIMONOV*² — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Information Systems in Economics
E-MAIL: absimonov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6771-8995>

¹ Russian State University of Social Technologies, Volgograd, Russia

² Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Abstract. The study aims at identifying and assessing students' attitudes towards science and scientific careers. Empirically, the study the study bases on the data from a survey conducted online from February to March 2023 among students of five universities in Volgograd ($N = 1553$). Respondents were selected by non-random sampling method (“snowball”) among young people who have no experience of scientific activities. The survey results were supplemented by structured interviews with randomly selected participants ($N = 5$). The study indicates the low importance of sci-

но ($N = 5$). Исследование свидетельствует о низкой значимости науки в качестве потенциальной сферы для построения карьеры. В качестве наиболее значимых критериев при выборе потенциального рабочего места студенты указывают уровень дохода и стабильность: чем выше заработная плата, тем престижнее работа в той или иной области, в том числе и научной. Анализ когнитивной составляющей отношения к науке показал, что студенты в целом положительно воспринимают научную деятельность. Анализ аффективной компоненты свидетельствует о том, что студенты ассоциируют науку с одаренностью, и многие из них не видят себя в будущем учеными по причине отсутствия талантов и низкой самоэффективности. В качестве рекомендаций авторы делают акцент на проактивном подходе к воспроизводству научных кадров. Необходимо демонстрировать потенциальным ученым тесную взаимосвязь между научными исследованиями и решением конкретных прикладных задач.

Ключевые слова: наука, научная карьера, мотивация к научной деятельности, воспроизводство научных кадров, иностранные студенты, конкурентоспособность университета, молодежь

ence as a potential career field. Students indicate income level and stability as the most significant criteria when choosing a potential job. The higher the salary, the more prestigious the work in a particular field, including science. Analysis of the cognitive component of attitudes towards science showed that students generally have a positive perception of scientific activity. The analysis of the affective component shows that students associate science with giftedness, and many of them do not see themselves as future scientists due to a lack of talent and low self-efficacy. As recommendations, the authors emphasize a proactive approach to the reproduction of scientific personnel. In their opinion, it is necessary to demonstrate to potential scientists a close relationship between scientific research and the solution of specific applied problems.

Keywords: science, scientific career, motivation for scientific activity, reproduction of scholars, international students, university competitiveness, youth

Введение

Произошедшие в период реформирования российской экономики изменения иерархии ценностных ориентаций (с 1990-х по начало 2000-х годов) повлекли за собой понижение статуса научных работников и уменьшение возможности их влияния на управление общественным развитием [Прокопенко, 2006; Вольчик, 2013; Фролов, 2016]. По этой причине активизировались процессы миграции научных кадров в другие отрасли экономики или их отток за рубеж [Кокшаров, Агарков, 2018], в результате чего российская наука значительно потеряла в кадровом потенциале, и эта тенденция сохраняется. Современное положение дел в воспроизводстве и привлечении кадров в научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую деятельность характеризуется отрицательной динамикой численности научных сотрудников и пространственной асинхронностью научно-образовательного потенциала российских регионов. По данным статисти-

ческого сборника «Индикаторы науки: 2020», подготовленного экспертами НИУ «Высшая школа экономики» совместно с Министерством науки и высшего образования и Федеральной службой государственной статистики, количество лиц, занятых исследованиями и разработками, в период с 2000 по 2018 г. уменьшилось с 887 729 до 682 580 человек, то есть каждый год из сферы науки и технологий уходило в среднем 11 397 сотрудников [Гохберг и др., 2020: 44]. Сегодня средний возраст ученого со степенью кандидата или доктора наук составляет 63 года [там же: 54]. Концентрация исследований мирового уровня сильно поляризована. Столичные вузы и научные центры имеют преимущественную возможность привлечения и рекрутирования наиболее талантливых молодых ученых со всей страны, в регионах же кадровый научный потенциал поддерживается только за счет выпускников вузов региона. В результате признанными научно-исследовательскими центрами в стране остаются несколько городов и крупных агломераций. Феномен «вымывания» научных кадров из регионов (особенно из так называемых депрессивных и удаленных от федерального центра) сказывается на их инновационном развитии, влечет за собой стагнацию территорий и дальнейшую поляризацию пространственного развития страны.

Подходы к воспроизводству научных кадров отличаются высокой степенью упрощения и мифологизации данного феномена. Воспроизводство научных кадров зачастую рассматривается несистемно, как исключительно внутренняя задача научно-образовательных центров и университетов без учета конъюнктуры внешней среды и факторов второго порядка. Предлагаемые методы привлечения научных кадров — повышение заработной платы, обновление материально-технической базы для проведения исследований, повышение престижности профессии ученого и пр., — хоть и важны, но слишком прямолинейны и явно упрощают проблему, в то время как выявление мотивов занятием научной деятельностью со стороны молодого поколения остается вне широкого научного интереса и носит фрагментарный характер. Между тем выявление, систематизация и интерпретация данных о паттернах поведения студентов при выборе карьеры, а также понимание их отношения к науке могут быть полезными при решении проблемы воспроизводства научных кадров и привлечения молодежи к научно-исследовательской деятельности.

Цель настоящего исследования — выявление установок студентов волгоградских вузов очной формы обучения относительно научной карьеры. Насколько привлекательна профессия ученого для студентов? Полученные результаты позволят расширить понимание мотивов и представлений о научной деятельности среди студентов на начальном этапе планирования профессионального пути, а также сформулировать ряд практических рекомендаций по совершенствованию стратегий привлечения и удержания молодых научных кадров.

Обзор литературы

Внимание на снижение интереса молодежи к научной карьере ученые обратили еще в 1980-х годах [Smithers, Robinson, 1988; Durant, Evans, Thomas, 1989; Jenkins, 1994]. Первыми об этой проблеме в 1975 г. написали М. Б. Ормерод и Д. Дакворт, изучая отношение школьников к естественнонаучным предметам в рамках STEM-обучения в Великобритании (практико-ориентированный подход

к построению содержания образования и организации учебного процесса, объединяющий науку, технологии, инженерию и математику). Авторы отметили, что в 1965 г. началось исследование потока студентов высших учебных заведений страны, изучающих науку и технику, которое засвидетельствовало явление, получившее название «отклонение от науки» (*swing from science*) — снижение интереса к естественнонаучным предметам и незаинтересованность в научных исследованиях [Ormerod, Duckworth, 1975]. В последние десятилетия проблема стала еще более острой и оказалась в фокусе внимания исследований в США, Австралии и Европе. Резкое снижение интереса молодежи к науке заставило ряд стран в начале 2000-х годов подготовить национальные отчеты, в рамках которых предлагались различные прогнозы по развитию ситуации¹. Исследования по этому вопросу обширны, и выводы хорошо известны: наука воспринимается как нечто сложное и не имеющее отношения к жизни большинства людей, интерес к ней снижается с годами обучения в средней школе, наука более привлекательна для мальчиков, чем для девочек, наиболее остро проблемы стоят в физических науках [Barmby, Kind, Jones, 2008; Bennett, Hogarth, 2009]. Сокращение числа студентов, решивших заниматься наукой, привлекло внимание исследователей в области естественнонаучного образования, ученые занялись выявлением факторов, влияющих на отношение к ней [Barmby et al., 2008]. По мнению Дж. Осборна, Ш. Саймона и С. Коллинза: «Современное общество, в котором технологии играют значимую роль, не может позволить себе производить почти в три раза больше специалистов в области искусства и гуманитарных наук, чем специалистов в области естественных наук» [Osborne, Simon, Collins, 2003: 1052]. П. Кеннеди доказал, что существует взаимосвязь между экономической производительностью и количеством инженеров и ученых в обществе, и что обучение большего количества детей математике и естественным наукам вряд ли может оказать негативное влияние на экономическое благополучие любого общества [Kennedy, 1993].

Отдельное направление исследований — выявление отношения к школьной науке, поскольку именно в школе ученики выбирают последующий образовательный и карьерный тренд, а также роли учителя в формировании восприятия естественных наук. Р. М. Райан, Э. Л. Деси, С. Л. Кристенсон, А. Л. Решли, К. Уайли, Р. Вуд [Ryan, Deci, 2009; Christenson, Reschly, Wylie, 2012; Wood, 2019] рассматривают учителя в качестве мотиватора школьников к вовлечению в научную деятельность. Выстраиваемые позитивные отношения между учителем и учеником выступают в качестве катализатора компетентности учащихся и их вовлеченности в учебный процесс.

Недавние исследования [Foppoli et al., 2019; Dua et al., 2020; Elliniadou, Sofianopoulou, 2021] доказывают, что для повышения интереса молодежи к естественнонаучным предметам и ее вовлеченности в науку необходимо сосредоточиться на улучшении научного опыта школьников в возрасте от 10 до 14 лет, модернизировать программы и подход к обучению детей в школе.

¹ National Commission on Mathematics and Science Teaching for the 21st Century (2000) *Before It's Too Late*. Washington, DC: US Department of Education. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED441705.pdf> (дата обращения: 16.08.2024); O'Leary. *Pay Teachers or Face Melttdown*. *Times*. 2001. 29 March. No. 8; Science and Maths: A Consultation Paper on the Supply and Demand of Newly Qualified Young People. London: Department for Education, 1994; LabourMarket and Skill Trend. London: Department for Education and Employment, 1996.

Таким образом, большинство первоначальных исследований в данной сфере изучают преимущественно отношение школьников средней и старшей школы к естественнонаучным предметам в рамках STEM-обучения, однако они не затрагивают вопросов отношения молодежи к науке в целом, готовности заниматься научной деятельностью. За последние десять лет наблюдается снижение числа студентов, поступающих на направления STEM в США и ряде европейских стран. Современные исследования направлены на выявление взаимосвязи между отношением к науке и STEM-образованием. Ученые приходят к выводу, что желание продолжить карьеру в области STEM тесно связано с отношением к науке в целом [Potvin, Hasni, 2014; Romine et al., 2014; Unfried et al., 2015]. Однако изучение отношения к науке — сложная задача, поскольку возникает проблема механизма измерения. Стоит ли исследовать отношение к науке как единую конструкцию или необходимо выделить отдельные составляющие и анализировать каждую компоненту самостоятельно? Например, можно рассматривать отношение к школьной науке как одну конструкцию или изучать отношение через восприятие учителя, различных предметов, научной деятельности, исследований и т. д. Целый ряд работ [Breakwell, Beardsell, 1992; Gardner, 1975; Oliver, Simpson, 1988; Piburn, Baker, 1993] посвящен выявлению составляющих отношения к науке как сложного многокомпонентного феномена, включающего мотивацию к науке, ценность науки, отношение родных и друзей к науке, достижения в науке, страх неудач или провала, самооценку, восприятие учителя или преподавателя и т. д. Н. Рид предлагает выделять в данном конструкте три компонента: когнитивный (внутренние представления индивида о науке, восприятие науки), аффективный (эмоциональная составляющая, чувства человека по отношению к науке) и поведенческий (включенность индивида в научную деятельность) [Reid, 2006]. В данном контексте стоит отметить, что первоначальные исследования изучали как раз аффективный компонент отношения к науке в области научного образования в школе.

На протяжении прошедших тридцати лет не иссякал интерес к тому, как молодежь воспринимает науку, однако исследования показывают противоречивые результаты. Часть из них свидетельствует о положительной корреляции между отношением студентов к науке и их научными достижениями [Mungin, 2012; Ng et al., 2012; Nacieminoglu, 2016; Chi et al., 2017; Wang, Liou, 2017; Zheng et al., 2019]. Восприятие студентами внутренней ценности и полезности науки оказало значительное положительное влияние на их успеваемость по естественным наукам. Однако были и другие исследования, показывающие, что связь между отношением студентов к науке и их научными достижениями была либо слабой, статистически незначимой, либо даже отрицательной [Rennie, Punch, 1991; Gardner, 1995; Brooks, 2011]. Например, Т. Брукс показала, что удовольствие от уроков естествознания, интерес к научной деятельности находятся в обратной зависимости с научными достижениями студентов [Brooks, 2011].

Китайские ученые выявили статистически значимую и устойчивую положительную связь между отношением студентов к науке и их академическими достижениями, причем сила этой связи в большей степени зависит не от интереса к науке или ее социальной значимости, а от самооффективности студентов (веры в соб-

ственные силы, самодисциплины) [Mao et al., 2021]. Кроме того, положительно сказаться на последующих научных достижениях может время, потраченное на изучение естественных наук в более раннем возрасте (в детском саду, с первого по третий классы).

Изучение отношения студентов к науке российскими учеными не отличается системностью, а исследования в этой сфере также характеризуются противоречивостью полученных результатов. Например, Л. Г. Судас и М. В. Юрасова сопоставили результаты опросов студентов МГУ за 2001 и 2004 гг. в целях определения их отношения к науке и научной работе [Судас, Юрасова, 2005]. По результатам анализа были сделаны выводы, что доля студентов, выбирающих научную карьеру, сократилась в три раза, а выбор карьеры в целом становится преимущественно рациональным, а не ценностным. По мнению опрошенных, в советский период был создан мощный научный потенциал, а современная наука ассоциируется с безденежьем. Авторы заключают, что привлечение студентов в науку невозможно без изменения системы финансирования, повышения статуса ученого и престижа научной карьеры [там же]. Д. Х. Акманаева, проводя межрегиональное исследование отношения студентов к научной деятельности в Приволжском федеральном округе, считает, что «лучшим периодом для вовлечения студентов в НИРС являются второй-третий курсы. <...> Ведущим мотивом участия современных студентов в НИРС являются внешние по отношению к науке мотивы: желание заслужить хорошее отношение преподавателя, иметь бонус при сдаче экзамена или зачета. При этом и студенты, и преподаватели подчеркивают достаточно высокий интеллектуальный потенциал студенческой молодежи» [Акманаева, 2012: 295—296]. Однако студенты заниматься наукой и инновациями серьезно не хотят: «Вуз как место развития навыков научно-технического творчества выбирают в среднем по обследованным учебным заведениям лишь 7 % студентов» [там же: 296]. Автор исследования полагает, что причина заключается в низком статусе науки в России, поэтому необходимо повысить статус научной сферы в сознании студентов, тогда возрастет и ценность конкретных научных изысканий.

Противоположные результаты получены Е. А. Коган в процессе опроса 400 студентов московских вузов с целью выявления их активности, заинтересованности и вовлеченности в научно-исследовательскую работу. Опрос показал, что более 77 % респондентов считают научно-исследовательскую деятельность престижной, а основными мотивами вовлечения в науку оказываются возможность получения нового опыта и знаний, самореализации и саморазвития. При этом было отмечено, что необходимо «учитывать работу преподавателей, председателей НИРС, которые стремятся вызвать живой интерес обучающихся к этой деятельности» [Коган, 2020: 184]. А. А. Семенова указывает, что «наша страна является одним из мировых лидеров по абсолютным масштабам занятости в науке, а недостаточная привлекательность научной карьеры для молодежи в последние годы (с 2018 г.) постепенно сглаживается и намечается позитивная динамика» [Семенова, 2021: 147]. При этом «воспроизводство научных кадров сдерживается низкой эффективностью системы их подготовки» [там же: 148]. По мнению автора, необходимо повышать привлекательность научной карьеры посредством обеспечения эффективного механизма поддержки молодых ученых.

Л. Н. Банникова затрагивает вопрос о взаимодействии науки и бизнеса и развитии технологического молодежного предпринимательства в вузе в целях вовлечения студентов в научную деятельность и отмечает в противовес А. А. Семенову снижение численности научных кадров за последние несколько лет [Банникова, Кондрашин, 2022].

Настоящая работа призвана продолжить ряд эмпирических исследований по выявлению отношения студентов к научной деятельности, расширив дискуссию относительно возможных направлений развития инструментария вовлечения молодежи в науку. Нами была предпринята попытка оценить три ключевых компонента отношения к науке со стороны студентов младших курсов, согласно методике Н. Рида — когнитивного, аффективного и поведенческого.

Методология исследования

Методология исследования представляет собой синтез количественных и качественных методов. Цель количественного компонента исследования — выявление и оценка представлений студентов о науке и научной карьере. Для этого была разработана анкета на платформе «Яндекс.Формы». Сбор данных проводился в период с 1 февраля по 15 марта 2023 г. Выбор формата опроса обусловлен необходимостью широкого охвата студенческой молодежи Волгограда для получения более объективных данных. Анкета распространялась как через личные контакты авторов статьи, так и через официальное направление писем в адрес руководства вузов города — Волгоградского государственного технического университета (ВолГТУ), Волгоградского государственного университета (ВолГУ), Волгоградского государственного социально-педагогического университета (ВГСПУ), Волгоградского государственного аграрного университета (ВолГАУ), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). В выборку попали исключительно студенты очной формы обучения, без привязки к их уровню образования (бакалавриат, специалитет, магистратура) и профилю обучения. Из анализа осознанно были исключены аспиранты как категория молодых ученых, поскольку они, как правило, имеют представление об основах научной деятельности. Нам было важно понять, что думают о науке люди, которые еще не сталкивались с ней или имели небольшой опыт научной деятельности. Всего в выборку вошли 1553 человека, из которых 1134 (73%) — респонденты женского пола и 419 (27%) — мужского. Выборка носила стихийный характер и поэтому задачи соблюдения пропорции женского и мужского пола в процентах ответов нами не ставилась.

На втором этапе, при проведении качественного исследования, мы взяли пять структурированных интервью у участников анкетирования. Информанты были отобраны случайным образом. Целью данного этапа было уточнение и раскрытие ранее полученных данных. Из пяти проинтервьюированных человек двое рассматривают возможность выбрать научную карьеру, двое еще до конца не определились и один точно не собирается заниматься научной деятельностью.

Результаты

Согласно информационно-аналитическим материалам мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2022 г.,

количество очных студентов, обучающихся в университетах Волгоградской области, составило 32 880 человек².

В опросе принимали участие преимущественно студенты младших курсов (64,02%), доля студентов 3, 4, 5 курса и магистрантов составила 16,45% от общего числа опрошенных (см. рис. 1). Таким образом, исследование позволяет выявить мнение в первую очередь недавно поступивших студентов, которые еще активно не сталкивались с элементами научной деятельности, что соответствует нашей логике.

Респондентам предлагалось проранжировать от 1 до 10 наиболее значимые критерии при выборе будущей работы, где оценка 10 обозначала максимальную важность данного показателя (см. табл. 1). Обобщая поставленные оценки (см. табл. 2), можно констатировать, что большую значимость для студентов представляют высокие доходы, стабильность и новые знания. Польза обществу и престиж работы — самые незначимые критерии. При этом многие студенты готовы поступиться условиями труда ради других показателей. Отметим, однако, что большинство респондентов ставили высокие оценки сразу всем показателям, то есть они хотят «всего и сразу».

Таблица 1. Ранжирование респондентами значимых критериев при выборе будущей работы

Показатель	Доля опрошенных по каждой оценке от 1 до 10, %									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Карьерный рост	0,72	0,18	0,72	1,63	5,42	3,98	12,12	27,67	8,86	38,7
Размер дохода (деньги)	0,72	0,18	0,54	0,54	3,25	2,89	7,78	17,9	14,83	51,36
Новый опыт и знания	0,18	0,18	0,54	0,9	3,98	4,34	10,49	16,46	13,38	49,55
Престиж работы	4,52	2,71	4,7	4,88	18,26	12,84	13,74	15,91	4,88	17,54
Атмосфера в коллективе	0,72	0,36	1,63	1,08	5,79	3,07	11,03	17,36	15,19	43,76

² Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2022. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vpo/material.php?type=2&id=10602 (дата обращения: 15.02.2023).

Показатель	Доля опрошенных по каждой оценке от 1 до 10, %									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Стабильность	0,18	0,9	0,72	0,36	3,62	4,16	7,05	17,18	13,92	51,9
Самостоятельность, ответственность	1,08	0	0,72	1,81	5,97	8,5	15,01	21,52	11,75	33,63
Польза обществу	4,88	1,27	3,07	3,8	11,39	9,4	13,9	17,0	8,5	26,76
Важность решаемых задач	1,27	0,72	2,53	3,62	14,1	12,48	18,63	18,81	8,32	19,53
Условия работы	0,73	0,36	1,82	2,19	5,83	5,10	10,75	16,58	12,93	43,72

Таблица 2. Важность характеристик будущей работы по шкале от 1 до 10 (описательные статистики)

Показатель	Средняя оценка*	Среднее отклонение оценок
Деньги	8,8	1,6
Стабильность	8,8	1,7
Новый опыт и знания	8,7	1,6
Атмосфера в коллективе	8,5	1,9
Условия работы	8,4	2,0
Карьерный рост	8,3	1,8
Самостоятельность, ответственность	8,1	1,9
Польза обществу	7,2	2,5
Важность решаемых задач	7,2	2,1
Престиж работы	6,5	2,5

* Все средние значения оценок отличны от нуля, то есть являются статистически значимыми на уровне значимости $\alpha = 0,05$.

Для анализа взаимосвязи между полученными оценками была построена корреляционная матрица, в которой отражены коэффициенты ранговой корреляции Спирмена (см. табл. 3).

Таблица 3. Корреляционная матрица коэффициентов ранговой корреляции Спирмена, отражающая взаимосвязь между оценками различных характеристик работ, которые студент рассматривает как идеальные

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Карьерный рост	1,000									
2. Деньги	0,458	1,000								
3. Новый опыт и знания	0,496	0,346	1,000							
4. Престиж работы	0,372	0,249	0,346	1,000						
5. Атмосфера в коллективе	0,291	0,314	0,435	0,349	1,000					
6. Стабильность	0,357	0,361	0,411	0,283	0,573	1,000				
7. Самостоятельность, ответственность	0,363	0,198	0,504	0,417	0,392	0,429	1,000			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
8. Польза обществу	0,226	-0,010*	0,421	0,348	0,390	0,371	0,475	1,000		
9. Важность решаемых задач	0,314	0,066*	0,457	0,398	0,275	0,282	0,532	0,569	1,000	
10. Условия работы	0,276	0,400	0,362	0,265	0,417	0,365	0,265	0,110	0,189	1,000

Примечание. В таблице зеленым цветом помечены значения больше 0,5, что соответствует заметной и сильной связи (по шкале Чеддока). Белым помечены значения меньше 0,3, что соответствует слабой связи. * отмечены значения коэффициентов корреляции, несущественно отличные от 0 на уровне значимости $\alpha = 0,05$; остальные значения статистически значимы на этом уровне.

Как видим, среди характеристик нет таких, оценки которых очень тесно связаны между собой (значение коэффициента выше 0,7). Между желанием студента решать важные задачи, приносить пользу обществу и стремлением к самостоятельности наблюдается достаточно тесная взаимосвязь. Также заметно связаны такие характеристики, как стремление к стабильности и желание иметь хорошую атмосферу в коллективе; самостоятельность и стремление приобретать новый опыт. Остальные показатели в целом имеют умеренную связь друг с другом. Исключение составляет стремление к хорошим доходам, которое слабо связано с другими показателями (то есть студентам вне зависимости от заинтересованности в других характеристиках работы стремятся получать высокую заработную плату). При этом важность доходов студенты все-таки связывают в первую очередь с карьерой и условиями работы.

Для меня материальная сторона вопроса, безусловно, является первостепенной. Хочется в первую очередь хорошо зарабатывать. Насколько это возможно в науке, я пока не знаю. (Молодой человек, 20 лет)

Отвечая на вопрос «В какой степени Ваш идеальный образ работы соответствует, по Вашему мнению, работе ученого?», более 70 % опрошенных ответили «частично соответствует» (см. рис. 2). При этом процент студентов, выбравших данный вариант ответа, практически совпал среди тех, кто считает науку своей будущей сферой деятельности (74,71 %), и тех, кто так не думает (72,03 %).

Доля студентов, ответивших, что работа ученого совпадает с их представлениями об идеальной работе, ожидаемо выше среди тех, кто рассматривает как возможную научную карьеру (21,84 % против 7,39 %). 3 % опрошенных из тех, кто собирается в дальнейшем заниматься наукой, считают, что она совсем не соответствует их представлениям об идеальной работе. С другой стороны, 7 % опрошенных, не собирающихся заниматься наукой, тем не менее считают ее соответствующей представлениям об идеальной работе.

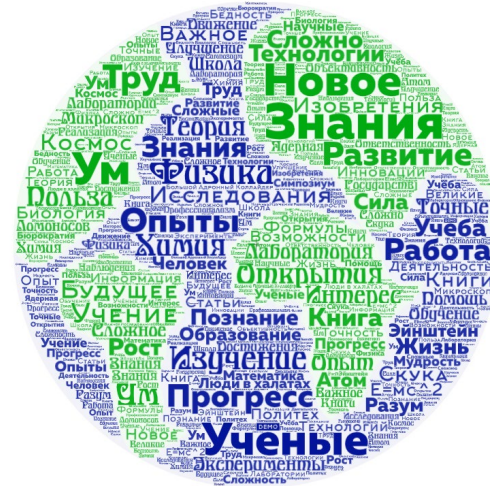
Дальше респондентам были заданы ассоциативные вопросы, направленные на анализ когнитивной компоненты рассматриваемого конструкта. Отвечая на вопрос, что первое приходит на ум, когда он/она слышит слово «наука», 35,4 % респондентов ответили: «Знания, ученые, исследования, что-то новое, прогресс». Около 10 % опрошенных связывают науку в первую очередь с естественными науками — физикой и химией. Порядка 8 % связывают науку с образованием, как школьным, так и высшим. Многие опрошенные вспоминали великих ученых — М. Ломоносо-

ва, А. Эйнштейна, Д. Менделеева, К. Циолковского. Далеко не у всех наука вызывает положительные ассоциации: у 1,1% опрошенных она соотносится со скукой, сложным, неблагодарным и низкооплачиваемым трудом, излишней сложностью. Для визуализации информации о частоте встречающихся в ответах студентов слов (тегов) мы использовали облако слов, отраженное на рисунке 3. Размер слов отражает частоту их появления в ответах студентов (чем больше слово, тем чаще оно встречается); цвет слов используется исключительно как элемент оформления.

Рис. 2. Ответы на вопрос: «В какой степени Ваш идеальный образ работы соответствует, по Вашему мнению, работе ученого?»³

Рис. 3. Ассоциации респондентов при слове «наука»

³ Результаты статистически значимы, нулевая гипотеза $H_0: p=0$ отвергается, а альтернативная $H_1: p>0$ принимается на уровне значимости $\alpha=0,05$ для всех вариантов ответов.

В качестве синонимов к слову «наука» 33,2% опрошенных назвали «учение», чуть менее 25% — «знания». Встречались и другие варианты, такие как «исследование», «познание», «дисциплина (научная)», «предмет (научный)», «прогресс», «что-то новое». Менее 5% опрошенных связывают науку с обучением. Для визуализации результатов мы также использовали облако слов, в котором размер слова пропорционален частоте его появления в ответах студентов (см. рис. 4).

Рис. 4. Синоним слову «наука» с точки зрения респондентов

Далее был представлен блок вопросов поведенческой компоненты рассматриваемого конструкта. На прямой вопрос «Рассматриваете ли Вы науку как Вашу потенциальную карьеру?» 83% опрошенных ответили, что «не рассматривают науку как потенциальную сферу, в которой будут работать», и только 17% дали положительный ответ. Студентам было предложено дать комментарий, результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Почему вы рассматриваете науку как потенциальную карьеру?» (для тех, кто ответил, что рассматривает науку в качестве таковой), после переформулирования схожих ответов (%)

Варианты ответов	Доля от желающих заниматься наукой*
Хочу работать в вузе	7,5
Наука даст возможность роста	6,4
Нравится заниматься наукой	5,8
Это интересно	5,8
Хочу сделать что-нибудь значимое	4,0
Наука — это жизнь	3,5
Возможность построить карьеру	1,7

Изучение нового и значимого	1,7
Это необходимо стране и обществу	1,7
Не пояснили ответ	56,1
Другие варианты ответа**	
Общий итог	100

* Результаты статистически значимы, нулевая гипотеза $H_0: p = 0$ отвергается на уровне значимости $\alpha = 0,05$ а альтернативная $H_1: p > 0$ принимается для всех вариантов ответов, кроме объединенных в строке «Другие варианты ответа». Здесь p — гипотетическая вероятность ответа.

** Эти варианты ответов встречаются достаточно редко (около 1% и менее) и для каждого из них подтверждается нулевая гипотеза $H_0: p = 0$, что говорит о том, что варианты ответа, объединенные в данной строке, незначимо отличны от нуля.

Более половины студентов (56%) не прокомментировали свой ответ. 7,5% ответивших хотят работать в вузе, 6,4% полагают, что «наука даст возможность роста», 11,6% нравится заниматься наукой, им это интересно, 4% опрошенных хотели бы сделать что-нибудь значимое, для 3,5% — «наука — это жизнь».

Я собираюсь и дальше заниматься наукой. Сейчас мы пишем с научным руководителем статьи и занимаемся проблемами региональной экономики. Это очень интересно. Я чувствую, что это может быть полезно для экономики и людей. (Девушка, 20 лет)

Я пока точно не знаю, пойду ли я в науку, но есть вероятность. Мне очень нравится атмосфера в университете. Особенно в библиотеке. Там чувствуется какая-то особая атмосфера. Плюс мне много рассказывал про свои командировки наш декан, и это тоже вдохновляет... Есть опасение, что на первых этапах своей карьеры я не буду много зарабатывать, а жить за счет родителей неохота. (Молодой человек, 20 лет)

Студенты, не собирающиеся заниматься наукой, сформулировали основные демотивирующие факторы. Вошедшие в эту группу молодые люди давали значительно отличающиеся друг от друга ответы, которые были разбиты нами на группы и переформулированы (см. табл. 5).

Таблица 5. **Распределение ответов на вопрос «Почему вы не рассматриваете науку как потенциальную карьеру?» (для тех, кто ответил, что не рассматривает науку в качестве таковой) после переформулирования схожих ответов (%)**

Переформулированный вариант ответа	Доля ответивших*
Не интересно	15,80
Больше интересна практика	8,70
Маленькие зарплаты	3,20
Мало творчества	3,20
Не тот склад ума	1,80
Не хватает навыков и способностей	1,80
Нас не обучают научным методам	1,30

Переформулированный вариант ответа	Доля ответивших*
Пока не уверен/уверена в выборе карьеры	1,30
Не пояснили ответ	55,4
Другие варианты ответа**	7,9
Всего	100,0

* Результаты статистически значимы, нулевая гипотеза $H_0: p = 0$ отвергается на уровне значимости $\alpha = 0,05$, а альтернативная $H_1: p > 0$ принимается для всех вариантов ответов, кроме объединенных в строке «Другие варианты ответа».

** Эти варианты ответов встречаются достаточно редко (менее 1%) и для каждого из них подтверждается нулевая гипотеза $H_0: p = 0$, что говорит о том, что варианты ответа, объединенные в данной строке, не значимо отличны от нуля.

Более 55% ответивших, что не рассматривают карьеру в науке, не пояснили причины своего ответа. Из прокомментировавших ответ 24,5% респондентов отметили, что «им неинтересна наука и больше интересна практика». Часто встречались ответы, которые указывают, что студенты не хотят заниматься наукой из-за маленьких зарплат в этой области (3,2%). Многие отвечали, что у них не тот склад ума, не хватает навыков и способностей (3,6%). Пятеро студентов ответили, что методы, которыми их обучают в вузе, на их взгляд, не применяются в серьезной науке, а значит, они не получили достаточной подготовки для работы в этой сфере.

Я точно не хочу идти в науку. Это сложно для меня. В том плане, что я не хочу сидеть и смешивать что-то в пробирках. Это не для меня. Я хочу идти в реальное производство. (Девушка, 19 лет)

В рамках изучения представлений студентов о науке (см. табл. 6) мы предложили опрашиваемых оценить несколько утверждений по пятибалльной шкале. Достаточно высокие средние оценки получили следующие утверждения: «заниматься наукой — это увлекательно», «наука — престижная карьера, требующая особых навыков, компетенций и одаренности», «результаты научных исследований востребованы отечественными предприятиями», «Россия является одной из ведущих научных стран мира». При этом утверждения о том, что научную карьеру легче построить мужчинам, что наука является высокооплачиваемой сферой и что в ней необходима ученая степень получили достаточно низкие оценки.

Средние оценки по ряду утверждений совпали у студентов, которые рассматривают возможность связать свою карьеру с наукой, и у тех, кто эту возможность отвергает. Утверждения «Заниматься наукой — это увлекательно» и «Наука — это престижная карьера» получили более высокие оценки опрошенных, планирующих научную карьеру. При этом утверждение «Наукой занимаются исключительно умные и одаренные люди» получило более высокую оценку тех студентов, которые не видят себя в будущем учеными. В связи с этим мы можем предположить, что для некоторых студентов, собирающихся заниматься наукой, она представляется более интересным и престижным занятием; а некоторые студенты, не планирующие заниматься наукой, считают себя недостаточно талантливыми и одаренными. При этом оценка денежных доходов в научной сфере примерно одинакова в обеих группах.

Таблица 6. Средние оценки и вариация оценок по вопросам, в которых требовалось оценить представления о науке по пятибалльной шкале*

Утверждение	Среди всех опрошенных		Для опрошенных, собирающихся продолжить научную карьеру		Для опрошенных, не собирающихся продолжить научную карьеру	
	Средний балл	Среднее квадратическое отклонение	Средний балл	Среднее квадратическое отклонение	Средний балл	Среднее квадратическое отклонение
Заниматься наукой — это увлекательно	3,7	0,99	4,2	0,84	3,5	0,97
Наукой занимаются исключительно умные и одаренные люди	3,5	1,24	3,2	1,27	3,6	1,21
Наука — это престижная карьера	3,7	1,10	3,9	1,01	3,5	1,12
Наука является высокооплачиваемой работой	3,1	1,18	3,2	1,15	3,1	1,19
Наука требует особых навыков и компетенций	4,4	0,91	4,3	0,89	4,4	0,92
Наличие ученой степени является обязательным условием для занятия наукой	3,0	1,32	2,9	1,31	3,0	1,32
Мужчинам легче построить карьеру в науке	2,6*	1,41	2,7*	1,43	2,6*	1,40
Результаты научных исследований востребованы отечественными предприятиями	3,6	1,14	3,6	1,16	3,5	1,13
Россия является одной из ведущих научных стран мира	3,3	1,22	3,4	1,20	3,2	1,22

* Все средние значения, незначимо отличные от 0 на уровне значимости $\alpha = 0,05$, отмечены *. Остальные значения можно считать статистически значимыми на уровне значимости $\alpha = 0,05$.

Хоть я и не собираюсь идти в науку, я могу отметить, что, скорее всего, это увлекательное занятие и в нем есть некий момент романтики. Скорее всего, это навеяно кино, где ученые предстают творческими личностями, которые спасают мир. Но, глядя на наших преподавателей, я не могу сказать, что в России это очень престижная профессия. (Девушка, 19 лет)

Для анализа взаимосвязи между полученными оценками представлений о научной деятельности была построена корреляционная матрица, в которой отражены коэффициенты ранговой корреляции Спирмена (см. табл. 7).

Таблица 7. Корреляционная матрица, отражающая взаимосвязь между оценками различных представлений о науке⁴

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Заниматься наукой — это увлекательно	1,000									
Наукой занимаются исключительно умные и одаренные люди	0,038	1,000								
Наука — это престижная карьера	0,353	0,218	1,000							
Наука является высокооплачиваемой работой	0,189	0,224	0,570	0,493	1,000					
Наука требует особенных навыков и компетенций	0,223	0,407	0,300	0,219	0,277	1,000				
Наличие ученой степени является обязательным условием для занятия наукой	-0,004*	0,315	0,151	0,216	0,279	0,276	1,000			
Мужчинам легче построить карьеру в науке	0,025*	0,202	0,131	0,166	0,112	0,198	0,267	1,000		
Результаты научных исследований востребованы отечественными предприятиями	0,241	0,181	0,337	0,421	0,441	0,271	0,206	0,145	1,000	
Россия является одной из ведущих научных стран мира	0,139	0,167	0,307	0,423	0,414	0,242	0,255	0,128	0,495	1,000

Среди характеристик нет таких, оценки которых тесно связаны между собой (значение коэффициента выше 0,7). При этом очевидна связь между оценкой престижности научной карьеры и представлениями о высокой оплате в этой области, то есть студенты связывают престиж научной работы в том числе с ее оплатой. Также отмечено достаточно большое количество умеренных связей. Их можно разбить на две группы: 1) связь между представлениями о науке как увлекательной работе, престижной среди молодежи, и 2) представлениями о науке как о престижной карьере, результаты которой востребованы отечественными предприятиями с учетом того, что Россия является одной из ведущих научных стран мира. При этом связь между двумя последними ответами среди собирающихся заниматься наукой в будущем достаточно высока (с учетом того, что в остальном существенных отличий от выявленных по всем опрошенным связей нет). Это позволяет предположить наличие двух типов мотивации к науке:

⁴ В таблице зеленым цветом помечены значения больше 0,5, что соответствует заметной и сильной связи (по шкале Чеддока). Белым помечены значения меньше 0,3, что соответствует слабой связи. * отмечены значения коэффициентов корреляции, незначимо отличные от 0 на уровне значимости $\alpha=0,05$. Остальные значения статистически значимы на этом уровне.

- 1) материальная мотивация: наука — увлекательная деятельность, которая престижна и достаточно высокооплачиваема;
- 2) статусная мотивация: наука — общественно значимая и востребованная деятельность.

Заключение и дискуссия

Анализ результатов исследования свидетельствует о низкой значимости науки в качестве сферы для потенциальной карьеры молодежи. Всего 17 % опрошенных студентов волгоградских вузов допускают для себя возможность научной работы. Полученные данные идут вразрез с официальной позицией Правительства РФ⁵. В качестве наиболее значимых критериев при выборе потенциального рабочего места студенты указали деньги и стабильность, а наукой им заниматься неинтересно⁶. Подобный прагматичный подход со стороны студентов к выбору своей дальнейшей карьеры коррелирует с ранее полученными данными о факторах привлекательности территорий для молодежи с точки зрения проживания [Акимова, Волков, Ефимов, 2021]. Для студентов региональных вузов при выборе будущей работы важнейшую роль играют деньги и стабильность. Кроме того, влияние на выбор потенциальной карьеры оказывают также условия труда и атмосфера в коллективе. Престижность работы и польза обществу наименее значимы. Допускаем, что результаты в зависимости от региона могут меняться. Например, студенты столичных вузов или регионов с более высоким уровнем доходов и более диверсифицированной экономикой, возможно, не считают деньги приоритетом при выборе профессии. Но наличие запроса со стороны региональной молодежи на высокие зарплаты должно стать триггером для местных властей к запуску качественных изменений. Без массового притока молодых исследователей в регионах будет усиливаться тенденция стагнации и асинхронности развития территорий. Столичные регионы продолжают привлекать человеческий капитал, усиливая процессы «сжатия» российских городов.

В целом результаты исследования согласуются с результатами, полученными зарубежными учеными, особенно в части взаимосвязи между отношением студентов к науке и их достижениями в научной сфере. Для студентов, собирающихся заниматься наукой, она представляется более интересным и престижным занятием, а работа ученого совпадает с представлениями об идеальной работе.

Анализ когнитивной составляющей отношения к науке показывает, что студенты в целом положительно воспринимают научную деятельность. В большинстве случаев наука у студентов ассоциируется с естественными науками (химия и физика), что естественным образом сказывается на восприятии других отраслей науки и их отношении к ним. Наука также широко ассоциируется с конкретными научными деятелями, что следует использовать в рамках маркетинговых стратегий по популяризации научно-исследовательской деятельности среди молодежи.

Анализ аффективной компоненты свидетельствует, что студенты ассоциируют науку с одаренностью, многие из них не видят себя в будущем учеными по причине

⁵ Чернышенко Д. В рамках Десятилетия науки и технологий в 2022 году было проведено более 1000 мероприятий // InScience. 2022. 3 декабря. URL: <https://inscience.news/ru/article/discussion/11107> (дата обращения: 24.12.2022).

⁶ Это еще раз подтвердило взаимосвязь между престижностью карьеры и высокой заработной платой. Чем выше заработная плата, тем престижнее считается работа в той или иной области, в том числе и научной.

отсутствия талантов и низкой самооэффективности. Безусловно, научная деятельность требует определенных компетенций, но не стоит себя недооценивать. Возможно, общественным структурам и органам государственной власти стоило бы направить дополнительные усилия на популяризацию науки, начиная с начальной школы. Изменение восприятия студентами внутренней ценности и полезности науки должно положительно повлиять на желание заниматься научной деятельностью. Особый упор, как нам видится, необходимо сделать на проактивном подходе к воспроизводству научных кадров. Механизмы и инструменты вовлечения школьников в научную деятельность — тема отдельного научного исследования и экспертного обсуждения с привлечением широкого круга заинтересованных сторон. Единственное, что очевидно нужно делать, это демонстрировать потенциальным ученым тесную взаимосвязь между научными исследованиями и решением конкретных прикладных задач.

Стоит также отметить, что среди 17 % студентов, желающих заниматься наукой, 7,5 % не представляют своей жизни без нее. Таких молодых людей необходимо всячески поощрять, создавать им условия для эффективной научной деятельности. В частности, требуется работа по улучшению системы финансирования научных проектов и обеспечению доступности современного оборудования и технологий. Кроме того, существенное влияние на привлекательность карьеры в науке оказывает возможность участия в международных научных проектах, программах обмена и стажировках за рубежом. Расширение таких возможностей поможет молодым ученым получить ценный опыт, укрепить международные научные связи и повысить свой профессиональный уровень.

Улучшение условий труда и социального статуса научных работников служит ключевым моментом для привлечения молодых специалистов в науку и стимулирования их карьерного роста. Молодежь представляет будущее научного общества, поэтому важно создать для нее благоприятные условия для работы и развития в науке.

Следует также обратить внимание на систему обучения и поддержки молодых научных работников. Необходимы программы наставничества, обучения и менторства, чтобы помочь молодым специалистам успешно начать свою научную карьеру, раскрыть свой потенциал и стать востребованными специалистами в научном сообществе.

Несмотря на важность и перспективность полученных в ходе исследования результатов, необходимо отметить ряд ограничений, которые следует учитывать при интерпретации полученных данных.

Стихийные выборки, как правило, не представляют всю палитру мнений и точек зрения, что сильно ограничивает обобщение результатов на более широкую группу респондентов. В данном случае несбалансированное соотношение полов может привести к смещению, поскольку мужской и женский опыт, мнения и предпочтения могут существенно различаться.

Стихийные выборки подвержены влиянию случайных факторов, таких как местоположение, время проведения опроса, погодные условия, и др. Эти случайные факторы могут некорректно отразить точные тенденции исследуемой группы респондентов.

Результаты, полученные от малочисленной группы информантов, зачастую менее устойчивы к изменению условий или проверке на другой выборке, что ставит под сомнение их надежность. Эти ограничения делают исследование с малым числом информантов менее надежным и требующим дополнительной осторожности при интерпретации и применении его результатов.

Список литературы (References)

1. Акимова О. Е., Волков С. К., Ефимов Е. Г. Привлекательность российских территорий: оценка мнений центениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 384—404. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1908>.
Akimova O. E., Volkov S. K., Efimov E. G. (2021) The Appeal of Russian Regions: Views of the Generation Z. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 384—404. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1908>. (In Russ.)
2. Акманаева Д. Х. Особенности приобщения студентов к научной деятельности в условиях современного российского вуза // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 294—297.
Akmanaeva D. Kh. (2012) The Features of Students' Inclusion to Scientific Activity at a Russian Higher Education Institute. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 1. P. 294—297. (In Russ.)
3. Банникова Л. Н., Кондрашин С. А. Новые возможности для повышения привлекательности научной карьеры молодежи // Human Progress. 2022. Т. 8. № 2. С. 15. <https://doi.org/10.34709/IM.182.15>.
Bannikova L. N., Kondrashin S. A. (2022) New Opportunities to Increase the Scientific Career Attractiveness for the Youth. *Human Progress*. Vol. 8. No. 2. Art. 15. <https://doi.org/10.34709/IM.182.15>. (In Russ.)
4. Вольчик В. В. Реформирование российской системы высшего образования: роль мифов и институтов // TERRA ECONOMICUS. 2013. Т. 11. № 2. С. 94—103.
Volchik V. V. (2013) Reformation of the Russian Higher Education System: The Role of Myths and Institutions. *TERRA ECONOMICUS*. Vol. 11. No. 2. P. 94—103. (In Russ.)
5. Гохберг Л. М., Дитковский К. А., Евневич Е. И. и др. Индикаторы науки. М.: НИУ ВШЭ, 2020.
Gokhberg L. M., Ditkovskiy K. A., Evnevich E. I. et al. (2020) Indicators of Science. Moscow: HSE. (In Russ.)
6. Коган Е. А. Отношение студентов вузов к научно-исследовательской работе // Человеческий капитал. 2020. № 8. С. 179—187. <https://doi.org/10.25629/HC.2020.08.17>.
Kogan E. A. (2020) Attitude of University Students to Scientific Research. *Human Capital*. No. 8. P. 179—187. <https://doi.org/10.25629/HC.2020.08.17>. (In Russ.)

7. Кокшаров В. А., Агарков Г. А. Международная научная миграция: прогресс или угроза научно-технической безопасности России // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 1. С. 243—252. <https://doi.org/10.17059/2018-1-19>.
Koksharov V. A., Agarkov G. A. (2018) International Scientific Migration: Progress or Threat to Scientific and Technical Security of Russia. *Economy of Regions*. Vol. 14. No. 1. P. 243—252. <https://doi.org/10.17059/2018-1-19>. (In Russ.)
8. Прокопенко С. А. Рыночный подход к реформированию университета // Университетское управление: практика и анализ. 2006. № 5. С. 27—32.
Prokopenko S. A. (2006) Market Approach to University Reforming. *University Management: Practice and Analysis*. No. 5. P. 27—32. (In Russ.)
9. Семенова А. А. Привлекательность научной карьеры в оценках молодежи // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2021. № 7. С. 143—154. <https://doi.org/10.24412/2414-9241-2021-7-143-154>.
Semenova A. A. (2021) The Attractiveness of a Scientific Career in Youth Assessments. *The Problems of a Scientist and Scientific Groups Activity*. No. 7. P. 143—154. <https://doi.org/10.24412/2414-9241-2021-7-143-154>. (In Russ.)
10. Судас Л. Г., Юрасова М. В. Отношение студентов к науке и научной работе // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 3. С. 72—82.
Sudas L. G., Yurasova M. V. (2005) Student's Attitudes towards Science and Scientific Work. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 72—82. (In Russ.)
11. Фролов Д. П. Российская система университетского образования: вопросы институциональной эффективности // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 11. С. 94—102.
Frolov D. P. (2016) The Russian System of University Education: Issues of Institutional Effective Strength. *Regional Economics: Theory and Practice*. No. 11. P. 94—102. (In Russ.)
12. Barmby P., Kind P. M., Jones K. (2008) Examining Changing Attitudes in Secondary School Science. *International Journal of Science Education*. Vol. 30. No. 8. P. 1075—1093. <https://doi.org/10.1080/09500690701344966>.
13. Bennett J., Hogarth S. (2009) Would You Want to Talk to a Scientist at a Party? High School Students' Attitudes to School Science and to Science. *International Journal of Science Education*. Vol. 31. No. 14. P. 1975—1998. <https://doi.org/10.1080/09500690802425581>.
14. Breakwell G. M., Beardsell S. (1992) Gender, Parental and Peer Influences upon Science Attitudes and Activities. *Public Understanding of Science*. Vol. 1. No. 2. P. 183—197. <https://doi.org/10.1088/0963-6625/1/2/003>.
15. Brooks T. (2011) Effects of Single-Gender Middle School Classes on Science Achievement and Attitude. PhD Thesis. Minneapolis, MN: Walden University.
16. Chi S., Wang Z., Liu X., Zhu L. (2017) Associations among Attitudes, Perceived Difficulty of Learning Science, Gender, Parents' Occupation and Students' Scien-

- tific Competencies. *International Journal of Science Education*. Vol. 39. No. 16. P. 2171—2188. <https://doi.org/10.1080/09500693.2017.1366675>.
17. Christenson S. L., Reschly A. L., Wylie C. (2012) *The Handbook of Research on Student Engagement*. New York, NY: Springer.
 18. Dua Y. S., Blair D. G., Kaur T., Choudhary R. K. (2020) Can Einstein's Theory of General Relativity Be Taught to Indonesian High School Students? *Journal Pendidikan IPA Indonesia*. Vol. 9. No. 1. P. 50—58. <https://doi.org/10.15294/jpii.v9i1.22468>.
 19. Durant J. R., Evans G. A., Thomas G. P. (1989) The Public Understanding of Science. *Nature*. Vol. 340. No. 6228. P. 11—14. <https://doi.org/10.1038/340011a0>.
 20. Elliniadou E., Sofianopoulou C. (2021) Students' Attitudes towards Science: Where Do We Go from Here. In: Carmo M. (ed.) *International Conference on Education and New Developments 2021*. Lisbon: in Science Press. P. 511—515. <https://doi.org/10.36315/2021end108>.
 21. Foppoli A., Choudhary R., Blair D., Kaur T., Moschilla J., Zadnik M. (2019) Public and Teacher Response to Einsteinian Physics in Schools. *Physics Education*. Vol. 54. Art. 015001. <https://doi.org/10.1088/1361-6552/aae4a4>.
 22. Gardner P. L. (1975) Attitudes to Science. *Studies in Science Education*. Vol. 2. P. 1—41. <http://dx.doi.org/10.1080/03057267508559818>.
 23. Hacieminoglu E. (2016) Elementary School Students' Attitude toward Science and Related Variables. *Interdisciplinary Journal of Environmental and Science Education*. Vol. 11. No. 2. P. 35—52.
 24. Jenkins E. W. (1994) Public Understanding of Science and Science Education for Action. *Journal of Curriculum Studies*. Vol. 26. No. 6. P. 601—611. <https://doi.org/10.1080/0022027940260602>.
 25. Kennedy P. M. (1993) *Preparing for the Twenty-First Century*. New York, NY: Random House.
 26. Mao P., Cai Z., He J., Chen X., Fan. X (2021) The Relationship Between Attitude Toward Science and Academic Achievement in Science: A Three-Level Meta-Analysis. *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. Art. 784068. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.784068>.
 27. Mungin R. E. (2012) *Problem-Based Learning versus Traditional Science Instruction: Achievement and Interest in Science of Middle Grades Minority Females*. PhD Thesis. Minneapolis, MN: Capella University.
 28. Ng K. T., Lay Y. F., Areepattamannil S., Treagust D. F., Chandrasegaran A. L. (2012) Relationship between Affect and Achievement in Science and Mathematics in Malaysia and Singapore. *Research in Science & Technological Education*. Vol. 30. No. 3. P. 225—237. <https://doi.org/10.1080/02635143.2012.708655>.
 29. Oliver J. S., Simpson R. D. (1988) Influences of Attitude toward Science, Achievement Motivation, and Science Self Concept on Achievement in Science: A Longitudi-

- nal Study. *Science Education*. Vol. 72. No. 2. P. 143—155. <https://doi.org/10.1002/sce.3730720204>.
30. Ormerod M. B., Duckworth D. (1975) Pupils' Attitudes to Science: A Review of Research. Berkshire: NFER, Winsdor.
 31. Osborne J., Simon S., Collins S. (2003) Attitudes towards Science: A review of the Literature and its Implications. *International Journal of Science Education*. Vol. 25. No. 9. P. 1049—1079. <https://doi.org/10.1080/0950069032000032199>.
 32. Piburn M. D., Baker D. R. (1993) If I Were the Teacher...Qualitative Study of Attitude toward Science. *Science Education*. Vol. 77. No. 4. P. 393—406. <https://doi.org/10.1002/sce.3730770404>.
 33. Potvin P., Hasni A. (2014) Analysis of the Decline in Interest towards School Science and Technology from Grades 5 Through 11. *Journal of Science Education and Technology*. Vol. 23. P. 784—802. <https://doi.org/10.1007/s10956-014-9512-x>.
 34. Reid N. (2006) Thoughts on Attitude Measurement. *Research in Science & Technological Education*. Vol. 24. No. 1. P. 3—27. <https://doi.org/10.1080/02635140500485332>.
 35. Rennie L. J., Punch K. F. (1991) The Relationship between Affect and Achievement in Science. *Journal of Research in Science Teaching*. Vol. 28. No. 2. P. 193—209. <https://doi.org/10.1002/tea.3660280209>.
 36. Romine W., Sadler T., Presley M., Klosterman M. L. (2014) Student Interest in Technology and Science (SITS) Survey: Development, Validation, and Use of a New Instrument. *International Journal of Science and Mathematics Education*. Vol. 12. P. 261—283. <https://doi.org/10.1007/s10763-013-9410-3>.
 37. Ryan R. M., Deci E. L. (2009) Promoting Self-Determined School Engagement; Motivation, Learning and Well-Being. In: Wenzel K. R., Wigfield A. (eds.) *Handbook of Motivation at School*. New York, NY: Routledge. P. 171—195.
 38. Smithers A., Robinson P. (1988) *The Growth of Mixed A-Levels*. Manchester: Carmichael Press.
 39. Unfried A., Faber M., Stanhope D. S., Wiebe E. (2015) The Development and Validation of a Measure of Student Attitudes Toward Science, Technology, Engineering, and Math (S-STEM). *Journal of Psychoeducational Assessment*. Vol. 33. No. 7. P. 622—639. <https://doi.org/10.1177/0734282915571160>.
 40. Wang C. L., Liou P. Y. (2017) Students' Motivational Beliefs in Science Learning, School Motivational Contexts, and Science Achievement in Taiwan. *International Journal of Science Education*. Vol. 39. No. 7. P. 898—917. <https://doi.org/10.1080/09500693.2017.1310410>.
 41. Wood R. (2019) Students' Motivation to Engage with Science Learning Activities through the Lens of Self-Determination Theory: Results from a Single-Case School-

Based Study. *EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. Vol. 15. No. 7. Art. em1718. <https://doi.org/10.29333/ejmste/106110>.

42. Zheng A., Tucker-Drob E. M., Briley D. A. (2019) National Gross Domestic Product, Science Interest, and Science Achievement: A Direct Replication and Extension of the Tucker-Drob, Cheung, and Briley (2014) Study. *Psychological Science*. Vol. 30. No. 5. P. 776—788. <https://doi.org/10.1177/0956797619835768>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.4.2560](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2560)

В. К. Антонова, М. Ю. Александрова, Д. И. Присяжнюк, Т. А. Рябиченко

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ HR-МЕНЕДЖЕРА КАК ФАКТОР ИНКЛЮЗИВНОГО НАЙМА И РАЗВИТИЯ ЖЕНЩИН В РОССИЙСКИХ КОМПАНИЯХ

Правильная ссылка на статью:

Антонова В. К., Александрова М. Ю., Присяжнюк Д. И., Рябиченко Т. А. Профессиональная идентичность HR-менеджера как фактор инклюзивного найма и развития женщин в российских компаниях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 194—218. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2560>.

For citation:

Antonova V. K., Aleksandrova M. Y., Prisyazhniuk D. I., Ryabichenko T. A. (2024) Professional Identity of HR Manager as a Factor of Inclusive Hiring and Development of Women in Russian Companies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 194–218. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2560>. (In Russ.)

Получено: 24.01.2024. Принято к публикации: 26.06.2024.

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
HR-МЕНЕДЖЕРА КАК ФАКТОР ИНКЛЮЗИВ-
НОГО НАЙМА И РАЗВИТИЯ ЖЕНЩИН В РОС-
СИЙСКИХ КОМПАНИЯХ**

АНТОНОВА Виктория Константиновна — доктор социологических наук, PhD, профессор кафедры общей социологии департамента социологии, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: vantonova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2907-1561>

АЛЕКСАНДРОВА Марина Юрьевна — преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: myaleksandrova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7683-7750>

ПРИСЯЖНЮК Дарья Игоревна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии департамента социологии, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dprisyazhnyuk@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8224-2174>

РЯБИЧЕНКО Татьяна Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, старший научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: ryabichenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4518-5769>

**PROFESSIONAL IDENTITY OF HR MANAG-
ER AS A FACTOR OF INCLUSIVE HIRING AND
DEVELOPMENT OF WOMEN IN RUSSIAN
COMPANIES**

Viktoria K. ANTONOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), PhD, Professor at the Department of General Sociology, School of Sociology; Leading Research Fellow at the International Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: vantonova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2907-1561>

Marina Yu. ALEKSANDROVA¹ — Lecturer at the Department of Sociological Research Methods, School of Sociology
E-MAIL: myaleksandrova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7683-7750>

Daria I. PRISYAZHNIUK¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of General Sociology, School of Sociology; Leading Research Fellow at the International Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: dprisyazhnyuk@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8224-2174>

Tatiana A. RYABICHENKO¹ — Cand. Sci. (Psych.), Associate Professor at the School of Psychology; Senior Research Fellow at the International Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: ryabichenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4518-5769>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье проверяется гипотеза о том, что профессиональная идентичность HR-менеджера связана с долей женщин в компании и наличием отслеживаемых показателей (KPI) по их найму и продвижению. Эмпирически исследование опирается на анализ результатов всероссийского опроса HR-менеджеров «Перспективы инклюзивного трудоустройства в российских компаниях и факторы, влияющие на управление многообразием в контексте глобальных вызовов» (2021 г., объем выборки — 2050 респондентов), проведенного НЦМУ НИУ ВШЭ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала», и использует модели множественной линейной регрессии. В основе интерпретации результатов — теория производства смыслов (sense-making) К. Вейка и социологический неоинституционализм как подход к анализу организаций. Показано, что индивидуальные характеристики и профессиональная идентичность HR-менеджеров демонстрируют связь и с долей женщин в компании, и с наличием указанных показателей KPI. Самый сильный предиктор изменения доли женщин в компании — приверженность HR-менеджера стереотипам о них. Формальные институты, такие как международные нормы и регулирование обеспечения инклюзии в компании, скорее создают предпосылки инклюзивной среды в целом, но не увеличивают долю женщин. При этом HR-менеджеры в большей степени связаны с наймом женщин в компании, но в меньшей — с систематическим отслеживанием практик найма и продвижения женщин. То есть формальные институты вносят вклад в инклюзивную повестку компании, поддерживая ее легитимность, но не являются драйверами найма женщин.

Ключевые слова: профессиональная идентичность HR-менеджера, индивидуальные характеристики HR-менеджера, инклюзия,

Abstract. The study tests the hypothesis that the professional identity of an HR manager is associated with the proportion of women in the company and the presence of trackable indicators (KPI) for their hiring and promotion. Empirically and methodologically, the study is based on the results of the nationwide survey of HR-managers “Prospects for Inclusive Employment in Russian Companies and Factors Affecting Diversity Management in the Context of Global Challenges” (2021, $N=2050$) conducted by the HSE Center for Interdisciplinary Research of Human Potential and multiple linear regression models. The interpretation of the results is based on the theory of sense-making by Weick and sociological neo-institutionalism as an approach to the analysis of organizations. The authors show that individual characteristics and professional identity of HR managers correlates with both the proportion of women in the company and the presence of the specific KPI indicators. The strongest predictor of changes in the proportion of women in a company is the HR manager’s adherence to stereotypes about them. Formal institutions, such as company’s attitude to international norms and regulations for ensuring inclusion in a company, are more likely to create the prerequisites for an inclusive environment in general, but do not increase the proportion of women. At the same time, HR managers are more likely to bring women into the company, but less likely to systematically monitor women’s hiring and promotion practices. That is, formal institutions contribute to the inclusive agenda of a company, supporting its legitimacy, but do not become drivers of hiring women.

Keywords: HR-manager’s professional identity, HR-manager’s individual characteristics, inclusion, stereotypes, neo-institution-

стереотипы, неоинституционализм, теория производства смыслов, занятость женщин

alism, sense-making theory, employment of women

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075152022325).

Acknowledgments. The study was carried out within a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant agreement No. 075152022325).

Авторы выражают искреннюю признательность Кристиану Фрёлыху за значимый вклад в разработку идеи данной статьи.

The authors would like to express their sincere gratitude to Christian Fröhlich for his significant contribution to the idea of this article.

Введение

Принципы разнообразия и инклюзии (*D&I*) входят в повестку дня на глобальном уровне и становятся ориентирами для бизнеса. Их реализация предполагает создание в организации норм, правил и ценностей, поддерживающих разнообразие и уважение уникальности каждого человека [Mousa, 2021], а также обеспечение равного доступа к принятию решений, ресурсам и возможностям восходящей мобильности для всех людей после найма [Shore et al., 2018: 177].

В отношении женщин инклюзия на рабочем месте широко обсуждается в зарубежной научной и практической литературе в контексте факторов, барьеров и драйверов политики инклюзии [Kulik, 2022; Garg, Sangwan, 2021].

Систематический обзор исследований о положении женщин на рынке труда с начала XX века до наших дней показывает, что гендерные стереотипы и гендерная профессиональная сегрегация все еще сохраняются в разных географических контекстах, как в развитых, так и в развивающихся странах. Женщины, как и другие социально уязвимые группы — мигранты, инофоны, люди с инвалидностью, — продолжают дискриминироваться, выполнять «невидимую» работу, вытесняться на вторичный рынок труда, что вступает в противоречие с принципами социальной справедливости [Balka, Wagner, 2021]. Последние исследования, проведенные в развитых странах, например в Германии, обнаруживают неравенство шансов мужчин и женщин на рабочем месте, во многом основанное на неявных иерархиях внутри профессий и коллективов. К нерешенным проблемам авторы относят разные уровни вознаграждения как в «мужских» и «женских» профессиях, так и за одну и ту же работу, выполненную мужчиной и женщиной, неоплачиваемый женский труд, вынуждающий работниц трудоустроиваться на неполный рабочий день [Kleinert et al., 2023].

В отечественной литературе также широко представлен социологический анализ значимости участия женщин в трудовых отношениях. Так, российские социологи анализируют, например, тенденции изменений гендерного порядка и гендерной политики, нацеленные на достижение гендерного равенства, в том числе в сфере социальных прав и трудовых отношений [Силласте, 2021]. Некоторые работы вскрывают и развенчивают стереотипы, препятствующие карьерному росту

и успешной занятости женщин в России, а также освещают проблемы неэффективного использования человеческого капитала высокообразованных россиянок [Хоткина, 2016]. Отдельно следует отметить исследования, посвященные профессиональной сегрегации женщин на рынке труда [Козина, 2002], вопросам гендерных предпочтений работодателей [Московская, 2002] и анализу женского лидерства в бизнесе и политике [Чирикова, 1998, 2003; Чирикова, 2011]. Подобные работы подчеркивают главенство субъективных представлений работодателя о достоинствах и недостатках мужской и женской рабочей силы и о том, какие качества являются преимущественно мужскими, а какие — преимущественно женскими [Московская, 2002], а также формулируют тезисы о разделении рабочих мест на «мужские» и «женские» как итоге гендерного конструирования, которое сводит к минимуму долю «гендерно-нейтральных» рабочих мест [Козина, 2002: 36]. Некоторые другие исследования показывают, напротив, расширение шансов женщин на российском рынке труда и сближение карьерных возможностей женщин и мужчин из числа менеджеров среднего звена [Попкова, Тартаковская, 2011]. Кроме того, «обнаруживающиеся тенденции к увеличению [числа] женщин в профессиях, требующих высшего образования, а также к существенному снижению числа женщин, занятых неквалифицированным трудом, могут считаться индикаторами формирования нового гендерного порядка в стране» [Брушкова, 2021: 139].

Расширение прав и возможностей женщин на рынке труда, являющееся одной из целей устойчивого развития, имеет и выраженный социальный эффект для бизнеса. Согласно данным международных исследований, политика D&I в отношении женщин ведет к повышению доходов компании, улучшению ее публичного имиджа, ускорению и повышению эффективности принятия решений, росту удовлетворенности работниками условиями работы [Kaur, Arora, 2020], ощущению счастья [Mousa, 2021], развитию инноваций и креативности [Vedres, Vasarhelyi, 2023].

Имеющиеся отечественные исследования в сфере управления многообразием и инклюзивного трудоустройства чаще всего уделяют внимание группе людей с инвалидностью: либо связаны с анализом соответствующего законодательства [Мачульская, 2015; Пашкова, 2018], либо изучают внимание и отношение сотрудников компаний к вопросам многообразия через адаптацию и инклюзию людей с инвалидностью [Минева и др., 2018].

Установки и практики ключевых акторов на организационном уровне остаются малоизученными. Зарубежные исследования и мнения практиков показывают, что отношение и восприятие HR-менеджеров компаний играют ключевую роль в реализации политики D&I, а также реагировании компаний на проблему диверсификации рабочей силы [Lau et al., 2023]. В отечественных публикациях «управление разнообразием персонала для поиска новых подходов к развитию бизнеса» [Нагибина, Могильникова, 2019: 68] еще совсем недавно считалось «новым трендом в области управления человеческими ресурсами» [там же]. Одновременно подчеркивалось, что «формирование штата компании, команды на основе сбалансированности качественных и количественных характеристик является приоритетной стратегической целью HR-менеджеров и требует нового взгляда и компетенций в данном вопросе» [там же]. В России вопросу D&I на рабочем месте пока уделяется мало внимания даже в отношении наиболее

изученной за рубежом социальной группы — женщин. Эмпирические исследования ограничиваются несколькими [Коковихин и др., 2017; Colgan et al., 2014] не претендующими на репрезентативность результатов. Если работа 2014 г. показывает, что проблема управления разнообразием вообще не воспринималась как приоритетная для российских реалий, а повестка D&I продвигалась в основном транснациональными компаниями, то в 2017 г. отмечается, что HR-менеджеры, хотя и плохо подготовлены к управлению разнообразием в рабочей среде, но считают проблему важной и готовы осваивать новые инструменты реализации инклюзивного трудоустройства [Коковихин и др., 2017]. Эта готовность обозначает «точку роста», однако ее недостаточно для эффективного развития инклюзивной среды. Вместе с тем результаты недавних исследований, основанных на качественном контент-анализе глубинных интервью с российскими женщинами-лидерами, показывают, что система найма персонала наряду с иными факторами влияет на профессиональное развитие женщин во всех секторах [Пилкина, 2024: 73], при этом «частный сектор стремится стать более гендерно сбалансированным» [там же: 79]. В то же время есть исследования конкретных инклюзивных практик, например, «гендерно-ориентированных практик управления талантливыми сотрудниками в 103 российских компаниях» [Латуха и др., 2020: 34], результаты которых объясняют, что основная часть респондентов осознает важность таких практик, тем не менее реализуются они очень фрагментарно [там же: 58]. Очевидно, что HR-менеджеры в силу своего функционала наряду с руководством компании играют лидирующую роль в переводе инклюзивных практик в более системный формат.

Иными словами, HR-менеджеров как ответственных за наем сотрудников и за инклюзивные практики управления персоналом важно изучить с позиции их влияния на гендерное и иное разнообразие в компании.

Однако в целом роль HR-менеджеров в продвижении инклюзии в бизнес-организациях в России остается неисследованной. Для восполнения этого пробела нами разработана методология собственного оригинального исследования с опорой на теорию формирования смыслов (*sense-making*), рассмотренную с точки зрения парадигмы неоинституционализма.

В данном исследовании предпринимается попытка при помощи регрессионного анализа данных всероссийского репрезентативного массового опроса HR-менеджеров высшего и среднего звена бизнес-организаций определить наличие и характер связи между некоторыми индивидуальными характеристиками, профессиональной идентичностью HR-менеджеров и принятием ими глобальных принципов D&I, а также присутствием и положением женщин в компаниях.

Сначала с опорой на современные зарубежные и отечественные исследования продемонстрируем значимость разнообразия и участия женщин в трудовых отношениях, а также охарактеризуем их текущее положение на российском рынке труда. Затем реконструируем теоретическую рамку исследования, адаптировав концепции производства смыслов и неоинституционализма к анализу того, связана ли (и если да, то каким образом) профессиональная идентичность HR-менеджера с долей и положением женщин в бизнес-организациях. Далее обратимся к методологии собственного эмпирического исследования и обсудим его результаты.

Присутствие женщин на рынке труда и в организациях как показатель инклюзии

Принято считать, что Глобальный индекс гендерного разрыва (*Global Gender Gap Index*) отражает гендерное неравенство в мире. Он оценивает динамику гендерных разрывов по четырем ключевым параметрам (экономическое участие и возможности, уровень образования, здоровье и выживание, расширение политических прав и возможностей) и отслеживает прогресс в устранении этих разрывов с течением времени. Россия занимает 81-е место в мире (среди 156 стран) по этому индексу¹. По двум параметрам, отражающим уровень образования, а также здоровье и выживание, Россия искоренила гендерный разрыв. По еще одному — экономическое участие и возможности — за последние десять лет Россия улучшила свое положение, поднявшись с 29-го места в 2011 г. до 25-го места в 2021 г.² Указанный параметр измеряет гендерное равенство на рынке труда на основе статистических данных о зарплатах и распределении должностей между мужчинами и женщинами. При этом, если согласно указанному параметру женщины в России в целом хорошо интегрированы в рынок труда и занимают более квалифицированные должности, чем мужчины, то с точки зрения заработной платы между ними по-прежнему наблюдается значительное неравенство: женщины получают менее 60% от заработной платы мужчин³.

Различные исследования свидетельствуют о неоднородности ситуации с гендерным неравенством в России. Например, метаанализ показывает, что разрыв в зарплатах между мужчинами и женщинами варьируется от 5,3% до 69,9% в зависимости от таких факторов, как семейное положение, отрасль и вид занятости, а также трудовой стаж [Рощин, Емелина, 2022]. Существование этого разрыва подтверждают и данные официальной государственной статистики: в 2021 г. отношение средней зарплаты женщин к средней зарплате мужчин составило 72,5%. Для руководителей этот показатель равен 68,1%⁴.

В 2015 г. Россия приняла Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 г. и перечень Целей устойчивого развития (ЦУР), разработанных ООН. Одна из главных целей этих программных документов (Целевое устойчивое развитие № 5 — «Гендерное равенство»⁵) направлена на борьбу с дискриминацией женщин, снижение разрыва в оплате труда, уменьшение числа случаев насилия в отношении женщин и увеличение их числа на руководящих должностях в секторе малого и среднего предпринимательства. Также, согласно добровольному обзору о достижениях в Целях устойчивого развития в 2018 г., Россия занимает третье место в мире по доле женщин-предпринимателей и руководителей⁶. Однако эта информа-

¹ World Economic Forum (2021) Global Gender Gap Report 2021. P. 10. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2021/> (дата обращения: 11.10.2023).

² Там же. P. 18.

³ Там же. P. 39.

⁴ Женщины и мужчины России. 2022: Стат.сб. М.: Росстат, 2022. С. 109—113. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wom-Man%202022.pdf> (дата обращения: 12.08.2024).

⁵ Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2020. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения 19.01.2024).

⁶ Там же.

ция противоречит данным из других исследований, включая международные сравнительные. Например, данные консалтинговой компании Deloitte показывают, что доля женщин среди топ-менеджеров и членов советов директоров в российских компаниях составила в 2021 г. всего 8,4 %, в то время как в среднем по миру она равняется 19,7 %⁷. А в отчете 2021 г. о глобальном гендерном разрыве отмечается, что женщины не так часто занимают высшие руководящие должности или входят в советы директоров компаний, акции которых котируются на бирже (10,6%)⁸.

В России отсутствует специальный законодательный акт, направленный на укрепление гендерного равенства на рабочем месте. В течение 2000—2010-х годов было предпринято несколько попыток его принять, однако все они оказались unsuccessfulными⁹. Российское законодательство сегодня маркирует женщин на рынке труда как объектов государственной заботы и пронаталистской демографической политики, поддерживая их и предоставляя дополнительные привилегии исключительно в случае беременности и материнства¹⁰, оберегая репродуктивное здоровье перечнем запрещенных для женщин профессий¹¹. Вместе с тем существуют «низовые» инициативы, например кампания по полной отмене перечня «неженских» профессий #AllJobs4AllWomen¹², с помощью которых происходят некоторые изменения в российском законодательстве. Так, с 1 января 2021 г. в России действует обновленный перечень работ и производств, где труд женщин ограничен. В нем 100 пунктов вместо предыдущих 456 профессий¹³.

Для ответа на ключевой исследовательский вопрос о поиске связи между отношениями HR-менеджеров к глобальным принципам управления разнообразием (как проявлению их профессиональной идентичности), а также их индивидуальными характеристиками и инклюзией женщин в компаниях обратимся к соответствующей теоретической рамке.

Теория смыслов, неинституционализм и профессиональная идентичность как оптика анализа

Мы используем теорию производства смыслов (*sense-making theory*), созданную К. Вейком [Weick, 1995] и получающую определенное развитие [Weick et al., 2005; Zhang et al., 2021], чтобы исследовать факторы, которые могут быть свя-

⁷ Мимиконян О. Доля женщин в советах директоров российских компаний выросла до 8,4 % // Forbes. 2022. 01 февраля. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/454241-dola-zensin-v-sovetah-direktorov-rossijskih-kompanij-vyroslo-do-8-4> (дата обращения: 19.01.2024).

⁸ Global Gender Gap Report 2021 // World Economic Forum. P. 39. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2021/>. (дата обращения: 11.10.2023).

⁹ Белов С. А. Правовое регулирование вопросов социального статуса и защиты прав женщин: анализ российского и зарубежного опыта, направления совершенствования законодательства Российской Федерации. Аналитический вестник. М.: Издание Государственной Думы, 2019.

¹⁰ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 04.06.2023).

¹¹ Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 311-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389002/ (дата обращения: 04.06.2023).

¹² All Jobs for All Women // ADC. URL: <https://adcmemorial.org/all-jobs4all-women/> (дата обращения: 19.01.2024).

¹³ Минтруд сократил перечень работ, на которых ограничивается труд женщин // Минтруд России. 2021. 3 августа. URL: <https://mintrud.gov.ru/labour/49> (дата обращения: 19.01.2024).

заны с принятием решения HR-менеджеров о приеме женщин на работу. Теория производства смыслов утверждает, что «главная характеристика создания смыслов — это то, что оно социально, основано на конструировании идентичности [Weick, 1995]. Формирование смыслов может быть затруднено и может привести к ошибкам, если не обращать внимание на социальные роли и отношения внутри организации» [Zhang et al., 2021: 4].

Факторы, определяющие выбор кандидата на позицию, включают индивидуальные установки и стереотипы HR-менеджеров относительно маргинализированных социальных групп. Часто неоднозначная информация интерпретируется таким образом, чтобы подтвердить существующие стереотипы [Hilton, Von Hippel, 1996], что приводит к смещению в оценке навыков кандидатов [Bryant-Lees, Kite, 2021]. Таким образом, индивидуальные характеристики и установки HR-менеджера, а также осознание им своей роли в организации формируют его идентичность — важный компонент в процессе смыслообразования по теории К. Вейка [Weick, 1995; Weick et al., 2005]. В настоящей статье мы предлагаем сфокусироваться на профессиональной идентичности HR-менеджера, которая конструируется через установки руководства, предопределяющего стратегии найма в организации; взаимодействие с коллегами из бизнес-сообщества; под влиянием глобальной инклюзивной повестки, выполнение которой входит в обязанности HR-менеджеров, а также через постоянную коммуникацию с сотрудниками. Такие показатели, как опыт работы, уровень удовлетворенности ею, индивидуальные установки и самооценка информированности о принципах разнообразия и инклюзии, — проявления профессиональной идентичности HR-менеджеров [Weiss et al., 2023]. Это вторичная идентичность, основанная на вторичной социализации, она включает «социальные роли, профессиональные занятия и статусные позиции» [Гидденс, Сэттон, 2018: 219].

Индивидуальные установки сталкиваются с социальными факторами, а также с оценками и смыслами, которые используются для интерпретации определенных характеристик кандидатов. Эти установки и предубеждения могут изменяться под влиянием социальной среды [Galperin, 2019] и зависят от наличия и силы соответствующих социальных норм [Zitek, Hebl, 2007], поддержки их со стороны руководства компании. Если существует социальная норма, которая поддерживает гендерное, этническое или возрастное разнообразие, влияние непосредственной среды сотрудников организации на индивидуальные установки становится более значимым. В таких случаях HR-менеджер может создавать новые объяснения для обоснования своих решений, что представляет собой проявление социальности процесса создания смыслов [Weick, 1995]. Формирование смыслов происходит через коммуникацию [Ren, Chadee, 2020], где окружающая среда рассматривается не как фиксированная и стабильная реальность, а как совместное конструирование сознания индивидов и их действий [Powell, Bromley, 2015: 766].

Профессиональная идентичность HR-менеджеров и их роль в найме и удержании женщин также подвержены влиянию макрофакторов: международных норм, регулирующих инклюзивное трудоустройство, и принципов соответствующего регулирования на уровне организаций. Для объяснения этого влияния мы обратимся к неинституционалистской парадигме, которая учитывает как формальные

институты, так и неформальные практики [March, Olsen, 1983]. В данном случае международные нормы и регулирование, направленные на обеспечение социальной инклюзии внутри организаций, представляют собой формальные институты, в то время как социальные нормы — неформальные практики.

В контексте производства смыслов институты выполняют несколько функций. Во-первых, они создают определенный дискурс [Phillips et al., 2004], организующий взаимодействие акторов и их стратегий в отношении обеспечения инклюзии. Также институты, как продукты общества, могут порождать необходимость в создании новых смыслов [Weber, Glynn, 2006] и влиять на формирование «культуры» в организации, привлекая внешних акторов для поддержания и усиления своей легитимности. В случае, когда процессы и результаты имеют неопределенную экономическую значимость и рыночную ценность, что характерно для инклюзии в настоящее время, оценка зависит от соглашений о том, что является легитимным [Хасс, 2007: 118]. Таким образом, компании, занимающие лидирующие позиции в области инклюзии, имеют возможность определять правила и нормы, которые считаются легитимными и нормальными в отношении обеспечения разнообразия и инклюзии в деловом сообществе. Однако внедрение определенных правил в области разнообразия и инклюзии может создать конфликт с существующими практиками и установками, требуя новых интерпретаций для обоснования действий HR-менеджеров.

Институты могут служить инструментом обратной связи, реагируя на определенное поведение и практики в обществе, как, например, обеспечение социокультурного разнообразия на рабочих местах. При этом неформальные практики, нормы и установки демонстрируют относительную устойчивость, так как они коренятся в культуре [North, 1990] и медленно меняются в ответ на изменения формальных институтов.

Столкновение различных характеристик на уровне индивидов, организаций и институциональных ограничений влияет на решения HR-менеджеров относительно приема женщин в компанию и их инклюзии и часто приводит к возникновению конфликтов. Например, возможны противоречия между глубоко укорененными установками HR-менеджера относительно качеств женщин и принятых международных норм, институциональных правил, организационной культуры, которые поддерживают инклюзивное трудоустройство. В таких случаях HR-менеджеры, имеющие предубеждения относительно эффективности работы принятых женщин, могут уделять им меньше внимания и прилагать меньше усилий для их успешной адаптации в коллективе. Такие действия приводят к снижению производительности новых сотрудниц [Sabat et al., 2020]. Низкая эффективность этих сотрудниц, обусловленная поведением HR-менеджеров, становится поводом для дальнейшей легитимации решений HR-менеджеров отказывать женщинам в приеме на работу, что способствует производству новых смыслов. По теории К. Вейка, повторяющиеся практики и накопленный опыт, на которые опирается HR-менеджер, отражают ретроспективность процесса производства смыслов.

Используя указанную теоретическую рамку и имея первичные данные о профессиональной идентичности HR-менеджеров компаний, мы пытаемся понять, как связана профессиональная идентичность менеджера с наймом и инклюзией женщин в организации.

Методика исследования

Исследование строится на данных репрезентативного общероссийского опроса (2021 г.), направленного на изучение практик и восприятия HR-менеджерами принципов разнообразия и инклюзии на рабочем месте. Объем выборки — 2 050 респондентов: представители крупного (200), среднего (650) и малого бизнеса (1 200) во всех федеральных округах РФ. Опрос проводился по формализованной анкете комбинированным методом — респондентам предлагалось на выбор пройти личное, телефонное интервью или онлайн-анкетирование (средняя продолжительность интервью составила 20 минут). Респонденты рекрутировались также комбинированным методом: сначала по базе компаний проводился «холодный рекрутинг» из представителей кадровых служб коммерческого сектора (включая руководителей HR-подразделений, специалистов по подбору и найму персонала в организациях; лиц, отвечающих за разработку и реализацию HR-политики в компании), работающих в компаниях крупного, среднего и малого бизнеса в следующих отраслях: нефтегазовая/нефтехимическая, металлургическая/горнообработывающая, производство машин и оборудования, производство пищевых товаров, общепит и гостиничное хозяйство, здоровье и фармацевтика, ритейл и торговля, IT и телекоммуникация, финансы и страхование, энергетика. В продолжение применялся метод «снежного кома» для добора квот. В данной работе основное внимание уделяется индикаторам двух уровней: индивидуально (характеристики HR-менеджеров) и организационного (инклюзивные характеристики среды компании).

В основу операционализации профессиональной идентичности HR-менеджеров, которая, согласно теории К. Вейка, играет ключевую роль в создании смыслов, легла группа индикаторов. Для их получения в ходе формализованного опроса HR-менеджерам было предложено, например, оценить свою удовлетворенность работой в целом и ее различными аспектами, такими как оплата, условия работы и возможности для профессионального роста. Информанты также оценивали важность своей работы как HR-специалиста как для себя лично, так и для компании. Кроме того, HR-менеджерам предлагалось оценить степень гордости своей работой в компании, готовность рекомендовать компанию друзьям и знакомым в качестве хорошего места работы, а также соответствие своей работы целям и миссии компании.

Важно отметить, что в отличие от большинства предыдущих исследований, где социально-демографические показатели рассматриваются в качестве контрольных переменных, в нашей работе некоторые из таких параметров, например пол и возраст, являются ключевыми предикторами для восприятия HR-менеджерами практик социальной инклюзии. Более ранние исследования [Piopiunik et al., 2020; Principi et al., 2015] подтверждают, что принадлежность HR-менеджера к определенной социальной группе может оказывать влияние на его решения относительно найма новых сотрудников. Характеристики соискателей также рассматриваются HR-менеджерами через призму собственного смыслового каркаса [Czarniawska, 2005]. Кроме того, пол и возраст HR-менеджеров играют важную роль в создании социально-культурного разнообразия, поэтому необходимо учитывать соответствующие характеристики и у самих HR-менеджеров. Таким образом, мы ана-

лизируем, есть ли связь между некоторыми индивидуальными характеристиками HR-менеджеров, а также их профессиональной идентичностью и наличием инклюзии женщин в организациях.

Результаты исследования

Для проверки на допустимость построения сумматорных шкал использовался коэффициент α Кронбаха; для определения связи индивидуальных характеристик и профессиональной идентичности HR-менеджеров, факторов инклюзивной среды в компании с долей женщин в них и наличием отслеживаемых KPI по найму и продвижению женщин — множественная линейная регрессия с фиктивными переменными.

Индивидуальные характеристики и профессиональная идентичность HR-менеджеров как предикторы инклюзии женщин

Мы сформулировали гипотезу о том, что индивидуальные характеристики и профессиональная идентичность HR-менеджеров могут быть связаны с 1) долей женщин в компании и 2) наличием отслеживаемых KPI по найму и продвижению женщин в них. Для проверки гипотез нами были построены две модели множественной линейной регрессии с фиктивными переменными, в которых полностью совпадали отобранные предикторы и различалась зависимая переменная — в одном случае это была доля женщин в штате компании, во втором — количество отмеченных отслеживаемых KPI по их найму и продвижению. Переменная «Наличие отслеживаемых показателей (KPI) по найму и продвижению женщин» — сумматорная, представляет собой сумму баллов (от 0 до 5), набранную по переменным.

Наличие отслеживаемых KPI:

1. Показатели, отражающие равенство оплаты труда.
2. Показатели, отражающие удержание и продвижение сотрудников-женщин.
3. Показатели, отражающие количество соискателей-женщин.
4. Показатели, отражающие количество нанятых соискателей-женщин.
5. Показатели, отражающие количество сотрудников-женщин.

В число независимых переменных для моделей, описывающих индивидуальные характеристики и профессиональную идентичность HR-менеджеров, вошли социально-демографические характеристики (пол, возраст, уровень образования, наличие детей в возрасте до 18 лет, ежемесячный доход — индивидуальные характеристики), представления и убеждения HR-менеджеров, которые могут быть связаны с принятием решений о найме сотрудников, о реализации инклюзивных практик (приверженность стереотипам в отношении женщин, удовлетворенность факторами трудовой деятельности, оценка важности роли HR), а также показатели опыта работы (число полных лет работы в сфере HR / управления кадрами в целом, число полных лет работы в текущей компании). Переменные числа полных лет работы в текущей компании, число лет работы в сфере HR и возраст респондентов были перекодированы для того, чтобы получить содержательно адекватную интерпретацию константы в регрессионном уравнении. Наборы фиктивных переменных были созданы из переменной образования (контрольная группа (КГ) — респонденты со средним/средним специальным образованием) и наличия детей (КГ — отсутствие детей).

Для переменных, отражающих представления и убеждения HR-менеджеров, формирующих их профессиональную идентичность, были построены сумматорные шкалы¹⁴. Удовлетворенность факторами трудовой деятельности касалась оценки работы в целом, условий труда, оплаты труда, возможностей профессионального роста. Оценка важности роли HR включала оценку важности работы как HR-специалиста для респондента лично, компании и населенного пункта. Приверженность стереотипам в отношении женщин включала оценку степени согласия с суждениями о существовании неформальных норм и требований, предписывающих отдавать предпочтение мужчинам, недостаточности навыков или опыта для выполнения задач у женщин, более низкой эффективности работы, риска скорого выхода в декретный отпуск, существования сфер, в которых наем женщин невозможен из-за специфики деятельности компании.

Результаты построения моделей приведены в таблице 1. Индивидуальные характеристики и профессиональная идентичность HR-менеджеров демонстрируют связь с долей женщин в компании и наличием отслеживаемых KPI по найму и продвижению женщин, причем связь с долей женщин в компании — сильнее. В случае модели, где зависимая переменная — доля женщин в компании, можно отметить следующее. Доля женщин растет при увеличении количества полных лет работы HR-менеджера в компании на момент проведения опроса, повышении уровня образования вплоть до магистратуры в сравнении со средним / средним специальным, при наличии детей до 18 лет в сравнении с их отсутствием. Доля женщин в компании падает при повышении удовлетворенности факторами трудовой деятельности, увеличении степени согласия со стереотипами о женщинах, возраста и дохода HR-менеджера. Не было обнаружено значимой связи доли женщин в компании с оценкой роли HR, количеством лет работы в сфере HR, наличием ученой степени и детей старше 18 лет. Самая сильная связь с изменением доли женщин в компании наблюдается с приверженностью HR-менеджеров стереотипам о женщинах, наиболее слабая — с наличием у HR-менеджеров детей до 18 лет.

Таблица 1. Факторы, относящиеся к индивидуальным характеристикам HR-менеджера и относящиеся к профессиональной идентичности HR-менеджера, связанные с долей женщин в компании и количеством отслеживаемых KPI по найму и продвижению в ней женщин. Коэффициенты уравнения множественной линейной регрессии

Переменные	Зависимая переменная: Доля женщин среди сотрудников в целом		Зависимая переменная: Число отслеживаемых KPI по найму и продвижению женщин	
	Коэффициент B	Бета	Коэффициент B	Бета
(Константа)	55,13***		0,21	
Удовлетворенность факторами трудовой деятельности	-0,41**	-0,06	-0,00	-0,01
Роль HR	0,30	0,03	0,01	0,03
Стереотипы	-0,62***	-0,13	0,01	0,03

¹⁴ Для всех сумматорных шкал получено допустимое значение коэффициента α Кронбаха — подверженность стереотипам: 0,83; удовлетворенность факторами трудовой деятельности: 0,87; оценка роли HR: 0,79.

Переменные	Зависимая переменная: Доля женщин среди сотрудников в целом		Зависимая переменная: Число отслеживаемых КРІ по найму и продвижению женщин	
	Коэффициент В	Бета	Коэффициент В	Бета
Количество полных лет работы в компании	0,28*	0,06	0,01**	0,06
Количество полных лет работы в HR	-0,02	-0,00	0,00	0,00
Количество полных лет	-0,27***	-0,10	-0,01***	-0,09
Незаконченное высшее	7,51**	0,06	0,03	0,01
Высшее (бакалавриат / ВВА)	4,83*	0,09	0,02	0,01
Высшее (магистратура / MBA)	5,20*	0,07	-0,09	-0,04
Высшее (специалитет)	5,16*	0,11	-0,06	-0,04
Ученая степень	9,90	0,04	-0,06	-0,01
Есть несовершеннолетние дети	2,45*	0,05	0,01	0,01
Есть дети старше 18 лет	2,12	0,03	-0,06	-0,03
Личный доход (зарплата, социальные выплаты и др. доходы, в месяц)	-1,18***	-0,10	0,03***	0,08
	R2 = 0,044***		R2 = 0,019***	

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$, $p < 0,05$; * $p < 0,1$.

В случае модели, где зависимая переменная — наличие отслеживаемых КРІ по найму и продвижению женщин, можно отметить следующие особенности. С ростом числа отслеживаемых показателей связаны количество полных лет работы в компании и рост дохода HR-менеджера. Уменьшение числа отслеживаемых показателей по найму и продвижению женщин связано с увеличением возраста HR-менеджеров.

Таким образом, рассмотренные регрессионные модели демонстрируют, что профессиональная идентичность HR-менеджеров сильнее связана с принятием решений о найме женщин, чем с формированием инклюзивной культуры в компании, если измерять ее наличием отслеживаемых показателей инклюзии.

Характеристики инклюзивной среды компании как факторы, связанные с долей женщин в ней и наличием отслеживаемых КРІ по их найму и продвижению

Для анализа связи между характеристиками инклюзивной среды в компании с долей женщин в ней и наличием отслеживаемых КРІ по найму и продвижению женщин мы также построили две модели множественной линейной регрессии с фиктивными переменными, в которых полностью совпадали отобранные предикторы и различалась только зависимая переменная — доля женщин в компании и количество отмеченных отслеживаемых КРІ по их найму и продвижению. В качестве независимых переменных были взяты:

1) осведомленность о понятии «политика разнообразия и инклюзии» (КГ — ничего не слышал(а) о таком понятии, слышу в первый раз), о практиках по обеспечению D&I на рабочих местах, реализуемых международными компаниями

в отрасли, к которой относится организация (КГ — то же, что и выше), о ЦУР (КГ — то же, что и выше);

2) оценка влияния реализации политики D&I на показатели работы компании, применимости международных практик политики D&I для России, достижимости ЦУР и влияния ЦУР на деятельность компании;

3) наличие в компании специальных информационных ресурсов, связанных с политикой D&I (количество ресурсов), санкций со стороны работодателя в случае несоответствия решений HR-специалиста правилам компании / позиции работодателя относительно инклюзивной рабочей среды (КГ — отсутствие санкций), поощрений в случае успешной реализации HR-специалистом практик обеспечения D&I на рабочих местах (КГ — отсутствие поощрений);

4) роль респондента в принятии решений, касающихся политики инклюзии и разнообразия в компании (КГ — «Я не принимаю никаких решений в рамках политики D&I») и восприятие развития и реализации политики D&I как способствующей повышению экономической эффективности бизнеса или как проявления корпоративной социальной ответственности (КСО) (КГ — главным образом является проявлением КСО).

Результаты построения моделей приведены в таблице 2. Характеристики инклюзивной среды компании являются теми факторами инклюзии, которые демонстрируют связь с наличием отслеживаемых KPI по найму и продвижению женщин (r^2 модели значим), однако с долей женщин в компании связи не наблюдается (r^2 модели не значим).

Таблица 2. Факторы организационной инклюзии, связанные с долей женщин в компании и количеством отслеживаемых KPI по их найму и продвижению. Коэффициенты уравнения множественной линейной регрессии

Переменные	Зависимая переменная: Доля женщин среди сотрудников в целом		Зависимая переменная: Число отслеживаемых KPI по найму и продвижению женщин	
	Коэффициент В	Бета	Коэффициент В	Бета
(Константа)	59,16***		0,28	
Q201 = Знание о понятии D&I, но, возможно, не все	-1,71	-0,04	0,03	0,02
Q201 = Хорошее знание понятия D&I	0,22	0,00	0,21*	0,07
Количество информационных ресурсов	1,36	0,04	0,35***	0,25
Характер влияния инклюзии на показатели работы	-0,33**	-0,11	0,00	-0,02
D&I главным образом повышает экономическую эффективность бизнеса	4,87	0,06	0,07	0,02
D&I скорее повышает экономическую эффективность бизнеса	0,76	0,01	0,03	0,01
D&I является и тем, и другим одновременно	3,53	0,08	0,02	0,01

Переменные	Зависимая переменная: Доля женщин среди сотрудников в целом		Зависимая переменная: Число отслеживаемых KPI по найму и продвижению женщин	
	Коэффициент В	Бета	Коэффициент В	Бета
D&I скорее является проявлением КСО	3,93	0,07	0,06	0,03
Что-то слышал(а), но подробностей не знаю о практиках по обеспечению D&I на рабочих местах, реализуемых международными компаниями	3,96	0,09	0,09	0,04
Знаю о практиках по обеспечению D&I на рабочих местах, реализуемых международными компаниями, но, возможно, не все	5,36	0,12	0,03	0,01
Практики D&I международных компаний известны мне очень хорошо	4,97	0,05	0,28	0,06
Насколько международные практики политики инклюзии и разнообразия применимы для России?	-1,53	-0,05	-0,01	-0,01
Знание о ЦУР ООН, но, возможно, не все	-4,87**	-0,11	0,12	0,06
ЦУР ООН, известны мне очень хорошо	0,79	0,01	0,38**	0,10
Достижимость ЦУР ООН в России	1,86	0,07	-0,02	-0,02
Влияние ЦУР ООН на деятельность вашей компании	-1,53	-0,07	-0,02	-0,02
Санкции применяются в случае приема на работу человека определенной социальной группы (групп)	1,16	0,01	0,45**	0,10
Санкции применяются в случае отказа в приеме на работу человека определенной социальной группы (групп)	1,63	0,03	0,39***	0,17
Такие санкции были раньше, но сейчас не применяются	3,36	0,05	0,24*	0,08
Есть поощрения в случае успешной реализации HR-специалистом практик D&I	-0,59	-0,01	0,09	0,04
Такие поощрения были раньше, но не используются сейчас	1,43	0,03	0,15	0,06
	R2 = 0,041		R2 = 0,205***	

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$, $p < 0,05$; * $p < 0,1$.

В случае модели, в которой зависимая переменная — доля женщин в компании, можно отметить следующее. Для компаний с перечисленными характеристиками скорее не свойственно отслеживать какие-либо показатели найма и продвижения женщин, так как константа в регрессионном уравнении не отличается значимо от нуля. То есть компании, в которых ничего не знают и не слышали о понятии D&I, не имеют информационных ресурсов по теме и негативно оценивают влияние реализации политики D&I на показатели работы, во-первых, воспринимают ее скорее как проявление КСО и считают неприменимыми международные практики D&I для России. Во-вторых, такие компании считают недостижимыми ЦУР ООН, а также негативно оценивают их влияние на деятельность компании. В-третьих, они не применяют санкций за несоответствие решений HR правилам компании или поощрений за реализацию инклюзивных практик, и скорее не отслеживают какие-либо KPI по найму и продвижению женщин. Не уделяя внимания показателям найма и продвижения женщин, которые характеризуют их инклюзию в компании, респонденты априори считают, что положение женщин на рынке труда и в компании не отличается от положения мужчин.

Число отслеживаемых KPI по найму и продвижению женщин растет в случае хорошего знания понятия «политики D&I» в сравнении с полным незнанием и хорошего знания ЦУР ООН в сравнении с их полным незнанием, а также в случае роста количества специальных информационных ресурсов, связанных с политикой D&I. При наличии каких-либо санкций со стороны работодателя за несоответствие решений HR-специалиста правилам компании / позиции работодателя растет количество отслеживаемых KPI в сравнении с их полным отсутствием (в случае приема на работу кандидата из определенной социальной группы (групп) или при отказе в приеме на работу такому кандидату). Интересно, что даже если такие санкции были в истории компании, а не в период опроса, число отслеживаемых KPI растет.

В качестве альтернативного объяснения можно предположить, что за фасадом отслеживаемых показателей KPI по найму и продвижению женщин лежит прагматический мотив компании по удержанию и развитию любых перспективных сотрудников, среди которых могут быть и работницы. В рамках такого предположения речь идет не о гендерной (не)чувствительности компании как таковой, а о более или менее сформированной управленческой культуре развития персонала, скроенной по лекалам международных компаний [Попкова, Тартаковская, 2011].

Не было обнаружено значимой связи между числом отслеживаемых KPI по найму и продвижению женщин и наличием поощрений в случае успешной реализации HR-специалистом практик обеспечения D&I на рабочих местах, а также оценкой характера влияния инклюзии на показатели работы, восприятие развития и реализации политики D&I как способствующей повышению экономической эффективности бизнеса или как проявления КСО. Неполное знание понятия «политика D&I» не отличается значимо от полного незнания, как и неполное знание о ЦУР ООН не отличается от их полного незнания в контексте наличия отслеживаемых KPI. Кроме того, отсутствует связь между оценкой достижимости ЦУР для России и оценкой влияния ЦУР на деятельность компании с отслеживаемыми KPI по найму и продвижению женщин. Разная степень осведомленности о практиках по обеспечению разнообразия и инклюзии на рабочих местах, реализуемых меж-

дународными компаниями в отрасли, к которой относится организация, и оценка их применимости для России также не демонстрируют связи с наличием отслеживаемых KPI по найму и продвижению женщин.

Проинтерпретируем результаты, обладающие статистической значимостью. Прежде всего, гипотеза о наличии связи между некоторыми индивидуальными характеристиками HR-менеджера и его профессиональной идентичностью с присутствием женщин и их инклюзией в компаниях подтвердилась: идентичность HR-менеджеров демонстрирует связь и с долей женщин в компании, и с наличием отслеживаемых KPI по найму и продвижению женщин. Причем связь с долей женщин в компании сильнее. Больше всего изменение доли женщин в компании связано с приверженностью HR-менеджера стереотипам о них: глубоко культурно укорененные индивидуальные установки HR-менеджера в отношении представителей маргинальных социальных групп, в нашем случае — женщин, превалируют в момент принятия решения о найме. Такого рода установки HR-менеджеров могут складываться и под воздействием организационной культуры и системы ценностей, транслируемых явно или латентно руководством компании.

Интересен результат, показывающий, что удовлетворенность HR-менеджера факторами трудовой деятельности связана с изменением доли женщин в штате компаний куда больше, чем размер его зарплаты, причем при повышении удовлетворенности факторами трудовой деятельности доля женщин в штате компании сокращается. Объяснение может заключаться в том же преобладании стереотипов у HR-менеджера: пока в компании все хорошо, не нужно испытывать судьбу и нанимать женщин, которые могут не справиться с работой и снизить показатели компании. Воспроизводя привычные и устоявшиеся в организации и согласующиеся с его профессиональной идентичностью стратегии найма сотрудников, HR-менеджер оказывается заложником эффекта колеи.

Повышение возраста HR-менеджеров имеет обратную связь с долей женщин в компании. Это может объясняться социокультурными, поколенческими особенностями восприятия гендерных ролей в обществе и распространенностью стереотипов о женщинах, что согласуется с недавним исследованием НАФИ¹⁵. Также HR-менеджеры, длительно работающие в одной компании, более склонны нанимать женщин — возможно, внутри компании более комфортная среда в целом и в нее с течением времени проникает инклюзивная повестка.

Осведомленность HR-менеджера о практиках по обеспечению D&I на рабочих местах в отрасли определяется в том числе уровнем активной коммуникации с бизнес-сообществом, воспроизводящим социальные нормы о гендерном (не) равенстве, что на теоретическом уровне трактуется как социальность производства смыслов. Согласно нашим результатам, связь такой характеристики производства смыслов, как социальность, с наличием и мониторингом в компании показателей найма и продвижения женщин отсутствует. То есть, не уделяя внимания показателям найма и продвижения женщин, которые характеризуют их инклюзию в компании, HR-менеджеры остаются в плену распространенных мифов, будто по-

¹⁵ Стереотипы в отношении женщин и их последствия. На пути к равным возможностям в цифровой экономике // НАФИ. 2020. Май. URL: <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitiye/stereotipy-v-otnoshenii-zhenshchin-i-ikh-posledstviya/> (дата обращения: 04.06.2023).

ложение женщин на рынке труда и в компании не отличается от положения мужчин и, следовательно, делать акцент на инклюзии женщин не нужно.

Санкции за несоответствие решений HR-менеджера правилам компании и позиции работодателя дают более заметный эффект, чем поощрения за корректное следование им, и мотивируют на создание и мониторинг KPI найма и продвижения женщин в компании. Такой результат, вероятно, можно объяснить в русле позиций о том, что лидирующая роль в формировании повестки инклюзии принадлежит руководству компаний, а не HR-менеджерам [Антонова и др., 2021]. Важным результатом можно считать проявление ретроспективности процесса создания HR-менеджерами смыслов (по К. Вейку) — показано, что существование указанных санкций в истории компании повышает число отслеживаемых KPI в настоящем.

Как продемонстрировал анализ, формальные институты, относящиеся к международным нормам и регулированию инклюзии внутри организации, скорее связаны с созданием предпосылок инклюзивной среды в компании в целом, но не с увеличением доли женщин в компаниях, в то время как связь профессиональной идентичности HR-менеджеров с наймом женщин оказывается, вероятно, сильнее.

Безусловно, стоит учитывать ограничения примененной количественной методологии: наши предположения о том, как могут объясняться (не)обнаруженные взаимосвязи, заслуживают дополнительной проверки и соотнесения со смыслами, которые вкладывают HR-менеджеры российских компаний в практику инклюзивного найма женщин, в объяснение, оправдание или развенчание гендерных стереотипов. Для такой эмпирической верификации требуется воспользоваться возможностями качественной методологии, задействуя полуструктурированные интервью и фокус-группы.

Заключение

Результаты анализа роли HR-менеджера в России показали связь между индивидуальными характеристиками специалиста, его профессиональной идентичностью и долей женщин в компании, а также наличием отслеживаемых KPI по их найму и продвижению. Впервые выдвинута и статистически подтверждена гипотеза о том, что в российских условиях, как и за рубежом, HR-менеджеры и инклюзия в организации взаимосвязаны.

Заметнее всего эта связь проявляется в процессе принятия решения о трудоустройстве женщин, что увеличивает их долю в компании, и слабее — на уровне формирования и реализации конкретных инклюзивных практик, мониторинга KPI найма и продвижения женщин, что не дает инклюзивной повестке закрепиться и распространиться в бизнес-сообществе. Такие составляющие профессиональной идентичности HR-менеджера и его индивидуальные характеристики, как приверженность стереотипам о женщинах и более старший возраст, являются предикторами снижения доли женщин в компании, в то время как более длительный стаж работы в компании и более высокий уровень образования — предикторами увеличения их доли. Удовлетворенность же HR-менеджера факторами его работы как показатель профессиональной идентичности также связана с долей женщин в компании — с увеличением удовлетворенности доля женщин снижается.

Формальные институты через глобальные нормы и регулирование инклюзии внутри компании вносят вклад в «общую картину» инклюзии в ней, поддерживая ее легитимность, но не являются значимыми «проводниками» найма женщин. Это, в свою очередь, показывает, что компании, которые могли бы выступить в роли лидеров D&I, не используют этот шанс и инклюзивной повесткой занимаются формально.

Список литературы (References)

1. Антонова В. К., Присяжнюк Д. И., Рябиченко Т. А. Креативный эффект, инвестиции и инклюзия как норма жизни: установки HR-менеджеров России в отношении инклюзивного трудоустройства // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 3. С. 373—388. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-3-373-388>.
Antonova V., Prisyazhniuk D., Ryabichenko T. (2021) Investment and INCLUSION as a Norm of Life: Attitudes of Russian HR-Managers to Inclusive Employment. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No 3. P. 373—388. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-3-373-388>. (In Russ.)
2. Брушкова Л. А. Гендерная структура занятости в России как индикатор формирования нового гендерного порядка // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 4. С. 139—143. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-4-139-143>.
Brushkova L. A. (2021) Gender Structure of Employment in Russia as an Indicator of the New Gender Order Establishing. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. Vol. 11. No. 4. P. 139—143. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-4-139-143>. (In Russ.)
3. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко. М.: ИД ВШЭ, 2018.
Giddens E., Sutton Ph. (2018) *Essential Concepts in Sociology*. Moscow: HSE. (In Russ.)
4. Козина И. М. Профессиональная сегрегация: гендерные стереотипы на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 126—136.
Kozina I. M. (2002) Occupational Segregation: Gender Stereotypes in the Labor Market. *Sociological Journal*. No. 3. P. 126—136. (In Russ.)
5. Коковихин А. Ю., Кулапов М. Н., Дворакова З. Развитие необходимых компетенций для управления социально-культурным многообразием персонала // Управление. 2017. № 1 (65). С. 9—19.
Kokovikhin A. Yu., Kulapov M. N., Dvorakova Z. (2017) Developing the Competencies Essential for Cross-Cultural Diversity Management in the Workplace. *The Manager*. No. 1. P. 9—19. (In Russ.)
6. Латуха М. О., Хасиева Д. Д., Веселова А. С., Шагалкина М. В., Селивановских Л. В. Гендерно-ориентированные практики управления талантливыми сотрудниками в российских компаниях // Вестник Санкт-Петербургского университета.

- Менеджмент. 2020. Т. 19. № 1. С. 34—66. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2020.102>.
- Latukha M. O., Khasieva D. D., Veselova A. S., Shagalkina M. V., Selivanovskikh L. V. (2020) Gender-Oriented Talent Management Practices in Russian Companies. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*. Vol. 19. No. 1. P. 34—66. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2020.102>. (In Russ.)
7. Мачульская Е. Е. Концепция инвалидности в международных и российских нормативных актах // Социальное и пенсионное право. 2015. № 4. С. 20—26. Machulskaya E. E. (2015) The Concept of Disability in International and Russian Regulations. *Social and Pension Law*. No. 4. P. 20—26. (In Russ.)
8. Минева О. К., Арутюнян С. А., Гаджиева Е. А., Смирнова Д. Ш. Проблемы и возможности социальной адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья в современном обществе // Российский экономический интернет-журнал. 2018. № 2. Ст. 59. Mineva O. K., Arutyunyan S. A., Gadzhieva E. A., Smirnova D. Sh. (2018) Problems and Opportunities for Social Adaptation of Persons with Disabilities in Modern Society. *Russian Economic Online Journal*. No. 2. Art. 59. (In Russ.)
9. Московская А. А. Стереотипы или конкуренция? (Анализ некоторых гендерных предпочтений работодателей) // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 52—61. Moskovskaya A. A. (2002) Stereotypes or Competition? (Analysis of Some Gender Preferences of Employers). *Sociological Studies*. No. 3. P. 52—61. (In Russ.)
10. Нагибина Н. И., Могильникова В. А. Управление разнообразием человеческих ресурсов как фактор конкурентоспособности компании // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2019. Т. 8. № 4. С. 66—73. https://doi.org/10.12737/article_5d7b97e5571b33.96787091. Nagibina N. I., Mogilnikova V. A. (2019) Human Resources Diversity Management as a Factor of Company Competitive Ability. *Management of the Personnel and Intellectual Resources in Russia*. Vol. 8. No. 4. P. 66—73. https://doi.org/10.12737/article_5d7b97e5571b33.96787091. (In Russ.)
11. Пашкова Г. Г. Проблемы занятости и трудоустройства инвалидов в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 162—173. <https://doi.org/10.17223/22253513/29/15>. Pashkova G. G. (2018) Problems of Engagement and Employment of Disabled People in the Russian Federation. *Tomsk State University Journal of Law*. No. 29. P. 162—173. <https://doi.org/10.17223/22253513/29/15>. (In Russ.)
12. Пилкина М. В. Гендерные аспекты карьерных траекторий женщин в России // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18. № 1. С. 73—81. Pilkina M. V. (2024) Gender Aspects of Women's Career Trajectories in Russia. *Bulletin of Perm University. Political Science*. Vol. 18. No. 1. P. 73—81. (In Russ.)

13. Попкова Л. Н., Тартаковская И. Н. Профессиональные стратегии менеджеров среднего звена (гендерный аспект) // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 48—57.
Popkova L. N., Tartakovskaya I. N. (2011) Middle Level Managers Professional Strategies (Gender Aspect). *Sociological Studies*. No. 7. P. 48—57. (In Russ.)
14. Рощин С. Ю., Емелина Н. К. Мета-анализ гендерного разрыва в оплате труда в России // Экономический журнал ВШЭ. 2022. Т. 26. № 2. С. 213—239. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-2-213-239>.
Roshchin S. Yu., Yemelina N. K. (2022) Meta-Analysis of the Gender Pay Gap in Russia. *HSE Economic Journal*. Vol. 26. No. 2. P. 213—239. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-2-213-239>. (In Russ.)
15. Силласте Г. Г. Гендерная политика и социальный механизм ее возможной реализации // Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество. Материалы Всероссийской научной конференции / под ред. О. А. Хасбулатовой, И. Н. Смирновой. Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. С. 3—13.
Sillaste G. G. (2021) Gender Policy and the Social Mechanism of its Possible Implementation. In: Khasbulatova O. A., Smirnova I. N. (eds.) *Gender Policy in Russia and in the World: Economics, Management, Society. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. Ivanovo: Ivanovo State University. P. 3—13. (In Russ.)
16. Хасс Д. Социологический неoinституционализм и анализ организаций (предисловие к разделу) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2007. № 3. С. 112—125.
Hass J. K. (2007) Sociological Neoinstitutionalism of Organizational Analyses. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*. No. 3. P. 112—125. (In Russ.)
17. Хоткина З. А. Позитивные изменения в жизни россиянок в XXI веке // Женщины России XXI век: гендерные исследования / под науч. ред. Н. М. Римашевской. М.: Экон-Информ, 2016. С. 21—28.
Khotkina Z. A. (2016) Positive Changes in the Life of Russian Women in the XXI century. In: Rimashevskaya N. M. (ed.) *Women of Russia in XXI Century: Gender Studies*. Moscow: Ekon-Inform. P. 21—28. (In Russ.)
18. Чирикова А. Е. Женщина во главе фирмы. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998.
Chirikova A. E. (1998) *Woman at the Head of the Firm*. Moscow: Institute of Sociology of the RAS. (In Russ.)
19. Чирикова А. Е. Женщина и мужчина как топ-менеджеры российских компаний // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 73—82.
Chirikova A. E. (2003) Woman and Man as Top Managers of Russian Companies. *Sociological Studies*. No. 1. P. 73—82. (In Russ.)
20. Чирикова А. Е. Женщина-руководитель во власти и бизнесе: социально-психологический портрет // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7. № 1. С. 142—162.

- Chirikova A. E. (2011) Woman Leader in Government and Business: A Socio-Psychological Portrait. *Political Expertise: POLITEX*. Vol. 7. No. 1. P. 142—162. (In Russ.)
21. Balka E., Wagner I. (2021) A Historical View of Studies of Women's Work. *Computer Supported Cooperative Work*. Vol. 30. P. 251—305. <https://doi.org/10.1007/s10606-020-09387-9>.
22. Bryant-Lees K. B., Kite M. E. (2021) Evaluations of LGBT¹⁶ Job Applicants: Consequences of Applying “Out”. *Equality, Diversity and Inclusion*. Vol. 40. No. 7. P. 874—891. <https://doi.org/10.1108/EDI-01-2019-0048>.
23. Colgan F., McKearney A., Bokovikova E., Kosheleva S., Zavyalova E. (2014) Employment Equality and Diversity Management in a Russian Context. In: Klarsfeld A., Booyesen L., Ng E., Roper I., Tatli A. (eds.) *International Handbook on Diversity Management at Work (2nd ed.)*. Cheltenham: Edward Elgar Pub. Ltd. P. 217—240. <http://dx.doi.org/10.4337/9780857939319.00017>.
24. Czarniawska B. (2005) Karl Weick: Concepts, Style and Reflection. *The Sociological Review*. Vol. 53. No. 1. P. 267—278. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2005.00554.x>.
25. Galperin H. (2019) “This Gig is not for Women”: Gender Stereotyping in Online Hiring. *Social Science Computer Review*. Vol. 39. No. 6. P. 1089—1107. <https://doi.org/10.1177/0894439319895757>.
26. Garg S., Sangwan S. (2021) Literature Review on Diversity and Inclusion at Workplace, 2010—2017. *Vision*. Vol. 25. No. 1. P. 12—22. <https://doi.org/10.1177/0972262920959523>.
27. Hilton J. L., von Hippel W. (1996) Stereotypes. *Annual Review of Psychology*. Vol. 47. P. 237—271. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev.psych.47.1.237>.
28. Kaur N., Arora P. (2020) Acknowledging Gender Diversity and Inclusion as Key to Organizational Growth: A Review and Trends. *Journal of Critical Reviews*. Vol. 7. No. 6. P. 125—131.
29. Kleinert C., Leuze K., Bächmann A.-C., Gatermann D., Hägglund A. E., Rompczyk K. (2023) Occupational Sex Segregation and its Consequences for the (Re-)Production of Gender Inequalities in the German Labour Market. In: Weinert S., Blossfeld G. J., Blossfeld H.-P. (eds.) *Education, Competence Development and Career Trajectories. Methodology of Educational Measurement and Assessment*. Cham: Springer. P. 295—317. https://doi.org/10.1007/978-3-031-27007-9_13.
30. Kulik C. T. (2022) Gender (In)Equality in Australia: Good Intentions and Unintended Consequences. *Asia Pacific Journal of Human Resources*. Vol. 60. No. 1. P. 97—115. <https://doi.org/10.1111/1744-7941.12312>.
31. Lau V. W., Scott V. L., Warren M. A., Bligh M. C. (2023) Moving from Problems to Solutions: A Review of Gender Equality Interventions at Work Using an Ecological

¹⁶ «Международное общественное движение ЛГБТ» признано Верховным судом РФ экстремистской организацией и запрещено.

- Systems Approach. *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 44. No. 2. P. 399—419. <https://doi.org/10.1002/job.2654>.
32. March J. G., Olsen J. P. (1983) The New Institutionalism: Organizational Factors of Political Life. *American Political Science Review*. Vol. 78. No. 3. P. 734—749. <https://doi.org/10.2307/1961840>.
33. Mousa M. (2021) Does Gender Diversity Affect Workplace Happiness for Academics? The Role of Diversity Management and Organizational Inclusion. *Public Organization Review*. No. 21. P. 119—135. <https://doi.org/10.1007/s11115-020-00479-0>.
34. North D. C. (1990) *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. New York, NY: Cambridge University Press.
35. Phillips N., Thomas B. L., Hardy C. (2004) Discourse and Institutions. *The Academy of Management Review*. Vol. 29. P. 635—652. <https://doi.org/10.2307/20159075>.
36. Piopiunik M., Schwerdt G., Simon L., Woessmann L. (2020) Skills, Signals, and Employability: An Experimental Investigation. *European Economic Review*. Vol. 123. Art. 103374. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2020.103374>.
37. Powell W. W., Bromley P. (2015) New Institutionalism in the Analysis of Complex Organizations. In: Wright J. D. (ed.) *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences (2nd ed.)*. P. 764—769. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.32181-X>.
38. Principi A., Fabbietti P., Lamura G. (2015) Perceived Qualities of Older Workers and Age Management in Companies. Does the Age of HR Managers Matter? *Personnel Review*. Vol. 44. No. 5. P. 801—820. <https://doi.org/10.1108/PR-09-2013-0158>.
39. Ren S., Chadee D. (2020) Influence of Career Identity on Ethical Leadership: Sense-Making Through Communication. *Personnel Review*. Vol. 49. No. 9. P. 1987—2005. <https://doi.org/10.1108/PR-04-2019-0192>.
40. Sabat I. E., Goldberg C., King E. B., Dawson J., Zhang L. (2020) Pygmalion in the Pipeline: How Managers' Perceptions Influence Racial Differences in Turnover. *Human Resource Management*. Vol. 60. No. 4. P. 603—616. <https://doi.org/10.1002/hrm.22044>.
41. Shore L. M., Cleveland J. N., Sanchez D. (2018) Inclusive Workplaces: A Review and Model. *Human Resource Management Review*. Vol. 28. No. 2. P. 176—189. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2017.07.003>.
42. Vedres B., Vasarhelyi O. (2023) Inclusion Unlocks the Creative Potential of Gender Diversity in Teams. *Scientific Reports*. Vol. 13. Art. 13757. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-39922-9>.
43. Weber K., Glynn M. A. (2006) Making Sense with Institutions: Context, Thought and Action in Karl Weick's Theory. *Organization Studies*. Vol. 27. No. 11. P. 1639—1660. <https://doi.org/10.1177/0170840606068343>.

44. Weick K. E. (1995) *Sensemaking in Organizations*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
45. Weick K., Sutcliffe K., Obstfeld D. (2005) Organizing and the Process of Sensemaking. *Organization Science*. Vol. 16. No. 4. P. 327—451. <https://doi.org/10.1287/orsc.1050.0133>.
46. Weiss J. K., Bottling M., Karner T. (2023) Professional Identification in the Beginning of a Teacher's Career: A Longitudinal Study on Identity Formation and the Basic Psychological Need for Autonomy in VET Teacher Training. *Frontiers in Psychology*. Vol. 14. Art. 1196473. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1196473>.
47. Zitek E. M., Hebl M. R. (2007) The Role of Social Norm Clarity in the Influenced Expression of Prejudice Over Time. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 43. No. 6. P. 867—876. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2006.10.010>.
48. Zhang W., Liao S., Liao J., Zheng Q. (2021) Paradoxical Leadership and Employee Task Performance: A Sense-Making Perspective. *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. Art. 753116. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.753116>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.4.2503](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2503)

А. В. Ларионов

КРЕДИТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГРАЖДАН РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Правильная ссылка на статью:

Ларионов А. В. Кредитное поведение граждан России в период пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 219—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2503>.

For citation:

Larionov A. V. (2024) Credit Behavior of Russian Citizens during the COVID-19 Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 219–242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2503>. (In Russ.)

Получено: 05.10.2023. Принято к публикации: 24.05.2024.

КРЕДИТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГРАЖДАН РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

CREDIT BEHAVIOR OF RUSSIAN CITIZENS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

ЛАРИОНОВ Александр Витальевич — кандидат экономических наук, кандидат наук о государственном и муниципальном управлении, доцент, старший научный сотрудник Центра демографических исследований, Институт демографии имени А.Г. Вишневского, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: alarionov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8657-6809>

*Aleksandr V. LARIONOV¹ — Cand. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Philosophy in Public Administration), Associate Professor, Senior Research Fellow, Center for Demographical Studies, Vishnevsky Institute of Demography
E-MAIL: alarionov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8657-6809>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. В период масштабных вызовов особую роль в поддержании макроэкономической стабильности играет кредитование. Банк России, обладающий полномочиями по развитию кредитования, заинтересован в увеличении доли субъектов, демонстрирующих активный тип кредитного поведения. Последнее было особенно актуально при реализации антикризисной политики в период пандемии COVID-19, предполагавшей применение льготных инструментов кредитования. Результативность применения указанных инструментов напрямую зависит от уровня доверия граждан к кредитам и сформированного типа кредитного поведения, определяющего склонность субъекта к привлечению кредита в кризис.

Цель работы заключается в оценке факторов, повлиявших на формирование активного типа кредитного поведения в период пандемии COVID-19. Предметом исследования выступают факторы кредитного поведения. Эмпирическую базу составили результаты социологического опроса «Финансовое поведение населения Российской Федерации» за 2020 г. Посредством построения бинарной регрессии определено, что на формирование активного типа кредитного поведения в период пандемии

Abstract. In a period of large-scale challenges, lending plays a special role in maintaining macroeconomic stability. The Bank of Russia has the authority to develop lending and is interested in increasing the share of actors demonstrating an active type of credit behavior. The latter was especially relevant in the implementation of anti-crisis policy during the COVID-19 pandemic, involving the use of preferential lending instruments. The effectiveness of using these tools directly depends on the level of trust in loans and the type of lending behavior formed, which determines the actor's propensity to take out a loan in a crisis. This study aims to assess the factors influencing the formation of active lending behavior during the COVID-19 pandemic. The subject of the study is the factors of lending behavior. The study is based on the results of the sociological survey "Financial Behavior of the Population of the Russian Federation" for 2020. By a binary regression, it was determined that the formation of an active type of lending behavior during the COVID-19 pandemic was influenced by the age of respondents, the level of trust of actors in financial organizations, and the level of personal assessment of financial literacy. In a similar crisis, the Bank of Russia should stimulate the growth of trust in the actors of the banking

COVID-19 влияли возраст респондентов, уровень доверия финансовым организациям и уровень личной оценки финансовой грамотности. В ситуации возникновения аналогичного кризиса Банк России должен стимулировать рост доверия к субъектам банковской системы, в том числе посредством инструментов государственного патернализма.

Ключевые слова: кредитное поведение, типы поведения, доверие, старение населения, государственное управление, поведенческий цикл

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

system, which can be implemented through the tools of state paternalism.

Keywords: lending behavior, types of behavior, board of trust, population aging, public administration, behavioral cycle

Acknowledgments. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Введение

В статье представлено исследование факторов, формирующих активный тип кредитного поведения субъектов¹ в России в период пандемии COVID-19. Кредитование представляет собой инструмент, обеспечивающий возможность совершения хозяйственных операций. Низкая эффективность кредитования ограничивает возможности развития экономики. Последнее особенно актуально в кризис, когда растут процентные ставки и ужесточаются иные параметры кредитования [Schober, Jensen, 1969]. Возрастающая неопределенность снижает стимулы для заемщика к привлечению кредита, что негативно сказывается на реализации стабилизирующей функции кредитования [Лаврушин, Соколинская, 2020].

Одним из масштабных вызовов социально-экономическому развитию последних лет была пандемия COVID-19. В период ее активной фазы возросла потребность субъектов в привлечении кредитов с целью поддержания устойчивости осуществления хозяйственных операций². В качестве мер поддержки в России были реализованы антикризисные программы кредитования, направленные на обеспечение финансовой стабильности субъектов. Подобные программы, в частности, были реализованы Банком России посредством временного механизма поддержки кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП)

¹ Концепция типов кредитного поведения может применяться как для физических, так и для юридических лиц. Вместе с тем при эмпирической проверке сформулированных гипотез в настоящем исследовании под субъектами понимаются физические лица — граждане России.

² Бурова А., Козловцева И., Синяков А. Корпоративное кредитование в период пандемии: роль кредитных линий и льготных программ. Аналитическая записка. М.: ЦБ РФ, 2023. С. 17. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/152841/analytic_note_20230829_dip.pdf (дата обращения: 08.05.2024).

из отраслей, в наибольшей степени подверженных негативному влиянию противоэпидемических мер³. Например, были внедрены кредиты на поддержку занятости⁴ и т. д. Результативность данных антикризисных мер напрямую зависит от желания субъектов привлекать кредиты, которое в период кризиса снижено. Подобная ситуация наблюдалась при предоставлении кредитов системообразующим предприятиям, отмечавшим в период пандемии COVID-19 сложности с прогнозированием возможности соответствия требованиям к получению льготного кредита в будущем⁵.

Необходимо учитывать, что субъекты демонстрируют разное отношение к кредитованию в зависимости от их типа кредитного поведения. Поведение отражает склонность субъекта к совершению действий [Масленников, Ларионов, 2023а]. Далеко не все субъекты в период кризиса демонстрируют готовность привлекать кредит в связи с ухудшением ожиданий [Масленников, Ларионов, 2023б]. Возможно выделить три категории субъектов: субъекты с активным, с адаптивным и с реактивным типом кредитного поведения [Масленников, 2000]. Субъекты с активным типом кредитного поведения не только готовы привлечь кредит, но и имеют возможности для его эффективного применения — в отличие от субъектов с иными типами кредитного поведения. Соответственно, Банк России заинтересован в формировании в обществе активного типа кредитного поведения, особенно в кризисные периоды, такие как пандемия COVID-19.

Для повышения результативности антикризисной политики необходимо выявить факторы формирования активного типа кредитного поведения. Определение значимых факторов позволит разработать меры государственного управления, включающие, среди прочего, инструменты государственного патернализма [Рубинштейн, Городецкий, 2018]. Целью настоящего исследования является оценка факторов, повлиявших на формирование активного типа кредитного поведения в период пандемии COVID-19. Полученные результаты могут быть использованы при разработке антикризисной политики в будущем, в случае возникновения ситуаций, аналогичных пандемии COVID-19.

Представленное исследование включает четыре раздела. В первом проводится литературный обзор, характеризующий особенности формирования типов кредитного поведения. На его основе систематизируются факторы, определяющие формирование активного, адаптивного и реактивного типов кредитного поведения. Во втором разделе раскрывается методика проведения исследования, а также дается характеристика доступной статистики. В третьем разделе приводятся результаты проведенного эмпирического исследования. В четвертом рассматриваются практические аспекты кредитования, учет которых необходим для формирования активного типа кредитного поведения.

³ Коронавирус: меры поддержки граждан и бизнеса // Банк России. URL: <https://cbr.ru/covid/> (дата обращения: 08.05.2024).

⁴ Кредиты на поддержку занятости // Правительство России. URL: http://government.ru/support_measures/measure/105/ (дата обращения: 08.05.2024).

⁵ Правительство смягчит правила предоставления льготных кредитов системообразующим предприятиям // Министерство экономического развития РФ. 2020. 19 июня. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/ekonomika_bez_virusa/pravitelstvo_smyagchit_pravila_predostavleniya_lgotnyh_kreditov_sistemoobrazuyushchim_predpriyatiyam.html (дата обращения: 08.05.2024).

Обзор литературы

В научных работах достаточно подробно изучены типы и факторы кредитного поведения, ключевым из которых является доверие между кредитором и заемщиком [Лаврушин, 2016]. Совокупное влияние факторов приводит к формированию типа кредитного поведения, который определяет склонность субъектов к привлечению кредита. В зависимости от типа кредитного поведения целесообразно выделить три категории субъектов.

Субъекты с реактивным типом кредитного поведения демонстрируют отсутствие доверия по отношению к кредитованию. Они избегают кредитов при любых условиях, стараясь ориентироваться на собственные средства. Субъект также демонстрирует реактивный тип кредитного поведения в случае, если при привлечении кредита он не оценивает реально собственные силы в части его возврата, что приводит к возникновению просрочек [Юсупова, 2015]. По сути, привлечение кредита субъектами с реактивным типом кредитного поведения происходит неосознанно, под воздействием «горячего» состояния, отражающего эмоциональное состояние субъекта, при котором он склонен принимать необдуманные решения [Капелюшников, 2013]. Для противодействия данному эффекту в качестве одной из мер поддержки в период пандемии COVID-19 был использован инструмент «исполнительных каникул», предполагающий применение ограничений на обращение взыскания на отдельные виды имущества должника.

Субъекты с адаптивным типом кредитного поведения демонстрируют большой уровень доверия по отношению к кредитованию по сравнению с субъектами с реактивным типом. К примеру, они готовы привлечь ипотечный кредит, позволяющий обеспечить доступность жилья [Кузьмина, Янин, 2017]. При этом они не используют кредит регулярно, однако понимают, что без него не смогут осуществить целевые хозяйственные операции.

Субъекты с активным типом кредитного поведения регулярно используют кредитование. Более того, они делают это эффективно, достигая поставленных целей. Эффективность кредитования определяется не только возможностью привлечь кредит, но и впоследствии выплатить его. Примером субъекта с активным типом кредитного поведения является субъект, который привлекает кредит для развития собственного бизнеса, а также в период масштабных вызовов для его сохранения.

Банк России как орган, обладающий наибольшими полномочиями по развитию кредитования, должен обеспечивать существование эффективного кредитования, позволяющего субъектам реализовывать их экономические и социальные функции. Банк России заинтересован в стимулировании возникновения активного типа кредитного поведения. Реализация данных полномочий Банка России соответствует требованиям ст. 34.1 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» в части «формирования условий сбалансированного и устойчивого экономического роста».

На формирование типа кредитного поведения субъекта влияют различные группы факторов, включая человеческий, социальный, финансовый капитал, а также базовые характеристики, к примеру возраст, уровень оптимизма [Масленников, Ларионов, Гагарина, 2022]. Данные группы факторов могут быть определены в качестве детерминант кредитного поведения. Отдельные факторы кредитного по-

ведения должны выступать предметом государственного регулирования со стороны Банка России. Действие указанных факторов приводит к формированию типов кредитного поведения с учетом фиксированного состояния внешней среды (см. табл. 1). Вместе с тем в период масштабных вызовов существует возможность значительного изменения состояния внешней среды.

Таблица 1. Группы факторов, определяющих формирование типа кредитного поведения

Наименование категории факторов	Характеристика	Источник
Человеческий капитал	Человеческий капитал учитывает уровень образования, опыт предыдущего привлечения кредита, использования иных финансовых услуг. Накопление человеческого капитала, в том числе посредством положительного опыта использования кредитов, способствует формированию у субъекта активного типа кредитного поведения	[Симонин, Богачева, Подсевалова, 2020; Иванов, Светлов, 2020]
Социальный капитал	Социальный капитал позволяет субъектам обмениваться собственным опытом, в том числе в части привлечения кредитов. Если субъекты в окружении имеют положительный опыт привлечения кредита, то данный факт будет способствовать росту доверия к кредитованию. Как следствие, субъекты будут склонны демонстрировать активный тип кредитного поведения	[Трофимова, 2018; Сушко, 2021; Glatz, Bodi-Fernandez, 2020]
Финансовый капитал	Величина финансового капитала определяет потребность и возможности субъекта привлечь кредит. Возможно предположить существование нелинейной закономерности в части влияния данного фактора на формирование типа кредитного поведения. При этом рост величины финансового капитала, очевидно, способствует увеличению возможности привлечь кредит	[Аликперова, 2023; Желтоносос, Зиниша, Филатова, 2009]
Базовые характеристики	Базовые характеристики субъекта, такие как пол, возраст, место рождения, оказывают воздействие на формирование типа кредитного поведения. К примеру, возраст определяет трудовой статус субъекта и, как следствие, влияет на его кредитный рейтинг в банке	[Киреева, Педанова, Демин, 2017]
Внешние факторы	На формирование типа кредитного поведения оказывают воздействие внешние факторы, такие как денежно-кредитная политика Банка России. Внешние факторы влияют на все виды капитала и, соответственно, могут изменить тип кредитного поведения	[Ягупова, 2020; Виттенберг, 2020]

Накопленный человеческий капитал, включая уровень образования и предыдущий опыт прохождения кризисов, определяет реакции субъектов на возникающие события по отношению к привлечению кредита. В проводимых ранее исследованиях доказано, что если субъект накопил положительный опыт привлечения кредита, то он будет демонстрировать большее доверие к кредитованию [Grinstein-Weiss et al., 2010]. Как следствие, субъект будет склонен демонстрировать активный тип кредитного поведения. Необходимо учитывать, что именно субъект принимает решение о привлечении кредита, предоставляя заявление на его при-

влечение. Соответственно, доверие к кредитованию зависит не только от человеческого капитала, но и от уверенности в собственных силах при привлечении кредита. Ряд исследований доказывают, что при принятии решения о привлечении кредита особую значимость имеет личная оценка субъектом уровня своей финансовой грамотности [Robb, Woodyard, 2011]. Личная оценка формирует необходимый уровень уверенности и, как следствие, способствует проявлению активного типа кредитного поведения. Данное предположение позволяет выдвинуть следующую гипотезу:

Гипотеза 1. Высокая личная оценка уровня своей финансовой грамотности положительно влияет на формирование активного типа кредитного поведения.

Помимо человеческого капитала на формирование типа кредитного поведения оказывает воздействие социальный капитал [Chen, Zhou, 2024]. Посредством обмена информацией люди учитывают опыт кредитования субъектов в своем окружении. Негативная информация об использовании кредита снижает вероятность формирования активного кредитного поведения. Финансовый капитал также влияет на формирование кредитного поведения, определяя возможности и потребность субъекта привлечь кредит. Исследования демонстрируют, что наличие финансового капитала играет важную роль, к примеру, при формировании обеспечения по кредиту [Родичева, 2017].

Человеческий, социальный и финансовый капиталы определяют отношение субъектов к финансовым институтам. Сочетание указанных трех видов капитала обеспечивает доверие, в том числе к субъектам банковской системы [Лаврушин, Соколинская, 2020]. Высокий уровень доверия к финансовым институтам будет способствовать формированию активного типа кредитного поведения. Данное предположение позволяет выдвинуть следующую гипотезу:

Гипотеза 2. Доверие к финансовым институтам способствует формированию активного типа кредитного поведения.

На формирование типа кредитного поведения также влияют базовые демографические характеристики [Gurov, Kulikova, 2022], к которым, в частности, относится возраст. Возраст выступает важной демографической структурой, влияющей на динамику изменения социальных процессов в жизни общества. Более того, возраст определяет наличие человеческого, социального и финансового капитала. Возможно предположить, что в определенные возрастные периоды субъект будет более склонен к формированию активного типа кредитного поведения. Исследования в области населения и развития демонстрируют, что для определения возрастных диапазонов экономической активности возможно использовать методiku национальных трансфертных счетов [Назарова, 2021]. Построение национальных трансфертных счетов позволяет определить периоды профицита/дефицита жизненного цикла. В ситуации профицита получаемые доходы превышают расходы, в то время как при дефиците наблюдается обратная ситуация. Возможно, субъект будет не склонен демонстрировать активный тип кредитного поведения в период дефицита жизненного цикла. Данное предположение позволяет выдвинуть следующую гипотезу:

Гипотеза 3. Увеличение возраста негативно влияет на формирование активного типа кредитного поведения.

Значимость проверки указанной гипотезы связана с существующей трансформацией демографической структуры общества, вызванной процессам старения населения [Вишневецкий, 2019]. На фоне увеличения доли людей старших возрастов может изменяться спрос на кредитные продукты. Недостаточный учет возрастной структуры способен привести к сокращению спроса на услуги коммерческого кредитования, а также снизить результативность льготных инструментов кредитования за счет уменьшения количества потенциальных заемщиков из-за изменения возрастной структуры общества. В случае подтверждения данной гипотезы необходимы адаптация существующих кредитных продуктов к данному масштабному тренду и внесение соответствующих корректировок в документы стратегического планирования. Следует отметить, что проблема старения уже учитывается в Бюджетном прогнозе Российской Федерации на период до 2036 г., утвержденном распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 558-р.

Степень воздействия описанных факторов может различаться в зависимости от состояния внешней среды. С позиции государственного регулирования экономики возможно выделить период устойчивого развития, предкризисный, кризисный и посткризисный периоды [Жихаревич и др., 2022]. В общем случае можно говорить о периоде устойчивого развития и кризисном периоде. Устойчивость типа кредитного поведения будет наблюдаться для периода устойчивого развития, однако под воздействием кризиса возможно существенное изменение типов кредитного поведения. После завершения кризиса субъект может вернуться к докризисному типу кредитного поведения или сформировать в дальнейшем новый тип кредитного поведения с учетом изменения накопленного человеческого капитала.

Данные и метод исследования

Сформулированные гипотезы необходимо проверить посредством проведения эмпирической оценки. Субъект с активным типом кредитного поведения должен демонстрировать две ключевых характеристики: положительное отношение к кредитованию и способность к результативному использованию финансовых средств. Последнее выражается в своевременном погашении всех обязательных платежей. То есть, если субъект бездумно привлекает кредиты в качестве фирмы, изначально неспособной выплатить тело кредита и проценты по нему [Столбов, 2010], такой субъект не может рассматриваться в качестве субъекта с активным типом кредитного поведения.

Для анализа типов кредитного поведения можно использовать результаты социологического исследования «Финансовое поведение населения Российской Федерации» за 2020 г.⁶ Это период наибольшего негативного влияния пандемии COVID-19 [Зябликов, Степина, Эйрих, 2020]. В частности, именно в 2020 г. Банк России опубликовал рекомендации по реструктурированию кредитов и займов,

⁶ Данные мониторинга «Финансовое поведение населения Российской Федерации», Единый архив экономических и социологических данных НИУ ВШЭ, 2020. Объем выборки составляет 1630 респондентов. Респондентами выступали городское и сельское население страны в возрасте 18 лет и старше. Максимальная ошибка измерения равна $\pm 3,6\%$. Ограничением данного исследования является использование данных за 2020 г., так как на момент его проведения отсутствовал доступ к опросам за 2021 и 2022 гг.

выданных малому и среднему бизнесу, а также самозанятым гражданам. Как следствие банки провели реструктуризацию 2,2 млн кредитных договоров граждан на общую сумму 1047,9 млрд рублей⁷. Для идентификации субъектов с активным типом кредитного поведения использовано две переменных:

1) Ответ на вопрос: «А, на Ваш взгляд, сейчас хорошее или плохое время, чтобы пользоваться банковскими кредитами?» Если человек отвечал «хорошее» и «скорее хорошее, чем плохое», то выставлялась оценка «1». В остальных случаях («скорее плохое, чем хорошее», «плохое», «затрудняюсь ответить») проставлялась оценка «0».

2) Ответ на вопрос: «Есть ли в настоящий момент у Вас (Вашего домохозяйства) просрочка по оплате других обязательных платежей, например, по оплате квартиры, коммунальных платежей и т. д., за два месяца и больше?» Если человек отвечал «да», то ставилась оценка «1», в остальных случаях — «0».

Выбор переменных связан с необходимостью соответствия респондента двум критериям: наличие положительного отношения к кредитованию и способность эффективно использовать полученный кредит. Для формирования зависимой переменной единицу получили те респонденты, которые положительно относятся к возможности привлечь кредит и не имеют просроченных платежей. Они могут рассматриваться в качестве субъектов с активным типом кредитного поведения. Остальные респонденты относятся к субъектам с адаптивным и реактивным типами поведения. Им было присвоено значение «0».

Для проверки описанных гипотез мы использовали следующие группы переменных: человеческий капитал, доверие к институтам, характеристики банков, использование финансовых услуг, личные характеристики, отражающие внутренние факторы, влияющие на формирование типа кредитного поведения (табл. 2).

Таблица 2. Характеристика переменных, влияющих на формирование активного кредитного поведения

Наименование переменной	Описание	Среднее значение	Стандартное отклонение
<i>Человеческий капитал</i>			
Уровень образования	Данный показатель оценивается посредством вопроса: «Какое у Вас образование?» Респондент отвечал: 1 — неполное среднее или ниже (8 или меньше классов); 2 — среднее общее, ПТУ; 3 — среднее специальное; 4 — незаконченное высшее (3 курса); 5 — высшее. Рост балла отражает рост уровня образования	3,18	1,16
Уровень финансовой грамотности	Данный показатель оценивается посредством вопроса: «Считаете ли Вы себя финансово грамотным человеком? Дайте оценку своим знаниям и навыкам по пятибалльной шкале, как это принято в школе, где 1 соответствует полному отсутствию знаний и навыков управления личными денежными средствами, а 5 — отличным знаниям и навыкам в этой сфере»	2,78	1,08

⁷ Коронавирус: меры поддержки граждан и бизнеса // Банк России. URL: <https://cbr.ru/covid/> (дата обращения: 04.09.2024).

Наименование переменной	Описание	Среднее значение	Стандартное отклонение
Горизонт планирования	Данный показатель оценивается посредством вопроса: «Принимая решения о том, сколько денег потратить, а сколько сберечь, люди могут думать о разных временных горизонтах для своего финансового планирования. А как далеко вперед смотрите лично Вы (Ваше домохозяйство) при принятии решений о том, сколько денег потратить, а сколько отложить?». Учитывались следующие ответы: 1 — не более месяца, 2 — от месяца до трех, 3 — от трех до шести месяцев, 4 — от шести месяцев до одного года, 5 — от одного года до трех, 6 — от трех до пяти лет, 7 — от пяти до 10 лет, 8 — на 10 лет и больше. В случае, если респондент затруднялся ответить, выставлялся балл 1.	2,33	1,67
<i>Доверие институтам</i>			
Доверие Банку России	Данный показатель оценивается посредством вопроса: «Я перечислю разные организации. Скажите, насколько Вы доверяете каждой из них: Банк России». Если респондент отвечал «полностью доверяю» и «скорее доверяю», то определялось наличие доверия — 1, в остальных случаях отсутствие — 0.	0,48	0,5
Доверие Сбербанку	Данный показатель оценивается посредством вопроса: «Я перечислю разные организации. Скажите, насколько Вы доверяете каждой из них: Сбербанк». Если респондент отвечал «полностью доверяю» и «скорее доверяю», то определялось наличие доверия — 1, в остальных случаях отсутствие — 0.	0,65	0,48
Доверие другим банкам с участием государства	Данный показатель оценивается посредством вопроса: «Я перечислю разные организации. Скажите, насколько Вы доверяете каждой из них: другие банки с участием государства: ВТБ24, Газпромбанк, Россельхозбанк, Банк Москвы». Если респондент отвечал «полностью доверяю» и «скорее доверяю», то определялось наличие доверия — 1, в остальных случаях отсутствие — 0.	0,4	0,49
Доверие иностранным коммерческим банкам	Данный показатель оценивается посредством вопроса: «Я перечислю разные организации. Скажите, насколько Вы доверяете каждой из них: иностранные банки, работающие в России, например Ситибанк, Райффайзенбанк, Эйч-Эс-Би-Си (HSBC) и др.» Если респондент отвечал «полностью доверяю» и «скорее доверяю», то определялось наличие доверия — 1, в остальных случаях отсутствие — 0.	0,15	0,36
<i>Характеристики банков</i>			
Увеличение надежности банков	Данный показатель оценивается посредством вопроса: «Под надежностью банков обычно подразумевается сохранность денежных средств, соблюдение взятых обязательств и отсутствие мошенничества по отношению к клиентам. Если исходить из этого определения, как Вы считаете, за прошедший год банки в нашей стране в целом стали более надежными, менее надежными или ничего не изменилось?». Если респондент отвечал «стали более надежными» (надежность увеличилась), то ставится оценка 1, в остальных случаях — 0.	0,128	0,33

Наименование переменной	Описание	Среднее значение	Стандартное отклонение
Улучшение надежности банков через год	Данный показатель оценивается посредством вопроса: «А как Вы думаете, через год банки в нашей стране будут более надежными, менее надежными или их надежность не изменится?» Если респондент отвечал «будут более надежными», то ставится оценка 1, в остальных случаях — 0	0,134	0,34
Улучшение информационной прозрачности банка	Данный показатель оценивается посредством вопроса: «Под информационной прозрачностью банков обычно понимается раскрытие информации о стоимости услуг, финансовой отчетности. Как Вы считаете, за прошедший год банки в нашей стране стали более прозрачными, менее прозрачными или ничего не изменилось?» Если респондент отвечал «стали более прозрачными», то ставится оценка 1, в остальных случаях — 0	0,12	0,32
Улучшение информационной прозрачности банка через год	Данный показатель оценивается посредством вопроса: «А как Вы думаете, через год банки в нашей стране будут более информационно прозрачными, менее прозрачными или ничего не изменится?» Если респондент отвечал «будут более прозрачными», то ставится оценка 1, в остальных случаях — 0	0,14	0,35
<i>Использование финансовых услуг</i>			
Наличие дебетовой карты	Данный показатель оценивается посредством вопроса: «Скажите, пожалуйста, какими из перечисленных финансовых услуг Вы лично пользуетесь в настоящее время? Оформленная лично Вами пластиковая дебетовая карта (дебетовая карта — карта, по которой можно расходовать только собственные средства и нельзя взять в долг у банка)». Если человек пользовался, то проставлялась оценка 1, в остальных случаях — 0	0,17	0,38
Использование инвестиционных услуг	Данный показатель оценивается посредством вопроса: «Скажите, пожалуйста, какими из перечисленных финансовых услуг Вы лично пользуетесь в настоящее время? Инвестиционные услуги (ПИФы, ОФБУ, Доверительное управление)». Если человек пользовался, то проставлялась оценка 1, в остальных случаях — 0	0,008	0,092
Использование услуг страхования	Данный показатель оценивается посредством вопроса: «Скажите, пожалуйста, какими из перечисленных финансовых услуг Вы лично пользуетесь в настоящее время? Страхование добровольное (за исключением обязательного медицинского страхования — ОМС)». Если человек пользовался, то проставлялась оценка 1, в остальных случаях — 0	0,022	0,148
Использование услуг негосударственных пенсионных фондов	Данный показатель оценивается посредством вопроса: «Скажите, пожалуйста, какими из перечисленных финансовых услуг Вы лично пользуетесь в настоящее время? Услуги негосударственных пенсионных фондов (НПФ)». Если человек пользовался, то проставлялась оценка 1, в остальных случаях — 0	0,017	0,13
<i>Личные характеристики</i>			
Пол респондента	Пол респондента: мужской — 1, женский — 0	0,45	0,5

Наименование переменной	Описание	Среднее значение	Стандартное отклонение
Возраст от 18 до 23	Если респондент находится в возрасте от 18 до 23 лет, то он получает оценку 1, в остальных случаях — 0. Данный период характеризуется дефицитом жизненного цикла ⁸	0,07	0,25
Возраст от 24 до 55	Если респондент находится в возрасте от 24 до 55 лет, то он получает оценку 1, в остальных случаях — 0. Данный период характеризуется профицитом жизненного цикла	0,61	0,49
Возраст от 56 до 70	Если респондент находится в возрасте от 56 до 70, то он получает оценку 1, в остальных случаях — 0. Данный период характеризуется дефицитом жизненного цикла	0,26	0,44

Источник: составлено автором исследования на основе данных мониторинга «Финансовое поведение населения Российской Федерации», Единый архив экономических и социологических данных НИУ ВШЭ, 2020.

Перечисленные в таблице 2 факторы оценивались в период масштабного вызова пандемии COVID-19, следовательно, они также учитывают влияние внешней среды. Необходимо отметить ряд методических аспектов.

1) При учете уровня финансовой грамотности особый акцент был сделан на личную оценку своих знаний респондентом, которая может не отражать реальный уровень знаний. Так как респондент принимает решение о привлечении кредита, важно учитывать степень его личной уверенности в своих силах.

2) В данном исследовании распределение по возрасту было составлено с учетом положений концепции национальных трансфертных счетов, принимающей во внимание периоды жизненного цикла человека [Денисенко, Козлов, 2018]. Профицит жизненного цикла в России наступает в возрасте от 24 до 55 лет включительно, в остальные периоды жизни наблюдается дефицит. Снижение потребности в привлечении кредита может начинаться в возрасте старше 56 лет.

3) При проведении эмпирической оценки особый акцент был сделан на анализе доверия респондента к деятельности различных финансовых институтов, включая Банк России, Сбербанк России, иные банки. Подтверждение значимости фактора доверия в формировании активного типа кредитного поведения определит необходимость разработки политики повышения доверия субъектов к деятельности институтов банковской системы. Последнее связано с тем, что доверие накапливается в течение длительного периода времени. Политика повышения доверия субъектов к финансовым институтам должна иметь долгосрочную направленность.

Все вышеописанные показатели учитывают влияние кризиса пандемии COVID-19, которая создала уникальный набор факторов, влияющих на склонность субъектов к привлечению кредита. Для оценки значимости сформированного набора переменных были использованы бинарные регрессии. Выбор типа регрессии был связан с формой объясняемой переменной, а также с периодом проведения анализа.

⁸ Под дефицитом/профицитом жизненного цикла понимаются периоды времени, в которые получаемые посредством своего труда доходы не покрывают/покрывают материальные потребности человека. Экономический жизненный цикл отражает возрастные закономерности потребления и получения доходов.

Обсуждение результатов

При проведении эмпирической оценки первоначально была построена модель со всеми переменными. Впоследствии были построены logit- и probit-модели со значимыми переменными. Для выбора наилучшей модели проведена оценка по ряду критериев (см. табл. 3).

Таблица 3. Сравнение качества показателей, характеризующих logit и probit модели

Критерии	Probit-модель	Logit-модель	Вывод
Pseudo R ²	0,1044	0,1046	Лучше logit-модель
Площадь под Roc-кривой	0,7159	0,7163	Лучше logit-модель
Доля корректно предсказанных значений	77,98	78,10	Лучше logit-модель
AIC	1596,878	1596,595	Лучше logit-модель
BIC	1650,841	1650,558	Лучше logit-модель

По результатам оценки качества модели в рамках дальнейшего анализа использованы результаты logit-модели, так как указанная регрессия демонстрирует лучшие значения по сравнению с аналогичной probit-моделью. Выбранная logit-модель имеет следующую структуру:

$$Y_i = \alpha H_i + \beta T_i + \gamma B_i + \delta F_i + \varepsilon P_i + e,$$

где Y_i характеризует тип кредитного поведения i -го респондента,

H_i — набор переменных i -го респондента, отражающих его человеческий капитал,

T_i — набор переменных i -го респондента, отражающих его доверие к институтам,

B_i — набор переменных i -го респондента, отражающих его отношение к банкам,

F_i — набор переменных i -го респондента, отражающих опыт применения финансовых услуг,

P_i — набор переменных i -го респондента, отражающих его личные характеристики,

e — остатки. $\alpha, \beta, \gamma, \delta, \varepsilon$ характеризуют влияние набора переменных на сформированный тип кредитного поведения. Проведенный анализ демонстрирует значимость построенных эконометрических моделей (см. табл. 4).

Таблица 4. Эмпирическая оценка факторов, определяющих формирование активного типа кредитного поведения

Название переменных	Logit-модель 1	Logit-модель 2 со значимыми переменными	Средние маргинальные эффекты в Logit-модели 2
Уровень образования	0,0619889*		
Уровень финансовой грамотности	0,0510795	0,1225352**	0,0191353**
Горизонт планирования	0,0275573		

Название переменных	Logit-модель 1	Logit-модель 2 со значимыми переменными	Средние маргинальные эффекты в Logit-модели 2
Доверие Банку России	0,2092666**	0,3994185***	0,0623739***
Доверие Сбербанку	0,1855422*	0,3019093*	0,0471467*
Доверие к другим банкам с участием государства	0,1975394**	0,3822565***	0,0596938***
Доверие к иностранным коммерческим банкам	0,3817418***	0,6588317***	0,1028843***
Увеличение надежности банков	0,4015926***	0,769454***	0,1201592***
Улучшение надежности банков через год	0,0791306		
Улучшение информационной прозрачности банка	0,2360223**		
Улучшение информационной прозрачности банка через год	0,3242291***	0,6947983***	0,1085009***
Наличие дебетовой карты	-0,0111		
Использование инвестиционных услуг	0,2915455		
Использование услуг страхования	-0,0014358		
Использование услуг негосударственных пенсионных фондов	0,5983318**	1,071826**	0,1673781***
Пол респондента	0,0112408		
Возраст от 18 до 23 лет	-0,0855755		
Возраст от 24 до 55 лет	-0,0111059		
Возраст от 56 до 70 лет	-0,1636728	-0,2857282*	-0,0446198*
Остатки	-1,674126***	-2,487995***	—
Количество наблюдений	1630	1630	1630
Prob > chi2	0,0000	0,0000	—

*** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$.

Построенная эконометрическая модель позволяет подтвердить эмпирические гипотезы, сформулированные по результатам литературного обзора (см. рис. 1). Для интерпретации коэффициентов регрессии проведена оценка средних маргинальных эффектов.

Рис. 1. Влияние факторов на формирование активного кредитного поведения, %

На основании проведенной эконометрической оценки можно сделать следующие выводы.

1) Вероятность активного типа кредитного поведения увеличивается на 16,74% при наличии опыта использования иных финансовых услуг, представленных услугами негосударственных пенсионных фондов. Вероятно, если респондент активно использует различные финансовые услуги, возникает смежный эффект в части стимулирования использования всего спектра доступных финансовых услуг.

2) Высокую значимость продемонстрировали переменные, учитывающие доверие субъектов к финансовым институтам. Данный факт подтверждается как характеристиками банков, так и общим отношением респондентов к их деятельности. В частности, если респондент положительно оценивает надежность банков, то это приводит к росту вероятности демонстрации активного типа кредитного поведения на 12,02%. Если респондент доверяет Банку России, вероятность активного типа кредитного поведения увеличивается на 6,24%, другим банкам с участием государства — на 5,97%. Сохранение доверия со стороны субъектов к устойчивости банковской системы может выступать одним из направлений антикризисной политики Банка России.

3) Достаточно интересен результат по учету значимости фактора оценки уровня собственной финансовой грамотности. Если респондент декларирует высокий личный уровень финансовой грамотности, вероятность демонстрации им активного типа кредитного поведения увеличивается на 1,91%. Необходимо повышать информированность субъектов о порядке действий для сохранения средств в период кризиса.

4) Если субъект находится в старшей возрастной группе, для которой характерен дефицит жизненного цикла, то вероятность активного типа кредитного поведения снижается на 4,46%. Данный результат может быть связан с сокращением спроса на кредит, недостаточным доверием к кредитованию, а также со снижением доверия банков к заемщикам старших возрастов [Белехова, Барсуков, 2020].

Определенные значимые факторы имеют долгосрочную направленность. Осуществлять политику по увеличению финансовой грамотности, росту доверия к финансовым институтам необходимо как в период устойчивого развития, так и в кризисный период. Соответственно, возникает потребность реализации планомерной государственной политики, направленной на улучшение состояния значимых факторов для стимулирования возникновения активного типа кредитного поведения [Лаврушин, 2015].

Практические аспекты развития институционального кредитования в России

Эмпирический анализ позволил выявить факторы, значимые для формирования активного типа кредитного поведения в период пандемии COVID-19. Банк России, обеспечив воздействие на указанные факторы, в ситуации аналогичного кризиса может стимулировать сохранение эффективного кредитования. Вместе с тем для повышения результативности в сфере развития кредитования Банк России должен учитывать ряд практических аспектов.

Институционализация кредитования. Ряд исследователей фиксируют исчезновение фактора доверия в кредитных отношениях [Глазьев, 2021]. Последнее связано с формализацией взаимодействия заемщика и институционального кредитора. Необходимо учитывать, что институционализация кредитования, предполагающая цифровизацию банковской системы, действительно приводит к формализации механизма взаимодействия между кредиторами и заемщиками. В то же самое время поведенческий фактор все равно существует в кредитных отношениях, так как именно заемщик принимает решение о привлечении кредита. В случае, если заемщик не доверяет кредитору, он не будет использовать кредит. Отсутствие доверия к заемщику также значимо при принятии решения о выдаче кредита. Применение концепции доверия в кредитовании возможно не только для объяснения динамики спроса на институциональные кредиты, но и для анализа типов кредитного поведения в межличностном кредитовании [Bluhm, Martens, 2009]. Данный факт достаточно значим, так как субъект может демонстрировать реактивный тип кредитного поведения по отношению к институциональному кредитованию и активный тип — по отношению к межличностному кредитованию.

Развитие экосистем. Проведенная эконометрическая оценка продемонстрировала значимость фактора доверия к финансовым институтам для формирования активного кредитного поведения. За счет развития финансовых экосистем субъект погружается во взаимодействие с финансовыми институтами [Lee, Persson, 2016]. Следовательно, он накапливает положительный человеческий капитал. Банк России как орган, ответственный за развитие кредитования, должен учитывать фактор финансовых экосистем. Например, своевременно прорабатывать вопрос регулирования тех экосистем, которые могут оказывать различные виды финансовых услуг, включая кредитование, страхование, совершение расчетов. Недостаточная степень адаптивности государственного регулирования по отношению к финансовым экосистемам может приводить к росту системного риска.

Учет различных состояний внешней среды. Эмпирический анализ в представленном исследовании был проведен на период пандемии COVID-19. Вместе с тем

кредитование должно регулироваться с учетом существования четырех возможных состояний внешней среды: устойчивое развитие, предкризисный период, кризисный период и посткризисный период. Значимость факторов, влияющих на формирование кредитного поведения, также может различаться в зависимости от текущих условий. Соответственно, Банк России должен развивать практики экстренного регулирования с тем, чтобы оперативно воздействовать на значимые параметры кредитования при реализации различных состояний внешней среды.

Учет существования поведенческого цикла. Тип поведения является достаточно устойчивой характеристикой субъекта, формируемой под воздействием человеческого, социального и финансового капиталов, базовых характеристик. Вместе с тем субъекты распределены по типам кредитного поведения неравномерно. С учетом существования доминирующих настроений субъектов в экономике наблюдаются поведенческие циклы, которые распространяются в том числе и на кредитное поведение [Масленников, Ларионов, 2023а]. Использование концепции поведенческих циклов позволяет учитывать тренды и цикличность в формировании кредитного поведения. Учет текущей фазы поведенческого цикла необходим для выбора соответствующего инструмента воздействия. Для идентификации текущей фазы поведенческого цикла следует учитывать распределение субъектов по типам поведения, что требует проведения регулярных мониторинговых исследований.

Учет фактора старения населения. Возможно ожидать сохранение демографического тренда старения населения, а следовательно, проявление активного типа кредитного поведения будет снижено [Коновалова, Кузьмина, 2023]. Соответственно, средний возраст потенциальных заемщиков будет увеличиваться. Существующие кредитные программы, ориентированные на определенный возрастной диапазон, должны трансформироваться под новые демографические структуры, формируемые в обществе.

Учет ситуаций «глубокой неопределенности». Значимость формирования целевого типа кредитного поведения объясняется возрастающим уровнем неопределенности в экономике. В момент возникновения «глубокой неопределенности» сложно прогнозировать тренды изменения ситуации [Шипкова, Акимова, Шатаева, 2022]. Вместе с тем формирование целевого типа кредитного поведения определяет возможность повышения управляемости социально-экономической системой. За счет контроля определенных индикаторов⁹ возможно предсказывать реакции тех или иных категорий субъектов на изменение внешней среды с учетом сформированного ими типа кредитного поведения.

Учет вышеописанных практических аспектов необходим для выстраивания системы стратегического планирования и управления в сфере кредитования. Разработка долгосрочных мероприятий по развитию кредитования позволит обеспечить устойчивость данного инструмента стабилизации экономики к различным кризисам. Последнее особенно актуально в связи с широкой распространенностью инструментов льготного кредитования в России [Селезнева, Синявская, Горват, 2022].

⁹ Примером индикатора, в частности, может являться доля заемщиков, которые на протяжении жизни всегда погашали задолженность по кредитам без просрочек.

Заключение

Исследование раскрыло особенности формирования кредитного поведения в России в период пандемии COVID-19. Были подтверждены все сформулированные гипотезы. Подтверждение гипотез позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, формирование доверия к финансовым институтам является важной задачей, которая должна реализовываться как в период устойчивого развития, так и в период кризиса. Наличие доверия к финансовым институтам позволяет снизить негативное воздействие от кризиса. В результате повышается вероятность формирования активного типа кредитного поведения. Как следствие, инструменты кредитования позволяют обеспечить реализацию стабилизирующей функции в экономике. Банк России как орган, ответственный за развитие кредитования, должен применять инструменты стратегического планирования и государственного патернализма для реализации системы постоянных мер, направленных на увеличение доверия субъектов к банковской системе.

Во-вторых, на формирование активного кредитного поведения воздействует демографическая структура — возраст. В ситуации старения населения доля людей, склонных к формированию активного кредитного поведения, будет снижаться. Последнее определяет необходимость адаптации программ кредитования к новым демографическим условиям.

В-третьих, эмпирически подтверждено, что на формирование активного типа кредитного поведения влияет накопленный человеческий капитал, выражаемый в использовании иных финансовых услуг, в частности услуг негосударственных пенсионных фондов. Увеличение доли людей, регулярно пользующихся финансовыми услугами, способствует формированию активного кредитного поведения. Интересным результатом является значимость личной оценки собственного уровня финансовой грамотности для определения типа кредитного поведения. Данный факт подтверждает необходимость расширения политики Банка России в части повышения финансовой грамотности субъектов, их адаптации к новым финансовым инструментам.

Следует учитывать, что в ряде случаев может возникнуть потребность в формировании иных типов кредитного поведения, отличных от активного. Представляется целесообразным изучить финансовые показатели, характеризующие состояние кредитования населения, включая такие как типология кредитов, просроченная задолженность и параметры кредитной истории, их влияние на формирование типа кредитного поведения. Учет данных параметров необходим для того, чтобы снизить влияние субъективного характера ответов на вопросы социологической анкеты, что особенно важно для сферы финансов. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку инструментов регулирования кредитования с использованием положений государственного патернализма, стимулирующих формирование целевых типов кредитного поведения.

Список литературы (References)

1. Аликперова Н. В. Факторы влияния на финансовое поведение населения России: эффект ЗД // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 2. С. 165—175. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.2.14>.

- Alikperova N. V. (2023) Factors of Influence on the Financial Behavior of the Population of Russia: The 3D Effect. *Population*. Vol. 26. No. 2. P. 165—175. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.2.14>. (In Russ.)
2. Белехова Г. В., Барсуков В. Н. Финансовая грамотность пенсионеров и предпенсионеров: особенности и проблема доверия (на примере регионов Северо-Западного федерального округа) // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 4. <https://doi.org/10.15838/sa.2020.4.26.6>.
Belekhova G. V., Barsukov V. N. (2020) Financial Literacy of Pensioners and Pre-Pensioners: Features and the Problem of Trust (the Case of the Regions of the North-western Federal District). *Social Area*. 2020. Vol. 6. No. 4. <https://doi.org/10.15838/sa.2020.4.26.6>. (In Russ.)
 3. Виттенберг Е. Я. Проблемы повышения доверия населения к российским банкам в социологическом измерении. Часть 1 // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. С. 69—85. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7304>.
Vittenberg E. Ya. (2020) Problems of Increasing Public Confidence in Russian Banks in the Sociological Dimension (Part 1). *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*. Vol. 8. No. 2. P. 69—85. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7304>. (In Russ.)
 4. Вишневский А. Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций. М.: ИД ВШЭ, 2019.
Vishnevsky A. G. (2019) Demographic History and Demographic Theory: A Course of Lectures. Moscow: HSE. (In Russ.)
 5. Глазьев С. Ю. Стратегическое планирование как интегративный элемент в системе управления развитием // Экономическое возрождение России. 2021. № 3. С. 14—19. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-3-69-14-19>.
Glaziev S. Y. (2021) Strategic Planning as an Integrative Feature in Development Management System. *Economic Revival of Russia*. No. 3. P. 14—19. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-3-69-14-19>. (In Russ.)
 6. Денисенко М. Б., Козлов В. А. Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 4. С. 6—35. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8661>.
Denisenko M. B., Kozlov V. A. (2018). Generational Accounts and Demographic Dividend in Russia. *Demographic Review*. Vol. 5. No. 4. P. 6—35. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8661>. (In Russ.)
 7. Желтоносов В. М., Зиниша О. С., Филатова В. В. Финансовый капитал в условиях системной недостаточности ликвидности рынка финансовых услуг // Финансы и кредит. 2009. № 23. С. 60—67.
Zheltonosov V. M., Zinisha O. S., Filatova V. V. (2009) Financial Capital in Conditions of Systemic Liquidity Insufficiency of the Financial Services Market. *Finance and Credit*. No. 23. P. 60—67. (In Russ.)
 8. Зябликов Д. В., Степина И. О., Эйрих В. Е. Влияние пандемии COVID-19 на российский бизнес и необходимость государственной поддержки // ЦИТИСЭ. 2020. № 3. С. 332—342. <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2020.3.29>.

- Zyablikov D., Stepina I., Eirikh V. (2020) The Impact of the COVID-19 Pandemic on Russian Business and the Need for Government Support. *CITISE*. No. 3. P. 332—342. <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2020.3.29>. (In Russ.)
9. Иванов С. А., Светлов К. В. Ипотечное кредитование в решении жилищной проблемы и развитии человеческого капитала // Актуальные проблемы труда и развития человеческого потенциала: вузовско-академический сборник научных трудов. Выпуск 3(20) / под ред. В. И. Сигова, С. В. Кузнецова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. С. 62—66.
Ivanov S. A., Svetlov K. V. (2020) Mortgage Lending in Solving the Housing Problem and Human Capital Development. In: Sigov V. I., Kuznetsov S. V. (eds.) *Problems of Labor and Human Potential Development: Collection of Scientific Papers*. Vol. 3. No. 20. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics. P. 62—66. (In Russ.)
10. Капелюшников Р. И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть I // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 66—90. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-9-66-90>.
Kapeliushnikov R. I. (2013) Behavioral Economics and New Paternalism. (Part I). *Voprosy Ekonomiki*. No. 9. P. 66—90. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-9-66-90>. (In Russ.)
11. Киреева О. В. Педанова Е. Ю., Демин А. Н. Отношение к кредитам и социальный статус личности // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18. № 3. С. 95—107.
Kireeva O. V. Pedanova E. Yu., Djomin A. N. (2017) Attitude towards Loans and Person's Social Status. *Human. Community. Management*. Vol. 18. No. 3. P. 95—107. (In Russ.)
12. Коновалова М. Е., Кузьмина О. Ю. Финансовые экосистемы в эпоху развития цифровых технологий (на примере ПАО Сбербанк) // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 1. С. 361—380. <https://doi.org/10.18334/vinec.13.1.117453>.
Konovalova M. E., Kuzmina O. Yu. (2023) Financial Ecosystems in the Era of Digital Technology (On Sberbank Case). *Voprosy Innovatsionnoy Ekonomiki*. Vol. 13. No. 1. P. 361—380. <https://doi.org/10.18334/vinec.13.1.117453>. (In Russ.)
13. Кузьмина Е. В., Янин А. А. Направления и перспективы развития российского рынка ипотечного жилищного кредитования // Деньги и кредит. 2017. № 3. С. 38—45.
Kuzmina Ye., Yanin A. (2017) Development of Russian Housing Mortgage Lending Market. *Russian Journal of Money & Finance*. No. 3. P. 38—45. (In Russ.)
14. Лаврушин О. И. О доверии в кредитных отношениях // Деньги и кредит. 2015. № 9. С. 46—51.
Lavrushin O. I. (2015) On the Confidence in Credit Relations. *Russian Journal of Money & Finance*. No. 9. P. 46—51. (In Russ.)
15. Лаврушин О. И. Эволюция теории кредита и его использование в современной экономике. М.: КНОРУС, 2016.

Lavrushin O. I. (2016) The Evolution of the Theory of Credit and Its Use in the Modern Economy. Moscow: KNORUS. (In Russ.)

16. Лаврушин О. И., Соколинская Н. Э. Факторное влияние на доверие к банкам со стороны клиентов в условиях неопределенности // Финансовые рынки и банки. 2020. № 2. С. 95—100.
Lavrushin O. I., Sokolinskaya N. E. (2020) Factorial Influence on Customer Confidence in Banks in Conditions of Uncertainty. *Financial Markets and Banks*. No. 2. P. 95—100. (In Russ.)
17. Масленников В. В. Факторы развития национальных банковских систем. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2000.
Maslennikov V. V. (2000) Factors of Development of National Banking Systems. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics and Finance. (In Russ.)
18. Масленников В. В., Ларионов А. В. Роль поведенческого фактора в формировании волатильности депозитного денежного потока // Финансы и кредит. 2023а. Т. 29. № 9. С. 1953—1972. <https://doi.org/10.24891/fc.29.9.1953>.
Maslennikov V. V., Larionov A. V. (2023a) The Role of the Behavioral Factor in the Formation of Deposit Cash Flow Volatility. *Finance and Credit*. Vol. 29. No. 9. P. 1953—1972. <https://doi.org/10.24891/fc.29.9.1953>. (In Russ.)
19. Масленников В. В., Ларионов А. В. Роль поведенческого цикла в экономике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023б. № 1. С. 72—95. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2208>.
Maslennikov V. V., Larionov A. V. (2023b) Role of the Behavioral Cycle in the Economy. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 72—95. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2208>. (In Russ.)
20. Масленников В. В., Ларионов А. В., Гагарина М. А. Факторы формирования типов финансового поведения экономических субъектов // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26. № 2. С. 88—103. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-2-88-103>.
Maslennikov V. V., Larionov A. V., Gagarina M. A. (2022) Factors of Formation of Financial Behavior Types of Economic Entities. *Finance: Theory and Practice*. Vol. 26. No. 2. P. 88—103. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-2-88-103>. (In Russ.)
21. Назарова А. Г. О возможных макропоследствиях старения общества: экономико-статистический анализ на основе национальных трансфертных счетов // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 3. С. 56—69. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-3-56-69>.
Nazarova A. G. (2021) On Possible Macro Consequences of Society Aging: Economic and Statistical Analysis on the Basis of National Transfer Accounts. *Voprosy Statistiki*. Vol. 28. No. 3. P. 56—69. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-3-56-69>. (In Russ.)

22. Жихаревич Б. С., Жулин А. Б., Зайцев Д. А., Клепач А. Н., Клименко А. В., Ларионов А. В., Прядильников М. В., Якобсон Л. И., Яременко И. А. Планирование и управление по результатам в условиях турбулентности. Круглый стол, 25.10.2022 // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 4. С. 7—29.
Zhikharevich B. S., Zhulin A. B., Zaytsev D. A., Klepach A. N., Klimenko A. V., Lari-onov A. V., Pryadil'nikov M. V., Jakobson L. I., Yaremenko I. A. (2022) Planning and Performance Management under Turbulence. Round Table, 25.10.2022. *Public Administration Issues*. No. 4. P. 7—29. (In Russ.)
23. Родичева В. Б. Перспективы развития действующей системы рефинансирования Центрального Банка Российской Федерации // Инновационное развитие экономики. 2017. № 6. С. 245—261.
Rodicheva V. B. (2017) Prospects for the Development of the Current Refinancing System of the Central Bank of the Russian Federation. *Innovative Development of the Economy*. No. 6. P. 245—261. (In Russ.)
24. Рубинштейн А. Я., Городецкий А. Е. Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10. № 4. С. 38—57. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.4.038-057>.
Rubinshtein A. Ya., Gorodetsky A. E. (2018) State Paternalism and Paternalistic Failure in the Theory of Protected Goods. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 10. No. 4. P. 38—57. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.4.038-057>. (In Russ.)
25. Селезнева Е. В., Синявская О. В., Горват Е. С. Интеграция медицинского и социального обслуживания пожилых в России: успехи и барьеры // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 148—169. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-148-169>.
Selezneva E. V., Sinyavskaya O. V., Gorvat E. S. (2022) Integration of Medical and Social Services for the Elderly in Russia: Successes and Barriers. *Public Administration Issues*. No. 1. P. 148—169. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-148-169>. (In Russ.)
26. Симонин П. В., Богачева Т. В., Подсевалова Е. Н. Влияние человеческого капитала на ключевые показатели финансово-хозяйственной деятельности организации // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 6. Ст. 12.
Simonin P. V., Bogacheva T. V., Podsevalova E. N. (2020) The Impact of Human Capital on the Key Indicators of the Organization's Financial and Economic Activities. *The Eurasian Scientific Journal*. Vol. 12. No. 6. P. 1—16. Art. 12. (In Russ.)
27. Столбов М. И. Гипотеза финансовой нестабильности Хаймана Мински и экономический кризис в России // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 3. С. 56—64. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-3-56-64>.
Stolbov M. I. (2010) Hyman Minsky's Financial Instability Hypothesis and Economic Crisis in Russia. *World Economy and International Relations*. No. 3. P. 56—64. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-3-56-64>. (In Russ.)

28. Сушко В. А. Роль социального капитала личности в формировании качества жизни // Социодинамика. 2021. № 4. С. 82—93. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.4.32515>.
Sushko V. A. (2021) The Role of the Social Capital in Shaping of the Quality of Life. *Sociodynamics*. No. 4. P. 82—93. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.4.32515>. (In Russ.)
29. Трофимова Н. А. Экономическая роль социального капитала в эффективной деятельности многоуровневых экономических систем // Искусственные общества. 2018. Т. 13. № 4. С. 14. <https://doi.org/10.18254/S0000129-0-1>.
Trofimova N. A. (2018) Economic Role of Social Capital in Effective Activity of Multi-Level Economic Systems. *Artificial Societies*. Vol. 13. No. 4. Art. 14. <https://doi.org/10.18254/S0000129-0-1>. (In Russ.)
30. Шипкова О. Т., Акимова Е. Н., Шатаева О. В. Инструменты планирования и принятия решений в условиях глубокой неопределенности как основа проактивной позиции экономического субъекта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2022. № 2. С. 127—141. <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2022-2-127-141>.
Shipkova O. T., Akimova E. N., Shataeva O. V. (2022) Planning and Decision-Making in Conditions of Deep Uncertainty as the Basis for a Proactive Position of an Economic Entity. *Bulletin of the State University of Education. Series: Economics*. No. 2. P. 127—141. <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2022-2-127-141>. (In Russ.)
31. Юсупова О. А. О просроченной задолженности в кредитных портфелях российских банков, причинах ее возникновения и методах работы с ней // Финансы и кредит. 2015. № 3. С. 14—26.
Yusupova O. A. (2015) Past Due Debt in the Credit Portfolios of Russian Banks: Causes of Occurrence and Workout Methods. *Finance and Credit*. No. 3. P. 14—26. (In Russ.)
32. Ягупова Е. А. Влияние пандемии коронавируса на банковскую систему России // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2020. № 3. С. 49—55. <https://doi.org/10.37279/2312-5330-2020-3-49-55>.
Yagupova E. A. (2020) Impact of the Coronavirus Pandemic on the Russian Banking System. *Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments*. No. 3. P. 49—55. <https://doi.org/10.37279/2312-5330-2020-3-49-55>. (In Russ.)
33. Bluhm K., Martens B. (2009) Recomposed Institutions: Smaller Firms' Strategies, Shareholder-Value Orientation and Bank Relations in Germany. *Socio-Economic Review*. Vol. 7. No. 4. P. 585—604. <https://doi.org/10.1093/ser/mwp011>.
34. Chen X., Zhou Q. (2024) Social Capital, Financial Lending, and Household Income — An Empirical Study from China. *Journal of the Knowledge Economy*. <https://doi.org/10.1007/s13132-023-01723-w>.
35. Glatz C., Bodi-Fernandez O. (2020) Individual Social Capital and Subjective Well-Being in Urban- and Rural Austrian Areas. *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*. Vol. 45. P. 139—163. <https://doi.org/10.1007/s11614-020-00399-9>.

36. Grinstein-Weiss M., Yeo Y. H., Despard M. R., Casalotti A. M., Zhan M. (2010) Does Prior Banking Experience Matter? Differences of the Banked and Unbanked in Individual Development Accounts. *Journal of Family and Economic Issues*. Vol. 31. No. 2. P. 212—227. <https://doi.org/10.1007/s10834-010-9184-5>.
37. Gurov I. N., Kulikova E. Yu. (2022) Fertility-Household Credit Burden Nexus at the Present Stage. *Population and Economics*. 2022. Vol. 6. No 1. P. 36—61. <https://doi.org/10.3897/popecon.6.e76066>.
38. Lee S., Persson P. (2016) Financing from Family and Friends. *The Review of Financial Studies*. Vol. 29. No. 9. P. 2341—2386.
39. Robb C. A., Woodyard A. S. (2011) Financial Knowledge and Best Practice Behavior. *Journal of Financial Counseling and Planning*. Vol. 22. No. 1. P. 60—70.
40. Schober M. W., Jensen R. A. (1969) Truth in Lending: Analysis of Act and Regulation. *Z. Real Property, Probate and Trust Journal*. Vol. 4. No. 3. P. 305—314.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.4.2536](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2536)

Н. Л. Русинова, В. В. Сафронов

МЕДИАЦИИ СТАТУСНЫХ НЕРАВЕНСТВ В ЗДОРОВЬЕ: ЗАВИСИМОСТЬ ЭФФЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОТ ВОЗРАСТА

Правильная ссылка на статью:

Русинова Н. Л., Сафронов В. В. Медиации статусных неравенств в здоровье: зависимость эффектов социального капитала от возраста // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 243—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2536>.

For citation:

Rusinova N. L., Safronov V. V. (2024) Mediating Status Inequalities in Health: Age-Dependent Social Capital Effects. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 243–265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2536>. (In Russ.)

Получено: 11.12.2023. Принято к публикации: 21.06.2024.

МЕДИАЦИИ СТАТУСНЫХ НЕРАВЕНСТВ В ЗДОРОВЬЕ: ЗАВИСИМОСТЬ ЭФФЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОТ ВОЗРАСТА

РУСИНОВА Нина Львовна — кандидат экономических наук, заведующий сектором социологии здоровья, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: nrusinova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8904-551X>

САФРОНОВ Вячеслав Владимирович — старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: vsafonov@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5971-1777>

Аннотация. Исследование посвящено проблеме социально-структурных неравенств в здоровье и воздействия на них социального капитала. Согласно результатам предыдущих исследований, с повышением образования, дохода, профессионального статуса наблюдается заметное улучшение состояния здоровья людей. Оно улучшается и при обладании индивидами социальным капиталом, в частности, когда человек получает доступ к важным ресурсам благодаря социальным связям с лицами, занимающими достаточно высокое положение в обществе. Развитие теоретических представлений о причинах неравенства в сфере здоровья в последние годы было связано с проверкой предположений, согласно которым социальный капитал может опосредовать влияние социально-экономического статуса на здоровье. Результаты эмпирического тестирования, однако, противоречивы: одни подтверждают наличие медиаций, но другие их не находят. Причем подтверждения были получены в определенных группах населения, в частности среди пожилых.

MEDIATING STATUS INEQUALITIES IN HEALTH: AGE-DEPENDENT SOCIAL CAPITAL EFFECTS

*Nina L. RUSINOVA*¹ — *Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Head of the Sociology of Health Department*
E-MAIL: nrusinova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8904-551X>

*Viacheslav V. SAFRONOV*¹ — *Senior Researcher*
E-MAIL: vsafonov@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5971-1777>

¹ Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (branch) of the Federal Center of the Theoretical and Applied Sociology RAS, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The study addresses the issue of social and structural inequalities in health and the impact of social capital on them. It is well established that health improves markedly with education, income, and occupational status. It also improves when individuals possess social capital, in particular when they have access to resources important for health through social ties with individuals of sufficiently high status in society. In recent years, the development of theoretical insights aimed at addressing this issue has been linked to testing the hypothesis that social capital may mediate the effects of socioeconomic status on health. The results of empirical testing, however, turn out to be contradictory — some confirm the presence of mediations, but others do not find them. Moreover, confirmation was obtained in certain groups of the population, in particular among the elderly. The presented analysis of Russian survey data collected under the International Social Survey Program (ISSP 2017) was aimed at substantiating the above theoretical provisions and implied the iden-

Представленный анализ российских опросных данных, собранных по Программе международного социального исследования (ISSP 2017), направлен на обоснование указанных теоретических положений и подразумевает выявление медиативных эффектов социального капитала (профессионального статуса близких и знакомых индивида) при рассмотрении образовательных, а также доходных и профессиональных неравенств в здоровье. Анализируются возрастные особенности проявления таких медиаций — возраст выступает модератором посреднических эффектов. Результаты подтверждают, что в нашей стране с полной определенностью проявляются статусные неравенства в здоровье и социальный капитал играет важную роль в его сохранении. Обнаружены непрямые эффекты социального капитала, объясняющие эти неравенства. Причем возраст действительно выступает модератором медиативного влияния социального капитала — оно практически незаметно в младших возрастах и нарастает, обретая статистическую значимость, к старшим.

Ключевые слова: структурные неравенства в здоровье, социальный капитал, профессиональный статус близких и знакомых, медиация неравенств в здоровье социальным капиталом, модерация посреднических эффектов возрастом, ISSP 2017

tification of mediating effects of social capital (professional status of an individual's relatives and acquaintances) when considering educational, income, and occupational inequalities in health. The authors analyze age differences in the manifestation of such mediations where age acts as a moderator of mediation effects. The results confirm that in Russia status inequalities in health are manifested with full certainty and social capital plays an important role in its preservation. Indirect effects of social capital were found to explain these inequalities to a certain extent. Moreover, age does act as a moderator of the mediating influence of social capital — it is almost imperceptible in younger ages and increases, gaining statistical significance, in older ages.

Keywords: structural inequalities in health, social capital, professional status of relatives and acquaintances, mediation of inequalities in health by social capital, moderation of mediation effects by age, ISSP 2017

Статусные различия здоровья и социальный капитал: состояние исследований

Многочисленные исследования свидетельствуют о существовании социально-экономических неравенств в здоровье: чем более привилегированное положение занимают люди в социальной структуре, тем лучше у них здоровье и выше продолжительность жизни. Такие структурные неравенства можно обнаружить в любом современном обществе, будь то страны с низким, средним или высоким уровнем дохода [Huisman et al., 2013; Mackenbach, 2012; Mackenbach et al., 2008]. Более того, в последние десятилетия, несмотря на значительный прогресс в медицинской науке и увеличение расходов на здравоохранение, эти неравенства

сохраняются и даже растут [Hu et al., 2016; Mackenbach et al., 2015; Vonneilich, Lüdecke, von dem Knesebeck, 2020]. Для их объяснения все больше внимания стало уделяться психосоциальным факторам, в том числе социальным отношениям [Arcaya, Arcaya, Subramanian, 2015]. Было показано, что поддержка со стороны близкого круга и социальная интеграция долговременно благотворно воздействуют на физическое здоровье, психологическое благополучие, стили жизни и долголетие [Holt-Lunstad, 2021]. Напротив, ограниченность доступа к социальным ресурсам поддержки, недоверие людям, изоляция и одиночество, по результатам масштабных лонгитюдных проектов, выступают факторами риска серьезных последствий для физического здоровья [Valtorta et al., 2016; Cohen, 2021; Cheng, Leung, Chan, 2014] и проявляются в снижении самооценки здоровья [Giordano, Lindström, 2010; Giordano, Björk, Lindström, 2012], нарастании рисков депрессии [Carr, 2020; Landstedt et al., 2016; Stansfeld, Fuhrer, Shipley, 1998], ослаблении когнитивных способностей и преждевременной смертности в старших возрастах [Holt-Lunstad et al., 2015; Piolatto et al., 2022; Rico-Uribe et al., 2018].

Между тем возможности опереться на столь значимые для поддержания здоровья и долголетия ресурсы, обеспечиваемые включенностью индивида в социальные сети, распределяются в обществе неравномерно. Эмпирические факты подтверждают, что характер социальных отношений неодинаков на разных уровнях социальной иерархии: в нижних общественных слоях они менее разнообразны и не обеспечивают необходимой поддержки [Pichler, Wallace, 2008; Stringhini et al., 2012; Weyers et al., 2008]. Выявленные закономерности позволяют предположить, что различные аспекты социальных отношений, помимо независимых прямых воздействий на здоровье, могут выполнять посредническую функцию в передаче влияния социально-экономического статуса на здоровье, внося свой вклад в объяснение его социального структурирования. Однако, несмотря на обширную литературу о важности социальных отношений для здоровья, фактические данные, касающиеся их роли в объяснении социально-структурных неравенств в здоровье, неоднозначны. Целый ряд исследований, проведенных в Германии, Коре, Китае, России и других странах мира, — в подтверждение теоретических аргументов и гипотез, обосновывающих возможную медиативную роль социальных отношений в формировании неравенств в здоровье [Link, Phelan, 1995; Berkman, Krishna, 2014; Bourdieu, 1986; Lin, 1999, 2000], — свидетельствует, что различия в его состоянии у людей с разными уровнями образования, дохода, профессионального статуса действительно отчасти могут объясняться тем, насколько они вовлечены в социальные отношения [Кислицына, Ферландер 2015; Han et al., 2018; Klein et al., 2012; Vonneilich et al., 2012]. Полученные в этих исследованиях результаты в целом подкрепляются и анализом данных масштабных международных проектов (European social survey, ESS; Survey of Health, Ageing, and Retirement in Europe, SHARE), охватывающих большинство европейских стран [Русина, Сафронов, 2020; Craveiro, 2017; Rostila, 2013; Vonneilich, Lüdecke, von dem Knesebeck, 2020]. В то же время встречаются и работы, в которых убедительных доказательств социальной медиации связи между социально-экономическим статусом и здоровьем получить не удается [Aartsen, Veenstra, Hansen, 2017; Dahl, Malmberg-Heimonen, 2010; Gorman, Sivaganesan, 2007; Huurre et al., 2007; von dem Knesebeck, Geyer, 2007].

Критически оценивая положение дел в обсуждаемой предметной области, авторы недавних обзоров литературы призывают обратить более пристальное внимание в оценке социальных отношений и их значения для здоровья на те структурные характеристики социальных сетей, которые давали бы более полное представление о заключенных в этих сетях ресурсах [Meanley et al., 2020; Vonneilich, 2022]. Это делается в рамках относительно самостоятельно развивающегося направления исследований социальных отношений, которое основывается на теории социального капитала Н. Лина [Lin 1982, 2001]. Внимание сосредоточивается на иерархической структуризации социальных позиций участников сети и потенциальных возможностях доступа индивида к ценным для здоровья ресурсам благодаря контактам с лицами, занимающими высокое положение в обществе и обладающими властью, деньгами, престижем, знаниями и полезными социальными связями¹. В этой теории, как отмечалось нами ранее [Русина, Сафронов, 2023], предполагается, что профессиональный статус адекватно отражает распределение важных ресурсов в обществе и что контакты с лицами определенного профессионального уровня открывают для индивида дополнительные возможности получения доступа к материальным благам и иным ресурсам — жилью, услугам здравоохранения и образования, связям с полезными людьми, а также к ценной информации, помогающей в решении проблем. Считается, что эти контакты могут способствовать укреплению ориентации на нормы здорового поведения, уменьшению подверженности стрессу, усилению чувства социальной принадлежности и ослаблению относительной депривации, повышению психологической уверенности в своих силах и контроле над обстоятельствами жизни, самоуважения, что в конечном счете отразится на физическом здоровье и психологическом благополучии [Song, Frazier, Pettis, 2018].

Результаты целого ряда эмпирических исследований, в которых рассматривались статусные позиции в сети, свидетельствуют, что знакомство с людьми, занимающими высокое положение в обществе, как и предсказывает теория, действительно ведет к улучшению здоровья и стимулирует поведение, способствующее его укреплению [см. обзоры Meanley et al., 2020; Song, 2013; Song, Frazier, Pettis, 2018]. Однако остается неясным, как доступный в сети статус взаимодействует с социальными детерминантами здоровья на индивидуальном уровне — прежде всего с социально-экономическим статусом самого индивида. Положение индивида в общественной структуре, согласно существующим теоретическим представлениям [Bourdieu, 1986; Lin, 2001], во многом определяет характер его сетевых взаимодействий. Люди, занимающие более высокие социально-экономические позиции в обществе, обладают большими структурными возможностями для установления контактов с теми, кто, как и они сами, принадлежит к привилегированному общественным слоям. Они также распоряжаются большими ресурсами, которые к тому же способны более умело инвестировать в налаживание социальных

¹ Для отображения сетевой иерархии Н. Лин и коллеги разработали специальный опросный инструмент — *position generator*, или измеритель статусных позиций в сети [Lin and Dumin, 1986; Lin, Fu, Hsung, 2001]. С его помощью выясняется, есть ли у респондентов среди знакомых люди, имеющие профессии из предложенного списка, в который включены распространенные специальности с низкими, средними и высокими статусами [Verhaeghe, Li, 2015]. При измерении позиционного социального капитала используются такие показатели, как максимальный статус сетевого партнера, разница между максимальным и минимальным статусами, средний статус лиц в сети респондента и др.

связей и получение доступа к высокостатусным сетевым партнерам. Кроме того, они могут оказаться и более привлекательными для представителей влиятельных кругов в силу общей склонности людей к общению с себе подобными (гомофилии) [McPherson, Smith-Lovin, Cook, 2001].

Таким образом, есть все основания предполагать, что позиционный социальный капитал, как и другие аспекты социальных взаимодействий, может служить медиатором, связывающим социально-экономическое положение индивида со здоровьем. Однако исследования, нацеленные на проверку этого предположения, только начинают развиваться, ограничиваясь пока единичными работами, подтверждающими посреднический эффект позиционного социального капитала в объяснении социально-структурных неравенств в здоровье. Так, согласно результатам двух исследований, анализирующих репрезентативные данные взрослых американцев [Song, 2011; Song, Pettis, Piya, 2017], социальный капитал, обозначаемый средними показателями престижности доступных профессий, действует как посредник, связывающий структурные факторы (возраст, пол, расу / этническую принадлежность, образование, профессию и доход семьи) с психологическим дистрессом [Song, 2011], а показатели среднего и максимального образования сетевых партнеров опосредуют влияние образования самого индивида на индикаторы массы тела [Song, Pettis, Piya, 2017]. Этот медиатор позволяет также объяснить — на небольшой подгруппе беременных женщин в США — образовательные различия в принятии решения о вакцинации в период пандемии гриппа, особенно опасного для этой подгруппы [Hernandez, Pullen, Brauer, 2019]. Еще в одной работе — на данных для Монреаля — обнаружено, что разнообразие сети, общее число партнеров в ней и наибольший доступный профессиональный статус выступают медиаторами связи между уровнем образования индивида и самооценкой здоровья, физической активностью и гипертонией [Moore, Stewart, Teixeira, 2014]. В нашей стране также можно найти исследования, посвященные систематическому анализу социальных сетей и их социальной структуризации [Каравай 2021, 2022]. Появляются работы, в которых показано, что социальный капитал, измеренный как максимальный статус партнера в сети, оказывает самостоятельное существенное влияние на здоровье при контроле прочих релевантных переменных [Русинава, Сафронов, 2023]. Все это говорит о важности развития исследований, в которых предпринимаются попытки объяснения структурных неравенств в здоровье с помощью анализа посреднических эффектов ресурсоемкости сетей, отражающей социально-экономические позиции сетевых партнеров.

Теоретическое продвижение при исследовании таких медиаций может быть связано с обоснованием и эмпирической проверкой соображений о различиях эффектов в разных социально-демографических группах. Исследователи уже обратили внимание на особенно отчетливые воздействия социального капитала на здоровье в старших возрастах [Muckenhuber, Stronegger, Freidl, 2013]. При анализе жизненного цикла отмечалось также, что доступ к статусным ресурсам в сети позволяет пожилым людям поддерживать здоровье, однако при этом происходит дальнейшее усиление неравенств, поскольку такая зависимость не проявляется у индивидов с невысоким социально-экономическим статусом [Volker, 2020]. В одной из работ показано, что посреднические эффекты вовлеченности в социальную активность,

объясняющие образовательные неравенства в здоровье, заметно различаются в разных возрастах: у пожилых они оказались намного более отчетливыми, чем в других возрастных категориях [Vonnelich, Lüdecke, von dem Knesebeck, 2020]. В настоящем исследовании предполагается найти дополнительные аргументы для обоснования этой теоретической перспективы и проверить, опираясь на анализ опросных российских данных, действительно ли социальный капитал, свидетельствующий о статусных ресурсах в сети, позволяет объяснить структурные различия в здоровье и связана ли выраженность таких эффектов с возрастом.

Задачи и методология исследования

В представленном исследовании рассматривается проблема социально-структурных неравенств в здоровье в России и медиативного влияния на них в разных возрастах ресурсов социального капитала. Оно было нацелено на прояснение неопределенности, характеризующей состояние дел в изучаемой области, и предполагало решение следующих задач. Во-первых, заслуживает подтверждения тезис о социальном структурировании здоровья в России и его зависимости от ресурсов социального капитала. Во-вторых, предполагается проверить, действительно ли в нашей стране социально-структурные неравенства в здоровье могут в определенной мере объясняться посредническим влиянием социального капитала. В-третьих, предстоит выяснить, различаются ли такие посреднические эффекты в зависимости от возраста — усиливаются ли они в старших возрастах по сравнению с младшими.

Поставленные задачи решались с использованием данных репрезентативного российского опроса, проведенного «Левада-Центром»² по Международной программе социальных исследований (International Social Survey Program, ISSP) в 2017 г.³ Именно в этом году в программе рассматривались интересующие нас социальные сети и социальные ресурсы [Muckenhuber, Höllinger, Hadler, 2019]. Для настоящего исследования из выборки были исключены молодые люди (до 25-летнего возраста), поскольку не всем из них можно было приписать определенные статусные характеристики (например, многие еще не закончили учиться), а здоровье — в силу естественных биологических причин — еще очень слабо зависело от различия статусов (такой подход нередко используется при изучении социально-экономических неравенств в здоровье [Gorman, Sivaganesan 2007]). При включении переменной возраста без такого ограничения, то есть с 18 лет и старше, описанные ниже результаты меняются мало.

Материалы ISSP содержат сведения о здоровье опрошенных, полученные с помощью широко используемого инструмента самооценок его состояния — респондентам было предложено ответить на следующий вопрос анкеты: «Как вы оценили бы в целом свое здоровье (имеется в виду и физическое, и психическое здоровье)? 1. Отличное, 2. Очень хорошее, 3. Хорошее, 4. Удовлетворительное, 5. Слабое». Такое измерение здоровья, несмотря на простоту, признается валидным, надежным, отражающим физическое и психическое состояния индивида, общее социальное благополучие [Jylhä, 2009; Quesnel-Vallée, 2007]. Оно выступает предиктором за-

² Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции иностранного агента.

³ Выборка — общенациональная многоступенчатая стратифицированная вероятностная выборка объемом в 1560 человек, представляющая взрослое население в возрасте от 18 лет. Метод сбора данных — личные интервью.

болеваемости и смертности [Benyamini, 2011; DeSalvo et al. 2006; Idler, Benyamini 1997], широко применяется на протяжении десятилетий в массовых опросах по всему миру и рекомендовано ВОЗ для мониторинга здоровья и качества жизни населения (Health Interview Survey, 1996). Зависимая переменная в дальнейшем анализе будет представлена дихотомическим признаком оценок здоровья, отделяющим респондентов со слабым или удовлетворительным здоровьем (градация «0») от тех, кто оценил его как хорошее, очень хорошее или отличное (градация «1»).

В нашем исследовании основной независимой переменной, свидетельствующей о социально-структурных различиях, выступает образование, но для подтверждения обнаруживаемых зависимостей дополнительно будут рассматриваться и два других показателя таких различий: доход и профессиональный статус. Образование измерялось по суммарному количеству лет, в течение которых респондент обучался в формальных образовательных учреждениях (школе, училище, колледже, институте, университете, аспирантуре и т. п.). Материальное благосостояние оценивалось по общему месячному доходу семьи (полученному ее членами из всех источников, в рублях). Профессиональные позиции рассчитываются в ISSP на основе содержащихся в материалах опроса сведений о работе респондентов (открытые вопросы: «Опишите Вашу работу: по какой профессии и в какой должности Вы работаете (работали) на основном месте работы? В чем именно заключается (заключалась) Ваша работа? Чем занимается то подразделение организации (предприятия), где Вы работаете (работали)?», которые кодируются в соответствии с Международной стандартной классификацией профессий (International Standard Classification of Occupations, ISCO 08 [International Labour Office, 2012]). Эти коды преобразовывались нами в стобалльную шкалу Международного социально-экономического индекса (International Socio-Economic Index ISEI)⁴, который используется ниже в качестве показателя профессионального статуса.

Медиатором статусных неравенств в здоровье, как предполагается, может выступать социальный капитал — ресурсы, потенциально доступные в сети индивиду благодаря связям с лицами, занимающими более высокое положение в общественной структуре. Медиатор — это переменная, которая опосредует влияние независимой переменной (образования, дохода, профессионального статуса) на зависимую (самооценки здоровья): состояние здоровья в определенной мере зависит от социального капитала, а сам он — от позиции в социальной структуре. Для фиксации такого социального капитала в ISSP, как описано в другой нашей работе [Русинова, Сафронов, 2023], применялся так называемый измеритель статусных позиций («position generator») — респондентам было предложено указать, есть ли среди их близких, друзей или знакомых: 1) водитель автобуса или большегрузной машины, 2) директор крупной компании, 3) уборщица, 4) парикмахер, 5) менеджер по подбору персонала, 6) адвокат, юрист, 7) автомеханик, 8) медсестра, 9) сотрудник полиции и 10) школьный учитель. Указанные профессии едва ли наилучшим образом подходят для оценки сетевых статусных ресурсов в России, однако их отбор был обусловлен стремлением исследователей, подготавливающих анкету, создать инструмент, работающий в очень сильно различающихся странах мира [Жоуе,

⁴ Об этом преобразовании см. [Ganzeboom, Treiman, 2010].

Sapin, Wolf, 2019]. Каждой профессии приписываются баллы по уже знакомой нам столбальной шкале Международного социально-экономического индекса профессионального статуса (ISEI). Так, адвокату, юристу присваивается самый высокий балл, равный 85, исполнительному директору компании — 70 баллов, менеджеру по кадрам — 69, а школьному учителю — 67,5 балла. У уборщицы самая низкая оценка, 16 баллов, несколько выше она у парикмахера — 29, водителя — 32 и автомеханика — 34, наконец, ближе к середине ранжированного списка располагаются профессии медсестры — 40,5 и полицейского — 50 баллов. Для фиксации сетевых статусных ресурсов нами использовался один из показателей, которым аналитики измеряют профессиональный статус близких или знакомых респондента — среднее значение для участников сети (в отличие от индикатора наибольшего статуса сетевых партнеров одно из важных преимуществ этого показателя для нашего анализа связано с нескошенным распределением, напоминающим нормальное). Медиативные воздействия социального капитала рассматривались при их модерации фактором возраста (различавшегося в годах). Указанные медиации и модерации статусных неравенств в здоровье анализировались при контроле ряда дополнительных переменных, связанных с различиями самочувствия людей, включая пол, семейное положение (проживающие вместе супруги или партнеры) и место жительства (сельская местность, небольшой или крупный город).

Схема анализа медиативных эффектов с учетом возрастной модерации представлена на рисунке 1. Воздействие социально-экономического статуса на состояние здоровья может быть отображено с помощью прямого эффекта (c') и непрямых эффектов — через социальный капитал (произведение ab).

Рис. 1. Неравенства в здоровье, социальный капитал и возраст: аналитическая схема

Перед индивидами с более высоким статусом открываются новые возможности по поддержанию здоровья благодаря росту не только материального благосостояния, но и социального капитала — доступа к ресурсам, которыми обладают его близкие и знакомые, также занимающие достаточно высокое положение в обществе. Опосредованное влияние общественного статуса на здоровье через социальный капитал может, в свою очередь, зависеть от возрастных различий. Вероятно, обладание социальным капиталом имеет особое значение для хорошего здоровья в старших возрастах, когда начинается его естественное ухудшение, в то время как в молодости для здорового организма сетевые ресурсы менее значимы. Поэтому фактор возраста на схеме представлен в качестве модератора связи между социальным капиталом и оценками здоровья. Описанные медиации и модерации изучаются при контроле переменных пола, семейного положения и места жительства.

Дескриптивная статистика для основных переменных приводится в таблице 1. Согласно этим данным, состояние здоровья многих участников опроса оставляет желать лучшего — почти половина не может назвать его хорошим, и только 52% ответили, что у них хорошее (или очень хорошее и отличное) здоровье.

Таблица 1. **Дескриптивная статистика**
а — непрерывные переменные

Переменные	N	Min	Max	Mean	Std. Dev.
Образование	1410	3	20	12,6	2,5
Доход	1134	3000	250000	43566	33893
Профессиональный статус	1321	11	89	42,5	21,1
Социальный капитал (средний статус партнеров)	1333	16	85	44,6	9,8
Возраст	1410	25	92	48,8	15,3

б — категориальные переменные

Переменные	N	%	Переменные	N	%
Оценки здоровья	1400		Семейное положение:	1410	
Ниже хорошего	671	48	Одинокие	564	40
Хорошее+	729	52	Супруги, партнеры	846	60
Пол:	1410		Место жительства:	1410	
Женщины	784	56	Сельская местность	359	25
Мужчины	626	44	Небольшой город	308	22
			Крупный город	743	53

Показатель профессионального статуса близких и знакомых, измеряющий социальный капитал (среднее значение = 44,6), говорит о том, что большинство опрошенных поддерживает отношения в социальных сетях с людьми, которые в профессиональной структуре занимают не очень высокие позиции, но и не самые низкие, причем распределение имеет заметный разброс (стандартное отклонение = 9,8). Этот показатель, как и переменные профессионального статуса и особенно дохода, не удается оценить для заметного числа респондентов (дохода — для 276 человек), что снижает N в нашем анализе, правда, не критически.

Социально-демографические переменные не указывают на радикальные отклонения параметров выборочной совокупности от генеральной, так что выводы исследования могут распространяться на характеристику здоровья всего взрослого российского населения.

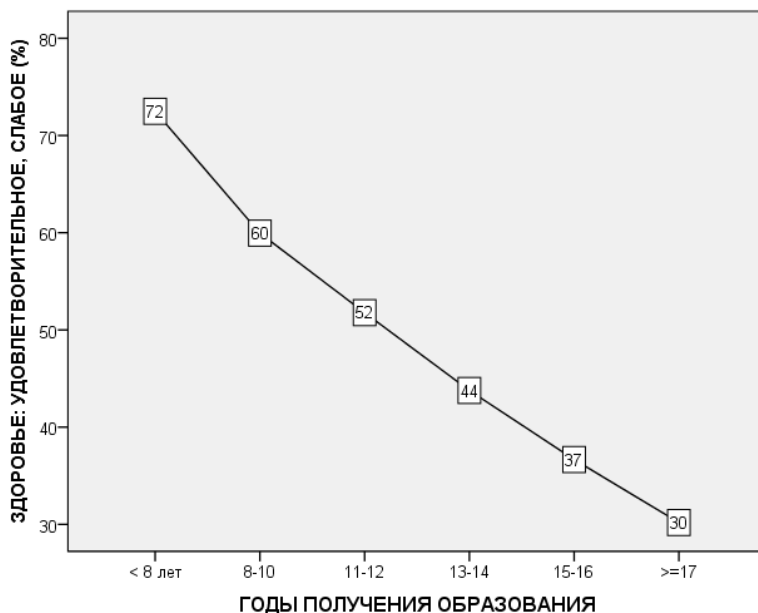
Статистический анализ зависимостей, представленных на рисунке 1, осуществлялся с помощью логистического регрессионного моделирования, позволяющего оценивать эффекты медиаций и модераций (программа PROCESS [Hayes, 2022]). Переменные социально-экономического статуса, социального капитала и возраста были преобразованы так, чтобы их значения укладывались в границы между «0» и «1» (из исходных шкальных оценок вычиталось минимальное значение и разность делилась на новое наибольшее значение), вследствие чего регрессионные коэффициенты свидетельствуют об изменении самочувствия при переходе от наименьшей к наибольшей градации этих переменных.

Статусные неравенства в здоровье: влияние социального капитала

Предшествующие исследования однозначно свидетельствуют, что оценки респондентами своего здоровья в России, как и в других странах, зависят от социально-экономического статуса — они ухудшаются по мере снижения образования, дохода и значимости профессии.

Эти зависимости подтверждаются и при анализе опросных данных ISSP. В качестве иллюстрации на рисунке 2 показано, как меняются самооценки здоровья у респондентов с разным уровнем образования, измеренного количеством лет, в течение которых они посещали формальные образовательные учреждения.

Рис. 2. Образование и состояние здоровья

Отчетливая зависимость, представленная на графике, подтверждает, что по мере повышения образовательного уровня заметно улучшается самочувствие опрошенных — снижается доля тех, кто оценивает свое здоровье ниже, чем хорошее (как удовлетворительное или слабое). Если среди тех, кто проучился меньше восьми лет, таких респондентов 72 %, то в категории наиболее образованных, посещавших образовательные учреждения в течение 17 лет и более, — только 30 %.

Достаточно тесная связь между оценками здоровья и образованием может объясняться посредническим влиянием других переменных и для адекватной оценки требует контроля факторов социальной демографии, от которых зависит самочувствие и которые в какой-то мере определяют достигнутый образовательный потолок (прежде всего — возраста). В следующем разделе предпринимается попытка прояснить эти вопросы в соответствии с поставленными в исследовании задачами.

Медиации социальным капиталом неравенств в здоровье по образованию, доходу и профессиональному статусу

Опосредованное влияние социально-экономического статуса на здоровье через социальный капитал и различия такого влияния в разных возрастах исследовались с помощью логистического регрессионного моделирования, результаты которого собраны в таблице 2.

Неравенства по образованию анализировались в модели 1. Первая регрессия показывает, как профессиональный статус близких и знакомых человека зависит от его образовательного уровня (с учетом контрольных переменных) (на аналитической схеме, приведенной выше, — линия детерминации «а»). Как указывает регрессионный коэффициент (0,24, $p < 0,001$), статусный сетевой капитал накапливается по мере повышения образования респондентов — люди поддерживают отношения, как правило, с себе подобными. У тех, кто получил хорошее образование, родственники и знакомые тоже занимают достаточно высокое общественное положение, тогда как при низком его уровне человек в основном связан с другими лицами, у которых тоже невысокое профессиональное положение.

Вторая регрессия позволяет вычленил важнейшие переменные, определяющие состояние здоровья (линия детерминации «b» на схеме). Сильные различия связаны с возрастом ($-9,12$, $p < 0,001$) — у пожилых оно, разумеется, хуже, чем у молодых людей. Важное обстоятельство для нашего анализа состоит в том, что воздействие социального капитала было неодинаковым в разных возрастах (коэффициент для интеракции возраста и статуса партнеров в сети 6,90, $p < 0,05$). Графически эту зависимость демонстрирует рисунок 3.

В младших возрастах, как видно на рисунке 3, профессиональный статус близких никак не связан с самочувствием, в средних такая связь уже начинает проявляться, а в старших она становится достаточно заметной — с увеличением социального капитала улучшается состояние здоровья.

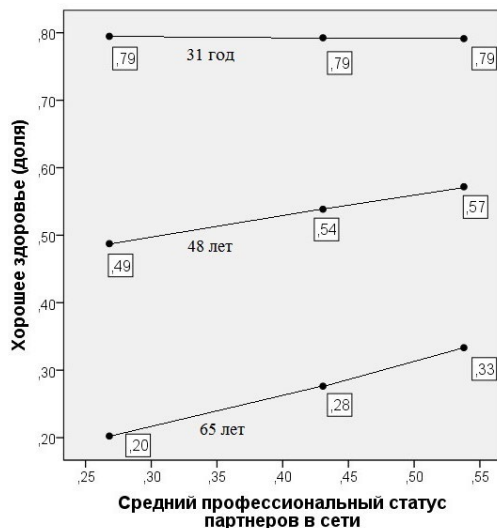
Таблица 2. Медиации социальным капиталом структурных неравенств в здоровье и возраст

Независимые переменные	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	Статус в сети (a)	Оценка здоровья (b)	Статус в сети (a)	Оценка здоровья (b)	Статус в сети (a)	Оценка здоровья (b)
Константа	0,27***	2,53***	0,36***	3,00***	0,34***	3,14***
Социальный статус:						
Образование	0,24***	0,72				
Доход			0,24***	0,70		
Профессия					0,14***	-0,07
Статус партнеров в сети		-1,33		-1,58		-1,41
Возраст		-9,12***		-9,18***		9,79***
Статус партнеров x возраст		6,90*		6,62*		7,60*
Пол (М)	0,01	0,26*	-0,00	0,18	0,01	0,30
Семейное положение (супруги)	0,00	0,05	-0,00	0,06	0,00	0,01
Место жительства (референт — село):						
Небольшой город	-0,01	0,02	-0,00	0,06	-0,01	-0,06
Крупный город	0,01	-0,12	0,01	-0,09	0,02	-0,14
R ² / Nagelkerke R ²	0,07	0,29	0,06	0,30	0,08	0,23

ЭФФЕКТЫ	Значение [CI]	Значение [CI]	Значение [CI]
Прямой (с')	0,72 [-0,24, 1,69]	-0,70 [-0,44, 1,83]	-0,07 [-0,57, 0,44]
Непрямые (ab):			
31 год	0,02 [-0,41, 0,36]	-0,07 [-0,50, 0,36]	-0,00 [-0,23, 0,22]
48 лет	0,30 [0,08, 0,55]	0,23 [-0,01, 0,51]	0,18 [0,06, 0,33]
65 лет	0,60 [0,29, 0,96]	0,51 [0,18, 0,91]	0,37 [0,19, 0,59]
Индекс модулируемой медиации	1,65 [0,29, 3,27]	1,59 [0,01, 3,39]	1,03 [0,20, 1,98]
N	1323	1073	1243

Примечание. Данные ISSP 2017, Россия. Линейный (модели «а») и логистический (модели «б») регрессионный анализ. Независимые переменные социального-экономического статуса респондента: модель 1 — образование, модель 2 — доход, модель 3 — профессиональный статус. Срезы по возрасту не прямых эффектов соответствуют 16, 50 и 84 перцентилем распределения этой переменной. Уровни значимости: *** 0,001, ** 0,01, * 0,05. CI — доверительные интервалы (95% bootstrap confidence intervals, Number of samples = 5000).

Рис. 3. Связи оценок здоровья с возрастом и статусом партнеров в сети

Примечание. Построен по модели 1, уравнение (b). Точки соответствуют 16, 50 и 84 перцентилем шкалы среднего профессионального статуса партнеров по сети.

Интересующие нас не прямые эффекты влияния образования на здоровье через социальный капитал можно найти в нижней панели таблицы 2. Прямой эффект (с' на аналитической схеме, см. рис. 1) после учета всех прочих воздействий оказывается статистически незначимым (0,72 с доверительным интервалом от -0,24 до 1,69). А медиации через социальный капитал заметно различаются в разных возрастах: у молодых не прямой эффект был более чем скромным и незначимым (0,02, доверительный интервал -0,41, 0,36), в средних он уже получает статистическое обоснование (0,30, интервал 0,08, 0,55), а в старших становится более выраженным (0,60 при доверительных границах 0,29 и 0,96). Как видим, возраст выступает модератором медиативных эффектов. Оценить такую зависимость позволяет индекс модулируемой медиации, приведенный в предпоследней строке рассматриваемой таблицы (index of moderated mediation [Hayes, 2022]). Он свидетельствует, что посреднические эффекты действительно нарастают с возрастом, и это неслучайно (1,65, доверительный интервал 0,29, 3,27).

Модель 2, приведенная в таблице 2, воспроизводит аналитические шаги, описанные выше при изучении образования, однако независимой переменной социально-экономического статуса теперь выступал показатель дохода. Полученные регрессионные коэффициенты вновь показывают, что с повышением этого показателя нарастает статусный социальный капитал, и этот капитал способствует улучшению здоровья — особенно отчетливо, как показывает его интеракция с возрастом, у пожилых людей. Согласно индексу модулируемой медиации, не прямые эффекты усиливаются с возрастом. С помощью модели 3, представленной в той же таблице, подобный анализ проводился и для изучения профессиональных неравенств в здоровье. Результаты полностью согласуются с выводами,

полученными в моделях 1 и 2. Сетевой статусный капитал увеличивается по мере роста профессионального положения самого респондента, и его здоровье улучшается при наличии ресурсов такого капитала, особенно в старших возрастах. Этот капитал — посредник, объясняющий в определенной мере профессионально-статусные неравенства в здоровье, причем непрямые эффекты, как вновь свидетельствует индекс модерируемой медиации, становятся более заметными при переходе от младших к старшим возрастным группам.

Заключение

В России, как и в других странах, можно обнаружить заметные различия в здоровье у людей с разными социально-экономическими статусами. Надежно установлено, что оно явно хуже в уязвимых слоях — среди тех, кто отличается невысоким уровнем образования, скромными доходами и имеет непрестижную профессию. Важное значение для здоровья имеют и социально-психологические ресурсы. Преодолению сложных жизненных ситуаций, вызывающих сильные затяжные стрессы, помогают уверенность человека в собственных силах и способности контролировать происходящее, оптимистическое видение будущего, а также позитивные отношения с близкими людьми и знакомыми, которые способны помочь при возникновении таких ситуаций и обеспечить эмоциональную поддержку при нарастании рисков депрессии. Такие отношения с окружающими можно трактовать как социальный капитал, складывающийся из ресурсов, доступ к которым обеспечивается благодаря связям с другими людьми. Одна из разновидностей этого капитала возникает, когда эти другие имеют более высокое общественное положение, чем сам человек, и это позволяет ему надеяться на получение того, чего он лишен в силу своего низкого социально-экономического статуса. Значение такого статусного социального капитала для здоровья наших сограждан остается малоизученным.

Проведенное исследование, в котором рассматривались опросные данные для России, собранные по Программе международного социального исследования (ISSP 2017), лишний раз подтверждает тезис о социальном структурировании здоровья — его улучшении у человека по мере роста его социально-экономического статуса. Было также показано, что социальный капитал, образующийся вследствие наличия в окружении индивида знакомых с более весомыми профессиональными позициями, существенно воздействует на самочувствие опрошенных, способствуя его улучшению.

В современных теориях, объясняющих структурные неравенства в здоровье, в фокусе внимания все чаще оказываются механизмы медиации и модерации. Согласно одному из предположений, социальный капитал может выступать посредником, объясняющим зависимость здоровья от социально-экономического статуса. Такой медиативный эффект, согласно другому соображению, будет больше выражен в особых группах населения, среди которых можно назвать и людей старшего возраста. Однако эти предположения не получили убедительного подтверждения — они подкрепляются в одних работах, но не находят обоснования в других. В России, насколько нам известно, анализ указанных медиаций и модераций еще не проводился.

В настоящей работе удалось показать (на указанных выше российских данных), что социальный капитал, свидетельствующий о связях человека с лицами, имеющими престижные профессии, является медиатором зависимости между его социально-экономическим статусом и оценками здоровья. С ростом этого статуса повышается и профессиональное положение тех лиц, с которыми респонденты поддерживают отношения, — как правило, человек существует в своей социальной среде. Социальный капитал, в свою очередь, способствует хорошему здоровью, причем такая зависимость варьируется в зависимости от возраста. Посредничество социального капитала, объясняющее статусные неравенства в здоровье, становится отчетливым у пожилых людей, тогда как среди молодых практически не проявляется. Полученные результаты вносят значимый вклад в дальнейшее развитие теоретических представлений о структурных неравенствах в здоровье, опирающихся на анализ медиаций, модераций и модулируемых медиаций.

При обсуждении результатов исследования следует учитывать некоторые важные ограничения, обусловленные характером кросс-секционных опросных данных и предложенных респондентам вопросов анкеты для измерения социального капитала, отражающего статусные позиции окружающих лиц. Выявленные связи между переменными не позволяют с уверенностью говорить о предполагаемой нами причинной зависимости состояния здоровья от социально-экономического статуса и социального капитала. Не исключено, что неудовлетворительное здоровье может отчасти воздействовать на возможности получения хорошего образования, дохода, профессии и ограничивать социальные контакты. Предложенный список профессий людей из окружения респондента (оправданный при сравнительном анализе многих стран, ради которого он и включался в опросник ISSP) не позволяет с желательной точностью дифференцировать их профессиональные позиции в российских условиях, что может сказываться на оценках медиативных эффектов. Проверка этих соображений требует дальнейшего изучения с использованием методологических подходов, позволяющих устанавливать причинные зависимости (например, панельного исследования) и с большей точностью улавливать наличие у российских респондентов ресурсов статусного сетевого социального капитала.

Список литературы (References)

1. Каравай А. В. Факторы доступа к ресурсам социальных сетей в современной России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 74—84. <https://doi.org/10.31857/S013216250014291-3>.
Karavay A. V. (2022) Factors of Access to Social Network Resources in Modern Russia. *Sociological Studies*. No. 10. P. 74—84. <https://doi.org/10.31857/S013216250014291-3>. (In Russ.)
2. Каравай А. В. Социальные сети в современной России: масштабы, структура и механизмы функционирования // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4. С. 42—60. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8605>.
Karavay A. V. (2022) Social Networks in Modern Russia: Scale, Structure and Mechanisms of Functioning. *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 9. No. 4. P. 42—60. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8605>. (In Russ.)

3. Кислицына О. А., Ферландер С. Роль социальных отношений в объяснении социально-экономических различий в состоянии здоровья россиян // Социальные аспекты здоровья населения. 2015. № 4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/694/30/lang,ru> (дата обращения: 03.12.2023).
Kislitsyna O. A., Ferlander S. (2015) Role of Social Relations in Explaining Socio-Economic Health Disparities among the Russians. *Social Aspects of Population Health*. No. 4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/694/30/lang,ru> (accessed 03.12.2023). (In Russ.)
4. Русинава Н. Л., Сафронов В. В. Медиаторы структурных неравенств в здоровье в странах Европы: социальный капитал близкого окружения и доверия людям // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 1. С. 35—64. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.1.2>.
Rusinova N., Safronov V. (2020) Mediators of Health Inequalities in Europe: Social Capital of Personal Network and Generalized Trust. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 23. No. 1. P. 35—64. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.1.2>. (In Russ.)
5. Русинава Н. Л., Сафронов В. В. Влияние сетевых статусных ресурсов на здоровье: значение культуры доверия между людьми // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 4. С. 100—122. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.4.5>.
Rusinova N. L., Safronov V. V. (2023) The Influence of Network Status Resources on Health: The Importance of the Culture of Trust between People. *Sociological Journal*. Vol. 29. No. 4. P. 100—122. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.4.5>. (In Russ.)
6. Aartsen M., Veenstra M., Hansen T. (2017) Social Pathways to Health: On the Mediating Role of the Social Network in the Relation Between Socio-Economic Position and Health. *SSM — Population Health*. Vol. 3. P. 419—426. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2017.05.006>.
7. Arcaya M. C., Arcaya A. L., Subramanian S. V. (2015) Inequalities in Health: Definitions, Concepts, and Theories. *Global Health Action*. Vol. 8. Art. 27106. <https://doi.org/10.3402/gha.v8.27106>.
8. Benyamini Y. (2011) Why Does Self-Rated Health Predict Mortality? An Update on Current Knowledge and a Research Agenda for Psychologists. *Psychology and Health*. Vol. 26. No. 11. P. 1407—1413. <https://doi.org/10.1080/08870446.2011.621703>.
9. Berkman L. F., Krishna A. (2014) Social Network Epidemiology. In: Berkman L. F., Kawachi I., Glymour M. M. (eds.) *Social Epidemiology*. New York, NY: Oxford University Press. P. 234—289. <https://doi.org/10.1093/med/9780195377903.003.0007>.
10. Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: Richardson J. G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York, NY: Greenwood Press. P. 241—258.
11. Carr K. A. (2020) A Cohort Longitudinal Study of Individual Level Social Capital and Depressive Symptoms in the Wisconsin Longitudinal Study. *SSM Population Health*. Vol. 10. Art. 100544. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2020.100544>.

12. Cheng S. T., Leung E. M., Chan T. W. (2014) Physical and Social Activities Mediate the Associations between Social Network Types and Ventilatory Function in Chinese Older Adults. *Health Psychology*. Vol. 33. No. 6. P. 524—534. <https://doi.org/10.1037/hea0000026>.
13. Cohen S. (2021) Psychosocial Vulnerabilities to Upper Respiratory Infectious Illness: Implications for Susceptibility to Coronavirus Disease 2019 (COVID-19). *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 16. No. 1. P. 161—174. <https://doi.org/10.1177/1745691620942516>.
14. Craveiro D. (2017) Ties and Inequalities in Later Life: Welfare State Regime and the Role of Social Networks in Health Inequalities in Later Life in Europe. *European Societies*. Vol. 19. No. 3. P. 268—291. <https://doi.org/10.1080/14616696.2016.1258084>.
15. Dahl E., Malmberg-Heimonen I. (2010) Social Inequality and Health: The Role of Social Capital. *Sociology of Health and Illness*. Vol. 32. No. 7. P. 1102—1119. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2010.01270.x>.
16. de Bruin A, Picavet H. S., Nossikov A. (eds.) (1996) Health Interview Surveys. Towards International Harmonization of Methods and Instruments. *WHO Regional Publications, European Series*. No. 58.
17. DeSalvo K.B., Blosner N., Reynolds K., He J., Muntner P. (2006) Mortality Prediction with a Single General Self-Rated Health Question. A Meta-Analysis. *Journal of General Internal Medicine*. Vol. 21. No. 3. P. 267—275. <https://doi.org/10.1111/j.1525-1497.2005.00291.x>.
18. Ganzeboom H. B.G., Treiman D. J. (2010) International Stratification and Mobility File: Conversion Tools. URL: <http://www.harryganzeboom.nl/ismf/index.htm> (accessed 16.02.2021).
19. Giordano G. N., Björk J., Lindström M. (2012) Social Capital and Self-Rated Health — A Study of Temporal (Causal) Relationships. *Social Science and Medicine*. Vol. 75. No. 2. P. 340—348. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2012.03.011>.
20. Giordano G. N., Lindström M. (2010) The Impact of Changes in Different Aspects of Social Capital and Material Conditions on Self-Rated Health over Time: A Longitudinal Cohort Study. *Social Science and Medicine*. Vol. 70. No. 5. P. 700—710. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.10.044>.
21. Gorman B. K., Sivaganesan A. (2007) The Role of Social Support and Integration for Understanding Socioeconomic Disparities in Self-Rated Health and Hypertension. *Social Science and Medicine*. Vol. 65. No. 5. P. 958—975. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2007.04.017>.
22. Han K. M., Han C., Shin C., Jee H. J., An H., Yoon H. K., Ko Y. H., Kim S. H. (2018) Social Capital, Socioeconomic Status, and Depression in Community-Living Elderly. *Journal of Psychiatric Research*. Vol. 98. P. 133—140. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2018.01.002>.

23. Hayes A. F. (2022) Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach. Third Edition. New York: The Guilford Press.
24. Hernandez E. M., Pullen E., Brauer J. (2019) Social Networks and the Emergence of Health Inequalities Following a Medical Advance: Examining Prenatal H1N1 Vaccination Decisions. *Social Networks*. Vol. 58. P. 156—167. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2019.03.002>.
25. Holt-Lunstad J. (2021). The Major Health Implications of Social Connection. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 30. No. 3. P. 251—259. <https://doi.org/10.1177/0963721421999630>.
26. Holt-Lunstad J., Smith T. B., Baker M., Harris T., Stephenson D. (2015) Loneliness and Social Isolation as Risk Factors for Mortality: A Meta-Analytic Review. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 10. No. 2. P. 227—237. <https://doi.org/10.1177/1745691614568352>.
27. Hu Y., van Lenthe F. J., Borsboom G. J., Looman C. W. N., Bopp M., Burström B., Džúrová D., Ekholm O., Klumbiene J., Lahelma E., Leinsalu M., Regidor E., Santana P., de Gelder R., Mackenbach J. P. (2016) Trends in Socioeconomic Inequalities in Self-Assessed Health in 17 European Countries Between 1990 and 2010. *Journal of Epidemiology and Community Health*. Vol. 70. No. 7. P. 644—652. <https://doi.org/10.1136/jech-2015-206780>.
28. Huisman M., Read S., Towriss C. A., Deeg D. J., Grundy E. (2013) Socioeconomic Inequalities in Mortality Rates in Old Age in the World Health Organization Europe Region. *Epidemiologic Reviews*. Vol. 35. No. 1. P. 84—97. <https://doi.org/10.1093/epirev/mxs010>.
29. Huurre T., Eerola M., Rahkonen O., Aro H. (2007) Does Social Support Affect the Relationship Between Socioeconomic Status and Depression? A Longitudinal Study from Adolescence to Adulthood. *Journal of Affective Disorders*. Vol. 100. No. 1—3. P. 55—64. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2006.09.019>.
30. Idler E. L., Benyamini Y. (1997). Self-rated Health and Mortality: A Review of Twenty-Seven Community Studies. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 38. No. 1. P. 21—37. <https://doi.org/10.2307/2955359>.
31. International Labour Office (2012) International Standard Classification of Occupations: ISCO 08. Vol. I. Geneva: ILO. URL: <https://ilostat.ilo.org/methods/concepts-and-definitions/classification-occupation/> (accessed 04.10.2023).
32. Joye D., Sapin M., Wolf C. (2019) Measuring Social Networks and Social Resources: An Exploratory ISSP Survey Around the World. (GESIS-Schriftenreihe, 22). Köln: GESIS — Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften. <https://doi.org/10.21241/ssoar.62256>.
33. Jylhä M. (2009) What Is Self-Rated Health and Why Does It Predict Mortality? Towards a Unified Conceptual Model. *Social Science and Medicine*. Vol. 69. No. 3. P. 307—316. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.05.013>.

34. Klein J., Vonneilich N., Baumeister E., Kohlmann T., von dem Knesebeck O. (2012) Do Social Relations Explain Health Inequalities? Evidence from a Longitudinal Survey in a Changing Eastern German Region. *International Journal of Public Health*. Vol. 57. P. 619—627. <https://doi.org/10.1007/s00038-012-0356-y>.
35. Landstedt E., Almquist Y. B., Eriksson M., Hammarström A. (2016) Disentangling the Directions of Associations between Structural Social Capital and Mental Health: Longitudinal Analyses of Gender, Civic Engagement and Depressive Symptoms. *Social Science and Medicine*. Vol. 163. P. 135—143. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2016.07.005>.
36. Lin N. (1999) Social Networks and Status Attainment. *Annual Review of Sociology*. Vol. 25. P. 467—487. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.25.1.467>.
37. Lin N. (2000) Inequality in Social Capital. *Contemporary Sociology*. Vol. 29. No. 6. P. 785—795. <https://doi.org/10.2307/2654086>.
38. Lin N. (1982) Social Resources and Instrumental Action. In: Marsden P. V., Lin N. (eds.) *Social Structure and Network Analysis*. Beverly Hills, CA: Sage. P. 131—145.
39. Lin N. (2001) *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511815447>.
40. Lin N., Dumin M. (1986) Access to Occupations through Social Ties. *Social Networks*. Vol. 8. No. 4. P. 365—385. [https://doi.org/10.1016/0378-8733\(86\)90003-1](https://doi.org/10.1016/0378-8733(86)90003-1).
41. Lin N., Fu Y., Hsung R. M. (2001) The Position Generator: A Measurement Technique for Investigations of Social Capital. In: Lin N., Cook K., Burt R. S. (eds.) *Social Capital: Theory and Research*. New York, NY: Aldine de Gruyter. P. 57—81.
42. Link B., Phelan J. (1995) Social Conditions as Fundamental Causes of Disease. *Journal of Health and Social Behavior*. Extra issue. P. 80—94. <https://doi.org/10.2307/2626958>.
43. Mackenbach J. P. (2012) The Persistence of Health Inequalities in Modern Welfare States: The Explanation of a Paradox. *Social Science and Medicine*. Vol. 75. No. 4. P. 761—769. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2012.02.031>.
44. Mackenbach J. P., Kulháňová I., Menvielle G., Bopp M., Borrell C., Costa G., Deboosere P., Esnaola S., Kalediene R., Kovacs K., Leinsalu M., Martikainen P., Regidor E., Rodriguez-Sanz M., Strand B. H., Hoffmann R., Eikemo T. A., Östergren O., Lundberg O., Eurothine and EURO-GBD-SE consortiums. (2015) Trends in Inequalities in Premature Mortality: A Study of 3.2 Million Deaths in 13 European Countries. *Journal of Epidemiology and Community Health*. Vol. 69. No. 3. P. 207—217. <https://doi.org/10.1136/jech-2014-204319>.
45. Mackenbach J. P., Stirbu I., Roskam A. J., Schaap M. M., Menvielle G., Leinsalu M., Kunst A. E. (2008) Socioeconomic Inequalities in Health in 22 European Countries. *New England Journal of Medicine*. Vol. 358. No. 23. P. 2468—2481. <https://doi.org/10.1056/nejmsa0707519>.

46. McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. (2001) Birds of a Feather: Homophily in Social Networks. *Annual Review of Sociology*. Vol. 27. P. 415—444. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>.
47. Meanley S., Biernesser C., O'Malley T., Bear T., Trauth J. (2020) Employing Position Generators to Assess Social Capital and Health: A Scoping Review of the Literature and Recommendations in Future Population Health Surveillance. *Journal of Health Disparities Research and Practice*. Vol. 13. No. 3. P. 16—45.
48. Moore S., Stewart S., Teixeira A. (2014) Decomposing Social Capital Inequalities in Health. *Journal of Epidemiology and Community Health*. Vol. 68. No. 3. P. 233—238. <https://doi.org/10.1136/jech-2013-202996>.
49. Muckenhuber J., Höllinger F., Hadler M. (2019) International Social Survey Programme: Social Networks and Social Resources — ISSP 2017. GESIS Data Archive, Cologne. ZA6980. Data file Version 2.0.0. <https://doi.org/10.4232/1.13322>.
50. Muckenhuber J., Stronegger W. J., Freidl W. (2013) Social Capital Affects the Health of Older People More Strongly than That of Younger People. *Ageing and Society*. Vol. 33. No. 5. P. 853—870. <https://doi.org/10.1017/S0144686X12000219>.
51. Pichler F., Wallace C. (2008) Social Capital and Social Class in Europe: The Role of Social Networks in Social Stratification. *European Sociological Review*. Vol. 25. No. 3. P. 319—332. <https://doi.org/10.1093/esr/jcn050>.
52. Piolatto M., Bianchi F., Rota M., Marengoni A., Akbaritabar A., Squazzoni F. (2022) The Effect of Social Relationships on Cognitive Decline in Older Adults: An Updated Systematic Review and Meta-Analysis of Longitudinal Cohort Studies. *BMC Public Health*. Vol. 22. Art. 278. <https://doi.org/10.1186/s12889-022-12567-5>.
53. Quesnel-Vallée A. (2007) Self-Rated Health: Caught in the Crossfire of the Quest for 'True' Health? *International Journal of Epidemiology*. Vol. 36. No. 6. P. 1161—1164. <https://doi.org/10.1093/ije/dym236>.
54. Rico-Urbe L.A., Caballero F.F., Martin-Maria N., Cabello M., Ayuso-Mateos J. L., Mi-ret M. (2018) Association of Loneliness with All-Cause Mortality: A Meta-Analysis. *PLOS ONE*. Vol. 13. No. 1. Art. e0190033. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0190033>.
55. Rostila M. (2013) Social Capital and Health Inequality in European Welfare States. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137305664>.
56. Song L. (2013) Social Capital and Health. In: Cockerham W. C. (ed.) *Medical Sociology on the Move: New Directions in Theory*. Dordrecht: Springer. P. 233—257. https://doi.org/10.1007/978-94-007-6193-3_12.
57. Song L. (2011) Social Capital and Psychological Distress. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 52. No. 4. P. 478—492. <https://doi.org/10.1177/0022146511411921>.

58. Song L., Frazier C. G., Pettis P. J. (2018) Do Network Members' Resources Generate Health Inequality? Social Capital Theory and Beyond. In: Folland S., Nauenberg E. (eds.) *Elgar Companion to Social Capital and Health*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 233—253. <https://doi.org/10.4337/9781785360718.00026>.
59. Song L., Pettis P. J., Piya B. (2017) Does Your Body Know Who You Know? Multiple Roles of Network Members' Socioeconomic Status for Body Weight Ratings. *Sociological Perspectives*. Vol. 60. No. 6. P. 997—1018. <https://doi.org/10.1177/0731121416680597>.
60. Stansfeld S. A., Fuhrer R., Shipley M. J. (1998) Types of Social Support as Predictors of Psychiatric Morbidity in a Cohort of British Civil Servants (Whitehall II Study). *Psychological Medicine*. Vol. 28. No. 4. P. 881—892. <https://doi.org/10.1017/S0033291798006746>.
61. Stringhini S., Berkman L., Dugravot A., Ferrie J. E., Marmot M., Kivimaki M., Singh-Manoux A. (2012) Socioeconomic Status, Structural and Functional Measures of Social Support, and Mortality: The British Whitehall II Cohort Study, 1985—2009. *American Journal of Epidemiology*. Vol. 175. No. 12. P. 1275—1283. <https://doi.org/10.1093/aje/kwr461>.
62. Valtorta N. K., Kanaan M., Gilbody S., Ronzi S., Hanratty B. (2016) Loneliness and Social Isolation as Risk Factors for Coronary Heart Disease and Stroke: Systematic Review and Meta-Analysis of Longitudinal Observational Studies. *Heart*. Vol. 102. No. 13. P. 1009—1016. <https://doi.org/10.1136/heartjnl-2015-308790>.
63. Verhaeghe P. P., Li Y. (2015) The Position Generator Approach to Social Capital Research: Measurements and Results. In: Li Y. (ed.) *Handbook of Research Methods and Applications in Social Capital*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 166—186. <https://doi.org/10.4337/9780857935854.00014>.
64. Volker B. (2020) Social Capital Across the Life Course: Accumulation, Diminution, or Segregation? *Network science*. Vol. 8. No. 3. P. 313—332. <https://doi.org/10.1017/nws.2020.26>.
65. von dem Knesebeck O., Geyer S. (2007) Emotional Support, Education and Self-Rated Health in 22 European Countries. *BMC Public Health*. Vol. 7. Art. 272. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-7-272>.
66. Vonneilich N. (2022) Social Status, Social Relations, and Health. In: Klärner A., Gamper M., Keim-Klärner S., Moor I., von der Lippe H., Vonneilich N. (eds.) *Social Networks and Health Inequalities*. Cham: Springer. P. 203—213. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-97722-1>.
67. Vonneilich N., Jöckel K. H., Erbel R., Klein J., Dragano N., Siegrist J., von dem Knesebeck O. (2012) The Mediating Effect of Social Relationships on the Association between Socioeconomic Status and Subjective Health — Results from the Heinz Nixdorf Recall Cohort Study. *BMC Public Health*. Vol. 12. Art. 285. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-12-285>.

68. Vonneilich N., Lüdecke D., von dem Knesebeck O. (2020) Educational Inequalities in Self-Rated Health and Social Relationships — Analyses Based on the European Social Survey 2002—2016. *Social Science and Medicine*. Vol. 267. Art. 112379. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2019.112379>.
69. Weyers S., Dragano N., Möbus S., Beck E.-M., Stang A., Möhlenkamp S., Jöckel K. H., Erbel R., Siegrist J. (2008) Low Socio-Economic Position Is Associated with Poor Social Networks and Social Support: Results from the Heinz Nixdorf Recall Study. *International Journal for Equity in Health*. Vol. 7. No. 1. Art. 13. <https://doi.org/10.1186/1475-9276-7-13>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.4.2449](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2449)**Ю. А. Крашенинникова, Н. Д. Юхневич****НЕЯВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА МНЕНИЯ
ЖИТЕЛЕЙ МАЛЫХ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ
О ЗДРАВООХРАНЕНИИ****Правильная ссылка на статью:**

Крашенинникова Ю. А., Юхневич Н. Д. Неявные факторы, влияющие на мнения жителей малых городов и сельской местности о здравоохранении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 266—291. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2449>.

For citation:

Krasheninnikova Y. A., Yukhnevich N. D. (2024) Latent Factors Influencing the Views of Residents of Small Towns and Villages on Healthcare System. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 266–291. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2449>. (In Russ.)

Получено: 30.06.2023. Принято к публикации: 13.08.2024.

НЕЯВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА МНЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ МАЛЫХ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ О ЗДРАВООХРАНЕНИИ

КРАШЕНИННИКОВА Юлия Александровна — кандидат исторических наук, эксперт проектно-учебной лаборатории муниципального управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: jkrashennnikova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0148-8856>

ЮХНЕВИЧ Наталья Дмитриевна — магистрантка факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: ndyukhnevich@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0009-0004-7518-9896>

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства, формирующие смысловой фон для рациональных суждений граждан о качестве оказанной им медицинской помощи и работе системы здравоохранения в целом. Этот сюжет представляется важным в плане раскрытия более глобального вопроса о факторах, влияющих на мнения населения о здравоохранении, и резонирует с методологическими дискуссиями о возможностях измерений этих мнений.

Эмпирической базой послужили материалы исследовательского проекта 2022 г., посвященного влиянию пандемии новой коронавирусной инфекции на медицинские организации в малых городах и сельской местности двух регионов России. Анализировались полуструктурированные интервью и неформальные беседы с жителями населенных пунктов, которых обслуживают районные и центральные районные больницы, а также их сельские структурные подразделения (врачебные амбулатории, фельдшерские пункты). Из рассказов информантов

LATENT FACTORS INFLUENCING THE VIEWS OF RESIDENTS OF SMALL TOWNS AND VILLAGES ON HEALTHCARE SYSTEM

*Yulia A. KRASHENINNIKOVA*¹ — *Cand. Sci. (Hist.), Expert of the Laboratory for Local Administration*
E-MAIL: jkrashennnikova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0148-8856>

*Natalia D. YUKHNEVICH*¹ — *Graduate Student at the Faculty of Humanities*
E-MAIL: ndyukhnevich@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0009-0004-7518-9896>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the circumstances that form the semantic background for citizens' rational judgments about the quality of medical care and the healthcare system in general. This topic may be interesting in the context of the broader issue of the factors influencing patient satisfaction and public opinion about health care, and it resonates with methodological discussions about the possibilities of measuring these opinions.

We used the data from an empirical study of the impact of COVID-19 pandemic on medical providers in small towns and rural areas of two regions of Russia (2022). Our analysis is, based on semi-structured interviews and informal conversations with residents of settlements served by district and central district hospitals and their rural structural units (outpatient clinics, feldsher stations). From the informants' personal experiences of interaction with medical providers and the reasoning behind their reviews of local doctors we identified circumstances that may influence direct assessments of satisfaction

о личном опыте взаимодействия с медицинскими организациями и аргументации их отзывов о местных медиках были выделены обстоятельства, возможно, влияющие на прямые оценки удовлетворенности и доверия, обычно измеряемые в стандартизированных опросах.

Акцент сделан на факторах, которые сложно выявить и учесть при замерах, в отличие от социально-демографических характеристик респондентов и особенностей работы медицинской организации. Это яркий персональный опыт из прошлого, знания об устройстве здравоохранения, навыки в области информационно-коммуникационных технологий, репутация участкового медика как «своего» или «чужого» для локального сообщества, коммуникация с медиками, общее отношение к государству и отношение к собственному телу и здоровью. Полученная картина подтверждает сомнения в надежности использования измерений мнений пациентов в управленческой практике как инструмента для общей оценки состояния или динамики системы здравоохранения, равно как и для выработки государственной политики.

Ключевые слова: удовлетворенность пациента, оценка качества медицинской помощи, сельское здравоохранение, мнения о здравоохранении

Благодарность. Авторы благодарят участников экспедиций НИУ ВШЭ, принимавших участие в полевой работе по сбору материалов, использованных в данной статье.

Введение

Идея публикации возникла в процессе обработки результатов качественно-го социологического исследования, посвященного влиянию пандемии COVID-19 на медицинские организации в малых городах и сельской местности России. Поле-

and trust, usually measured in standardized surveys.

We focused on those factors that are difficult to identify and take into account in quantitative research, in contrast to the socio-demographic characteristics of respondents and the specifics of medical providers.

Among them are memorable personal experiences, knowledge about healthcare system, skills in the field of information and communication technologies, the perception of medical worker as a stranger or a native in local community, communications with health care professionals, the general attitude towards the state, and the attitude towards one's own body and health. These findings confirm doubts about the reliability of using patient opinion measurements in management practice for assessing the state or dynamics of the healthcare system and developing public policy.

Keywords: patient satisfaction, quality assessment of medical care, rural healthcare, views on healthcare

Acknowledgments. The authors thank the two HSE University expedition members who participated in the fieldwork and collected the materials used in this article.

вые работы проходили во второй половине 2022 г. в двух субъектах РФ¹. В рамках данного проекта мы в том числе сопоставляли, как с позиций разных заинтересованных сторон выглядела борьба с новой коронавирусной инфекцией в конкретных населенных пунктах. Поэтому интервью проводились не только с медиками, но и с жителями этих населенных пунктов, то есть с постоянными или эпизодическими посетителями исследуемых медицинских организаций.

Нам показалось заслуживающим отдельного обсуждения в формате статьи то, как строились суждения местных жителей в интервью: их аргументация, логика обращения к иллюстративным примерам и «мостики» между мнением о конкретном опыте лечения и представлениями о российском здравоохранении и отечественной медицине в целом. Этот материал представляет ценность постольку, поскольку вносит определенный вклад в раскрытие более общей и сложной темы отношения населения к здравоохранению.

Изучение мнений о здравоохранении и проблемы их измерений

Методологическим вопросам изучения мнений людей о здравоохранении посвящено колоссальное число публикаций в рамках дисциплинарных полей социологии, управления здравоохранением и маркетинга. Учитывая это и опираясь преимущественно на актуальные систематические обзоры, постараемся выделить только значимые для контекста нашей работы тенденции дискуссий.

Мнения потребителей не всегда были ключевым индикатором состояния дел в здравоохранении: традиционно для этого используются показатели медицинской статистики, а изменения произошли вместе с разворотом к пациентоцентричности в медицине [Шнайдер и др., 2020; Anufriyeva et al., 2021]. Сегодня отношение потребителей в медицинских и социальных науках пытаются выявить и понять с помощью разных концептов. Из них наиболее распространено и разработано понятие *удовлетворенности пациента*, применяемое к конкретному индивидуальному опыту взаимодействия человека с медицинским учреждением [Locker, Dunt, 1978; Ware et al., 1983; Cleary, McNeil, 1988; Sitzia, Wood, 1997]. Как показал свежий систематический обзор англоязычных статей на эту тему, исследователи изучают преимущественно общую удовлетворенность пациентов одной или несколькими медицинскими услугами [Ferreira et al., 2023]. Для понимания общественного мнения используются аналитические категории *общественного доверия к национальной системе здравоохранения* [Gille, Smith, Mays, 2021], *удовлетворенности граждан состоянием здравоохранения* [Mossialos, 1997], в российской социологии — *институционального или социального доверия* [Вялых, Беспалова, Зарбалиев, 2023].

В последней четверти XX века эти концепты, особенно удовлетворенность пациента, вошли в массовую практику государственного управления и медицинского менеджмента. Социологические исследования стали широко применяться для оценки функционирования медицинских учреждений и систем здравоохранения в целом [Кобякова и др., 2016]. В том числе во многих странах результаты опро-

¹ Полевые работы в формате двух студенческих экспедиций под руководством Ю. А. Крашенинниковой реализованы при поддержке программы НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново». Исследование проходило на условиях строгой анонимности информантов, поэтому названия субъектов РФ не раскрываются.

сов пациентов включены в аккредитационные стандарты медицинских учреждений [Borowska, Religioni, Augustynowicz, 2022]. Также их задействуют в обсуждении государственной политики в сфере здравоохранения [Locker, Dunt, 1978; AlSaud, Taddese, Filippidis, 2018].

В Российской Федерации в практике управления здравоохранением вместо удовлетворенности пациента широко используется понятие *удовлетворенности населения медицинской помощью*. Более десяти лет удовлетворенность застрахованных лиц измеряют и учитывают в системе обязательного медицинского страхования². Это понятие входит в независимую оценку качества условий оказания услуг медицинскими организациями³, а в 2022 г. также стало одним из критериев, по которым государство оценивает успешность реализации программы модернизации первичного звена здравоохранения⁴.

Хотя мнения потребителей стали очень востребованы в сфере управления здравоохранением, лейтмотивом научных исследований в этой сфере можно назвать критику как концептуального аппарата, так и имеющихся инструментов для фиксации и измерения мнений.

Еще в 1978 г. Д. Локер и Д. Дант писали, что многочисленным проблемам, связанным с измерением и использованием мнений потребителей здравоохранения, уделяется мало внимания, и предлагали свой вариант усовершенствования методик измерений [Locker, Dunt, 1978]. Тридцать лет спустя авторы критического обзора литературы о концепте удовлетворенности пациентов отмечали, что он плохо стандартизирован, имеет низкую надежность и неопределенную достоверность, несмотря на значительные усилия научного сообщества, потраченные на разработку инструментов для измерения [Gill, White, 2009]. В качестве вариантов предлагается вообще отказаться от этого понятия, взамен измерять *неудовлетворенность* и изучать факторы неудовлетворенности [Batbaatar et al., 2017]; обратиться к маркетинговому понятию *индекса потребительской лояльности* [Borowska, Religioni, Augustynowicz, 2022]; исследовать *опыт, сообщаемый пациентами*⁵ [Bull, 2021].

Благодаря такому критическому настрою исследования мнений людей о здравоохранении фокусируются в двух направлениях: 1) выявление и анализ коллизий техники измерений, 2) раскрытие факторов, влияющих на измеряемые показа-

² Приказ ФФОМС от 29.05.09 № 118 «Об утверждении Методических рекомендаций „Организация проведения социологического опроса (анкетирования) населения об удовлетворенности доступностью и качеством медицинской помощи при осуществлении обязательного медицинского страхования“». Приказ ФФОМС от 11.06.2015 № 103 «Об утверждении Методических указаний по проведению социологических опросов (анкетирования) застрахованных лиц в сфере обязательного медицинского страхования».

³ Приказ Минздрава России от 28.11.2014 № 787н «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг медицинскими организациями». Приказ Минздрава России от 04.05.2018 № 201н «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий оказания услуг медицинскими организациями, в отношении которых проводится независимая оценка».

⁴ Приказ Минздрава России от 19.07.2022 № 495 «Об утверждении методики расчета дополнительного показателя „Оценка общественного мнения по удовлетворенности населения медицинской помощью, процент“ федерального проекта „Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации“, входящего в национальный проект „Здравоохранение“».

⁵ Исследования пациентского опыта (*patient-reported experience measures, PREMs*) и удовлетворенности пациентов используют разные типы вопросов: отчетного или оценочного типа. Например, в первом случае респондента могут спросить «как долго вам пришлось ждать?», во втором — «как бы вы оценили время ожидания?» [Bull, 2021].

тели, и определение вектора этого влияния. Если первое направление стремится повысить точность изменений путем усовершенствования методик, то второе в конечном счете представляет собой размышления о том, почему подобные исследования в принципе ненадежны.

Методики измерений остаются предметом дискуссий в профессиональном сообществе. Известно, что на результат могут влиять место и время проведения опроса [Гехт, Артемьева, 2014; Batbaatar et al., 2017]. Формулировки ответов также значимы [Dunsch et al., 2018]. Кроме того, сама по себе выбранная методика влияет на результаты. Так, в исследованиях, использующих разные методы, фиксировалось, что пациенты способны описать свой негативно воспринимаемый опыт в качественных интервью, но склонны показывать более высокий уровень удовлетворенности в анкетном опросе [Edwards, Staniszewska, Crichton, 2004]. То есть отражаемая в опросах высокая удовлетворенность пациентов, вероятно, завышенно оценивает качество медицинских услуг [Dunsch et al., 2018].

Разные концепции удовлетворенности пациента ведут к различиям в инструментах измерения и уменьшают сопоставимость результатов. Поэтому исследователи пишут о необходимости единого стандарта удовлетворенности, который можно было бы адаптировать к разным странам, культурам и предпочтениям [Batbaatar et al., 2017; Anufriyeva et al., 2021].

В российских медико-социологических исследованиях специалисты также обсуждают общие проблемы, свидетельствующие о невысоком уровне профессионализма исполнителей в части построения выборки, создания инструментария, сбора данных, определения референтных значений [Богдан, Праведников, Чистякова, 2021].

При выявлении факторов, влияющих на мнения потребителей о здравоохранении, главной проблемой можно назвать сложность определения их веса и вектора влияния, поскольку их очень много и они взаимосвязаны.

Ключевое понятие «удовлетворенность пациентов» определяется как многомерный конструкт, на который влияет множество переменных [Naidu, 2009]. Эти переменные можно разделить на две группы. Первая группа представляет наибольшую ценность, поскольку включает те факторы, на которые медицинская организация в принципе способна повлиять и в итоге повысить удовлетворенность своих пациентов [Lochman, 1983; Шнайдер и др., 2020]. Им уделяется основное внимание в популярных опросниках, применяемых в работе медицинских организаций [Цыганков, Малыгин, 2014]. Один из систематических обзоров англоязычной литературы приводит такие факторы, как качество и условия оказания медицинской помощи, характеристики медицинского учреждения и врача, в том числе его коммуникативные навыки, время ожидания, информирование пациента и т. д. [Ferreira et al., 2023]. Другой обзор фиксирует непосредственную связь удовлетворенности с социальными навыками и компетентностью медперсонала, физическими условиями пребывания в медицинском учреждении, доступностью, преемственностью и результативностью лечения [Batbaatar et al., 2017].

Вторая группа факторов включает изначально заданные условия, в частности социально-демографические характеристики респондента: пол, возраст, социальный статус, состояние здоровья, место жительства и др. [Астафьев, 2005; Свет-

личная, Цыганова, Борчанинова, 2010]. Более всего изучено влияние возраста, уровня образования и самооценки респондентом своего здоровья. В частности, известно, что пожилые и малообразованные пациенты, а также те, кто высоко оценивает свое здоровье, обычно более удовлетворены предоставленной им медицинской помощью [Ferreira et al., 2023].

Существует гипотеза, что индивидуальные особенности респондентов сильнее влияют на результаты опроса, чем условия оказания медицинской помощи. Например, по результатам корреляционного анализа переменных в исследовании мнений пациентов больниц в Нидерландах в 2005 г. наиболее важными факторами, определяющими удовлетворенность пациентов, оказались возраст, состояние здоровья и образование, — в отличие от типа и размера больницы или плотности населения [Hekkert et al., 2009].

Однако удовлетворенность может зависеть не только от базовых характеристик потребителей, но и от предрасполагающих факторов, таких как доверие респондентов к местной системе медицинского обслуживания или удовлетворенность жизнью в целом [Weiss, 1988]. Сформировался некоторый консенсус насчет того, что на уровень удовлетворенности пациента влияют его ожидания к тому, какой должна быть медицинская помощь. Однако эти ожидания сложно рационализировать, поскольку на них влияет предыдущий опыт взаимодействия с системой здравоохранения [Ferreira et al., 2023].

В целом исследования детерминант пациентской удовлетворенности, несмотря на признание их важности, не приводят к единым стабильным результатам [ibid.] и не учитывают всех потенциальных культурных, поведенческих, социально-демографических характеристик респондентов и иных факторов, которые могут влиять на удовлетворенность [Batbaatar et al., 2017]. Помимо самого перечня факторов, остается дискуссионным и то, как именно они влияют, каков их вес в итоговом показателе удовлетворенности [Cleary, McNeil, 1988; Batbaatar et al., 2017].

Еще более сложная ситуация с концептом общей удовлетворенности населения качеством здравоохранения в стране. Признается, что на нее могут оказывать влияние факторы, как связанные напрямую с работой системы (но не всегда легко объяснимые), так и независимые от нее. В частности, доказано, что удовлетворенность, фиксируемая в социологических опросах, выше в странах с более высокими государственными расходами в сфере здравоохранения, но при этом количество больничных коек влияет на нее негативно [Xesfingi, Vozikis, 2016]. Результаты опросов могут различаться в зависимости от взглядов респондентов на ситуацию в стране в целом, от политических дискуссий вокруг системы здравоохранения, от традиций социального государства и от образа здравоохранения в СМИ [AlSaud, Taddese, Filippidis, 2018]. Значение имеют и социально-демографические характеристики респондентов. Например, пожилые люди склонны выше оценивать состояние системы здравоохранения [Xesfingi, Vozikis, 2016]. Также может быть важен информационный фон в СМИ, не связанный напрямую со здравоохранением, и образ власти [Богдан и др., 2020].

Аналогично обстоят дела и с понятием общественного доверия: исследователи подчеркивают, что оно нуждается в более тщательной концептуализации и эмпирической валидации, особенно при межстрановых сравнениях [Van Der Schee

et al., 2007; Gille, Smith, Mays, 2017]. Есть мнение, что «обобщенное доверие к медицинским организациям во многом декларативно и носит гибкий авансовый характер» [Вялых, Беспалова, Зарбалиев, 2023: 458].

Эти сложности снижают эвристическую ценность итоговых показателей, которые фиксируют общественное мнение в этой области. Например, при использовании данных «Евробарометра», отражающих взгляды жителей стран ЕС на состояние национальных систем здравоохранения, оговаривается, что они имеют большое число методологических проблем и ограничений [AlSaud, Taddese, Filippidis, 2018].

Отдельно следует выделить проблемы учета мнений потребителей здравоохранения в Российской Федерации, где внимание социологов фокусируется в основном на удовлетворенности населения медицинской помощью. Это понятие можно назвать гибридным, потому что оно сочетает в себе личный опыт и общественное мнение. Респонденту предлагается не поделиться своими впечатлениями о конкретном случае своего лечения, а обобщить свои впечатления и высказать мнение об оказанной медицинской помощи в целом. Такой концепт выглядит удобным для общей оценки состояния системы здравоохранения, но одновременно суммирует в себе искажения, заложенные в концептах удовлетворенности пациента и отношения граждан к системе здравоохранения. На практике человек может за один период времени даже в рамках одной больницы с разным результатом обращаться к разным специалистам для решения разных проблем со здоровьем, вынося совершенно разные впечатления. Когда интервьюер предлагает ему обобщить этот противоречивый опыт в вопросе об удовлетворенности, он дает однозначный ответ, но часто остается непонятно, чем именно он руководствовался.

Дополнительную проблему составляет разнообразие методик измерения, включая разные формулировки вопросов и варианты ответов, что приводит к плохой сопоставимости результатов. В частности, Фонд «Общественное мнение» измеряет удовлетворенность качеством оказанных медицинских услуг⁶ наряду с доверием россиян к врачам и медучреждениям и с представлениями россиян о состоянии системы здравоохранения⁷. Удовлетворенность качеством он выясняет у тех, кто посещал врачей за последние полгода, с формулировкой «чаще были удовлетворены или не удовлетворены качеством оказанных вам медицинских услуг». Напротив, ВЦИОМ спрашивает у тех респондентов, кто за последний год обращался в медицинские учреждения: «Скажите, пожалуйста, Вы в целом остались довольны или недовольны оказанной Вам медицинской помощью в государственных/муниципальных медицинских учреждениях?»⁸ При этом у него есть отсутствующий у других исследовательских организаций вариант ответа «Отчасти доволен, отчасти — нет», который и оттягивает на себя значительную часть ответов. Методика измерения удовлетворенности населения, утвержденная Минздравом России

⁶ Формулировки вопросов: «За последние полгода вы обращались или не обращались к врачам? И если обращались, то чаще были удовлетворены или не удовлетворены качеством оказанных вам медицинских услуг?» и «Вы, как правило, доверяете или не доверяете врачам в больницах и поликлиниках?». См.: Доверие врачам и медучреждениям // ФОМ. 2019. 16 мая. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14208> (дата обращения: 28.06.2023).

⁷ Состояние здравоохранения и самые острые проблемы этой сферы // ФОМ. 2019. 7 мая. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14202> (дата обращения: 28.06.2023).

⁸ Государственная медицина: в погоне за качеством // ВЦИОМ. 2022. 17 ноября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvennaja-medicina-v-pogone-za-kachestvom> (дата обращения: 28.06.2023).

в 2022 г., подразумевает учет ответов «По большей части удовлетворен» и «Абсолютно удовлетворен» на прямой вопрос: «Оцените, насколько в целом Вы удовлетворены медицинской помощью?» В отличие от всероссийских опросов, в системе ОМС исследования проводятся не по месту жительства респондента, а на базе медицинских организаций силами территориальных фондов обязательного медицинского страхования (ТФОМС) и страховых компаний. Результаты этих опросов существенно различаются друг от друга, а также от результатов опросов внешних социологических компаний. Например, в 2019 г. удовлетворенность населения бесплатной медицинской помощью по данным ТФОМС и страховых компаний составила более 77 %⁹, а по данным ВЦИОМ — 38 %¹⁰.

Более надежными выглядят исследования мнений не населения в целом, а узких групп пациентов — непосредственно на месте и сразу после оказания конкретной медицинской услуги, в масштабе одной медицинской организации или одного вида медицинской помощи, или в разрезе отдельных категорий постоянных посетителей, например хронических больных. Но и в этом случае могут возникать парадоксы. Например, общая оценка пациентами качества обслуживания в стационарах оказывается в целом выше, чем оценки отдельных составляющих, которые исследователи выделяли в понятие «качество медицинской помощи» [Светличная, Цыганова, Борчанинова, 2010]. И наоборот, удовлетворенность медицинским обслуживанием в поликлинике в целом может быть ниже, чем его отдельными составляющими [Кочкина, Красильникова, Шишкин, 2015]¹¹.

При этом используемые методики изучения удовлетворенности в практике работы отдельных медицинских организаций не учитывают возможных различий, обусловленных типом учреждений, мощностью, географическим расположением и иными характеристиками. Унифицированный подход объясняется технической простотой, удобством сравнений и расчетов интегральных показателей, но может отразиться на объективности результатов [Шнайдер и др., 2020].

В целом изучение мнений потребителей о здравоохранении крайне востребовано для понимания того, как можно улучшить работу медицинских организаций и систем здравоохранения. Но одновременно научное знание не может предложить общепринятого инструментария для этого. Коллизии измерений мнений связаны с тем, что чем удобнее их результаты для использования в управлении, тем менее они отражают реальную картину. В этой ситуации обращение к факторам, влияющим на удовлетворенность индивида конкретной медицинской услугой или на отношение общества к национальному здравоохранению в целом, несет в себе критический заряд: оно показывает ограниченность возможностей изучения мнений и применения их в управлении.

⁹ Счетная палата: подходы к финансированию терпрограмм ОМС требуют пересмотра. Приложение № 3.3. Оценка системы сбора информации на региональном и федеральном уровнях об удовлетворенности населения качеством и объемом предоставляемой медицинской помощи // Счетная палата РФ. 2021. 4 марта. URL: <https://ach.gov.ru/checks/schetnaya-palata-podkhody-k-finansirovaniyu-terprogramm-oms-trebuyut-peresmotra> (дата обращения: 28.06.2023).

¹⁰ Государственная медицина: в погоне за качеством // ВЦИОМ. 2022. 17 ноября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvennaja-medicina-v-pogone-za-kachestvom> (дата обращения: 28.06.2023).

¹¹ По данным всероссийского опроса 2014 г., среди тех, кто за прошедший год обращался за амбулаторной помощью, удовлетворенность в целом медицинским обслуживанием составляла 78 %, тогда как удовлетворенность отношением медперсонала — 82 %, а удовлетворенность санитарно-гигиеническими условиями поликлиники — 88 % [Кочкина, Красильникова, Шишкин, 2015: 30].

Методы и эмпирическая база

Цель статьи — на материале разговоров с жителями ряда сёл и малых городов двух регионов России показать сложность того смыслового фона, который определяет мнения людей в отношении здравоохранения. Под смысловым фоном здесь понимаются ассоциации, воспоминания, стереотипы, знания, личный опыт, на которые человек опирается, когда обосновывает свои суждения о таких понятиях, как «система здравоохранения», «работа медицинского учреждения» и «качество медицинской помощи».

Для достижения цели мы выделили и систематизировали встретившиеся в интервью обстоятельства, влияющие на то, как информанты оценивали деятельность местных медицинских организаций, отечественное здравоохранение или медицину в целом. Нас интересовали в первую очередь не те факторы, влияние которых на мнения людей можно предвидеть, зафиксировать, оценить и даже измерить в ходе структурированных опросов (социально-демографические характеристики респондентов, тип или вид оказанной медицинской помощи и т. п.), а менее очевидные зависимости, случайно всплывающие в свободной беседе. Также мы не стремились отдельно выделять факторы, влияющие на удовлетворенность медицинской помощью и на доверие к врачам или системе здравоохранения, поскольку в нарративах информантов о пациентском опыте удовлетворенность и доверие тесно переплетены, одно влияет на другое (первая цитата из интервью ниже в тексте статьи как раз демонстрирует пример такого переплетения).

В работе использованы расшифровки аудиозаписей 80 разговоров — 28 полноценных полуструктурированных интервью и 52 кратких (менее 20 минут) неформальных бесед, в основном уличных. Они были дополнены материалами полевых дневников, в которых участники двух экспедиций фиксировали содержание неформальных бесед без аудиозаписи¹².

Данные собирались в 43 населенных пунктах, среди которых было 10 центров муниципалитетов (малые города и крупные села), а также средние и малые села. География проекта определяет ограниченность и специфику выводов: мы рассматриваем мнения людей, для которых основным медицинским учреждением является государственная районная или центральная районная больница (ЦРБ) или ее сельское структурное подразделение — врачебная амбулатория, фельдшерско-акушерский пункт (ФАП). Вероятно, если бы интервью проводились в крупных городах, получившаяся картина была бы иной. Среди информантов были люди разного пола, возраста и рода занятий, с потенциально разным опытом взаимо-

¹² Изначально мы обрабатывали полевые материалы в соответствии с задачами исследования, для которого проводились интервью. С опорой на расшифровки тех интервью и неформальных бесед, которые с разрешения информантов были записаны на диктофон, а также на пересказ в полевых дневниках участников экспедиции содержания разговоров без аудиозаписи, по результатам каждой из двух экспедиций было составлено развернутое описание отношения жителей к местным медицинским организациям. Структура этих описаний задавалась тремя тематическими блоками: отношение к учреждениям и системе в целом, оценка работы медиков, изменения в мнениях в связи с пандемией. В первых двух блоках выделялось позитивное и негативное отношение. По результатам получившихся описаний и родилась идея отдельно выделить обстоятельства, влияющие на то, почему информанты что-то оценивают в здравоохранении положительно или отрицательно. Для этого мы перечитывали имеющиеся полевые материалы независимо друг от друга и затем совместно систематизировали выделенные обстоятельства логическим путем в несколько групп (далее в тексте они обозначены как семь факторов). Специальное программное обеспечение для тематического кодирования не использовалось. Перечень расшифровок интервью и бесед с указанием базовых характеристик информантов доступен в Приложении.

действия с медицинскими организациями (хронические больные, молодые родители, пенсионеры, сотрудники муниципальных учреждений и т. д.).

Сроки (вторая половина 2022 г.) и событийный контекст (пандемия COVID-19) разговоров обуславливают некоторое преимущество исследования: из-за высокой заболеваемости коронавирусной инфекцией и обязательной вакцинации у многих информантов был свежий опыт взаимодействия с медицинскими организациями, даже если до того они в них почти не обращались.

Гайд интервью в соответствии с целью проекта, посвященного влиянию пандемии на медицинские организации, был сфокусирован на непосредственных и недавних взаимодействиях местных жителей с их ЦРБ, амбулаторией или ФАП. В разговоре акцент делался не на оценках удовлетворенности или доверия, а на том, что происходило в жизни информанта и его населенного пункта, а также на сопоставлении ситуации до и во время пандемии. Обобщающие оценки появлялись в разговоре обычно по инициативе самого информанта и сопровождалась просьбами интервьюеров разъяснить их.

При анализе учитывалась языковая особенность интервью на медицинские темы: в повседневной речи, как и в медийном дискурсе, не проводится четких границ между понятиями «медицина», «здравоохранение» и «оказание медицинской помощи». Поэтому на общий вопрос «Как обстоят дела в Вашем населенном пункте со здравоохранением?» можно было услышать ответ вроде «Медицина у нас плохая, врачей не хватает».

Результаты анализа

Запоминающийся персональный опыт

Основной аргумент, на который в своих оценках работы медицинского учреждения и здравоохранения в целом опирались наши собеседники, — их личные истории обращения за медицинской помощью. Причем вместо свежего пациентского опыта они охотнее обращались в своей аргументации к единичным ярким случаям, произошедшим много лет назад. Одна из информанток так ответила на вопрос о своем отношении к отечественному здравоохранению: *«А я доверяю. Потому что говорят, что плохая [медицина]. .. хорошая! Я десять лет назад заболела раком, они меня вылечили, до сих пор хожу»* (продавщица, 60 лет, малый город). Не меньше запоминаются и негативные истории, в том числе произошедшие с близкими. Например, сельская жительница средних лет вспоминала, что, когда ее муж много лет назад раздробил ногу, его очень долго не увозили в больницу, а просили просто лежать, и такое она никогда не забудет. Другая информантка, объясняя свое негативное отношение к местной больнице, ссылаясь на историю двадцатилетней давности о том, что к ней не приехала скорая помощь.

Во время пандемии COVID-19 информанты контактировали с медицинскими организациями чаще, чем обычно, но нельзя сказать, что это изменило их отношение к здравоохранению определенным образом. Улучшение отношения мы встречали у тех, кто лежал в ковидных госпиталях, поскольку те были хорошо оборудованы и порой воспринимались пациентами как санатории, в которых можно отдохнуть от домашних забот. Если там вкусно кормили и «покатали» на КТ, а само заболевание протекало легко, то пребывание в больнице относилось к положительно-

му опыту. Упоминание о том, что в ковидном стационаре хорошо кормили, встречалось практически в каждом рассказе информантов о госпитализации. С другой стороны, если в госпитале было тесно, а механизм действий врачей еще не был налажен, мнение о здравоохранении ухудшалось. Так, жительница села называла «концлагерем» госпиталь, где ей не разрешали открывать окна, а люди умирали прямо у нее на глазах.

Знания об устройстве системы здравоохранения

Суждения наших информантов о работе медицинских учреждений порой основывались не на знании о действующих стандартах, правилах и устройстве системы здравоохранения, а на субъективных представлениях о том, как должны оказываться медицинские услуги.

К примеру, если машина вызванной скорой помощи была далеко или же была занята другим пациентом, то ее ожидание, на самом деле не превышающее норму, могло существенно ухудшить мнение человека о здравоохранении в целом. Причем негативное отношение могло быть связано не только со скоростью реагирования скорой помощи, но и с тем, что фельдшер, приехавшая на вызов, сама не принимает решения, а звонит врачу за советом. Одной из наших собеседниц это показалось признаком непрофессионализма, хотя на деле консультация с доктором призвана повысить качество экстренной доврачебной помощи, а не ухудшить ее.

Кроме того, мы встречали неверные представления о том, как вообще организовано здравоохранение в России. Так, сотрудница сельского учреждения культуры начала отвечать на вопрос о районной больнице с утверждения, что «в ВОЗ одни жулики», считая, что именно эта организация в конечном итоге ответственна за качество местной медицинской помощи. Некоторые информанты не знали о существовании постдипломного медицинского образования. Например, житель большого села утверждал: «Медики давно перестали учиться, процесс обучения закончился в вузе».

Коронавирусная пандемия дополнила эту проблему незнания правил тем, что требования к лечению новой инфекции создавались и менялись на ходу. Причем часто эти изменения были обусловлены не уточнением знаний о вирусе, а возможностями здравоохранения справиться с резко возросшей нагрузкой. В результате действия медиков, которые были продиктованы необходимостью соблюдать новые правила, установленные им «сверху», воспринимались пациентами как нарушение правил со стороны местных врачей и больниц.

Например, информанты негативно воспринимали практику лечения легких случаев ковида «по телефону». Они не учитывали дефицит времени и нагрузку медиков, им не верилось, что при личном контакте врач бы дал такие же рекомендации. Еще один пример: в ЦРБ, где был ковидный стационар, поводом для конфликтов становилась практика общения госпитализированных «через форточку» с пришедшими их повидать родственниками. С точки зрения больных, запрет администрацией таких встреч не гуманен, хотя санитарное правило держать закрытыми окна в ковидной палате предполагает, напротив, защиту здоровых людей от возможного заражения.

То, что пациент не знает устройства системы здравоохранения и правил работы медицинских учреждений, может подтолкнуть его к тому, чтобы определять свое взаимодействие с ними как неизбежную борьбу за то, что ему положено. В ряде интервью информанты высказывали убеждение, что для того, чтобы получить качественную услугу, нужно всеми возможными методами воздействовать на медицинских работников. Для этого они подключают близких, вспоминают, кто из знакомых работает в больнице, просят мужчину из семьи или выросшего ребенка «позвонить и наорать».

Это проявлялось и во время пандемии. Так, по словам пенсионерки, лежавшей в ковидном стационаре, она просила дочь позвонить Набиуллиной лично, чтобы пожаловаться ей, что в госпитале не разрешают открывать окна.

Отдаленность населенного пункта и легкость записи на прием

Если говорить о том, что именно подразумевают информанты под «хорошей медициной», на первое место выходит доступность как потенциальная возможность получить ту или иную помощь. И в представлениях о доступности важную роль играет место проживания и медицинского обслуживания человека, однако зависимость отнюдь не однозначная.

Сельские жители, обсуждая местные больницы, сравнивали село с городом и констатировали, что уровень здравоохранения в них не может быть одинаков. Встречающиеся в интервью сюжеты — сложности с получением направления в региональную больницу и слухи о том, как хорошо люди лечатся в мегаполисах. Источником таких слухов мог быть, например, личный опыт одного из местных жителей, которому удалось познакомиться со столичным здравоохранением: «*Вот у меня дочь заболела, мы слетали в Москву, лежали в Морозовской больнице. Я столько услуг оплатила. Вот и получается: для москвичей — открытая дорога... мне же надо было все круги ада пройти, чтобы туда добраться*» (фармацевт, 50 лет, село). Иногда то, что лечение проходило в районной больнице, информанты даже называли причиной смерти близкого человека, думая, что в крупном городе его бы вылечили.

В то же время городское медицинское учреждение может восприниматься как место чужаков и мошенников, тогда как в селе «все свои», и местные врачи как бы под надзором локального сообщества. Например, так рассуждает пенсионерка из районного центра: «*К нам не дошла та жестокость, мне кажется. Ну то есть в городе, если такое случается, я вот смотрела по телевизору... А у нас тут не... Деревня же все-таки, мы знаем все друг друга*». Другая информантка, молодая жительница маленького села, негативно характеризует лечение в городе, ссылаясь на личный опыт: «*Ну вот я в Сочи жила и в Екатеринбурге, там наплевали на пациентов и бесплатной медицины нет*».

Парадоксально, но, несмотря на осознание очевидных различий в доступности медицинской помощи, жители тех населенных пунктов, где объективно ресурсов здравоохранения меньше, в интервью чаще выражали удовлетворение работой местного учреждения. Хотя наше исследование не дает возможности оценить и измерить эту зависимость, разница бросается в глаза¹³.

¹³ Это различие переключается с различием в мнениях горожан и сельчан, зафиксированным в опросе Росстата. Его «Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения» показывает, что жители городов предъявляют более высокие требования к качеству медицинских услуг, а жители сёл в большей степени обеспокоены доступностью медицинской помощи [Блинова, Вяльшина, Русановский, 2020].

В целом у деревенских жителей требований к медицинским организациям и негативных замечаний о них встречалось гораздо меньше. Для них медицина связана в основном со знакомым фельдшером ФАП, который обычно занимает свою должность много лет. У жителей более крупных населенных пунктов уже появляется потребность сравнивать свои условия жизни с городскими, где уровень здравоохранения выше. В райцентре (даже если это село) нам было гораздо проще, чем в отдаленном селе, встретить информанта, полагающего, что районная поликлиника находится в плачевном состоянии. Притом что жителю отдаленного села объективно труднее попасть на прием к врачу и воспользоваться бесплатными возможностями районной поликлиники, чем жителю райцентра.

Те, кто живет в малых городах, чаще сельских жителей имеют возможность выбирать, где проходить лечение. Обычно в городе есть если не полноценная частная клиника, то хотя бы частные стоматология и лаборатория. В таком случае велик шанс того, что сравнение медицинских учреждений будет не в пользу государственных. Особо сильные негативные эмоции информантов вызывали платные услуги в государственных больницах: *«Наша-то больница — это центр трех районов, все должно быть. Бесплатно сложно попасть, а когда говоришь, что платно, то сразу „На какое число?“»* (продавщица, около 60 лет, малый город). Одновременно некоторые наши собеседники из райцентров говорили, что предпочитают обращаться в коммерческие клиники в региональной столице, потому что убеждены в низкой квалификации врачей в местной ЦРБ, то есть демонстрировали готовность платить и за лечение, и за саму поездку в город.

Некоторые информанты подчеркивали, что менталитет деревенского жителя не способствует борьбе за реализацию пациентских прав. На селе, по их мнению, люди более робкие и скромные. Они привыкли, что ресурсов мало и выбора, чем пользоваться, нет: здесь есть один магазин продуктов, один клуб и один ФАП, который не нуждается в том, чтобы становиться лучше для его пользователей. О том, как работал их ФАП в начале коронавирусной эпидемии, жительница одного села сказала так: *«Приходилось сидеть и помалкивать»*.

Говоря о восприятии доступности медицины, также важно не упускать из виду следующий нюанс. Сложности в записи на прием, наряду с отдаленностью места жительства, автоматически могут восприниматься как дефицит медицинской помощи. Аргумент информанта *«у нас невозможно попасть к врачу»* может скрывать за собой как констатацию дефицита кадров в местной поликлинике, так и признание существующей процедуры записи неудобной лично для него.

Наши собеседники здесь ссылались на собственный опыт, связанный с получением талонов. Система электронной записи вызывает непонимание у пожилых людей, особенно у тех, кто мало пользуется интернетом. То, что получить талон может быть технически сложно, создает впечатление недоступности, даже если в реальности в записи к специалисту есть свободные слоты. Например, пожилая респондентка, живущая в райцентре, признавалась, что ходит в больницу только потому, что ее сын работает там сантехником и умеет брать талоны. Если бы не его помощь, то она с подругами не знала бы, что делать.

В этом плане коронавирусная эпидемия могла положительно повлиять на представление о доступности медицинской помощи. В то время пациенты сталкива-

лись с ситуациями, когда записываться онлайн или звонить в регистратуру было безопаснее, чем ходить в поликлинику, где есть риск заразиться. По словам информантов-медиков, те, кто вынужден был научиться так делать, после пандемии уже пользуются этим навыком.

«Свой» или «чужой» доктор

В сельской местности важную роль в формировании общего отношения к системе здравоохранения играет репутация участкового медика, через посредничество которого пациент получает доступ ко всем основным медицинским ресурсам. Это может быть и доктор во врачебной амбулатории, и фельдшер ФАП, разницы между ними жители почти не видят.

О медработнике судят прежде всего по тому, можно ли назвать его «своим» или он остается «чужаком», к которому не обратятся без крайней нужды. Нам рассказывали случаи, когда молодых медиков, приезжающих в сёла работать, не принимали местные жители и те через несколько месяцев уезжали, не справившись с задачей найти общий язык с пациентами. В одном селе, где раньше в ФАП долгие годы работала уважаемая женщина, последующие фельдшеры сменялись очень часто. По словам местной жительницы, «после нее началось — никто не уживался», потому что у жителей села появилась практика писать анонимные жалобы на новых, «чужих» фельдшеров, которых «присылают» из ЦРБ.

Позитивную репутацию сложно сформировать и удержать. Фельдшер может прожить годы в селе, но так и остаться чужаком, если делает что-то неправильное и нечестное с точки зрения местных жителей. Так, редкий случай отрицательного отношения локального сообщества к медику мы встретили в отдаленном селе. Информанты объясняли это тем, что фельдшер не всегда отвечает на их мобильные звонки, а одна собеседница рассказала, что когда-то увидела, как муж фельдшера в машине неотложной помощи перевозил дрова, и теперь думает о ней только в негативном ключе.

Напротив, если местный медик воспринимается как «свой», то его репутация может компенсировать общее недоверие к системе здравоохранения. Хорошей иллюстрацией этому служит прививочная кампания против новой коронавирусной инфекции.

В интервью люди часто упоминали, что сделали прививку из уважения к конкретному медику, а если бы вакцинировал кто-то незнакомый, ему бы не доверились. Если фельдшер знал, что к нему хорошо относятся местные жители, он лично просил их сделать прививку: «Вакцинируйся, чтоб у меня было меньше проблем», — так, по словам жительницы малого села, их фельдшер аргументировал важность прививки. Другая информантка, недавно работавшая в ФАП, рассказывала о пожилой семейной паре, которая сначала отказывалась вакцинироваться: «Они говорят: „Ты зачем к нам пришла? Ты нас сейчас привьешь, мы здесь помрем“... Я говорю, что я же ваш фельдшер, своя. „А-а-а, ты наша“. И когда я своя, тут уже пропускали».

Коммуникация медиков с пациентом

Исследования удовлетворенности пациента давно говорят о значимости вне-лечебных аспектов взаимодействия с врачом (доверительность отношения, ком-

муникационные навыки и стиль общения медиков) вне зависимости от страны или системы здравоохранения [Buller, Buller, 1987; Cleary, McNail, 1988; Williams, Weinman, Dale, 1998; Шилова, 2008; Sari, Prabandari, Claramita, 2016]. Подтверждают их и наши интервью, где информанты судили о профессионализме медиков не по результату их работы, а по их отношению к больным.

В восприятии наших собеседников хороший медик должен быть немного психологом, дать выговориться, лечить словом. Медицинское учреждение рассматривается не только как место, где хочется получить точечную помощь по конкретному случаю, но и как пространство заботы и защиты в целом. К фельдшеру ФАП могут приходиться за психологической помощью или для того, чтобы выговориться, а больницу с теплом вспоминают как место, где хорошо кормили и ухаживали.

Помимо заботы и внимания, хорошее отношение к пациенту включает прозрачность лечения и индивидуальный подход, когда врач заботится о том, чтобы лечение было персонализировано, а не превращалось в формальную процедуру. Эти ценности информанты проговаривали, когда объясняли недостатки местных больниц.

Так, одна собеседница, рассказывая, что предпочитает ездить в региональный центр в частную клинику, акцентировала внимание на том, что там ей процесс лечения подробно объясняли и даже рисовали его. То, что частные медучреждения отличаются от государственных вежливостью и внимательным обращением к клиентам, упоминалось во многих разговорах.

В информировании пациента может быть важна даже такая деталь, как правильная выдача лекарств в стационаре, поскольку она позволяет контролировать лечение. Так, продавщица в малом городе объясняет свое негативное отношение к местной больнице следующим образом: *«В [название регионального центра], когда дают таблетку, то отрезают так, чтобы было видно название. А у нас тут все просто руками разворачивают. Дают таблетки, и непонятно, что дают. А в [название регионального центра] я все фотографировала и советовалась».*

Сотрудница сельского дома культуры обозначает как главную проблему российского здравоохранения то, что у врачей нет возможности применять желаемый персонализированный подход из-за недостатка времени и бюрократизма системы: *«...если хороший врач видит, что этот препарат может сделать плохо и назначает другой, то вот этому врачу приходится писать в министерство и оправдываться. И это ж волокита. Может, у кого-то есть время побороться за пациента. А у какого-то врача нет времени, назначили этот парацетамол и иди его покупай».* Ее коллега, также молодая женщина, солидарна: *«И из-за ограниченного времени от беседы пациента и врача остается совсем сухой диалог... И человек уходит за дверь и понимает, что не знает ни диагноза, ни почему он [заболел], ни как избежать этой болезни без лекарств».*

В ситуации пандемии COVID-19 значимость коммуникации между лечащим медиком и пациентом только возросла, особенно в первое время, когда люди были напуганы новым вирусом, а медики не всегда имели возможность помочь. *«Доктор домой приходил, а если не приходил, он всегда на связи. Доктору можно было сообщить о своих недугах, кашель там или одышка. Им, наверно, было трудно, но они всегда отвечали»*, — так с благодарностью вспоминает свое лечение от новой коронавирусной инфекции пожилая сотрудница районной библиотеки.

Отношение к государству

Иногда на мнение о здравоохранении проецируется отношение человека к государству в целом, что также ярко проявилось в период пандемии. Например, оппозиционно настроенная сельская жительница признавалась, что привыкла во всем «не доверять телевизору», и когда власти начали пропаганду вакцинации, то восприняла негативно и саму прививку. Если человеку не нравилось, что власти ввели самоизоляцию и штрафы, то это могло проецироваться и на его отношение к организации медицинской помощи больным новой коронавирусной инфекцией.

Напротив, если информанты в целом доверяли государству, то это могло служить аргументом в пользу того, чтобы соблюдать самоизоляцию или вакцинироваться. Например, пенсионерка, объясняя, почему она добровольно привилась, ссылалась на свою «советскую закалку». По ее словам, если раньше «сверху» говорили, что надо ехать на субботник или в колхоз, то теперь настоятельно рекомендуют привиться, и подобным указам женщина привыкла доверять и повиноваться.

Отношение к своему телу и здоровью

Оценки работы системы здравоохранения могут зависеть от общих мировоззренческих установок человека в сфере биомедицины. В интервью встречались мнения, что если человек тяжело заболит, то ему уже ничего не поможет, то есть что во многих ситуациях врачи бессильны. Подобные суждения порой подкреплялись историями о том, как неожиданно умирали молодые люди. Один пожилой мужчина так объясняет, почему никогда не ходит в больницу: «А зачем мне, старому? Время придет мое... Моя супруга ходила два раза уже вакцинироваться. А я ей говорю: „На хрена нам, все равно время придет“».

Наконец, в зависимости от религиозных и иных убеждений люди вообще могут считать свое тело объектом, которому официальная медицина не только не поможет, но и навредит. Например, так рассуждает продавец меда средних лет: «Что человек может создать лучше, чем Бог? Он создал совершенное тело, [зачем] влезать туда, абсолютное не понимая, как это тело устроено...»

Учет этого фактора позволяет быть более аккуратным в интерпретации отрицательных оценок работы местной поликлиники или больницы. Желание информанта избегать их услуг не обязательно связано с недавним негативным опытом или общей низкой неудовлетворенностью — изначальная установка на бессилие или вред официальной медицины также может играть свою роль.

Заключение

На материале интервью, посвященных работе медицинских организаций в малых городах и сельской местности во время пандемии COVID-19, мы попытались показать сложность смыслового фона, определяющего мнения людей по вопросам, связанным со здравоохранением. Заметную в качественном исследовании, базирующемся на полуструктурированных интервью и неформальных беседах, эту сложность легко упустить из виду, когда потребителей здравоохранения просят дать лаконичные общие оценки удовлетворенности медицинской помощью или доверия врачам и отечественному здравоохранению.

Так, общее отношение населения к здравоохранению может базироваться на хорошей репутации одного местного медика и зависеть от того, стал ли он «своим». Один травматичный пациентский опыт многолетней давности может перечеркнуть все свежие позитивные впечатления от похода в поликлинику. Представление о доступности медицинской помощи может быть увязано не только с местом жительства респондента, но и с его грамотностью в сфере информационно-коммуникационных технологий. Неполные или искаженные знания о пациентских правах и устройстве системы здравоохранения становятся источником конфликтов и убеждения, что за медицинские ресурсы обязательно нужно бороться — с подключением родственников и знакомых, обладающих властью или связями. Также важны мировоззренческие установки человека в отношении государства и собственного здоровья, на которые врач или больница не в силах повлиять.

Выявленные обстоятельства, формирующие смысловой фон для рациональных суждений респондентов по вопросам здравоохранения, отличает то, что их трудно уловить и предсказать в случаях, если нужно измерить удовлетворенность или доверие. Это возвращает нас к вопросу о значимости и применимости измерений мнений пациентов. Представляется, что они имеют ценность в случае, если направлены на выявление конкретных причин неудовлетворенности, которые в силах устранить сама медицинская организация. Иными словами, как прикладные исследования в целях медицинского менеджмента. В случае же использования как инструмента для общей оценки состояния или динамики системы здравоохранения, равно как и для выработки государственной политики, они могут оказаться не более чем ложными маяками.

В качестве дополнительных выводов из полевого материала отметим два нюанса интерпретации отдельных известных факторов. Оба могут быть использованы как гипотезы для дальнейших исследований.

Во-первых, влияние на отношение о здравоохранении может оказывать не только и не столько география проживания пациентов в широком смысле слова (регион, село/город), но и более конкретное место жительства. Два региона, в которых проводилось исследование, различаются по обеспеченности ресурсами здравоохранения (один — с низкой плотностью населения и преобладанием отдаленной сельской местности, второй — более урбанизированный, с меньшими расстояниями между обследованными райцентрами и региональной столицей, но также с более выраженным дефицитом трудовых и материальных ресурсов в сельских медицинских учреждениях). Вместе с тем суждения их жителей об уровне местного здравоохранения схожи.

Различие наблюдается не столько между регионами, сколько между райцентрами, где расположены районные и центральные районные больницы, и селами, где здравоохранение представлено лишь врачебной амбулаторией или фельдшерским пунктом. Жители первых более взыскательны к доступности и результативности медицинской помощи, что проявлялось и в их оценках работы системы здравоохранения во время коронавирусной пандемии. Определенную роль играет то, что выбор деревни местом жительства априори предполагает добровольное согласие на меньшую доступность медпомощи.

О различиях в запросах и ожиданиях пациентов из городской или сельской местности свидетельствуют как российские, так и зарубежные исследования [Weinhold, Gurtner, 2018; Блинова, Вяльшина, Русановский, 2020]. Наши наблюдения показывают разницу и внутри сельской местности, то есть она не столько географическая, сколько административная. Райцентр может быть селом, но отношение его жителей к местной поликлинике отличается от отношения жителей отдаленных сёл, которых эта поликлиника также обслуживает.

Во-вторых, уточнения требует понимание влияния медицинской грамотности на отношение потребителей к здравоохранению. С одной стороны, в научной литературе постулируется важность медицинской грамотности населения, она рассматривается как одно из условий вовлечения пациентов в лечение [Pelikan et al., 2022; Лопатина и др., 2022]. С другой стороны, врачи называют стремление пациентов получить информацию из интернета одним из источников конфликтов с ними и говорят о мнимости медицинской грамотности [Решетников, Айвазян, Присяжная, 2020]. Представляется, что внутри медицинской грамотности важно различать знания о здоровье человека и знания о том, как устроена система здравоохранения. Именно отсутствие у граждан вторых, а не наличие первых, может провоцировать негативное отношение и конфликты между пациентами и медицинским персоналом.

Список литературы (References)

1. Астафьев Л. М. Роль типологизации пациентов в оценке качества медицинской помощи // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 136—140.
Astafyev L. M. (2005) The Role of Typologization of Patients in Assessing the Quality of Medical Care. *Sociological Studies*. No. 6. P. 136—140. (In Russ.)
2. Блинова Т. В., Вяльшина А. А., Русановский В. А. Отношение сельского населения к своему здоровью и доступности медицинской помощи // Экология человека. 2020. № 12. С. 52—58. <https://www.doi.org/10.33396/1728-0869-2020-12-52-58>.
Blinova T. V., Vyalshina A. A., Rusanovskiy V. A. (2020) Self-Perceived Health, Availability of Medical Care and Health Attitudes among Rural Population in Russia. *Ekologiya cheloveka [Human Ecology]*. 2020. No. 12. P. 52—58. <https://www.doi.org/10.33396/1728-0869-2020-12-52-58>. (In Russ.)
3. Богдан И. В., Гурылина М. В., Зверев А. Л., Чистякова Д. П. Политическое восприятие системы здравоохранения населением: опыт мониторинговых исследований // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 216—230.
Bogdan I. V., Gurina M. V., Zverev A. L., Chistyakova D. P. (2020) A Political Perception of the Healthcare System: An Experience of a Monitoring Research. *Bulletin of Tomsk State university. Philosophy. Sociology. Political Science*. No. 55. P. 216—230. (In Russ.)
4. Богдан И. В., Праведников А. В., Чистякова Д. П. Актуальные вызовы и решения для использования социологии в управлении здравоохранением // Здо-

ровье мегаполиса. 2021. Т. 2. № 1. С. 79—83. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2021.v2i1;79-83>.

Bogdan I. V., Pravednikov A. V., Chistyakova D. P. (2021) Current Challenges and Solutions for Use of Sociology in Healthcare Management. *City Healthcare*. Vol. 2. No. 1. P. 79—83. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2021.v2i1;79-83>. (In Russ.)

5. Вялых Н. А., Беспалова А. А., Зарбалиев В. З. Доверие и недоверие российского общества к институту здравоохранения: социальные индикаторы и пост-пандемические эффекты // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2023. Т. 48. № 3. С. 458—470. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-48-3-458-470>.

Vyalykh N. A., Bepalova A. A., Zarbaliev V. Z. (2023) Russian Society's Trust and Distrust to the Institution of Healthcare: Social Indicators and Post-pandemic Effects. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. Vol. 48. No. 3. P. 458—470. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-48-3-458-470>. (In Russ.)

6. Гехт И. А., Артемьева Г. Б. К вопросу об изучении удовлетворенности населения системой здравоохранения // *Менеджер здравоохранения*. 2014. № 4. С. 6—12.

Geht I. A., Artemieva G. B. (2014) On the Question of Study on Public's Satisfaction with Health Care System. *Health Care Manager*. No. 4. P. 6—12. (In Russ.)

7. Кобякова О. С., Деев И. А., Тюфилин Д. С., Куликов Е. С., Табакаев Н. А., Воробьева О. О. Удовлетворенность медицинской помощью: как измерить и сравнить? // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2016. № 3. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2016-49-3-5>.

Kobyakova O. S., Deev I. A., Tyufilin D. S., Kulikov E. S., Tabakaev N. A., Vorobyeva O. O. (2016) Satisfaction with Health Care: How to Measure and Compare? *Social Aspects of Population Health*. No. 3. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2016-49-3-5>. (In Russ.)

8. Кочкина Н. Н., Красильникова М. Д., Шишкин С. В. Доступность и качество медицинской помощи в оценках населения. Препринт WP8/2015/03; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.

Kochkina N. N., Krasilnikova M. D., Shishkin S. V. (2015) Availability and Quality of Medical Care in Population Assessments. Preprint WP8/2015/03 (Series WP8 “State and Municipal Administration”); National Research University “Higher School of Economics”. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

9. Лопатина М. В. и др. Кросс-секционное исследование по оценке грамотности в вопросах здоровья населения старше 18 лет в отдельных регионах Российской Федерации: актуальность и дизайн // *Экология человека*. 2022. Т. 29. № 2. С. 89—98. <https://doi.org/10.17816/humeco65198>.

Lopatina M. V., Popovich M. V., Fomicheva M. L., Ziganshina Z. R., Prischepa N. N., Kontsevaya A. V., Drapkina O. M. (2022) Cross-Sectional Study to Measure Health Literacy among the Population over 18 Years Old in Selected Regions of the Rus-

- sian Federation: Relevance and Study Design. *Ekologiya cheloveka (Human Ecology)*. Vol. 29. No. 2. P. 89—98. <https://doi.org/10.17816/humeco65198>. (In Russ.)
10. Решетников А. В., Айвазян Ш. Г., Присяжная Н. В. Роль участкового врача во мнениях молодых и опытных профессионалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 331—346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.764>.
Reshetnikov A. V., Aivazyan S. G., Prisyazhnaya N. V. (2020) Role of the District Physician in Shaping the Opinions of Young and Experienced Professionals. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 331—346. (In Russ.)
11. Светличная Т. Г., Цыганова О. А., Борчанинова Е. Л. Пациенты о качестве стационарного обслуживания // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 69—75.
Svetlitchnaya T. G., Tsyganova O. A., Borthcaninova E. L. (2010) Patients on the Medical Services Quality. *Sociological Studies*. No. 7. P. 69—75. (In Russ.)
12. Цыганков Б. Д., Малыгин Я. В. Подходы к изучению факторов, влияющих на удовлетворенность пациентов медицинской помощью (по данным иностранной литературы) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. № 4. С. 18—22.
Tsygankov B. D., Malygin Ya. V. (2014) The Approaches to Investigation of Factors Impacting Satisfaction of Patients with Medical Care (According International Publications" Data). *Problems of Social Hygiene, Health Care and the History of Medicine*. No. 4. P. 18—22. (In Russ.)
13. Шилова Л. С. Оценка пациентами услуг первичной медицинской помощи (в Липецкой и Тюменской областях) // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 3. С. 357—384. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3624> (дата обращения: 28.06.2023).
Shilova L. S. (2008) Evaluation of Primary Health Care by the Patients (In Lipetsk and Tumen Oblasts). *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 6. No. 3. P. 357—384. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3624> (accessed: 28.06.2023). (In Russ.)
14. Шнайдер Г. В., Деев И. А., Кобякова О. С., Бойков В. А., Барановская С. В., Протасова Л. В., Шибалков И. П. Оценка удовлетворенности населения медицинской помощью // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. № 4. С. 1—5. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-4-4>.
Shnaider G. V., Deev I. A., Kobyakova O. S., Boykov V. A., Baranovskaya S. V., Protasova L. M., Shibalkov I. P. (2020) Assessment of Public Satisfaction with Health Care. *Social Aspects of Population Health*. Vol. 66. No. 4. P. 1—5. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-4-4>. (In Russ.)
15. Anufriyeva V., Pavlova M., Stepurko T., Groot W. (2021) The Validity and Reliability of Self-Reported Satisfaction With Healthcare as a Measure of Quality: A Systematic Literature Review. *International Journal for Quality in Health Care*. Vol. 33. No. 1. Art. mzaa152. <https://doi.org/10.1093/intqhc/mzaa152>.
16. AlSaud A. M., Taddese H. B., Filippidis F. T. (2018) Trends and Correlates of the Public's Perception of Healthcare Systems in the European Union: A Multilevel Analysis

- of Eurobarometer Survey Data From 2009 to 2013. *BMJ Open*. Vol. 8. No. 1. Art. e018178. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2017-018178>.
17. Batbaatar E. et al. (2017) Determinants of Patient Satisfaction: A Systematic Review. *Perspectives in Public Health*. Vol. 137. No. 2. P. 89—101. <https://doi.org/10.1177/17579139166341>.
 18. Borowska M., Religioni U., Augustynowicz A. (2022) Patients' Opinions on the Quality of Services in Hospital Wards in Poland. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 20. No. 1. Art. 412. <https://doi.org/10.3390/ijerph20010412>.
 19. Bull C. (2021) Patient Satisfaction and Patient Experience Are Not Interchangeable Concepts. *International Journal for Quality in Health Care*. Vol. 33. No. 1. Art. Mzab023. <https://doi.org/10.1093/intqhc/mzab023>.
 20. Buller M. K., Buller D. B. (1987) Physicians' Communication Style and Patient Satisfaction. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 28. No. 4. P. 375—388. <https://doi.org/10.2307/2136791>.
 21. Cleary P. D., McNeil B. J. (1988) Patient Satisfaction as an Indicator of Quality Care. *Inquiry*. Vol. 25. No. 1. P. 25—36.
 22. Dunsch F. et al. (2018) Bias in Patient Satisfaction Surveys: A Threat to Measuring Healthcare Quality. *BMJ Global Health*. Vol. 3. No. 2. Art. E000694. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2017-000694>.
 23. Edwards C., Staniszewska S., Crichton N. (2004) Investigation of the Ways in Which Patients' Reports of Their Satisfaction with Healthcare Are Constructed. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 26. No. 2. P. 159—183. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2004.00385.x>.
 24. Ferreira D. C., Vieira I., Pedro M. I., Caldas P., Varela M. (2023) Patient Satisfaction with Healthcare Services and the Techniques Used for Its Assessment: A Systematic Literature Review and a Bibliometric Analysis. *Healthcare*. Vol. 11. No. 5. Art. 639. <https://doi.org/10.3390/healthcare11050639>.
 25. Gill L., White L. (2009) A Critical Review of Patient Satisfaction. *Leadership in Health Services*. Vol. 22. No. 1. P. 8—19. <https://doi.org/10.1108/17511870910927994>.
 26. Gille F., Smith S., Mays N. (2017) Towards a Broader Conceptualisation of 'Public Trust' in the Health Care System. *Social Theory & Health*. Vol. 15. P. 25—43. <https://doi.org/10.1057/s41285-016-0017-y>.
 27. Gille F., Smith S., Mays N. (2021) What Is Public Trust in the Healthcare System? A New Conceptual Framework Developed from Qualitative Data in England. *Social Theory & Health*. Vol. 19. P. 1—20. <https://doi.org/10.1057/s41285-020-00129-x>.
 28. Hekkert K. D., Cihangir S., Kleefstra S. M., van den Berg B., Kool R. B. (2009) Patient Satisfaction Revisited: A Multilevel Approach. *Social Science & Medicine*. Vol. 69. No. 1. P. 68—75. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.04.016>.

29. Lochman J. E. (1983) Factors Related to Patients' Satisfaction with Their Medical Care. *Journal of Community Health*. Vol. 9. No. 2. P. 91—109. <https://doi.org/10.1007/BF01349873>.
30. Locker D., Dunt D. (1978) Theoretical and Methodological Issues in Sociological Studies of Consumer Satisfaction with Medical Care. *Social Science & Medicine. Part A: Medical Psychology & Medical Sociology*. Vol. 12. P. 283—292. [https://doi.org/10.1016/0271-7123\(78\)90067-6](https://doi.org/10.1016/0271-7123(78)90067-6).
31. Mossialos E. (1997) Citizens' Views on Health Care Systems in the 15 Member States of the European Union. *Health Economics*. Vol. 6. No. 2. P. 109—116. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-1050\(199703\)6:2<109::AID-HEC251>3.0.CO;2-L](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-1050(199703)6:2<109::AID-HEC251>3.0.CO;2-L).
32. Naidu A. (2009) Factors Affecting Patient Satisfaction and Healthcare Quality. *International Journal of Health Care Quality Assurance*. Vol. 22. No. 4. P. 366—381. <https://doi.org/10.1108/09526860910964834>.
33. Pelikan J. M., Link T., Straßmayr C., Waldherr K., Alferts T., Bøggild H., Griebler R., Lopatina M., Mikšová D., Nielsen M. G., et al. (2022) Measuring Comprehensive, General Health Literacy in the General Adult Population: The Development and Validation of the HLS 19-Q12 Instrument in Seventeen Countries. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. No. 21. Art. 14129. <https://doi.org/10.3390/ijerph192114129>.
34. Sari M. I., Prabandari Y. S., Claramita M. (2016) Physicians' Professionalism at Primary Care Facilities from Patients' Perspective: The Importance of Doctors' Communication Skills. *Journal of Family Medicine and Primary Care*. Vol. 5. No. 1. P. 56—60. <https://doi.org/10.4103%2F2249-4863.184624>.
35. Sitzia J., Wood N. (1997) Patient Satisfaction: A Review of Issues and Concepts. *Social Science & Medicine*. Vol. 45. No. 12. P. 1829—1843. [https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(97\)00128-7](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(97)00128-7).
36. Van Der Schee E., Braun B., Calnan M., Schnee M., Groenewegen P.P. (2007) Public Trust in Health Care: A comparison of Germany, The Netherlands, and England and Wales. *Health Policy*. Vol. 81. No. 1. P. 56—67. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2006.04.004>.
37. Ware Jr. J. E., Snyder M. K., Wright W. R., & Davies A. R. (1983) Defining and Measuring Patient Satisfaction with Medical Care. *Evaluation and Program Planning*. No. 6. Vol. 3—4. P. 247—263. [https://doi.org/10.1016/0149-7189\(83\)90005-8](https://doi.org/10.1016/0149-7189(83)90005-8).
38. Weinhold I., Gurtner S. (2018). Rural-Urban Differences in Determinants of Patient Satisfaction with Primary Care. *Social Science & Medicine*. Vol. 212. P. 76—85. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2018.06.019>.
39. Weiss G. (1988) Patient Satisfaction with Primary Medical Care Evaluation of Socio-demographic and Predispositional Factors. *Medical Care*. Vol. 26. No. 4. P. 383—392. <https://doi.org/10.1093/hsw/16.4.281>.

40. Williams S., Weinman J., Dale J. (1998) Doctor-Patient Communication and Patient Satisfaction: A Review. *Family Practice*. Vol. 5. No. 15. P. 480—492. <https://doi.org/10.1093/fampra/15.5.480>.
41. Xesfingi S., Vozikis A. (2016) Patient Satisfaction with the Healthcare System: Assessing the Impact of Socio-Economic and Healthcare Provision Factors. *BMC Health Services Research*. Vol. 16. Art. 94. <https://doi.org/10.1186/s12913-016-1327-4>.

Приложение. Список расшифровок полуструктурированных интервью и неформальных бесед, использованных для анализа

№	Характеристики населенного пункта (статус/ численность населения / расстояние от райцентра / медицинское учреждение)	Пол информ-манта	Примерный возраст
ПОЛУСТРУКТУРИРОВАННЫЕ ИНТЕРВЬЮ			
1	село / ок. 400 чел. / ок. 20 км / сельская врачебная амбулатория	Ж	50—60
2	село / ок. 6 тыс. чел. / районная больница	М	50—60
3	село /ок. 400 чел. / ок. 20 км / сельская врачебная амбулатория	Ж	50—60
4	село / ок. 600 чел. / 7 км / ФАП	Ж	50—60
5	село / ок. 5 тыс. чел. / районная больница	Ж	50—60
6	село / ок. 6 тыс. чел. / районная больница	М	20—30
7	село / ок. 1 тыс. чел. / ок. 60 км / сельская врачебная амбулатория	Ж	20—30
8	село / ок. 6 тыс. чел. / районная больница	Ж	30—40
9	село / ок. 700 чел. / ок. 30 км / ФАП	Ж	50—60
10	село / ок. 6 тыс. чел. / районная больница	Ж	50—60
11	село / ок. 5 тыс. чел. / районная больница	Ж	60—70
12	город / ок. 20 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	30—40
13	поселок / ок. 10 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	40—50
14	город / ок. 20 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	30—40
15	поселок / ок. 10 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	30—40
16	поселок / ок. 10 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	30—40
17	город / ок. 20 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	40—50
18	город / ок. 20 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	50—60
19	село / ок. 3 тыс. чел. / ок. 20 км / поликлиника	М	50—60
20	село / ок. 10 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	40—50
21	город / ок. 30 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	40—50
22	город / ок. 30 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	50—60
23	село / ок. 3 тыс. чел. / ок. 20 км / поликлиника	Ж	50—60
24	село / ок. 5 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	60—70
25	поселок / ок. 10 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	60—70
26	село / ок. 5 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	40—50
27	город / ок. 20 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	60—70
28	село /ок. 600 чел. / ок. 15 км / ФАП	Ж	30—40
НЕФОРМАЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ			
1	село / ок. 6 тыс. чел. / районная больница	Ж	30—40
2	село / ок. 6 тыс. чел. / районная больница	Ж	50—60
3	село / ок. 6 тыс. чел. / районная больница	Ж	50—60
4	село / ок. 300 чел. / ок. 20 км / ФАП	Ж	70—80
5	село / ок. 300 чел. / ок. 20 км / ФАП	Ж	70—80
6	село / ок. 5 тыс. чел. / районная больница	Ж	30—40
7	село / ок. 600 чел. / ок. 7 км / ФАП	М	60—70
8	поселок / ок. 250 чел. / ок. 10 км / ФАП	Ж	70—80
9	село / ок. 6 тыс. чел. / районная больница	Ж	60—70
10	село / ок. 6 тыс. чел. / районная больница	Ж	70—80

N	Характеристики населенного пункта (статус/ численность населения / расстояние от райцентра / медицинское учреждение)	Пол информанта	Примерный возраст
11	село / ок. 300 чел. / ок. 40 км / ФАП	Ж	50—60
12	село / ок. 6 тыс. чел. / районная больница	М	60—70
13	село / ок. 6 тыс. чел. / районная больница	М	50—60
14	село / ок. 5 тыс. чел. / районная больница	М	40—50
15	село / ок. 700 чел. / ок. 60 км / ФП	М	20—30
16	село / ок. 700 чел. / ок. 60 км / ФП	Ж	60—70
17	село / ок. 500 чел. / ок. 20 км / ФАП	Ж	50—60
18	село / ок. 5,5 тыс. чел. / районная больница	Ж	60—70
19	село / ок. 5 тыс. чел. / районная больница	Ж	30—40
20	село / ок. 5 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	40—50
21	село / ок. 5 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	50—60
22	село / ок. 5 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	40—50
23	город / ок. 20 тыс. чел. / центральная районная больница	М	40—50
24	поселок / ок. 10 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	50—60
25	город / ок. 30 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	30—40
26	село / ок. 10 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	40—50
27	деревня / ок. 400 чел. / 7 км / ФАП	Ж	40—50
28	город / ок. 20 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	40—50
29	село / ок. 3 тыс. чел. / ок. 20 км / поликлиника	Ж	40—50
30	село / ок. 10 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	40—50
31	село / ок. 10 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	40—50
32	село / ок. 5 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	50—60
33	село / ок. 5 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	30—40
34	село / ок. 400 чел. / ок. 20 км / ФАП	Ж	60—70
35	село / ок. 10 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	30—40
36	село / ок. 400 чел. / ок. 20 км./ ФАП	М	60—70
37	село / ок. 400 чел. / ок. 20 км./ ФАП	М	40—50
38	село / ок. 400 чел. / ок. 20 км./ ФАП	Ж	60—70
39	село / ок. 400 чел. / ок. 20 км./ ФАП	М	60—70
40	село / ок. 400 чел. / ок. 20 км./ ФАП	Ж	70—80
41	село / ок. 400 чел. / ок. 20 км./ ФАП	М	20—30
42	село / ок. 400 чел. / ок. 20 км./ ФАП	М	60—70
43	село / ок. 400 чел. / ок. 20 км./ ФАП	М	40—50
44	село / ок. 10 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	40—50
45	село / ок. 10 тыс. чел. / центральная районная больница	Ж	40—50
46	село / ок. 5 тыс. чел. / центральная районная больница	М	80—90
47	село / ок. 400 чел. / ок. 20 км./ ФАП	Ж	60—70
48	село / ок. 500 чел. / ок. 30 км./ ФАП	Ж	30—40
49	село / ок. 800 чел. / ок. 50 км./ сельская врачебная амбулатория	Ж	50—60
50	поселок / ок. 250 чел. / ок. 10 км./ ФАП	Ж	40—50
51	село / ок. 300 чел. / ок. 20 км./ ФАП	Ж	40—50
52	село / ок. 300 чел. / ок. 20 км./ ФАП	Ж	60—70

DOI: [10.14515/monitoring.2024.4.2520](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2520)

А. Б. Белоусов, Д. А. Давыдов

ГОРОДСКИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В НОВОСИБИРСКЕ: ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕЙ ДИНАМИКИ

Правильная ссылка на статью:

Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. Городские пространственные конфликты в Новосибирске: изучение общей динамики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 292—314. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2520>.

For citation:

Belousov A. B., Davydov D. A. (2024) Urban Spatial Conflicts in Novosibirsk: Studying General Dynamics. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 292–314. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2520>. (In Russ.)

Получено: 10.11.2023. Принято к публикации: 03.05.2024.

ГОРОДСКИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В НОВОСИБИРСКЕ: ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕЙ ДИНАМИКИ

БЕЛОУСОВ Александр Борисович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: ektb@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: davydovdmitriy90@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>

Аннотация. В статье изучаются процессы оспаривания городских пространств в Новосибирске за последние 18 лет. Методы исследования: событийный анализ (изучено более 200 кейсов), анализ материалов СМИ (более 1000 новостных/аналитических сюжетов) и серия глубинных интервью ($N=20$). Реконструирована история городских пространственных конфликтов за рассматриваемый период в контексте эволюции ключевых «арен» конфликтов и их «игроков». Отмечается, что частота и интенсивность, тематический репертуар, характер протекания городских пространственных конфликтов изменяются с течением времени. Применительно к Новосибирску выделены три периода в наблюдавшейся истории оспаривания городских пространств: эпоха неолиберальных «машин роста» (начало наблюдения — 2014 г.), эпоха «оттепели» (2014—2020 гг.), эпоха внешних шоков (2020 г. — н. в.). Гражданское общество в Новосибирске активно развивалось, что способствовало росту количества городских конфликтов. В итоге их интенсивность возросла настолько, что го-

URBAN SPATIAL CONFLICTS IN NOVOSIBIRSK: STUDYING GENERAL DYNAMICS

*Alexandr B. BELOUSOV*¹ — *Cand. Sci. (Polit.)*, Senior Researcher
E-MAIL: ektb@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>

*Dmitriy A. DAVYDOV*¹ — *Cand. Sci. (Polit.)*, Senior Researcher at the Department of Philosophy
E-MAIL: davydovdmitriy90@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>

¹ Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article examines the processes of contestation of urban spaces in Novosibirsk over the past 18 years. Research methods: event analysis (more than 200 cases studied), analysis of media materials (more than 1000 news/analytical stories), and a series of in-depth interviews ($N=20$). The history of urban spatial conflicts for the period under review is reconstructed in the context of the evolution of key “arenas” of conflict and “players”. It is noted that the frequency and intensity, thematic repertoire, and the nature of urban spatial conflicts change over time. About Novosibirsk, three periods have been identified in the observed history of contestation of urban spaces: the era of neoliberal “growth machines” (from the beginning of observation until 2014), the era of the “thaw” (2014—2020), the era of external shocks (2020 — present). Civil society in Novosibirsk was actively developing, which contributed to an increase in the number of urban conflicts. As a result, their intensity increased so much that city managers were forced to respond to them by changing their interaction models with civil society. City authorities and

родские менеджеры были вынуждены отвечать на них, меняя модели взаимодействия с гражданским обществом. Городские власти и застройщики учатся оперативно реагировать на местную гражданскую активность и достигать компромиссных вариантов. Тем не менее, решая одни проблемы (например, точечной застройки), администраторы сталкиваются с новыми. Со временем граждане становятся более требовательными к городскому пространству. Соответственно, несмотря на внешние шоки, которые в последнее время приглушили городские пространственные конфликты, прогнозируется их сохранение в качестве одной из ключевых проблем локальной политики.

Ключевые слова: городские конфликты, урбанистика, социология города, право на город, гражданские инфраструктуры, городские политические режимы, гражданское общество, точечная застройка, ,

Благодарность. Статья подготовлена в рамках работы по проекту РНФ No. 23-28-01828 «Городские конфликты и стратегии поддержания общественного согласия: сравнительный анализ».

Введение

Городские конфликты — относительная молодая область исследований для России, но при этом активно развивающаяся. Переход нашей страны от плановой экономики к рыночной сильно повлиял на принципы, динамику и облик градостроительной политики. Произошло пересечение советского «планового» городского ландшафта, архитектурного наследия и рыночной логики экономического роста при преимущественно частной инициативе. Все это привело к столкновениям самых разных частных и общественных инициатив и интересов. Возрос уровень конфликтности на локальном уровне, причем некоторые местные конфликты становились по-настоящему массовыми, получавшими федеральную огласку (например, протесты против строительства «Охта-центра» в Санкт-Петербурге в 2006—2010 гг., вокруг Химкинского леса в 2007—2012 гг., по поводу мусорного полигона на станции Шиес в 2018—2020 гг., из-за строительства храма в сквере у драмтеатра в Екатеринбурге в 2019 г. и др.).

developers are learning to respond quickly to local civic activity and reach compromise options (under Mayor A.E. Lokot, changes were made to the regulatory framework of urban planning policy in order to minimize “barbaric” development). However, interactions between city managers and local activists resemble a conceptual arms race. While solving some problems (for example, infill development), administrators face new ones. Citizens are becoming more demanding of urban space over time. Accordingly, despite external shocks that have somewhat muted urban spatial conflicts today, urban conflicts are predicted to remain one of the key problems of local politics.

Keywords: urban conflicts, urban studies, urban sociology, right to the city, civic infrastructure, urban political regimes, civil society, infill development

Acknowledgments. The article was prepared within the RSF project No. 23-28-01828 “Urban conflicts and strategies for maintaining public consent: a comparative analysis”.

Написано немало работ по тематике городских конфликтов. Их обычно рассматривают в оптике таких концептов, как «право на город» [Lefebvre, 1991], «машины роста» [Тыканова, Хохлова, 2015], теория полей стратегического действия [Fligstein, McAdam, 2011], городские (политические) режимы [Stone, 1993; Ледеяев 2012], городские сообщества и совместности (commons) (см., например, [Urban Commons..., 2020]), оборонительные сообщества [Suttles 1972; Скалабан, Сергеева, Лобанов, 2022], движения NIMBY (*not in my backyard*) (см., например, [Borell, Westermarck, 2018]). Сегодня изучается зависимость хода и итогов городских конфликтов от 1) городского политического режима [Пустовойт, 2018]; 2) наличия/отсутствия определенных формальных и неформальных гражданских инфраструктур [Желнина, Тыканова, 2019]; 3) особенностей полей стратегического действия [Желнина, Тыканова, 2021].

Тем не менее обычно подобные работы характеризуют городские конфликты за какой-то небольшой промежуток времени или вовсе фокусируются на нескольких кейсах. Остается относительно неясной общая динамика местных конфликтов (или «конфликтования») в российских городах. Уменьшается или растет уровень конфликтности, то есть частоты и интенсивности конфликтных событий? Изменяется ли тематический репертуар конфликтов со временем? Влияют ли сами конфликты на способы их урегулирования (учатся ли городские менеджеры на своих ошибках)? Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что городские конфликты являются подвижными не в том смысле, что они динамичны сами по себе как единичные кейсы, а в том, что их частота и характер протекания сильно зависят от многих меняющихся обстоятельств: специфики социально-экономической и политической ситуации, технологий (в том числе коммуникационных), опыта, накопленного в результате разрешения предыдущих конфликтов, и многого другого. Городские менеджеры могут накапливать опыт разрешения «типичных» конфликтов, а граждане — приобретать новые навыки отстаивания своих интересов. Поэтому необходимо изучать феномен городских конфликтов не только в статическом временном срезе, но и в динамике. Возможно, многие особенности городских пространственных конфликтов в России, которые исследователи выявляли раньше (например, преимущественно «оборонительный» характер локальных городских сообществ [Скалабан и др., 2022]), или уже неактуальны, или могут стать таковыми в будущем. Наша цель — определить, наблюдаются ли подобные изменения в российских городах (с фокусом на Новосибирске).

Наше предыдущее исследование было сосредоточено на изучении общей динамики муниципальных конфликтов в Свердловской области. Оно показало, что после 2010 г. в регионе наблюдался резкий подъем конфликтной активности, связанной с оспариванием муниципальных территорий (преимущественно городские конфликты). В последние годы чаще всего конфликты разгораются вокруг таких пространств, как парки, скверы, площади и прочие публичные городские места [Белоусов, Давыдов, 2021]. Также была обнаружена тенденция к росту результативности локальных протестов — с 2013 г. их доля, приносящая активистам положительный результат, резко растет и становится преобладающей. Был даже сделан вывод о своеобразном смягчении городского политического режима Екатеринбурга — переходе от «режима роста» по К. Стоуну [Stone, 1993] к инкорпорированию

элементов прогрессивного режима среднего класса [Белоусов, Давыдов, 2023]. Тем не менее Екатеринбург заметно выделяется среди других российских городов редкими по своей массовости протестами в мае 2019 г. — в защиту сквера у драмтеатра от постройки православного храма. Поэтому нет уверенности, что данные по Екатеринбургу можно экстраполировать на другие города-миллионники. Также это исследование концентрировалось на всех «пространственных» конфликтах: не только в городе, но и области. В настоящем исследовании мы предлагаем глубже изучить именно городские пространственные конфликты в другом крупном городе — Новосибирске.

Методы и дизайн исследования

Предмет исследования — городские пространственные конфликты. Мы солидарны с А. Семеновым и Э. Минаевой, которые под городским конфликтом понимают «последовательные публичные взаимодействия между активистами, городскими властями, застройщиками и другими заинтересованными сторонами, цель которых — оспаривание изменений физических или символических аспектов городского пространства» [Семенов, Минаева, 2021: 193]. Часто категория «городские конфликты» трактуется широко — как любые конфликты или протесты, ограничивающиеся местной тематикой. Сюда можно отнести не только градостроительные конфликты, но и связанные с тарифами на услуги ЖКХ, с работой общественного транспорта, нехваткой школ, детских садов, больниц и прочей инфраструктуры. Мы сосредоточились на конфликтах, связанных с оспариванием территорий (пространства). К примеру, в фокус нашего внимания не попала так называемая тарифная война 2017 г., обернувшаяся массовыми протестными митингами в Новосибирске. Такое сужение предмета обосновывается следующим образом. Во-первых, мы хотели проследить динамику городских пространственных конфликтов в связке с эволюцией городского политического режима¹, а также трансформацией полей стратегического действия² и гражданских инфраструктур³. В силу этого мы не можем включить в выборку «тарифные войны», так как триггером конфликта (повышение тарифов ЖКХ) были действия региональных, а не городских властей. Во-вторых, на локальном уровне чаще всего случаются именно конфликты, связанные с оспариванием территорий. Анализ кейсов Новосибирска продемонстрировал, что главными триггерами городских конфликтов были проекты в сфере девелопмента, городского хозяйства и благоустройства. «Соотношение между ними и второй по частоте группой триггеров — собы-

¹ Локальный (городской) политический режим представляет собой, на наш взгляд, «расстановку» субъектов и их ресурсов, а также накопленный опыт взаимодействий различных заинтересованных лиц, соответствующие связи и взаимоотношения [Давыдов, Белоусов, 2023: 137].

² «Арены — наблюдаемые места и ситуации, с которыми ассоциируются правила поведения и ожидаемые результаты взаимодействия, в то время как поле — это более абстрактный уровень социальной организации. <...> Конкретные взаимодействия на аренах „собираются“ в поля стратегического действия» [Желнина, Тыканова, 2021: 207].

³ «Под формальными гражданскими инфраструктурами понимаются юридически закрепленные инструменты участия, доступные гражданам, такие как голосование, участие в добровольных организациях, муниципальное самоуправление, самоорганизация и кооперация собственников жилья, партиципаторное бюджетирование. Неформальные гражданские инфраструктуры включают в себя неформальные объединения, сети знакомых и друзей, а также мировоззрения и идеи обычных горожан, ориентированные на создание и поддержание некоего общего блага» [Желнина, Тыканова, 2019: 162].

тиями символического характера (запреты фильмов, спектаклей, сопротивление строительству мечетей) — составляет примерно 6: 1 (лидируют коммерческие проекты жилой застройки)» [Скалабан и др., 2022: 41—42]. Соответственно, в центре нашего внимания именно *пространственные* конфликты, за решение которых обычно ответственны районные и городские власти (муниципалитеты): точечная застройка, спорные проекты развития инфраструктуры, вырубка лесов под застройку, проекты реконструкции скверов и парков, экологически грязные производства, реновация и расселение ветхого жилья и т. п.

Географический охват исследования — город Новосибирск. Выбор именно Новосибирска обоснован высокой сложностью изучения динамики конфликтов в генеральной совокупности крупных российских городов: Новосибирск решено взять как один из «модельных» городов. Новосибирск, в отличие от многих крупных городов России, не имеет четкой экономической специализации, поэтому в нем представлены конфликты, которые генерируются проектами разных экономических сфер [там же: 40]. Все это позволяет рассматривать Новосибирск как подходящий город для изучения состояния и перспектив развития городских конфликтов.

Временной охват исследования — 18 лет (2005—2022 гг.). Представляется, что такой достаточно широкий охват позволит выявить долгосрочные тенденции и изменения в процессах оспаривания городских территорий.

Основные методы исследования:

1. *Событийный анализ (ивент-анализ)*. Как отмечает А. Семенов, «событийный анализ — это разновидность контент-анализа, поскольку каталоги событий составляются на основе текстового материала (обычно — отчетов органов государственной статистики или полиции, сообщений в прессе, реже — дневников наблюдения и других источников личного происхождения)» [Семенов, 2018: 320]. Только в отличие от контент-анализа единицей счета здесь выступает не слово или какой-либо языковой элемент, а *событие*. Считается, что событийный анализ — один из основных методов исследования социальных движений. Каталогизация и подсчет протестных событий, их классификация и затем размещение на временной шкале позволяют выявить общие закономерности протестов и конфликтов, саму динамику «конфликтования», а не специфику единичных случаев. Мы можем также изучать зависимость общей динамики конфликтов от других сопутствующих событий, изменений или факторов, выявляя корреляции, а затем, с помощью других, более качественных методов проверять причинно-следственные связи.

Единицей анализа выступал конфликтный кейс. Под ним мы подразумеваем конкретную конфликтную ситуацию, ключевых акторов конфликта, основные события, связанные с конфликтом, ход и исход конфликта (то есть он может включать в себя разные «составляющие» события вроде отдельных протестных акций, но считался именно «совокупный» кейс).

В качестве главного информационного ресурса использовались материалы СМИ. Были выбраны следующие ресурсы: НГС (<https://ngs.ru>), «Аргументы и факты» (<https://nsk.aif.ru/>), «Московский комсомолец» (<https://www.mk.ru/>). Критерий выборки: популярные онлайн-издания.

С помощью встроенных поисковых систем отбирались новостные/аналитические сюжеты по ключевым словам «протест» и «застройка». Серия пилотных за-

просов показала, что именно такая комбинация ключевых слов позволяет найти максимальное количество релевантных материалов по наиболее резонансным городским пространственным конфликтам.

Новостные материалы отбирались вручную и прочитывались. Создавалась картотека конфликтов, куда записывались следующие данные по каждому конфликтному кейсу: временной отрезок, когда имела место конфликтная ситуация, ключевые акторы и их интересы, основные события, связанные с конфликтом, итоги конфликта. Также каждый конфликтный кейс был классифицирован по четырем категориям:

1) ТЗ — точечная застройка: строительство жилых домов и других строений без учета нагрузки на социальную инфраструктуру и обычно на «спорных» территориях, которые жители считают своими дворами;

2) МП — конфликты интересов по поводу межевания и планирования территорий: споры между заинтересованными агентами по поводу тех или иных городских пространств — конфликты из-за строительства дорог, реновации, сервитутов, перезонирования, изменения проектов застройки;

3) ЭКО — экологические конфликты: против вырубки лесов, строительства производств, загрязняющих окружающую среду;

4) УР — урбанистические протесты (качество городской среды, парки и скверы, архитектурный облик, памятники, наименования улиц).

В некоторых (относительно редких) случаях конфликт было трудно четко классифицировать, поэтому он относился сразу к двум подходящим категориям. Если кейс оставался актуальным, то он учитывался применительно ко всем годам до тех пор, пока конфликтная ситуация не была разрешена. Выявлено и классифицировано около 200 кейсов (мы не можем назвать точное число, так как многие кейсы сильно менялись со временем и из них вырастали новые). Если бы «продолжающиеся» конфликты мы классифицировали как новые ситуации в каждом году, то общее число кейсов составило бы 269.

2. *Качественный анализ материалов СМИ, а также включенное наблюдение за конфликтными процессами в городе* (наблюдение за работой экспертных советов, жилищных комиссий). Анализ СМИ позволил детализировать информацию о протестах, а также о конкретных конфликтных «полях», о тех или иных формальных и неформальных гражданских инфраструктурах, о специфике городского политического режима. Был получен большой массив экспертных и журналистских точек зрения, а также результаты опросов населения, интервью с экспертами, проведенные журналистами, и другая информация, способствовавшая воспроизведению целостной картины динамики городских конфликтов в Новосибирске. Всего было проанализировано более 1000 новостных/аналитических материалов СМИ.

3. *Серия полуструктурированных глубинных интервью с местным академическим сообществом, аналитиками, журналистами, активистами и представителями городской администрации.* Было опрошено 20 человек приблизительно в равных пропорциях среди указанных групп. Интервью проводились в апреле 2023 г. Среднее время интервью — 1,5 часа. Вопросы гайда варьировались в зависимости от того, с представителем какой группы информантов велась беседа. Всех респондентов спрашивали о характере, динамике и перспективах городских кон-

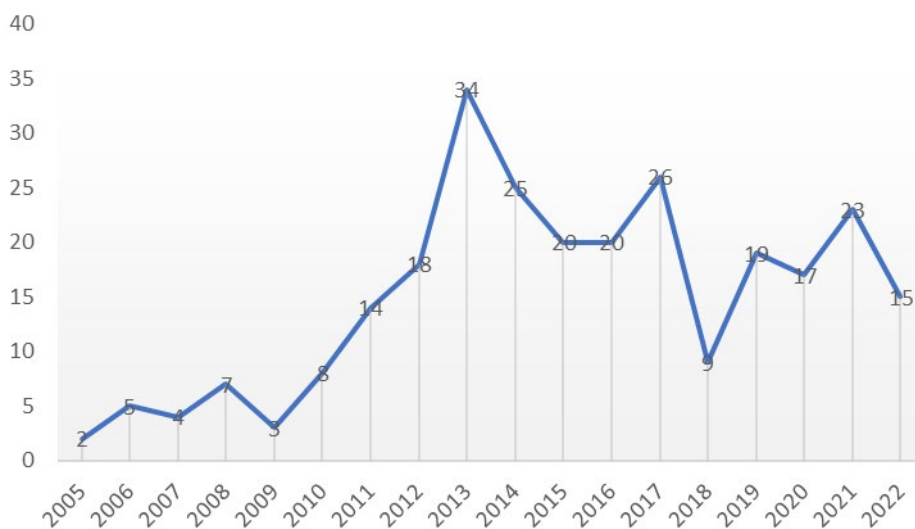
фликтов в Новосибирске. Вопросы к представителям экспертного (аналитики и академические ученые) и журналистского сообществ больше фокусировались на выявлении их видения общей картины и динамики городских конфликтов. Вопросы к активистам и представителям городской администрации фокусировались на деталях отдельных наиболее известных конфликтных кейсов, а также на их личных взглядах на ключевых акторов, с которыми они так или иначе контактировали в связи с соответствующими кейсами. В целях анонимности личности информантов не раскрываются, анализ ограничивается отнесением их к той или иной группе опрашиваемых.

В совокупности данные методы позволили «триангулировать», то есть тщательно перепроверить полученные данные и соотнести авторские гипотезы с фактами.

Результаты

Событийный анализ показал следующую общую динамику городских пространственных конфликтов в г. Новосибирске (см. рис. 1).

Рис. 1. Количество зафиксированных городских пространственных конфликтов в Новосибирске ежегодно

Данная динамика похожа на ту, которую мы зафиксировали в Свердловской области: резкий подъем числа наблюдаемых кейсов после 2010 г. [Белоусов, Давыдов, 2021]. Такой подъем можно объяснить спецификой используемых информационных источников (онлайн-СМИ). Есть вероятность, что некоторые конфликтные ситуации не освещались в онлайн-СМИ, так как последние были недостаточно хорошо развиты до 2010 г. Однако ответы экспертов позволяют усомниться в данной гипотезе: «До Нарымского сквера — один-два кейса в год, после — рост экспоненциальный» (инф. 6)⁴.

⁴ Список информантов и их характеристики см. в Приложении.

Многие эксперты указали именно 2010—2011 гг. как точку перелома, когда количество и интенсивность (напряженность) городских конфликтов значительно возросли. Среди факторов «протестного бума» можно отметить активное развитие соцсетей, благодаря которым активистам стало легче решать координировать действия. Именно с появлением и бурным развитием социальных медиа часто связывают как волну протестных акций в России («белоленточное движение») в 2011—2013 гг., так и многие массовые протестные события за рубежом: «Арабскую весну», движение «Захвати Уолл-стрит» и др. [см.: Семенов, 2018] Однако не менее важны и другие факторы. К примеру, после экономического застоя 1990-х в 2000-х годах началось активное строительство, освоение экономическими агентами городских пространств, включая территории, не предназначенные под застройку: парки, скверы, территории жилых дворов, школ, детских садов. Немаловажны и некоторые правовые и институциональные факторы. К примеру, после принятия Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» был введен институт публичных слушаний. Данный институт приобрел особое значение, ибо законодателем были нормативно установлены случаи, влекущие за собой обязательность проведения публичных слушаний в муниципальных образованиях. Вероятно, публичные слушания стали важным местом аккумуляции гражданских позиций и, как минимум, способом донесения местными жителями своей позиции до представителей местных властей и широких масс.

Тематический репертуар конфликтов, поля и арены «конфликтования», формальные и неформальные гражданские инфраструктуры, местный политический режим подвержены изменениям, имеющим как экзогенный, так и эндогенный характер. Некоторые изменения диктуются внешними обстоятельствами вроде экономических кризисов или, наоборот, подъемов. Но многие трансформации обусловлены самими конфликтами: на протяжении 2000-х и 2010-х годов гражданское общество постепенно развивалось, появлялись активисты, действующие на постоянной основе, а городские администрации не были пассивными наблюдателями и волей-неволей вынуждены были как-то реагировать на конфликтные ситуации.

Условно можно выделить три «эпохи» в затронутой истории городских конфликтов Новосибирска в зависимости от характера взаимодействия городских властей и гражданских активистов.

Эпоха «машин роста» В. Ф. Городецкого

При Городецком (мэр с 26 марта 2000 г. по 9 января 2014 г.) градостроительная политика больше всего соответствовала образу неолиберальных «машин роста». Согласно Е. Тыкановой и А. Хохловой, «машины роста» определяются как симбиозы политических и бизнес-элит, извлекающих обоюдные выгоды от эффективного использования городских территорий посредством оперативного решения городских вопросов [Тыканова, Хохлова, 2015: 245]. В российских реалиях «машины роста» сводятся, по сути, к инициированному сверху переделу городских территорий в пользу экономических элит с явно коррупционными составляющими. При этом обычно такие «переделы» сопровождаются столкновением с интересами тех или иных сообществ — точечным строительством «впритык» к другим

домам или во дворах, массовой вырубкой лесов под элитные жилые комплексы, уничтожением скверов и т. п. На мэртство В. Ф. Городецкого пришелся также мировой экономический кризис 2008—2013 гг. Тогда многие муниципалитеты столкнулись с дефицитом бюджета и были вынуждены проводить политику стимуляции экономического роста «любой ценой».

Сам В. Ф. Городецкий выступал в качестве сторонника точечной застройки. Так, в мае 2011 г. он сказал следующее: «Я считаю, что точечная застройка — это нормальный, узаконенный элемент градостроительной политики. Она имеет право быть»⁵. Когда в сентябре 2013 г. 180 человек вышли на митинг против строительства гостиницы между работающим ТЦ «Подсолнух» и недостроенным торгово-офисным комплексом с таким же названием, Городецкий тоже отреагировал в «неолиберальном духе»: «Гостиниц в нашем городе пока не хватает — это нормальная концепция развития. Проект разработан, согласован»⁶. Отличился Городецкий и своей принципиальной неуступчивой позицией по Нарымскому скверу.

В 2004 г. мэрия Новосибирска договорилась с компанией «РГС Недвижимость» построить на территории, которую жители считали частью сквера, 16-этажный комплекс с бизнес-центром и гостиницей. В 2007 г. В. Ф. Городецкий изменил границы Нарымского сквера со стороны улицы 1905 года, уменьшив его территорию, а 14 мая того же года передал участок под строительство. В июне 2007 г. депутаты горсовета утвердили территорию в качестве деловой подзоны с возможностью постройки офисных зданий. Все это сопровождалось протестами. Уже 16 мая 2005 г. экологи подали иск на действия мэрии. 6 мая 2008 г. активисты и жители близлежащих домов собрались на митинг (150—300 человек), где подрались с милицией⁷. Затем последовала череда пикетов, митингов, митингов-концертов и флеш-мобов, писем во все инстанции, а также огромное количество исков и судебных заседаний (более 400). Стройку то останавливали по решению суда, то возобновляли. Борьба за сквер закончилась только в 2015 г., когда активисты добились окончательного восстановления границ сквера и запрета строительства развлекательных сооружений там вроде колеса обозрения.

В целом ситуация вокруг Нарымского сквера стала тем, что можно назвать *учредительным конфликтом*. Учредительный конфликт — это конфликт высокой напряженности, порождающий каскад других конфликтных событий, на которые вынуждены реагировать представители местных властей. Учредительный конфликт быстро формирует новые «поля» и «игроков» стратегического действия, новые гражданские инфраструктуры и может даже оказывать влияние на местный политический режим. Так было, к примеру, в Екатеринбурге с кейсом массовых протестов против строительства храма на месте сквера у драмтеатра [Белоусов, Давыдов, 2023]. Многие эксперты были согласны с нашей оценкой: события в Нарымском сквере способствовали активизации местного гражданского общества

⁵ В мэрии считают, что горожане не понимают всей прелести точечной застройки // Сибкрай.ру. 2011. 13 мая. URL: <https://sibkray.ru/news/1/36728/> (дата обращения: 25.08.2024).

⁶ Вместо нового ТЦ на площади Маркса появится гостиница // НГС. 2013. 19 сентября. URL: <https://novosibirsk.bezformata.com/listnews/ploshadi-marksa-poyavitsya-gostinitca/14209157/> (дата обращения: 27.10.2023).

⁷ Нарымский сквер стал полем боя // Комсомольская правда. 2008. 6 мая. URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/24093/323195/> (дата обращения: 25.08.2024).

по поводу оспариваемых территорий. Неуступчивая позиция Городецкого, настаивавшего, что все сделано «по закону», что на месте будущей застройки не сквер, а хозяйственные постройки, определила всплеск массового недовольства. На рисунке 1 видно, что максимальное количество действующих конфликтных кейсов было зафиксировано в 2013 г., то есть в последний полный год нахождения у власти Городецкого. Именно «машинами роста», на наш взгляд, была обусловлена легенда о ста землеотводах, подписанных Городецким в последний день полномочий.

Пик 2013 г. был связан также с противодействием со стороны гражданского общества, которое активно развивалось в 2000-е и в начале 2010-х годов. Если в первых зафиксированных нами кейсах фигурировали группы экологов и архитекторов, то чем ближе к 2013 г., тем чаще проявляли себя устойчивые группы активистов и соответствующие движения, все активнее организовавшиеся через социальные сети: «Защитим город-лес» (в Академгородке), «Ботсаду — новую жизнь», «Город для детей», «Защитим Нарымский сквер», «Новосибирск против точечной застройки», «Защитим лес на Сиреневой», «Ельцовка-Первая», «Защитим Богданку» и др. Но самым громким и скандальным было и остается (но уже в меньшей степени) движение «Искалеченный Новосибирск» (лидеры — О. Вальгер, М. Рязанцев, С. Захаркин), развернувшее свою активную деятельность именно в 2013 г. Его лидеры организовывали митинги, работали со СМИ, устраивали открытые фотовыставки «искалеченного» (администрацией) Новосибирска, консультировали активистов, проводили собственные расследования, изучая местное законодательство и раскрывая теневую сторону местной градостроительной политики. В ходе исследования было обнаружено, что более чем в половине кейсов 2013 г. так или иначе принимали участие представители «Искалеченного Новосибирска».

Как отметили эксперты, недовольство градостроительной политикой В. Ф. Городецкого привело в 2014 г. на выборах мэра к «протестному голосованию». В апреле 2014 г. мэром во многом неожиданно для себя стал представитель КПРФ А. Е. Локоть.

Рис. 2. Неофициальный «Памятник уплотнительной застройке» на ул. Урицкого. Дом-недострой слева «уперся» прямо в балкон дома справа. Яркая иллюстрация эпохи неолиберальных «машин роста»⁸

⁸ Сфотографировано авторами.

Эпоха «оттепели» А. Е. Локтя (с января 2014 г. по 2020 г.)

Программа А. Е. Локтя во многом строилась на противодействии точечной застройке и неолиберальному освоению городских пространств. Хотя некоторые эксперты отмечают, что точечная застройка к тому времени уже себя исчерпала (кончились места под застройку во дворах), а Локоть попросту перешел к уже давно ставшей востребованной практике комплексного освоения территорий, в первый его срок можно отметить многие прогрессивные с точки зрения активистов сдвиги.

Во-первых, стремление пойти навстречу активистам чувствовалось по риторике нового мэра. Так, 6 апреля 2014 г. он потребовал привлечь общественность к решению судьбы клуба «Отдых» на ул. Богдана Хмельницкого, которому грозил снос: «У нас слишком много в последнее время гнались за „эффективностью“, а в результате было потеряно качество жизни»⁹. 21 апреля Локоть ответил на вопросы журналистов НГС, где сказал следующее: «Точечная застройка напрямую связана с коммерциализацией и с нарушением законодательства. Каждый землеотвод должен быть сопряжен с соответствующими процедурами — обсуждением, конкурсом. Если он идет вразрез с генпланом, в нарушение норм по санации, освещенности — вы извините, кто-то на этом наживается»¹⁰. 7 июля 2014 г. появилась новость, что «размах коррупции в новосибирском строительстве привел в ужас нового мэра»¹¹. В материале от 6 ноября мы читаем, что «Анатолий Локоть нацелил новую команду на отказ от точечной застройки города и более комплексное освоение новых площадок»¹².

Во-вторых, Локоть действительно активно включился в разрешение конфликтных ситуаций. К примеру, в декабре 2014 г. было остановлено строительство 6-этажного административного здания по ул. Октябрьской, 24, начатого ЗАО «Желдорипотека» (дочерняя компания РЖД), против которого выступали местные жители¹³. Он также добился снижения этажности планирующейся застройки на исторической ул. Богдана Хмельницкого, сохранения единства архитектурного стиля и активно вовлекал жителей в обсуждение проекта. Зафиксировано множество других подобных случаев¹⁴.

⁹ Анатолий Локоть потребовал привлечь горожан к решению судьбы «Отдыха» // НГС. 2014. 10 апреля. URL: <https://novosibirsk.bezformata.com/listnews/anatolij-lokot-potreboval-privlech/19190427/> (дата обращения: 27.10.2023).

¹⁰ Первое большое интервью нового мэра Новосибирска — о новых деньгах на метро, нелюбви к McDonald's, точечной застройке и усмирении барахолки // АСТ-54. 2014. 21 апреля. URL: https://vk.com/wall-31101527_1429985?ysclid=m09xx4kyxr321608838 (дата обращения: 26.08.2024). Агафонов А. Мафия в касках // НГС. 2014. 7 июля. URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2014/07/07/1855421/> (дата обращения: 27.10.2023).

¹¹ Там же.

¹² Тростников Д. Мэр Анатолий Локоть: «Я категорически против точечной застройки» // НОВОСИБИРСКИЕ НОВОСТИ. 2014. 06 июня. URL: <https://nsknews.info/materials/mer-anatolij-lokot-ya-kategoricheski-protiv-tochechnoy-zastrojki-142063/> (дата обращения: 27.10.2023).

¹³ Новосибирская мэрия остановила строительство на месте «Отдыха» и в «тихом центре» // Сиб.фм. 2015. 18 декабря. URL: <https://sib.fm/news/2015/12/18/novosibirsk-mehrija-stroitelstvo-na-meste-otdykh-v-tikhom-centre> (дата обращения: 26.08.2024).

¹⁴ Приведем несколько примеров. В январе 2016 г. мэрия смогла урегулировать конфликт на ул. Сиреневая в Советском районе Новосибирска, а компания-застройщик «Сивакадемстрой» отказалась от строительства на участке леса. Застройщику был предложен альтернативный участок (Мэрия договорилась перенести стройку с улицы Сиреневая // Сибкрай.ру. 2016. 29 января. URL: <https://sibkrai.ru/news/1/879706/> (дата обращения: 26.08.2024)). В сентябре 2016 г. прекращено строительство коттеджного поселка в Зяельцовском бору (Мэр Новосибирска запретил строительство в зеленой зоне // Аргументы и факты (Новосибирск). 2016. 30 сентября. URL: https://nsk.aif.ru/realty/mer_novosibirsk_zapretil_stroitelstvo_v_zelenoy_zone (дата обращения: 26.08.2024)). В августе 2017 г. городские власти решили сделать сквер вместо «Макдоналдса» на пересечении улиц Котовского и Выставочной (Локоть пообещал жителям сквер вместо McDonald's // Сибкрай.ру. 2017. 17 августа. URL: <https://sibkrai.ru/news/1/900800/> (дата обращения: 26.08.2024)).

Ул. Богдана Хмельницкого создавалась в послевоенные годы как обособленный соцгородок. Там расположены дома невысокой этажности. Считается, что это одна из наиболее комфортных для проживания и прогулок улиц Новосибирска. 24 октября 2016 г. был снесен расположенный на улице Дом спорта. Задолго до того Новосибирский завод химконцентратов продал Дом спорта и клуб «Отдых» структуре группы «Альфа Капитал», а в 2007 г. на генплане города эти участки были обозначены как зона общеделового строительства. Уничтожение архитектурных объектов вызвало возмущение у местных жителей и гражданских активистов (серия митингов, пикетов, автопробег, сборы подписей, обращения в мэрию). Их снос застройщик обосновывал ветхим состоянием и нерентабельностью. В июне 2014 г. ЗАО «Альфа Капитал» изменило проект застройки участка. Застройщик решил вместо пяти 23-этажных домов построить на первой линии три дома высотой от 10 до 12 этажей с фасадом на ул. Богдана Хмельницкого и рекреационной зоной (правда, активисты настаивали на 9 этажах). В итоге было решено построить два девятиэтажных дома на первой линии с сохранением стилистики сталинского ампира и три дома по 21 этажу в глубине улицы. В сентябре 2015 г. местные активисты стали выступать за придание улице статуса достопримечательного места. Мэр Анатолий Локоть приостанавливал разрешение на строительство и отменил это распоряжение только после того, как застройщик участка ЗАО «СД Альфа Капитал» пообещал выделить место для нового спортивного комплекса. В декабре 2016 г. улицу признали достопримечательным местом: теперь здесь ничего нельзя построить без особого согласования.

Также мэрия активно взялась за парки и скверы, началась активная борьба с планировавшимися на их месте стройками. Большую инициативу проявляла (и до сих пор проявляет) Анна Терешкова, член федерального комитета партии «Гражданской платформы» в 2012—2015 гг., вошедшая в команду Локтя как участник коалиции Объединенной оппозиции Новосибирска в период выборов мэра города в 2014 г. (она возглавила департамент культуры, спорта и молодежной политики).

В-третьих, в нормативно-правовой базе градостроительной политики происходили стремительные изменения — «наводился порядок». Еще в 2005 г. Главгосэкспертиза утверждала проекты без получения экологической экспертизы, а Госархстройнадзор не осуществлял должный контроль над нарушениями при строительстве. У мэрии *не было актуального генерального плана застройки* (он появился в 2007 г.¹⁵)¹⁶. Какая-то нормативная систематизация началась еще при Городецком, но при Локте этот процесс сильно ускорился и стал больше ориентироваться на динамику городских протестов. К примеру, в ноябре 2015 г. в Новосибирске прошли публичные слушания по изменению Правил землепользования и застройки. Новые нормы привязали к конкретному земельному участку. В частности, если раньше застройщикам разрешали размещать половину парковочных мест где-то рядом, в радиусе 150 метров, то теперь — только на своей

¹⁵ Генеральный план города Новосибирска // Официальный сайт города Новосибирска. URL: <https://novo-sibirsk.ru/to-citizens/architecture/plan/> (дата обращения: 26.08.2024).

¹⁶ Точечная застройка заинтересовала прокуратуру // НГС. 2005. 27 мая. URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2005/05/27/15861/> (дата обращения: 27.10.2023).

территории. Как отмечали эксперты, ограничения «помогут избавиться от домов-громадин и целых точечных комплексов на три-четыре дома». Документ также регламентировал размер дворов и количество парковок — на 100 кв. м общей площади квартир полагается 14 кв. м площадок для игр детей, отдыха взрослых и озеленения; требуется делать не менее одного машино-места на две квартиры и не менее 15% от общего количества парковок должны быть открытыми¹⁷. 30 сентября 2016 г. мэр Новосибирска подписал постановление, запрещающее строительство в лесных зонах города. В октябре 2016 г. был изменен минимальный размер участка, на котором можно строить многоквартирные жилые дома. Если раньше 10-этажный дом мог разместиться на 1 000 кв. м, то после принятия поправок — на 2 500 кв. м. Для каждого района выводился коэффициент, позволявший либо увеличивать количество квартир при одной и той же площади объекта, либо уменьшать, «чтобы не получилось так, чтобы, имея возможность построить высокий многоэтажный жилой дом, у застройщика был соблазн разместить там одни студии или однокомнатные квартиры»¹⁸.

Гражданские инфраструктуры также активно развивались. Материалы местных СМИ (особенно НГС), посвященные городским конфликтам, становились все более объемными. Появились узнаваемые журналисты, специализирующиеся именно на градостроительной политике (например, Е. Пичугина из НГС). Координатор движения «Искалеченный Новосибирск» М. Рязанцев стал автором постоянной колонки. На все это реагировала городская администрация. К примеру, летом 2015 г. был создан общественный экспертный совет по вопросам градостроительства, куда вошли 38 человек — представители мэрии, застройщики, архитекторы и общественники, в том числе М. Рязанцев. Отметим также, что гражданские сообщества в это время перестали быть исключительно «оборонительными» (см.: [Скалабан, Сергеева, Лобанов, 2022]). Появлялись и *нападающие сообщества*, точнее, проявляющие инициативу «снизу» с конструктивным посылом. Так, примечателен кейс борьбы за строительство сквера в пойме реки Ельцовка 1-я. По сути, весь проект стал воплощением идеи одной активистки. 24 июня 2023 г. в пойме Ельцовки 1-й была открыта первая очередь парка.

Поселилась рядом в 2011 г. Закончила архитектурную академию. Бродила рядом с домом — подумала, а почему бы тут не сделать парк? Потом увидела, что тут планируют дорогу. И поняла, что об этом одна я знаю, а другие — не знают. Затем создала группу в ВК и объединила людей, начали делать субботники, знакомилась с соседями. 2014 г. — переломный. Написала в «Искалеченный Новосибирск», попробовала написать в мэрию, до этого нигде не участвовала в общественной жизни. Мэрия поначалу отнекивалась, людей было мало. Потом поменялся местный депутат — был из КПРФ, молодой, — включался, начал ходить везде — хотя бы чтобы отзонировали в зеленую зону. <...> У дороги рядом лоббист — бизнесмен, который хочет построить ТЦ и счи-

¹⁷ Публичные слушания одобрили изменения правил землепользования и застройки Новосибирска // Официальный сайт города Новосибирска. 2015. 10 ноября. URL: <https://xn-90absbknhbvge.xn-p1ai/news/41643/> (дата обращения: 26.08.2024).

¹⁸ Крепко расстроили // СелдонNews(НГС). 2016. 4 октября. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/157197212> (дата обращения: 26.08.2024).

тает дорогу большим благом, часть автомобилистов были за него. Мы ходили по градостроительным советам, там был застройщик, он построил два дома и добровольно согласился благоустроить часть парка. Но был другой застройщик — у него проект на четыре дома, которые охватывают речку, и он предложил якобы проход между домами сделать началом парка... но это нехорошо — нужно, чтобы проход был свободным. Мэрия говорила, что денег нет, — они уцепились за застройщиков, просили, чтобы мы договаривались с ними и выторговывали благоустройство. <...> Терешкова пытается что-то делать. Когда первый застройщик (хороший) сделал проект, были претензии к асфальту. Мэрия собирала группы жителей. Терешкова помогала активно. (Инф. 3)

Все это не могло не отразиться на динамике городских конфликтов. На рисунке 1 заметно, что команде Локтя удалось как минимум сбить тенденцию к росту количества активных городских конфликтов. Виден небольшой спад и своеобразный «выход на плато» после 2013 г. Отметим, что многие кейсы уже при Локте были трудноразрешимыми в рамках действовавшей нормативно-правовой базы. Некоторые точечные стройки отменить было уже нельзя, так как земли под застройку выделялись еще при Городецком. Суды не всегда занимали позицию мэрии и часто выносили решения в пользу застройщиков. К примеру, в июне 2014 г. жители нескольких домов по ул. Гоголя попросили защиты у мэра, чтобы не допустить строительства 20-этажного жилого дома на месте старой фабрики на ул. Карамзина. Но отозвать разрешение на строительство высотки представители администрации не имели права, так как оно было выдано на законных основаниях после того, как проект здания получил положительное заключение экспертизы¹⁹. В некоторых случаях, когда отменить стройку было уже нельзя, мэрия пыталась «обременить» застройщика социальными объектами. Например, в августе 2015 г. мэрия согласовала создание общедоступного городского сквера на месте котлована на пл. Кондратюка, застройкой которого занялся новый девелопер²⁰. Многие конфликты были связаны с федеральными землями, что сильно ограничивало, если не сказать нивелировало, возможности мэрии. Так было с большинством конфликтных кейсов в Академгородке, где большая часть земель принадлежит СО РАН: «Академгородок — вообще не город, земля принадлежит федерации» (инф. 1).

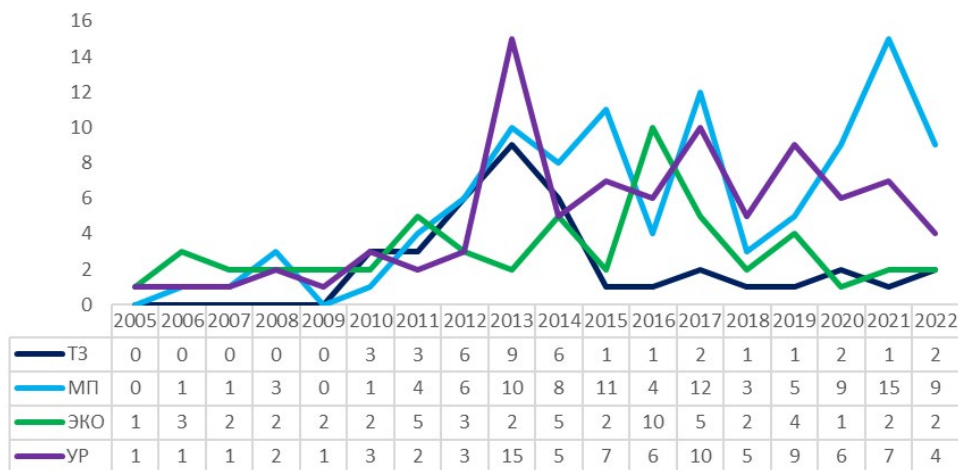
Результаты «оттепели» отчетливо видны на рисунке 3, где представлена визуализация динамики городских конфликтов в Новосибирске с разбивкой по категориям.

Конфликты категории ТЗ (точечной застройки) после 2015 г. хотя и не исчезают полностью, но становятся достаточно редкими. Как и конфликты из категории ЭКО (экологические). Это стало во многом следствием «наведения порядка» в нормативно-правовой базе градостроительной политики (так как в Новосибирске почти нет грязных с экологической точки зрения производств, речь идет о запрете строительства в городских лесах).

¹⁹ Судьба участка под старой фабрикой в Новосибирске окажется в руках местной власти // Деловой портал Новосибирска. 2014. 06 июня. URL: <https://nsk.dk.ru/news/sudba-uchastka-pod-staroj-fabrikoi-v-novosibirske-okazhetsya-v-rukax-mestnoj-vlasti-236862262> (дата обращения: 26.08.2024).

²⁰ «Сибирь девелопмент» построит 24-этажный апарт-комплекс на месте котлована в центре Новосибирска // Ведомости. 2015. 06 августа. URL: <https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2015/08/06/603729-sibir-development-postroit-24-etazhniy-apart-kompleks-novosibirska> (дата обращения: 26.08.2024).

Рис. 3. Количество зафиксированных городских пространственных конфликтов в Новосибирске ежегодно (по категориям)

ТЗ — точечная застройка: строительство жилых домов и других строений без учета нагрузки на социальную инфраструктуру и обычно на «спорных» территориях, которые жители считают своими дворами;

МП — конфликты интересов по поводу межевания и планирования территорий: споры между заинтересованными агентами по поводу тех или иных городских пространств — конфликты из-за строительства дорог, реновации, сервитутов, перезонирования, изменения проектов застройки;

ЭКО — экологические конфликты: против вырубки лесов, строительства производств, загрязняющих окружающую среду;

УР — урбанистические протесты (качество городской среды, парки и скверы, архитектурный облик, памятники, наименования улиц).

Эпоха внешних шоков (2020 г. — н. в.)

Обычно вслед за «оттепелью» следует возвращение морозов. Однако, учитывая, что мэром Новосибирска на момент написания статьи все еще остается А. Локоть, резких изменений во внутренней городской политике после 2020 г. не произошло. Скорее, его «оттепель» в каком-то смысле продолжается. Смена «эпохи» произошла по большому счету из-за внешних потрясений — сначала пандемия COVID-19, а затем специальная военная операция.

Да, многие эксперты говорили, что после 2018 г. Локоть стал более пассивным, что он перестал активно сотрудничать с местными активистами. Здесь стоит учитывать контекст. Во-первых, как отмечали некоторые информанты, победа на выборах 2014 г. досталась Локтю слишком дорогой ценой. Его политические оппоненты из партии власти пытались ему мешать. Например, осенью 2014 г. региональные депутаты проголосовали за перераспределение 10% доли от НДФЛ в пользу области (годовой бюджет Новосибирска лишился сразу 3,5 млрд рублей)²¹. Во-вторых, мэру нужно было встраиваться в федеральную вертикаль. Эксперты ссылались на так называемый пакт Травникова — Локтя, заключенный в 2018 г., по кото-

²¹ Кондратенко А. Областные депутаты проголосовали за урезание бюджета Новосибирска на 3,5 млрд рублей // НОВОСИБИРСКИЕ НОВОСТИ. 2014. 31 октября. URL: <https://nsknews.info/materials/oblastnye-deputaty-progolosovali-za-urezanie-byudzheta-novosibirsk-na-3-5-mlrd-rublej-145854/> (дата обращения: 27.10.2023).

рому партия «Единая Россия» не выдвигает сильных кандидатур на выборах мэра в 2019 г., а КПРФ не участвует в губернаторских выборах. Для экспертов это было свидетельством постепенной утраты Локтем своего оппозиционного запала. Некоторые информанты отмечают усталость Локтя и отсутствие у него выдающихся организаторских способностей, особенно в сфере ЖКХ.

Мы можем подтвердить, что меньшее желание Локтя вмешиваться в городские конфликты во второй срок его мэрства ощущалось по ряду рассматриваемых кейсов. Например, случай со строительством дома вместо старой кондитерской фабрики вблизи жилых домов в 2021 г. (ул. Красноярская, д. 132). Этот кейс был очень громким с медийной точки зрения. Местные жители вывешивали красные флаги, выходили на митинги, писали в прокуратуру и СК РФ, но не добились каких-либо ощутимых изменений в проекте застройки. Примечательна в этом случае пассивность мэрии. При этом стоит признать, что подобного рода случаи точечной застройки, когда объект возводится во дворе, уже не типичны для города. В конце концов, ЖК строился на месте бывшей фабрики.

Преимущественно негативно эксперты характеризовали переход к электронному формату публичных слушаний во время пандемии (на портале «Электронная демократия»), так как пожилым людям было трудно разобраться с электронными интерфейсами. Это открыло некоторые возможности для махинаций и подтасовок. Так, в 2022 г. местные жители Нижней Ельцовки, протестующие против строительства в лесу, в котором когда-то был пионерлагерь «Юный медик», провели собственное расследование: среди голосов в поддержку проекта они нашли обращения, составленные от имени своих пожилых родственников. При этом пенсионеры не только не участвовали в обсуждении, но и не пользовались интернетом. Более того, местные жители обнаружили фамилии и инициалы своих покойных соседей и родственников²².

В целом после 2019 г. в деятельности мэра не отмечается такой реформаторской энергии, как в его первый срок. Однако развитие все же продолжилось. В частности, по крайней мере до СВО, развивались гражданские инфраструктуры. Свою трибуну в СМИ получили организаторы движения против точечной застройки. Так, председатель ТСЖ «Маяк» на Железнодорожной, 6 Александр Ельцов вел свою «колонку рассерженного соседа точечной застройки» (кейс строительства дома вместо старой кондитерской фабрики) на портале НГС. Мэрия не переставала слушать/учитывать мнения граждан, особенно в вопросах благоустройства: *«Анна Терешкова постоянно совещается с активистами и местными жителями по поводу проектов благоустройства, обсуждают подолгу буквально каждую тропинку, каждую скамейку»* (Инф. 12).

Продолжает совершенствоваться нормативно-правовая база градостроительной политики. К примеру, в 2021 г. инициативу проявили уже региональные власти. Были приняты поправки в региональный закон об особо охраняемых природных территориях (ООПТ), которые вводят новое понятие «лесной парк», чтобы защитить «зеленые легкие Новосибирска» от продолжающейся в Заельцовском бору жилой

²² Скок А. Новосибирцы обвинили застройщика и мэрию в создании армии ботов ради застройки леса // НГС. 2022. 14 июля. URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2022/07/14/71452211/> (дата обращения: 27.10.2023).

застройки²³. В мае того же года были внесены новые поправки в правила землепользования и застройки Новосибирска, ограничившие для застройщиков возможности отклоняться от нормативов. Решено пять лет с даты ввода в эксплуатацию нового здания не менять зонирование и назначение участка, а также ввести пятилетний мораторий на его реконструкцию или перепланировку. Это, как отметил М. Рязанцев, «задумывалось для борьбы с земельными махинациями и домами-оборотнями. Когда строится спортивный объект, стоянка или гостиница — и либо сразу не используется по назначению, либо сносится или перестраивается в жилой дом»²⁴. Был также введен максимальный порог отклонения от предельных параметров строительства жилья, гостиниц, административных зданий на 20 %.

Даже коронавирус не остановил активную деятельность гражданских активистов по оспариванию городских пространств. Однако фактором снижения протестной активности по локальным вопросам стало начало СВО. Еще в 2021 г. по политическим причинам покинул Новосибирск (и страну) оппозиционный депутат горсовета С. Бойко. В 2022 г. уехала из России оппозиционный депутат Х. Пирогова²⁵. Уход некоторых активистов в политическое подполье, а также страх перед возможными репрессиями, несомненно, стали факторами некоторого «затухания» городской политики. Активных конфликтных кейсов за первые 9 месяцев 2023 г. (до 1 октября) оказалось всего четыре. Простая экстраполяция дает нам всего пять-шесть кейсов до конца года, что является минимумом с 2010 г.

Заключение. Прогнозы

Один из выводов нашего исследования заключается в следующем: городские пространственные конфликты *историчны*. Со временем может меняться не только частота и интенсивность городских конфликтов, но и множество других факторов, влияющих на их ход и результаты. В России в последние два десятилетия активно развивалась гражданская инфраструктура, а местные городские политические режимы были вынуждены адаптироваться к растущей готовности людей оспаривать те или иные территории. Новосибирск продемонстрировал, что власти могут постепенно приспосабливаться к меняющейся ситуации и отходить от практик неолиберальных «машин роста», идя навстречу активистам: участвуя в медиации конфликтов, совершенствуя нормативно-правовую базу градостроительной политики, вовлекая граждан в процесс принятия решений.

Сам условный репертуар городских пространственных конфликтов постепенно эволюционирует. Так, тема точечной застройки со временем ушла на второй план, но при этом стали появляться *новые разновидности конфликтов*. Попытки мэрии учиться на своих ошибках и решать городские проблемы похожи на попытку бежать быстрее, чтобы оставаться примерно на том же месте. За решением одних проблем следуют другие.

²³ Добрый В. Охранная зона Заельцовского бора: будут ли ограничения для жителей и бизнеса // VN.RU. 2021. 2 июня. URL: <https://vn.ru/news-okhrannaya-zona-zaeltsovskogo-bora-budut-li-ogranicheniya-dlya-zhiteley-i-biznesa/> (дата обращения: 27.10.2023).

²⁴ Рязанцев М. Как мэрия пытается бороться с махинациями и жадностью строителей, поменяв правила застройки Новосибирска // НГС. 2021. 17 мая. URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2021/05/17/69916802/> (дата обращения: 27.10.2023).

²⁵ Уехавших за границу депутатов из Новосибирска лишили мандатов // РБК. 2023. 28 июня. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/649bf1ae9a79474b42985784> (дата обращения: 27.10.2023).

Конфликты перешли на другой уровень. Как в «пирамиде Маслоу». Раньше протестовали, отстаивая свои базовые права на качество жизни. Сейчас уже меньше таких «базовых» протестов. Сейчас нужно, чтобы был комфорт. К примеру, один из мощных триггеров сегодня — это транспортная ситуация, решение которой неочевидно. И социальная инфраструктура. Со школами критическая ситуация — не укладываются в нормативы, все школы работают в две, а то и в три смены. В итоге часто вмешивается прокуратура в сложные кейсы. (Инф. 13)

В последние годы мы фиксируем конфликты из-за изменений в проектах комплексной застройки. Люди покупают квартиры в ЖК, где планировался небольшой сквер, а строители меняют план и вместо сквера добавляют в проект еще один дом. Возможны и другие конфликты, связанные с изменением проектов застройки. Так было, например, в 2021 г., когда жители элитного комплекса Flora & Fauna, построенного среди сосен на берегу реки Оби по соседству с «Обкомовскими дачами», выразили протест: они обнаружили, что застройщик решил изменить концепцию и повысить этажность новых домов почти вдвое²⁶. Растет количество конфликтов (на рис. 3 это все относится к категории МП) между разными ЖК из-за дорог, проездов, сервитутов и прочих несовпадающих интересов. В 2020 г. достаточно громким был конфликт, когда жители элитного ЖК «Кедровый» выступили против строительства рядом жилого квартала из «муравейников» (многоэтажных домов эконом-класса)²⁷. Растет и требовательность жителей к городской среде (на рис. 3 это категория УР). Борьба за комфортную среду становится все менее «обороняющейся» и все более «нападающей». Когда мэрия в 2021 г. решила создать сквер на ул. Демакова (Академгородок), жителям не понравилось, что часть пустыря отдали застройщику (по задумке это позволило бы на вложить вырученные деньги в обустройство сквера). Они потребовали, чтобы весь пустырь стал большим парком²⁸ (в 2022 г. суд вернул участок мэрии)²⁹.

Мы можем отыскать множество подобных случаев не только в Новосибирске, но и в других российских городах. Люди становятся все более и более требовательными к качеству городского пространства. Поэтому, несмотря на внешние шоки, мы прогнозируем, что «гонка концептуальных вооружений» между активистами и городскими менеджерами продолжится.

Список литературы (References)

1. Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. Городские конфликты и трансформация локального политического режима в Екатеринбурге // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 130—152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2315>.

²⁶ Пичугина Л. Шум в лесу: жители элитного комплекса Flora&Fauna возмутились ростом новых домов на несколько этажей // НГС. 2022. 27 июля. <https://ngs.ru/text/realty/2022/07/27/71516036/> (дата обращения: 27.10.2023).

²⁷ Гурьянова Е. Богатые тоже плачут: жители «Кедрового» требуют запретить строить рядом дешевые многоэтажки // НГС. 2020. 10 февраля. URL: <https://ngs.ru/text/realty/2020/02/10/66482572/> (дата обращения: 27.10.2023).

²⁸ Соколов С. Жители Академгородка провели одиночные пикеты против застройки сквера на Демакова // НГС. 2021. 23 февраля. URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2021/02/23/69779705/> (дата обращения: 27.10.2023).

²⁹ Суд вернул в собственность мэрии Новосибирска сквер на Демакова // BFM.ru (Новосибирск). 2022. 26 апреля. URL: <https://nsk.bfm.ru/news/8736> (дата обращения: 26.08.2024).

- Belousov A. B., Davydov D. A. (2023) Urban Conflicts and Transformation of the Local Political Regime in Yekaterinburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 130—152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2315>. (In Russ.)
2. Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 362—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>.
Belousov A. B., Davydov D. A. (2021) From the Right to the City to the Right to Space. Dynamics of Municipal Conflicts on the Example of the Sverdlovsk Region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 362—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>. (In Russ.)
 3. Желнина А. А., Тыканова Е. В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 205—222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>.
Zheltnina A. A., Tykanova E. V. (2021) “Players” in “Arenas”: A Study of Interactions in Local Urban Conflicts (A Case Study of Saint Petersburg and Moscow). *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 205—222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>. (In Russ.)
 4. Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. С. 162—192. URL: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/285> (дата обращения: 27.10.2023).
Zheltnina A. A., Tykanova E. V. (2019) Formal and Informal Civic Infrastructure: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 22. No. 1. P. 162—192. URL: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/285>. (accessed: 27.10.2023). (In Russ.)
 5. Ледяев В. Г. Социология власти: Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ИД ВШЭ, 2012.
Ledyayev V. G. (2012) Sociology of Power. Theory and Experience of Empirical Research of Power in Urban Communities. Moscow: HSE. (In Russ.)
 6. Пустовойт Ю. А. «Земля» и «воля»: городские режимы и протестные сообщества в сибирских городах // Власть и элиты. 2018. Т. 5. С. 295—330. <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.11>.
Pustovoyt Y. (2018) Land and Freedom: Urban Regimes and Protest Communities in Siberian Cities. *Power and Elites*. Vol. 5. P. 295—330. <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.11>. (In Russ.)
 7. Семенов А. Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 317—341. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-317-341>.

- Semenov A. (2018) Protest Event Analysis as a Tool for Political Mobilization Studies. *Russian Sociological Review*. Vol. 17. No. 2. P. 317—341. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-317-341>. (In Russ.)
8. Семенов А. В., Минаева Э. Ю. (2021) Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 189—204. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>.
Semenov A. V., Minaeva E. Yu. (2021) The Cities of Forking Streets: Trajectories of Urban Conflicts in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 189—204. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>. (In Russ.)
9. Скалабан И. А., Сергеева З. Н., Лобанов Ю. С. (2022) Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) // Мир России. Т. 31. № 4. С. 33—56. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56>.
Skalaban I. A., Sergeeva Z. N., Lobanov Y. S. (2022) The Defendants. The Defensive Functions of Communities in Urban Conflict (Based on a Case Study in Novosibirsk). *Universe of Russia*. Vol. 31. No. 4. P. 33—56. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56>.
10. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. (2015) Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. № 2. С. 241—256. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3328> (дата обращения: 27.10.2023).
Tykanova E. V., Khokhlova A. M. (2015) The Urban Political Regime in St. Petersburg: The Role of Real and Imagined “Growth Machines” in the Struggle for Urban Space. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 13. No. 2. P. 241—256. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3328> (accessed: 27.10.2023). (In Russ.)
11. Urban Commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка / под ред. М. Делленбо, М. Кипа, М. Бьеньек, А. К. Мюллер, М. Швергмана. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
Dellenbaugh M., Kip M., Bieniok M., Müller A. (eds.) (2020) Urban Commons — Moving Beyond State and Market. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)
12. Borell K., Westermarck A. (2018) Siting of Human Services Facilities and the Not in My Back Yard Phenomenon: A Critical Research Review. *Community Development Journal*. Vol. 53. No. 2. P. 246—262. <https://doi.org/10.1093/cdj/bsw039>.
13. Fligstein N., McAdam D. (2011) Toward a General Theory of Strategic Action Fields. *Sociological Theory*. Vol. 29. No. 1. P. 1—26. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2010.01385.x>.
14. Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.

15. Stone C. N. (1993) Urban Regimes and the Capacity to Govern: A Political Economy Approach. *Journal of Urban Affairs*. Vol. 15. No. 1. P. 1—28. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9906.1993.tb00300.x>.
16. Suttles G. (1972) *The Social Construction of Communities*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Приложение

Таблица 1. **Список информантов**

Код информанта/КИ	Пол	Сфера деятельности
Инф. 1	М	Активист, урбанист
Инф. 2	Ж	Активистка, урбанистка
Инф. 3	Ж	Активистка
Инф. 4	Ж	Активистка (Академгородок)
Инф. 5	Ж	Активистка (Академгородок)
Инф. 6	Ж	Представительница академического сообщества
Инф. 7	Ж	Представительница академического сообщества
Инф. 8	М	Представитель академического сообщества
Инф. 9	М	Политолог
Инф. 10	М	Журналист
Инф. 11	М	Журналист, политический аналитик
Инф. 12	Ж	Журналистка, колумнистка ведущего местного новостного портала
Инф. 13	М	Директор информационного агентства
Инф. 14	М	Представитель городской администрации
Инф. 15	М	Представитель городской администрации
Инф. 16	М	Представитель городской администрации
Инф. 17	М	Руководитель регионального отделения политической партии
Инф. 18	Ж	Депутат Совета депутатов города Новосибирска
Инф. 19	Ж	Помощница Депутата Совета депутатов города Новосибирска
Инф. 20	М	Депутат Законодательного Собрания Новосибирской области

DOI: [10.14515/monitoring.2024.4.2601](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2601)

Л. Е. Ильичева, Е. В. Паршина, А. В. Лапин, М. В. Ильичева

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: АНАЛИЗ ОЦЕНОК ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА НА ОСНОВЕ ОПРОСОВ МОСКВИЧЕЙ

Правильная ссылка на статью:

Ильичева Л. Е., Паршина Е. В., Лапин А. В., Ильичева М. В. Взаимодействие государства и гражданского общества: анализ оценок эффективности политики социального партнерства на основе опросов москвичей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 315—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2601>.

For citation:

Ilyicheva L. E., Parshina E. V., Lapin A. V., Ilyicheva M. V. (2024) Interaction between the State and Civil Society: Assessment of the Effectiveness of Social Partnership policy. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 315–332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2601>. (In Russ.)

Получено: 28.03.2024. Принято к публикации: 01.07.2024.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: АНАЛИЗ ОЦЕНОК ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА НА ОСНОВЕ ОПРОСОВ МОСКВИЧЕЙ

INTERACTION BETWEEN THE STATE AND CIVIL SOCIETY: ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL PARTNERSHIP POLICY

ИЛЬИЧЕВА Людмила Ефимовна — доктор политических наук, профессор, директор Центра государственно-частного партнерства Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: lilitcheva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0223-6418>

Ludmila E. ILIYCHEVA^{1,2} — Dr. Sci. (Polit.), Professor; Director, Center for Public-Private Partnership of the Institute of Public Administration and Management; Principal Researcher
E-MAIL: lilitcheva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0223-6418>

ПАРШИНА Елена Владимировна — соискатель, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: yelena.parshina.1970@bk.ru
<https://orcid.org/0009-0000-2490-8046>

Elena V. PARSHINA¹ — PhD Student, Institute of Public Administration and Management
E-MAIL: yelena.parshina.1970@bk.ru
<https://orcid.org/0009-0000-2490-8046>

ЛАПИН Андрей Викторович — кандидат политических наук, доцент кафедры управления проектами и программами факультета государственного управления экономикой Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: av.lapin@igsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9663-3763>

Andrey V. LAPIN¹ — Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor, Institute of Public Administration and Management
E-MAIL: av.lapin@igsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9663-3763>

ИЛЬИЧЕВА Мария Валерьяновна — кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: mary9110@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5509-3206>

Maria V. ILYICHEVA³ — Cand. Sci. (Polit.), Research Fellow
E-MAIL: mary9110@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5509-3206>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² Institute for Social and Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ Institute of Socio-Political Studies of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. Цель исследования — обосновать необходимость всестороннего анализа эффективности политики социального партнерства с выделением таких ее видов, как экономическая, социально-экономическая и социальная эффективность. Это подразумевает их выявление и расчет, с одной стороны, на основе объективных и внешне измеряемых показателей, а с другой — на базе субъективных оценок, выражающих вариативные мнения экспертов, представителей властей, институтов гражданского общества, бизнеса и рядовых граждан. Особое внимание уделено социальной эффективности, с которой связано формирование социальных эффектов, во многих случаях не поддающихся количественной оценке и требующих качественных методов анализа. Один из таких социальных эффектов — повышение степени удовлетворенности населения (сложившимся положением, решением проблемы и пр.) как интегрированного показателя эффективности проводимой политики социального партнерства государства и гражданского общества.

В статье представлены варианты анализа социальной эффективности социального партнерства государства и гражданского общества в Москве, основу которого составляет постоянный мониторинг настроений жителей города и реакций на политику, реализуемую органами публичной власти в городе. Проводимые на постоянной основе социологические исследования позволили определить отношение москвичей к реализуемой органами публичной власти политике социального партнерства, выявить степень поддержки данной политики и установить ее недостатки. В результате исследования выявлено, что граждане достаточно легко вовлекаются в социальное партнерство с государством, если осознают проблему, нарушающую комфортную среду их существования на бытовом

Abstract. The purpose of the study is to substantiate the need for a comprehensive analysis of the effectiveness of the social partnership policy, namely, to disclose it from the perspective of economic, socio-economic, and social factors as independent types of such effectiveness. This implies, on the one hand, that their identification and calculation are based on objective and externally measurable indicators. On the other hand, subjective assessments express the varying opinions of experts, representatives of the state, civil society institutions, businesses, and ordinary citizens. Special attention is paid to social efficiency associated with forming so-called social effects, which often cannot be quantified and require qualitative analysis methods. One of these social effects is an increase in the degree of satisfaction of the population (with the current situation, the solution of the problem, etc.) as an integrated indicator of the effectiveness of the social partnership policy between the state and civil society. In this regard, the article presents options for analyzing the social effectiveness of the social partnership between the state and civil society in Moscow, which is based on constant monitoring of the mood and reaction of its residents to the policies implemented by public authorities in the city. Sociological research conducted here on an ongoing basis has made it possible to determine the attitude of Muscovites to the policy of social partnership implemented by public authorities, to identify the degree of their support for this policy, and to identify its shortcomings. As a result of the study, citizens are pretty quickly involved in social partnership with the state if they realize a problem that violates the comfortable environment of their existence at the existential level and requires the participation of public authorities to solve it. Further improvement of the effectiveness of the social partnership between the state and civil society largely depends on the introduction of digital information and communication technolo-

уровне и требующую для своего решения участия органов публичной власти. Дальнейшее повышение уровня эффективности социального партнерства во многом зависит от внедрения в его механизмы цифровых информационно-коммуникационных технологий, что приведет не только к появлению его новых форм и методов, но и существенно повлияет на самих субъектов данного партнерства.

Ключевые слова: социальное партнерство, государство, гражданское общество, политика социального партнерства, межсекторальное взаимодействие, социальная эффективность

gies into its mechanisms, which will lead not only to the emergence of new forms and methods but also significantly affect the subjects of this partnership themselves.

Keywords: social partnership, state, civil society, social partnership policy, intersectoral interaction, social efficiency

Введение

Гражданское общество начинает играть все более значимую роль в принятии решений (в том числе политических) в различных сферах общественной жизни — от охраны окружающей среды до социальных и культурных инициатив, — чему в немалой степени способствует развитие цифровых информационно-коммуникационных технологий. Совместное принятие таких решений государством и гражданским обществом, основанное на соединении имеющихся у них ресурсов, позволяет повысить уровень эффективности данных решений как на стадии их разработки, так и на стадии реализации, увеличить степень прозрачности деятельности государственных структур и институтов гражданского общества, совершенствовать показатели результативности общественного контроля.

Цель проведенного нами исследования — раскрыть разные виды эффективности политики социального партнерства государства и гражданского общества, сфокусировав внимание на социальной эффективности и специфике ее оценки. Авторское предположение, опирающееся на результаты анализа соответствующей литературы и итоги опросов населения, заключается в том, что оценка политики социального партнерства должна быть комплексной (с позиций экономической, социально-экономической и социальной эффективности) и строиться как на объективных и внешне измеряемых (если это возможно) показателях, так и на субъективных оценках, выражающих вариативные мнения экспертов, представителей государства, институтов гражданского общества, бизнеса и рядовых граждан. Нередко именно субъективное восприятие эффективности/неэффективности партнерства государства и гражданского общества становится драйвером или, наоборот, барьером на пути к развитию такого партнерства.

Анализ российских нормативных правовых актов¹ и научной литературы по теме исследования [Башмаков, 2013; Гриб, 2011; Ильина, 2022; Шапкина, 2014; Selsky, Parker, 2005] показал, что «социальное партнерство» в широком значении этого термина охватывает различные виды партнерских отношений между государством, гражданским обществом и бизнесом во всех областях жизни социума для достижения общих целей и совместного решения социально значимых проблем. «Социальное партнерство» в узком значении раскрывает варианты партнерства перечисленных субъектов в социально-трудовой сфере [Малышев, 2020; Меньшикова, 2022].

Политику социального партнерства, проводимую в России, можно определить как политический курс, закрепленный на конституционном уровне (ст. 75.1 Конституции Российской Федерации) и направленный на формирование устойчивых гармоничных отношений между государством, бизнесом и гражданским обществом в качестве равноправных социальных партнеров для совместного решения стоящих перед обществом задач и сопровождаемый мерами организационного, правового, экономического и иного характера.

Теоретические основы исследования

Традиционно проблематика социального партнерства изучалась в сфере социально-трудовых отношений в ракурсе секторального подхода. Соответственно, и эффективность проводимой политики социального партнерства связывалась только с этой сферой (например, она рассматривалась как эффективность коллективно-договорного процесса, а именно его способности «обеспечивать баланс реализации основных интересов работников, работодателей (предпринимателей), государства и на этой основе сохранять социальную стабильность в обществе» [Киселев, Чечина, 2014: 279].

Более широкий подход к анализируемой теме был разработан в концепции межсекторального взаимодействия (CSSP) [Мерсиянова, Иванова, 2018; Якимец, 2004; Yan, Lin, Clarke, 2018]. В качестве секторов здесь были представлены отдельные отрасли народного хозяйства, территории, регионы; выделялись государственный, некоммерческий, коммерческий сектора. Что касается показателей эффективности такого взаимодействия, то в качестве ключевого критерия нередко выступают показатели выполнения соглашений о сотрудничестве между бизнесом, НКО и/или правительством [Selsky, Parker, 2005: 850].

В целом можно согласиться с положениями межсекторального подхода относительно трактовки взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества, но при условии выделения государственно-общественного партнерства как самостоятельного вида такого взаимодействия, расширения его предметной области (в рамках межсекторального подхода этот вид взаимодействия ограничивается преимущественно социальной сферой) и субъектной основы (такое взаимодей-

¹ Модельный закон о социальном партнерстве принят в Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением 27—14 на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902050942> (дата обращения: 18.08.2024); Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) от 30.12.2001 № 197-ФЗ (действующая редакция); Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (действующая редакция); Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (действующая редакция) и др.

стве осуществляется как с конкретным институтом гражданского общества, так и с неинституционализированной его частью). Государственно-общественное партнерство по своей целевой направленности может затрагивать все сферы общественной жизни. Его эффективность не может ограничиться только показателями в социальной сфере и требует более широкого подхода.

В ракурсе региональной специфики обозначенной темы особый интерес вызывают труды, в которых изучается взаимодействие государства и гражданского общества на примере Москвы. Так, в связи с принятием Стратегии развития города Москвы «Умный город — 2030» важное значение имеет работа Ш. Ф. Махадилова, в которой автор предлагает толкование термина «умное управление», основанное на комплексном подходе к выбору и использованию методов, инструментов и мероприятий, при помощи цифровых технологий и искусственного интеллекта обеспечивающих органичное взаимодействие органов исполнительной власти и иных заинтересованных сторон с целью выработки и принятия социально значимых решений, направленных на максимальное удовлетворение потребностей современного общества. Исходя из такого подхода, автор анализирует цели и приоритеты, принятые целевые показатели указанной Стратегии [Махадилов, 2022].

Таким образом, теоретической основой исследования выступили разработки ученых, анализировавших социальное партнерство в трудовой сфере, а также в рамках межсекторального взаимодействия. В работе использовались и результаты исследований, в которых авторы применяли субъектный и региональный подходы к изучению социального партнерства.

Что касается эмпирических исследований процессов взаимодействия государства и гражданского общества, то они проводились с разных теоретико-методологических позиций:

— как взаимодействие государства, гражданского общества и бизнеса в социально-трудовой сфере, например, исследование «Социально-трудовые отношения в коллективах», проведенное в апреле 2022 г. в ФАУ «ЦИАМ им. П. И. Баранова» [Дорохова, Алексеенок, Сапрыкин, 2023]; результаты данного исследования были учтены авторами статьи при изучении социального партнерства в социально-трудовой сфере в Москве;

— как межсекторальное взаимодействие в социальной сфере, например, в области здравоохранения, образования, занятости (опрос ВЦИОМ «Государственная медицина в погоне за качеством», проведенный в ноябре 2022 г., в котором приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет²); итоги опроса также использовались при проведении исследования межсекторального партнерства в Москве;

— как направление регионального/муниципального развития, например, исследование, посвященное изучению социального партнерства в профессиональном образовании в Свердловской области [Задорина, Тесленко, 2013]; результаты исследования учитывались при анализе роли регионального фактора в социальном партнерстве на примере Москвы.

² Государственная медицина в погоне за качеством // ВЦИОМ. 2022. 17 ноября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvennaja-medicina-v-pogone-za-kachestvom> (дата обращения: 14.06.2024).

Виды эффективности политики социального партнерства и их показатели

Оценивать эффективность политики социального партнерства государства и гражданского общества можно в разных ракурсах: 1) в социально-трудовых отношениях; 2) непосредственно в государственно-общественном партнерстве; 3) в системе межсекторального партнерства государства, бизнеса и гражданского общества.

В рамках этих направлений эффективность обозначенных видов партнерства может быть раскрыта на основе ряда показателей. Опираясь на положения соответствующих нормативных правовых актов (таких как Трудовой кодекс Российской Федерации, и др.), теоретические наработки авторов в этой сфере, мнения экспертов и практический опыт государственных структур, предприятий, институтов гражданского общества, можно сделать вывод, что в системе социально-трудовых отношений это показатели эффективности производственной, экономической деятельности (увеличение прибыли организации при уменьшении затрат, увеличение производительности труда и др.), которые можно измерить с помощью внешних показателей, а также показателей, выражающих субъективное восприятие отношений социального партнерства в организации (степень удовлетворенности работников условиями и оплатой труда, результативностью коллективных договоров как формы регулирования социально-трудовых отношений и пр.).

Оценивая эффективность социального партнерства государства и гражданского общества, следует отдельно выделить экономический, социально-экономический и социальный виды такой эффективности и, соответственно, вариативные системы показателей их оценки. Так, в научной литературе экономическая эффективность раскрывается по-разному, например через соотношение экономических результатов и стоимости затрат на их получение, соотношение планируемых и фактических результатов и др. [Герсонская, 2020; Поликарпов, 2023]. Это объективные показатели, поддающиеся внешней оценке на основе наблюдаемых характеристик объекта.

Социально-экономическая эффективность соотносится с результатами в социальной сфере, получившими стоимостную оценку, то есть выражается как «соотношение социальных результатов и эффектов, которые могут быть измерены в денежном выражении, и стоимости затраченных ресурсов» [Андреева, Горшкова, Ковалевская, 2014: 12]. Например, в качестве показателя социально-экономической эффективности может применяться величина объема оказываемой медицинской помощи в расчете на 1 000 граждан.

Что касается социальной эффективности, то она не получила однозначной трактовки в отечественной и зарубежной литературе, в том числе и по причине трудностей ее измерения на основе объективных критериев [Кох, 2005; Чернов, Суханов, 2016]. В этом случае применяют метод экспертных оценок и результаты социологических опросов. Нередко оценка социальной эффективности строится на анализе и прогнозах социальных эффектов. Сложность измерения социальной эффективности состоит и в том, что социальные эффекты могут возникнуть не сразу, а в отдаленной перспективе. Кроме того, такая оценка носит субъективный характер. В связи с этим социальная эффективность социального партнерства может быть охарактеризована по-разному представителями государственных структур и гражданского общества. Однако и в рамках гражданского

общества разброс мнений может быть достаточно большой в зависимости от степени его сплоченности.

Социальную эффективность политики сотрудничества государства и гражданского общества стремятся оценивать и с позиции объективных критериев, например по показателям полученных социальных эффектов в сравнении с запланированными результатами (при проектировании и реализации конкретных программ, социальных проектов и пр.). При этом важно получить именно позитивные социальные эффекты, которые отражают изменение качественного состояния субъектов социального партнерства. Это может быть создание благоприятных условий для деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, улучшение социального самочувствия граждан и пр.

Большинство показателей, по которым оценивается политика социального партнерства государства и гражданского общества, имеют количественный характер (количество подписанных коллективных договоров, число участников социального партнерства со стороны гражданского общества, степень интенсивности такого участия, удельное количество НКО на численность населения региона и пр.). Так, при составлении Общественной палатой Российской Федерации и аналитическим агентством РАЕХ (РАЭК-Аналитика) регионального рейтинга третьего сектора «Регион-НКО» используется девять групп показателей государственно-общественного партнерства, но они преимущественно количественные³. В связи с этим представляется значимым проводить постоянные опросы населения, экспертов, так как их ответы позволяют представить именно качественные аспекты социального партнерства и артикулировать их оценку разными группами респондентов.

В структуре Общественной палаты города Москвы создан Экспертный совет по социальным исследованиям и мониторингу настроений москвичей, который анализирует результаты эмпирических исследований и формулирует рекомендации органам власти по вопросам социально-экономического развития города и улучшению качества жизни москвичей. Такие исследования осуществляются в рамках ежегодных циклов. Нередко их проведение задано определенными событиями, например выборами федеральных и региональных органов публичной власти.

Таким образом, представляется значимым, чтобы оценка эффективности социального партнерства государства и гражданского общества проводилась комплексно, то есть на основе анализа разных видов эффективности.

Эмпирическая основа исследования

Эмпирическую основу исследования составили результаты следующих исследований:

- опросов, проведенных независимыми исследовательскими группами в городе Москве в 2022—2024 гг.;
- опросов, выполненных ВЦИОМ⁴ и НИУ ВШЭ;

³ Региональный рейтинг Третьего сектора «Регион-НКО — 2023». IV выпуск рейтинга субъектов Российской Федерации по уровню и качеству развития некоммерческого сектора. URL: <https://raex-rr.com/NKO/Region-nko/Region-nko/2023/> (дата обращения: 18.08.2024).

⁴ В поисках доверия // ВЦИОМ. 2024. 11 января. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-doverija> (дата обращения: 14.06.2024).

— рейтинга субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки СО НКО и социального предпринимательства Минэкономразвития России за 2022 г.⁵;

— регионального рейтинга третьего сектора «Регион-НКО — 2023», проводимого в рамках специального проекта Общественной палаты Российской Федерации в партнерстве с Рейтинговым агентством RAEX («РАЭС-Аналитика») ⁶.

Эмпирическую базу данных, используемую в исследовании, составили опросы москвичей, проведенные в:

1) «Электоральные настроения москвичей» (4—6 июня 2022 г.; 15—17 июня 2022 г.)⁷;

2) «Исследование удовлетворенности москвичей жизнью в столице» (апрель 2023 г.);

3) «Электоральные настроения москвичей» (май 2023 г.)⁸.

4) «Электоральные настроения москвичей»⁹ (30—31 августа 2023 г.);

5) «Жить, учиться и зарабатывать в Москве» — мониторинговый опрос, приуроченный ко Дню города Москвы (сентябрь 2023 г.)¹⁰;

6) «В поисках доверия» — исследование по определению уровня межличностного доверия в российском обществе, в том числе в московском регионе (декабрь 2023 г.)¹¹;

7) «Экологическая ситуация в России» мониторинговый опрос (февраль 2023 г.)¹²;

8) «Социальные настроения москвичей и отношение к власти», проведенное группой «ПОЛИТЕХ» (2022—2023 гг.);

⁵ Рейтинг субъектов Российской Федерации по результатам 2022 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/rejting-subekov-rf-2022-g.pdf> (дата обращения: 14.06.2024).

⁶ Региональный рейтинг Третьего сектора «Регион-НКО — 2023». IV выпуск рейтинга субъектов Российской Федерации по уровню и качеству развития некоммерческого сектора. Результаты специального проекта Общественной палаты Российской Федерации в партнерстве с рейтинговым агентством «РАЭС-Аналитика». М., 2023. URL: https://raex-rr.com/files/analytics/Special_report_Region-NKO_2023.pdf (дата обращения: 14.06.2024).

⁷ Электоральные настроения москвичей // Russian Field. URL: <https://russianfield.com/govoritmoskva>; <https://russianfield.com/govoritmoskva2> (дата обращения: 14.06.2024). Цель исследования: определить уровень политической активности горожан. Выборка квотная, репрезентативная по полу и возрасту внутри города и районов Москвы; 2000 респондентов. Методология: уличный опрос.

⁸ Электоральные настроения москвичей // Russian Field. URL: <https://russianfield.com/govoritmoskva> (дата обращения: 14.06.2024).

⁹ Электоральные настроения москвичей // Russian Field. URL: <https://russianfield.com/votingmsk> (дата обращения: 14.06.2024). Выборка квотная, репрезентативная по полу и возрасту внутри города и районов, 1000 респондентов. Методология: уличный опрос.

¹⁰ Жить, учиться и зарабатывать в Москве // ВЦИОМ. 2023. 5 сентября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-uchitsja-i-zarabatyvat-v-moskve?ysclid=Irae5221a970750836> (дата обращения: 14.06.2024). Выборка: данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории России.

¹¹ В поисках доверия // ВЦИОМ. 2024. 11 января. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-doverija> (дата обращения: 14.06.2024). Выборка: данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории России.

¹² Экологическая ситуация в России // ВЦИОМ. 2023. 09 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309> (дата обращения: 14.06.2024). Выборка: данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории России.

9) «Инфраструктура благотворительности и волонтерства в Москве: жители, НКО, город», проведенное Институтом прикладных исследований НИУ «Высшая школа экономики» (2022).

10) Электоральные установки москвичей (8—10 марта 2024)¹³.

Погрешность всех исследований находится в интервале 2,5%—3,1%.

Опыт оценки эффективности политики социального партнерства государства и гражданского общества в Москве на основе результатов социологических исследований

Многие регионы нашей страны накопили успешный опыт разработки и реализации политики социального партнерства государства и гражданского общества, одним из которых является Москва. Регион отличается развитостью экономики, социальной сферы, сосредоточением высококвалифицированных кадров, повышенным уровнем жизни по сравнению с иными регионами, значительным количеством институтов гражданского общества, функционирующих на его территории, существенной поддержкой их деятельности со стороны публичной власти города. Это дает возможность расширять цели социального партнерства за счет все новых сторон общественной жизни, разрабатывать и внедрять новые формы и технологии данного партнерства при совместном принятии политических и иных решений. Опыт Москвы требует изучения в ракурсе возможностей его распространения в других регионах России.

Эффективность социального партнерства во многих аспектах оценивается по результатам проведенных социологических исследований. В связи с этим представляется значимым определение оценки москвичами деятельности региональных органов публичной власти, которая была получена на основе результатов перечисленных выше исследований.

1) «Исследование предвыборных настроений москвичей» (первая волна электорального исследования, 4—6 июня 2022 г.) дало следующие результаты: 78% респондентов удовлетворены положением дел в Москве; более половины респондентов (59%) отметили улучшение ситуации в городе за последние два года; 50% опрошенных знают о программе мэра Москвы «Мой район», а еще 9% участвовали в ней.

Респонденты ответили и на вопрос о том, кто несет ответственность за нерешенные проблемы города (см. табл. 1):

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос, кто несет ответственность за нерешенные проблемы в Москве, %

Федеральная власть	20
Власти города	33
Глава муниципального района	22
Муниципальные депутаты	10
Сами жители	4
Другое	5
Затрудняюсь ответить	6

Источник: результаты опроса «Исследование предвыборных настроений москвичей» (июнь 2022 г.).

¹³ Электоральные установки москвичей // Russian Field. URL: <https://russianfield.com/nabludenie> (дата обращения: 14.07.2024).

Из таблицы следует, что значительную часть ответственности за решение проблем города население возлагает на городские власти. Но и главы муниципальных районов, и федеральная власть, по мнению респондентов, также ответственны за это. Примечательно, что 4 % респондентов назвали в качестве ответственных непосредственно жителей, тем самым позиционируя их в качестве партнеров публичной власти. Причем среди молодежи 18—29 лет такой ответ составил 8 %, то есть представители молодого поколения становятся все более ответственными за решение стоящих перед обществом задач. Они также выражают большую готовность и к государственно-общественному партнерству.

2) «Исследование удовлетворенности москвичей жизнью в столице» (апрель 2023) показало, что удовлетворенность москвичей жизнью в столице составляет 79 %.

3) «Исследование электоральных настроений москвичей» (май 2023) продемонстрировало удовлетворенность положением дел в Москве: определенно довольны — 40 %; скорее довольны — 42 %; недовольны — 14 %, затруднились ответить — 3 %. Подавляющее большинство респондентов (82 %) довольны положением дел в Москве. Более молодые респонденты также чаще говорят о том, что довольны ситуацией в городе: доля позитивных оценок возрастает от 78 % в группе 45—59 лет до 91 % в группе 18—26 лет.

4а) Исследование «Электоральные настроения москвичей» (30—31 августа 2023) показало, что 87 % опрошенных москвичей знают о предстоящих выборах, 61 % — доверяют выборам в Москве. 69 % опрошенных поддержали деятельность Общественного штаба по наблюдению за выборами (из числа респондентов, которые слышали о существовании такого штаба), полагая, что его работа сделает выборы более честными. К числу иных факторов, повышающих уровень честности и прозрачности выборов, респонденты отнесли участие представителей СМИ (62 %) и присутствие наблюдателей на выборах (65 %).

4б). Мониторинговый опрос (сентябрь 2023) продемонстрировал, что Москва в восприятии многих россиян предстает как город личностного развития, где работают социальные лифты, созданы благоприятные условия карьерного роста и гражданской активности. Респонденты полагают, что в Москве больше возможностей для получения хорошего образования (42 %), для обеспечения материального достатка (53 %), легче пробиться в публичную власть, стать влиятельным человеком (39 %). 14 % респондентов ответили, что хотели бы, чтобы их дети жили в Москве.

Опрос показал, что, с одной стороны, Москва воспринимается как город, который открывает больше возможностей (например, в повышении уровня жизни, получении хорошего образования, хотя 41 % респондентов уверены, что такое образование можно получить и в других городах, а это свидетельствует об общем повышении уровня образования в стране в целом). С другой стороны, 23 % респондентов выбрали для проживания своих детей небольшие города. И только 5 % участников опроса считают, что в Москве благоприятная экологическая ситуация. Несмотря на внедрение современных природоохранных практик, активное развитие парковых территорий и интенсивную информационную кампанию, Москва не воспринимается как город с высоким уровнем экологического благополу-

чия. Между тем перспективы решения экологических проблем зависят не столько от уровня развития технологий, сколько от экологической культуры населения.

5) Изучение уровня межличностного доверия в российском обществе (декабрь 2023) важно не только в ракурсе определения уровня доверия населения государственным структурам, институтам гражданского общества, но и в аспекте межличностных отношений, так как именно здесь формируются сотрудничество людей и сплоченность общества. 25 % респондентов ответили, что большинству людей можно доверять (+2 п. п. по сравнению с исследованием 2018 г.), но при этом 71 % опрошенных посчитали, что во взаимодействии с другими людьми следует соблюдать осторожность (–3 п. п. по сравнению с 2018 г.); 31 % респондентов ответили, что люди чаще всего стремятся быть полезными другим (+6 п. п. по сравнению с 2018 г.).

6) Мониторинговый опрос ВЦИОМ (февраль 2024 г.) показал, что на первое место среди ответственных за ухудшение экологической ситуации респонденты поставили самих себя (42 %). При этом каждый второй главным барьером на пути к улучшению экологической ситуации посчитал низкий уровень экологической ответственности граждан (48 % опрошенных), а улучшение связал с повышением их экологической грамотности и ответственности (46 % респондентов).

7) В исследовании группы «ПОЛИТЕХ» (2022—2023) на вопрос, развивается ли Москва в правильном направлении, ответили утвердительно 81 % респондентов (скорее в неправильном — 10 %, 9 % затруднились ответить). Респонденты также дали оценку работы городских служб в разных сферах (см. табл. 2).

Таблица 2. Оценка москвичами работы городских служб в различных сферах (балльно-рейтинговая система оценок по шкале от 1 до 10, приведены итоговые данные в процентном отношении)

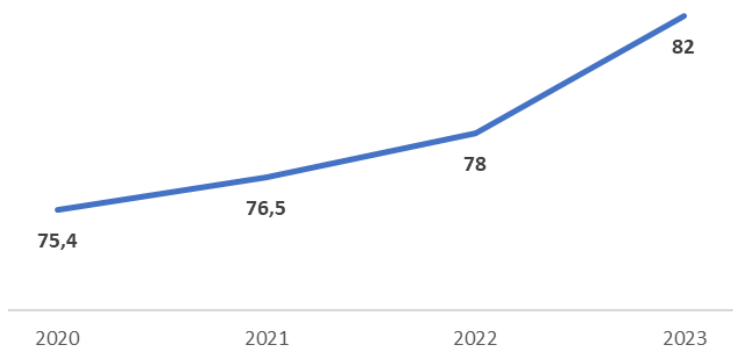
Сферы работы городских служб	Средняя оценка
Общественный транспорт	8,32
Благоустройство территорий	7,90
Культура	7,63
Дороги, тротуары	7,19
Строительство	7,05
Правопорядок	6,77
Образование, школы	6,75
Здравоохранение	6,42
Экология	6,42
ЖКХ	5,96
Миграционная политика	4,42

Источник: результаты исследования «Социальные настроения москвичей и отношение к власти», проведенного в 2022—2023 гг. группой «ПОЛИТЕХ».

Высшую оценку москвичей получили работа общественного транспорта и благоустройство территорий (около 50 % опрошенных).

Проведенное исследование также показало, что работу мэра Москвы С. С. Собянина одобряют 76 % москвичей. Это значимый показатель, так как доверие мэру столицы создает основу для эффективного сотрудничества государства и гражданского общества, а политический курс, проводимый в этом отношении московскими публичными властями, поддержан москвичами. Опираясь на данные исследований, проведенных в 2020—2023 гг., можно построить график, отражающий уровень доверия москвичей политике, проводимой органами публичной власти города (см. рис. 1).

Рис. 1. Уровень доверия москвичей политике, проводимой органами публичной власти Москвы (% респондентов, поддерживающих политику властей города), %¹⁴

Важно, что динамика уровня поддержки политики властей москвичами положительная. Одна из причин, вероятно, в том, что почти 60 % респондентов (по опросам 2023 г.) уверены в наличии у публичной власти Москвы долгосрочных планов по развитию столицы. Это придает уверенность в будущем и увеличивает уровень доверия публичной власти региона.

8) Исследование «Инфраструктура благотворительности и волонтерства в Москве: жители, НКО, город» (2022) показало степень готовности москвичей участвовать в общественно полезной деятельности, выстраивать партнерские отношения с органами публичной власти города. Среди распространенных форм благотворительной деятельности жителей столицы оказались следующие: они жертвовали деньги в благотворительную организацию, фонд (26 %); передавали вещи, продукты конкретным людям, семьям (22 %); передавали денежные средства напрямую конкретным людям, семьям (21 %); делали денежные пожертвования, передавали вещи, продукты в храм, церковь (19 %); отдавали вещи, продукты в благотворительную организацию, фонд (17 %), работали волонтерами (7 %).

Оценка москвичами эффективности институтов гражданского общества

Для анализа эффективности социального партнерства важна и оценка жителями города деятельности конкретных институтов гражданского общества, которая

¹⁴ Источник: составлено авторами на основе приведенных выше социологических исследований.

была выявлена по результатам социологического опроса, проведенного в 2023 г. АО «Московские информационные технологии».

Две трети респондентов-москвичей (66 %) считают, что деятельность общественных организаций способствует защите прав граждан и проявлению общественной инициативы, а более трети респондентов (36 %) указали, что общественные организации благоприятствуют осуществлению независимого контроля над деятельностью органов государственной власти. Почти каждый второй респондент (46 %) удовлетворен участием общественных организаций в решении вопросов жизни города. Вместе с тем о значимом влиянии общественных организаций на решение вопросов городской жизни указали только 31 % респондентов (+12 п. п. по сравнению с исследованием 2015 г.).

Преобладающее число респондентов (63 %) считает, что в столице в той или иной степени реализуется право на формирование самостоятельных обществ, союзов, объединений, представляющих и отстаивающих права и интересы граждан.

Если анализировать данные ответы в динамике, то в сравнении с предыдущим опросом (2022 г.) общая доля считающих, что право на формирование самостоятельных обществ, союзов, объединений в Москве в той или иной степени реализуется, немного выросла (с 59 % до 63 %). При этом отмечается увеличение доли респондентов, полагающих, что данное право реализуется полностью (18 % против 23%; в 2015 г. доля считающих так составляла 14 %). Результаты исследования также показали, что каждый четвертый опрошенный (24 %) принимает участие в деятельности общественных организаций: из них 39,7 % ответили, что принимают участие в благотворительной деятельности; 12 % — в общественно-политической деятельности; 11,6 % — в решении вопросов по месту жительства; 9,1 % — в правозащитной деятельности.

В ходе сравнительных исследований в Москве зафиксированы достаточно устойчивые представления респондентов о поддержке общественных организаций государством: утвердительно отвечали о наличии такой поддержки 41 %—49 % респондентов в исследованиях 2015, 2017, 2019, 2022, 2023 гг. Каждый второй опрошенный москвич (49 %) считает, что городские власти в целом поддерживают действующие общественные организации.

Что касается деятельности Общественной палаты Российской Федерации, то только 31 % респондентов удовлетворены ее деятельностью, что меньше, чем удовлетворенность деятельностью Общественной палаты города Москвы (47 %).

Заключение

Эффективность социального партнерства государства и гражданского общества должна оцениваться всесторонне, а именно с позиций разных видов такой эффективности. Особое внимание должно быть уделено социальной эффективности, которая нередко оценивается на основе произведенных данным партнерством социальных эффектов. Они сложно поддаются измерению с помощью объективных показателей и требуют оценки в оптике субъектной заданности (результаты социологических исследований, экспертная оценка). Один из таких социальных эффектов — повышение уровня удовлетворенности населения положением дел (в стране, конкретном городе) как интегрированный результат эффективного со-

циального партнерства государства и гражданского общества. В этом плане отметим позитивный опыт организации и развития социального партнерства государства и гражданского общества в Москве, о чем свидетельствуют результаты опросов москвичей, демонстрирующие стабильно высокие показатели такой удовлетворенности на протяжении ряд лет.

Сложность оценки эффективности социального партнерства следует и из того, что разные субъекты (в данном случае государство и гражданское общество) могут высказывать диаметрально противоположные мнения. Возможна и ситуация, когда эффективность социального партнерства получает высокую оценку с позиций, например, объективных экономических показателей и низкую по опросам населения. Это может говорить о том, что проводимая в политика не в полной мере учитывает интересы вариативных социальных групп, составляющих гражданское общество. В данном случае решение проблемы упирается, возможно, в теоретическое осмысление, какие конкретно группы на данном этапе составляют гражданское общество и претендуют на выражение интересов большинства.

Дальнейшее повышение уровня эффективности социального партнерства во многом связано с развитием цифровых информационно-коммуникационных технологий: оно приводит не только к появлению новых механизмов, форм, методов социального партнерства, но и существенно влияет на его эффективность, создавая современные платформы взаимодействия государства и гражданского общества, формируя новые его субъекты — сетевые сообщества, которые благодаря этим технологиям приобретают широкие возможности получать больше информации о деятельности государственных структур, институтов гражданского общества, их социальном партнерстве; формировать и транслировать с помощью комментариев оценку данного партнерства.

Социологические опросы показали, что негативная оценка эффективности социального партнерства государства и гражданского общества нередко связана с недостаточной информированностью населения, с одной стороны, а с другой стороны — представителей госструктур о насущных потребностях граждан. Например, если о государственных программах Москвы, таких как «Развитие транспортной системы», «Развитие здравоохранения города Москвы», респонденты осведомлены (40%—43% знают об их существовании), то об иных программах им известно мало (например, о таких программах, как «Развитие инженерно-коммунальной инфраструктуры и энергосбережение», и др.). В итоге москвичи фиксируют позитивные изменения, которые произошли в городе, но не всегда связывают их с реализацией той или иной программы. Все это требует усиления информационной работы с населением, цель которой — широкое ознакомление москвичей с программами, которые направлены в том числе на развитие социального партнерства государства и гражданского общества.

Опросы показали, что горожане достаточно легко вовлекаются в социальное партнерство с государством, если осознают проблему, нарушающую комфортную среду их существования и требующую своего решения с участием органов публичной власти. Насколько постоянным будет участие общественности в социальном партнерстве с государством, во многом зависит от эффективности работы соответствующих организационных структур, реализующих такое партнерство.

В заключение следует отметить, что эффективность социального партнерства государства и гражданского общества определяется не столько количеством принятых программ и проведенных мероприятий, сколько решением конкретных жизненных проблем населения, в том числе выявляемых совместно государством и гражданским обществом.

Список литературы (References)

1. Андреева Е. И., Горшкова И. Д., Ковалевская А. С. Рекомендации по оценке социально-экономической эффективности социальных программ. Определения, подходы, практический опыт. М.: Проспект, 2014.
Andreeva E. I., Gorshkova I. D., Kovalevskaya A. S. (2014) Recommendations for Assessing the Socio-Economic Effectiveness of Social Programs. Definitions, Approaches, Practical Experience. Moscow: Prospect. (In Russ.)
2. Башмаков В. И. Социальное партнерство в России: пути становления // Уровень жизни населения регионов России. 2013. Т. 1. № 10. С. 60—70.
Bashmakov V. I. (2013) Social Partnership in Russia: Ways of Becoming. *Level of Life of the Population of Regions of Russia*. Vol. 1. No. 10. P. 60—70. (In Russ.)
3. Герсонская И. В. Научные подходы к экономической категории «эффективность государственного сектора» // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12. № 2. С. 31. <https://doi.org/10.15862/26ECVN220>.
Gersonskaya I. V. (2020). Scientific Approaches to the Economic Category «Public Sector Efficiency». *The Eurasian Scientific Journal*. Vol. 12. No 2. Art. 31. <https://doi.org/10.15862/26ECVN220>. (In Russ.)
4. Гриб В. В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты. М.: Юрист, 2011.
Grib V. V. (2011) Interaction of Public Authorities and Civil Society Institutions in the Russian Federation: Constitutional and Legal Aspects. Moscow: Lawyer. (In Russ.)
5. Дорохова Ю. В., Алексеенко Е. А., Сапрыкин С. С. Социологический анализ социально-трудовых отношений в коммерческих организациях // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 85—100. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-3-85-100>.
Dorokhova Yu. V., Alekseyonok E. A., Saprykin S. S. (2023) Sociological Analysis of Social and Labor Relations in Commercial Organizations. *Izvestiya Tula State University. Humanities*. No. 3. P. 85—100. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-3-85-100>. (In Russ.)
6. Задорина М. А., Тесленко И. В. Изучение социального партнерства в профессиональном образовании на региональном уровне (по материалам исследования в Свердловской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 5. С. 61—69.
Zadorina M. A., Teslenko I. V. (2013) Studying Social Partnership in Professional Education at Regional Level (Sverdlovsk Region Case Study). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 61—69. (In Russ.)

7. Ильина О. Ю. Социальное партнерство: от социально-трудового трипартизма до универсального конституционного принципа // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 32—34.
Ilyina O. Yu. (2022) Social Partnership: From Social and Labor Tripartism to the Universal Constitutional Principle. *Constitutional and Municipal Law*. No. 8. P. 32—34. (In Russ.)
8. Киселев В. Н., Чечина Т. И. Основные показатели и критерии эффективности социального партнерства на региональном уровне // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 4. P. 279—284.
Kiselev V. N., Chechina T. I. (2014) Major Indicators and Criteria of Social Partnership Efficiency at Regional Level. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*. No. 4. P. 279—284. (In Russ.)
9. Кох И. А. Проблемы оценки эффективности социального управления // Известия Уральского государственного экономического университета. 2005. № 12. С. 6—15.
Kokh I. A. (2005) Problems of Evaluating the Effectiveness of Social Management. *Journal of New Economy*. No. 12. P. 6—15. (In Russ.)
10. Малышев М. А. Улучшение качества переговорного процесса в системе социального партнерства Российской Федерации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 84—105. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.677>.
Malyshev M. A. (2020) Improving the Quality of Negotiation Process in the Social Partnership System in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 84—105. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.677>. (In Russ.)
11. Мерсиянова И. В., Иванова Н. В. Партнерство государства и благотворительных фондов как стратегия повышения ресурсной обеспеченности некоммерческих организаций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1. С. 29—46.
Mersyanova I. V., Ivanova N. V. (2018) Partnership of the State and Charitable Foundations as a Strategy to Increase Resources of Non-Profit Organizations. *Public Administration Issues*. No. 1. P. 29—46. (In Russ.)
12. Махадилов Ш. Ф. Механизмы взаимодействия органов власти и общества: на примере Московской городской программы «Умный город — 2030» // Коммуникология: электронный научный журнал. 2022. Т. 7. № 1. С. 87—97.
Mahadilov Sh. F. (2022) Mechanisms of Interaction between Authorities and Society: On the Example of the Moscow City Program “Smart City — 2030”. *Communicology: Electronic Scientific Journal*. Vol. 7. No. 1. P. 87—97 (In Russ.)
13. Меньшикова О. И. Практика заключения отраслевых соглашений социального партнерства: устойчивые тенденции и перспективы изменений // Социально-трудовые исследования. 2022. № 2. С. 30—41.
Men'shikova O. I. (2022) Practice of Concluding Industry Agreements of Social Partnership: Sustainable Trends and Prospects for Change. *Social and Labor Research*. No. 2. P. 30—41. (In Russ.)

14. Поликарпов М. Д. Рассмотрение понятия экономической эффективности в современных условиях // Вестник науки. 2023. Т. 1. № 5. С. 75—80.
Polikarpov M. D. (2023) Consideration of Concept of Economic Efficiency in Modern Conditions. *Bulletin of Science*. No. 5. Vol. 1. P. 75—79. (In Russ.)
15. Чернов С. С., Суханов И. С. Вопросы оценки эффективности реализации социально значимых проектов // Бизнес. Образование. Право. 2016. № 4. С. 92—97.
Chernov S. S., Sukhanov I. S. (2016) Issues of Evaluating Effectiveness of the Social Projects Implementation. *Business. Education. Law*. No. 4. P. 92—97. (In Russ.)
16. Шапкина Е. А. Государственно-общественное партнерство // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 4. С. 6—10.
Shapkina E. A. (2014) State-Public Partnership. *State Power and Local Self-Government*. No. 4. P. 6—10. (In Russ.)
17. Якимец В. Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. М.: УРСС, 2004.
Yakimets V. N. (2004) Intersectoral Social Partnership: Fundamentals, Theory, Principles, Mechanisms. Moscow: URSS. (In Russ.)
18. Selsky J. W., Parker B. (2005) Cross-Sector Partnerships to Address Social Issues: Challenges to Theory and Practice. *Journal of Management*. Vol. 31. No. 6. P. 849—873. <https://doi.org/10.1177/0149206305279601>.
19. Yan X., Lin H., Clarke A. C. (2018) Cross-Sector Social Partnerships for Social Change: The Roles of Non-Governmental Organizations. *Sustainability*. Vol. 10. No. 2. Art. 558. <https://doi.org/10.3390/su10020558>.

